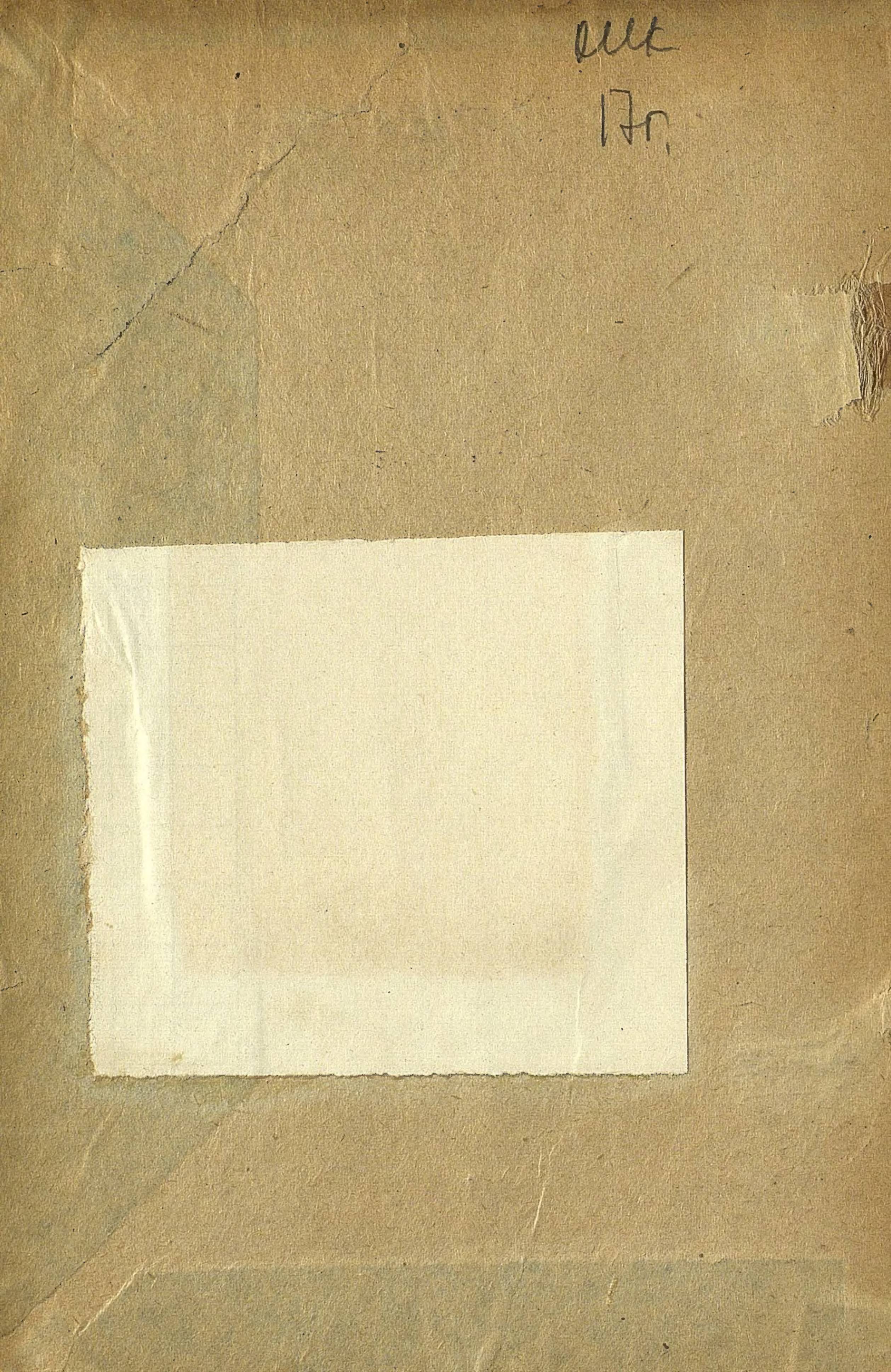
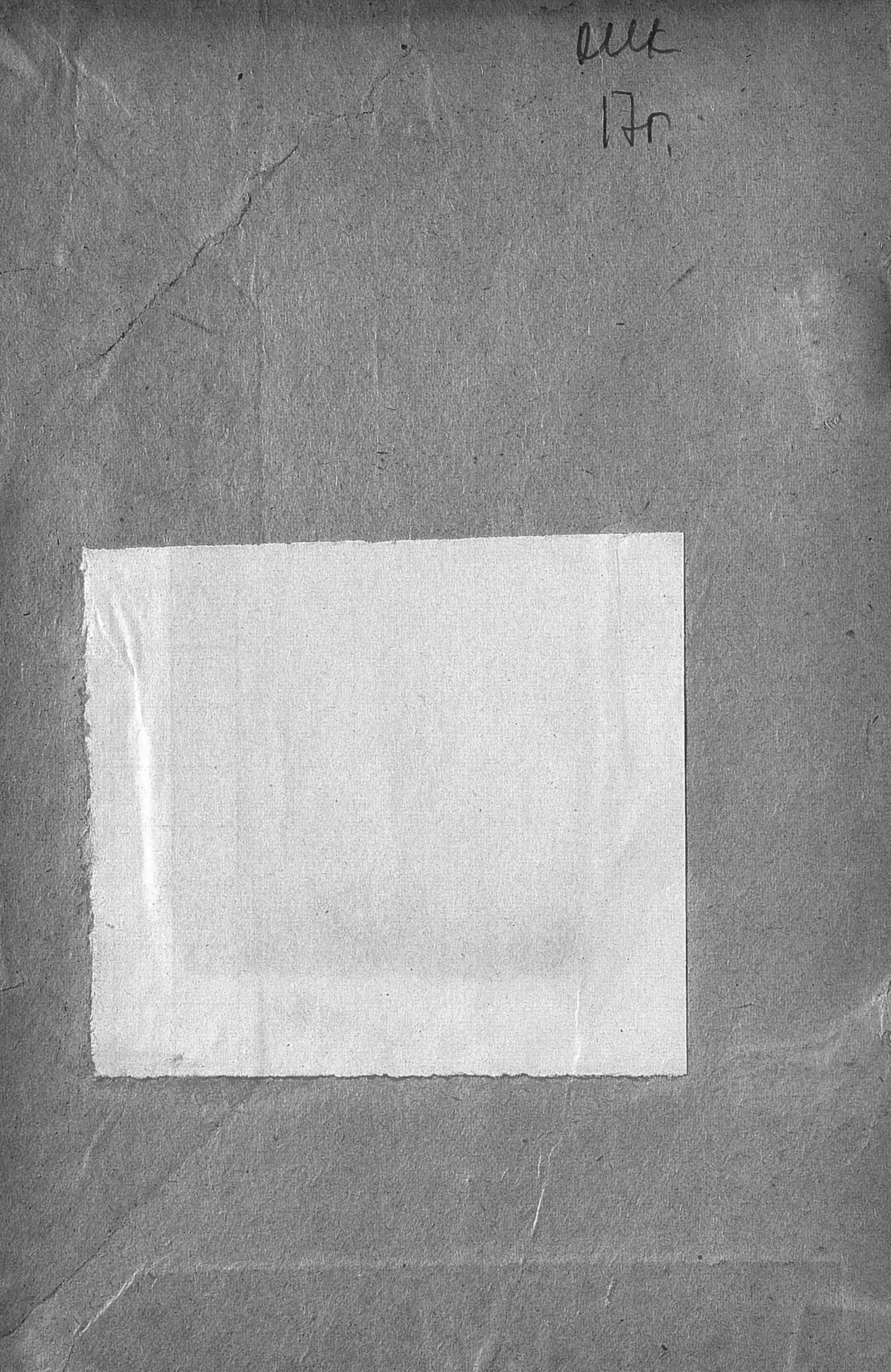
Б 94
31567/8°


17г.


17r.

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(БОЛЬШЕВИКОВ)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Н. Бухарин и Е. Преображенский

АЗБУКА КОММУНИЗМА

ПОПУЛЯРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

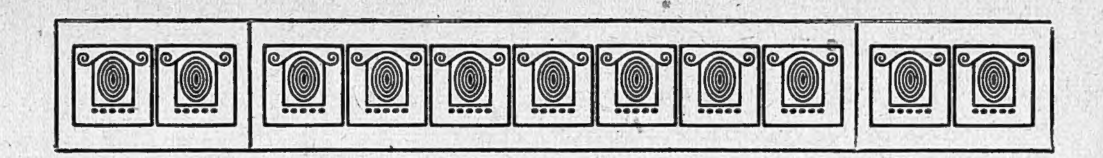
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ :: 1920

ОИК

Никем из книгопродавцев указанная на книге **цена не может быть повышена.**

Госуд. Издательство.

Артистич. зав. „А. Ф. МАРКС“, Петроград, Измайл. пр., № 29.

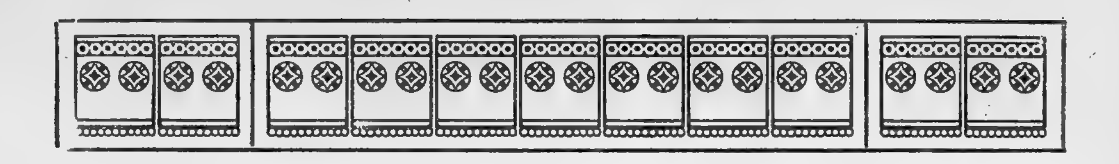


Крепкой, как сталь, воплотившей в себе все величие и мощь пролетарского класса, его героизм, ясность его классового разума, смертельную ненависть к капиталу и могучий порыв к созданию нового общества,—славной Коммунистической Партии посвящаем мы эту книгу;

посвящаем ее партии, которая командует миллионной армией и лежит в окопах, управляет государством огромной страны и грузит дрова на своих субботниках, подготовляя воскресный день человечества;

мы посвящаем ее старой партийной гвардии, закаленной в боях и победах, и молодым побегам партии, которым суждено доделать наше дело до конца;

борцам и мученикам партии, погибшим на многочисленных фронтах, замученным в тюрьмах, умершим от пыток, повешенным и расстрелянным нашими врагами за дело партии, посвящаем мы эту книгу.



ПРЕДИСЛОВИЕ.

„Азбука коммунизма“ должна быть, по нашему замыслу, первоначальным учебником коммунистической грамоты. Повседневный опыт пропагандистов и агитаторов убедил нас, что в таком „учебнике“ ощущается громадная потребность. К нам подходят всё новые и новые ряды. Лекторских сил крайне мало, а руководств нет даже для таких учреждений, как партийные школы. Старая марксистская литература, вроде „Эрфуртской программы“, явно не годится в значительной части, а ответы на новые вопросы очень трудно найти: все это разбросано по отдельным журналам, книжкам и брошюрам.

Существующий пробел мы и решили восполнить. На нашу „Азбуку“ мы смотрим, как на элементарный курс, который нужно проходить в партийных школах; но мы старались его написать так, чтобы его мог и самостоятельно прочесть всякий рабочий или крестьянин, желающий познакомиться с программой нашей партии.

Каждый товарищ, взявший в руку книжку, должен прочесть ее до конца, чтобы вынести представление о целях и задачах коммунизма. Ибо книжка написана так, что изложение расположено в том же порядке, как и в самом тексте программы. В конце, для удобства читателей, приложен и этот текст, который разделен на параграфы; каждому параграфу программы соответствует несколько разъясняющих параграфов книжки, которые тут же обозначены. Для разного

рода справок имеется указатель, по которому легко разыскать нужное слово.

Основные сведения напечатаны обычным шрифтом; мелким шрифтом напечатаны более подробные разъяснения, примеры, цифры и т. д. Это преимущественно материал для товарищей-рабочих, которым приходится выступать самим и которым некогда и негде навести быстро справку фактического характера.

Для тех, кто желает идти дальше, указана основная литература к каждой главе.

Авторы отлично знают, что в книге будет много недостатков; она писалась урывками, „между делом“. Коммунистам приходится вообще заниматься литературной работой при условиях не совсем обычных, и в этом отношении как раз данная книжка представляет любопытный образец: рукопись едва не погибла (вместе с обоими авторами) при взрыве в Московском комитете... Но, несмотря на недостатки книги, мы считаем все же необходимым выпустить ее в свет самым спешным порядком. Мы только просили бы товарищей сделать нам свои указания, которые подскажет им практика.

Вся теоретическая (первая) часть, начало второй, а также главы о советской власти, об организации промышленности и здравоохранении написаны Бухариным, остальные главы — Преображенским. Но само собою разумеется, что мы оба несем полную ответственность друг за друга.

Название нашей книжки („Азбука“) вытекает из той задачи, которую мы себе ставили. Если наша книжка поможет начинающим товарищам и рабочим-пропагандистам, мы будем считать, что проделали эту работу не зря.

Н. Бухарин.
Е. Преображенский.

15-го октября 1919 г.

I. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА И ЕГО ГИБЕЛЬ

Введение. Наша программа.

§ 1. Что такое программа? § 2. Какой была наша прежняя программа? § 3. Почему нужно было перейти к новой программе? § 4. Значение нашей программы. § 5. Научный характер нашей программы.

§ 1. Что такое программа?

Всякая партия добивается определенных целей. Будь то партия помещиков или капиталистов, будь то партия рабочих или крестьян,—все равно. Любая партия должна иметь свои цели, иначе и нет партии. Если это партия, которая защищает интересы помещиков, у нее будут помещичьи цели: как бы удержать землю в своих руках, как бы надеть намордник на крестьянина, как бы подороже продавать хлеб из своих имений да подешевле нанимать батраков или подороже брать за аренду. Если это партия капиталистов-фабрикантов, у нее тоже свои цели: иметь дешевые рабочие руки, обуздывать фабричных рабочих, находить покупателей, которым можно подороже продавать свой товар, получать побольше прибыли, заставлять для этого рабочих дольше работать, а главное—так вести дело, чтобы у рабочих и мысли не было о новых порядках; пусть рабочие думают, что всегда хозяева были, всегда и останутся. Таковы цели фабрикантов. Само собой разумеется, что у рабочих и крестьян совсем другие цели, потому что у них совсем другие интересы. Раньше говорили: „Что русскому здорово, то немцу смерть“. На самом деле вернее сказать: „Что рабочему здорово, то помещику и капиталисту смерть“. Значит, у рабочего одни задачи, у капиталиста другие, у помещика третьи. Но не всякий помещик думает до конца, как бы ему самым хорошим способом доехать мужичка: иной пьет без просыпу и не глядит даже, что ему приказчик показывает. То же и с крестьянином и с рабочим бывает. Есть такие, которые говорят: „ну, мы какнибудь проживем, наше дело—сторона; как жили наши деды испокон веку, так и мы будем жить“. Вот эти люди ни во

что не входят и не понимают даже своих собственных интересов. Наоборот, те, кто думает, как бы лучше свои интересы защитить, организуются в партию. В партию, стало быть, входит не весь класс целиком, а его самая лучшая, самая энергичная часть: она за собой ведет и остальных. В рабочую партию (партию коммунистов-большевиков) идут лучшие рабочие и крестьяне-бедняки; в партию помещиков и капиталистов („кадеты“, „партия народной свободы“)—самые энергичные помещики, капиталисты и их слуги: адвокаты, профессора, офицеры и генералы и т. д. Каждая из партий представляет, следовательно, самую сознательную часть своего класса. Поэтому помещик или капиталист, который организован в партию, будет успешнее бороться с крестьянином и рабочим, чем неорганизованный. Точно так же партийный рабочий будет успешнее бороться с капиталистом и помещиком, чем беспартийный, потому что он обдумал хорошо цели и интересы рабочего класса, знает, как к ним идти, и каков самый короткий путь.

Все те цели, к которым стремится партия, защищая интересы своего класса, и составляют партийную программу. В программе, значит, написано, к чему должен стремиться определенный класс. В программе коммунистической партии сказано, чего должны добиваться рабочие и крестьянская беднота. Программа есть самое важное во всякой партии. По программе всегда можно узнать, чьи интересы эта партия защищает.

§ 2. Какой была наша старая программа?

Наша теперешняя программа была принята на 8-м съезде партии в конце марта 1919 года. До этого у нас не было точной программы, записанной на бумаге. Была только старая программа, выработанная на 2-м съезде партии в 1903 году. Когда эта старая программа вырабатывалась, большевики и меньшевики составляли одну партию, и программа у них была общая. Рабочий класс тогда только-только начал организовываться. Фабрик и заводов было гораздо меньше. Тогда еще шли даже споры о том, будет ли у нас расти рабочий класс. „Народники“ (отцы теперешних эс-эров) доказывали, что рабочему классу не суждено развиваться на Руси, что у нас не будут расти фабрики и заводы. Марксисты [1])—социал-демократы (и будущие большевики, и будущие меньшевики)—

[1]) Марксисты—ученики Карла Маркса, великого ученого и рабочего вождя.

полагали, наоборот, что в России, как и в остальных странах, будет увеличиваться рабочий класс и что этот рабочий класс и составит главную революционную силу. Жизнь показала неправильность мнений народников и правильность взгляда социал-демократов. Но когда социал-демократы на 2-м съезде вырабатывали свою программу (в ее выработке принимали участие и Ленин, и Плеханов), тогда силы рабочего класса все же были очень слабы. Вот почему никто не думал тогда, что можно будет непосредственно идти на ниспровержение буржуазии. Тогда добро бы было свернуть шею царизму, добиться свободы союзов для рабочих и крестьян наряду со всеми; осуществить восьмичасовой рабочий день и поприжать помещика. О том, чтобы осуществить рабочую власть на долгий срок, о том, чтобы поотбирать немедленно фабрики и заводы у буржуазии, еще никто и не думал. Такова была наша старая программа 1903 года.

§ 3. Почему нужно было перейти к новой программе?

С тех пор прошло до революции 1917 года много времени, и обстоятельства сильно переменились. В России за это время крупная промышленность сделала большой шаг вперед, а вместе с нею увеличился и рабочий класс. Уже в революцию 1905 года он показал себя крупной силой. А ко времени второй революции (1917 г.) стало ясно, что революция победит лишь тогда, когда победит рабочий класс. Но рабочий класс не мог уже теперь удовлетворяться тем, чем он готов был удовлетвориться в 1905 году. Теперь он настолько вырос, что неизбежно должен был требовать захвата фабрик и заводов, рабочей власти, обуздания класса капиталистов. Значит, со времени составления первой программы коренным образом изменились внутренние отношения в России. Но—что еще важнее—точно так же изменились и внешние отношения. В 1905 году во всей Европе была „тишь да гладь". В 1917 году всякий понимающий человек должен был видеть, что на почве мировой войны надвигается всесветная революция. В 1905 году за русской революцией последовало лишь небольшое движение австрийских рабочих да революции в отсталых странах Востока: Персии, Турции, Китае. За русской революцией 1917 г. следуют революции не только на Востоке, но и на Западе, где рабочий класс выступает под знаменем свержения капитала. Следовательно, и внутренняя, и внешняя обстановка теперь иная, чем в 1903 году. И было бы смешно, чтобы партия рабочего класса имела одну и ту же программу

для 1903 и для 1917—1919 годов в то время, как обстоятельства совершенно переменились. Когда меньшевики упрекают нас в том, что мы „отказались“ от нашей старой программы и, следовательно, отказались от учения Маркса, мы на это отвечаем: учение Маркса состоит в том, чтобы строить программу не из головы, а из жизни. Если жизнь сильно изменилась, то и программа не может оставаться прежней. Зимой человеку нужна шуба. Летом шубу может носить только сумасшедший. То же и в политике. Маркс как раз тому и учил, чтобы каждый раз присматриваться к жизненным условиям и действовать в соответствии с ними. Из этого не следует, что мы должны менять свои убеждения, как барыня меняет свои перчатки. Рабочий класс имеет своей самой важной целью осуществление коммунистического строя. И эта цель—у него постоянная цель. Но само собой разумеется, что в зависимости от того, как далеко он от этой цели стоит, у него будут различны и те требования, которые он выставляет. При самодержавии рабочий класс был загнан в подполье, его партия преследовалась, как партия преступников. Теперь рабочий класс стоит у власти, и его партия—правящая партия. Конечно, только совсем непонимающий человек может настаивать на одной программе для 1903 года и для наших дней.

Итак, изменение внутренних условий русской жизни и изменение всего международного положения вызвали необходимость и в изменении нашей программы.

§ 4. Значение нашей программы.

Наша новая, московская, программа есть первая программа партии рабочего класса, который уже много времени стоит у власти. Поэтому здесь нашей партии нужно было учесть весь опыт, который накопился у рабочего класса в деле управления и строительства новой жизни. Это важно не только для нас, для русского рабочего класса и русской деревенской бедноты, но и для заграничных товарищей. Ибо на наших успехах и неудачах, на наших ошибках и промахах учимся не только мы сами, но и весь международный пролетариат. У нас в программе есть поэтому не только то, что наша партия хочет осуществить, но также и то, что она частью осуществила. Для каждого члена партии наша программа должна быть известна во всех своих пунктах. Она есть важнейшее руководство в деятельности каждой партийной ячейки и каждого отдельного товарища. Ведь членом

партии может быть только тот, кто „разделяет“ программу, то-есть считает ее правильной. А считать ее правильной можно только тогда, если ее знаешь. Есть, конечно, много людей, которые никакой программы и в глаза не видали, но которые пролезают в коммунисты и божатся коммунизмом, потому что думают, как бы какой лишний кусочек прихватить или тепленькое местечко заполучить. Таких членов партии нам не надо: они приносят только один вред. Без знания программы никто не может быть настоящим коммунистом-большевиком. Каждый сознательный русский рабочий и крестьянин-бедняк должен знать программу нашей партии. Каждый заграничный пролетарий должен присматриваться к ней, чтобы использовать опыт русской революции.

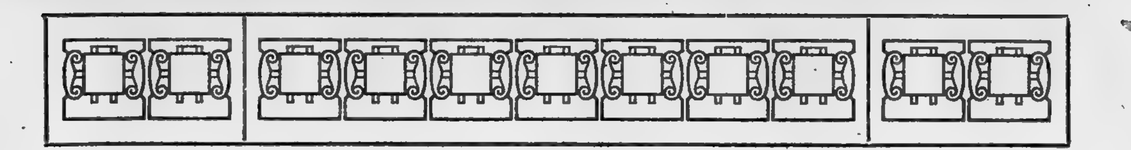
§ 5. Научный характер нашей программы.

Мы уже сказали, что программу нельзя выдумывать из головы, а нужно брать ее из жизни. До Маркса люди, которые защищали интересы рабочего класса, часто рисовали сказочные картины про будущий рай, а не спрашивали себя, можно ли его достигнуть, и не видели правильного пути для рабочего класса и бедноты. Маркс учил действовать по-иному. Он брал плохие, несправедливые, варварские порядки, которые и до сих пор еще царят во всем мире, и рассматривал, как эти порядки устроены. Все равно, как если бы мы стали рассматривать какую-нибудь машину или, скажем, часы, так Маркс рассматривал капиталистический строй, в котором царствуют фабриканты и помещики, а рабочие и крестьяне угнетены. Предположим, что мы заметили, как два колесика в часах плохо подогнаны одно к другому, и увидели, что с каждым поворотом они зацепляются все больше и больше. Тогда мы сможем сказать, что часы сломаются и станут. Маркс рассматривал не часы, а капиталистическое общество; он *изучал* его, изучал жизнь при господстве капитала. И он ясно увидел на основе этого изучения, что капитал сам роет себе могилу, что эта машина лопнет, и что лопнет она из-за неизбежного восстания рабочих, которые переделают весь мир по-своему.

Всем своим ученикам Маркс завещал прежде всего изучать настоящую жизнь, как она есть. Только тогда можно построить и правильную программу. Поэтому немудрено, что в начале нашей программы идет изображение господства капитала.

Теперь господство капитала свергнуто в России. То, что предсказывал Маркс, происходит на наших глазах. Старые порядки терпят крах. Короны слетают с королей и императоров. Рабочие повсеместно идут к революции и к установлению повсюду советской власти. Чтобы понять, как следует, почему это произошло, нужно хорошо знать, каковы были капиталистические порядки. Тогда мы увидим, что они неизбежно должны были лопнуть. А если у нас будет сознание, что к старому нет возврата, что победа рабочих обеспечена, тогда мы с большей силой и уверенностью поведем борьбу за новый трудовой строй.

Литература: 1) Протоколы апрельской конференции 1917 г.; 2) „Материалы по пересмотру партийной программы“; 3) журнал „Спартак“, №№ 4—9, статьи Бухарина и Смирнова; 4) статья Н. Ленина в журн. „Просвещение“, № 1—2, за 1917 г.; 5) протоколы 8-го съезда. По вопросу о научном характере марксистской программы смотри литературу о научном социализме—Голубков: „Утопический и научный социализм“; Ф. Энгельс: „От утопии к научной теории“; Маркс и Энгельс: „Коммунистический манифест“. Для знакомства с общим характером программы см. брошюру Бухарина: „Программа коммунистов-большевиков“. Из этой литературы популярной является только последняя брошюра да отчасти брошюра Голубкова. Остальные работы читаются труднее.



ГЛАВА I.

Капиталистический строй.

§ 6. Товарное хозяйство. § 7. Монополизация средств производства классом капиталистов. § 8. Наемный труд. § 9. Капиталистические производственные отношения. § 10. Эксплоатация рабочей силы. § 11. Капитал. § 12. Капиталистическое государство. § 13. Основные противоречия капиталистического строя.

§ 6. Товарное хозяйство.

Если присмотреться к тому, как ведется хозяйство при господстве капитала, то мы увидим, прежде всего, что здесь производятся товары. Ну, что же тут замечательного?—спросит кто-нибудь. А замечательного тут то, что товар—это не просто любой продукт, а тот, который производится на рынок.

Продукт не есть товар, когда он производится для себя, для собственного употребления. Если крестьянин сеет рожь, собирает урожай, а потом молотит, смалывает зерно и печет хлеб для себя, этот хлеб вовсе не товар: он просто хлеб. Товаром он будет только тогда, когда его начнут покупать и продавать, когда, значит, он будет производиться на покупателя, на рынок: кто купит, того он и будет.

При капиталистическом строе все продукты производятся на рынок, все они становятся товарами. Каждая фабрика, завод или мастерская производит обыкновенно только один какой-нибудь продукт, и всякий поймет сразу, что здесь продукт производится не для себя. Когда владелец бюро похоронных процессий имел мастерские, где выделывались гроба, ясно было, что он эти гроба готовил не для себя и своего семейства, а на рынок. Когда фабрикант производил касторку, то опять-таки ясно, что даже если бы он ежедневно страдал расстройством желудка, и то он не мог бы потребить и самой маленькой доли того количества касторки, который выпускала его фабрика. Но точно

так же обстоит дело при капитализме и со всеми производствами, какое ни возьми.

На пуговичной фабрике выделываются пуговицы, но эти миллионы пуговиц производятся не для того, чтобы их пришивали к жилетке пуговичного фабриканта, а для продажи. Все, что производится в капиталистическом обществе, производится на рынок; туда поступают и перчатки, и вареная колбаса, и книжки, и вакса, и машины, и водка, и хлеб, и сапоги, и ружья,—словом, все, что производится.

Товарное хозяйство обязательно предполагает частную собственность. Ремесленник и кустарь, который производит товары, владеет своей мастерской и своим инструментом; фабрикант и заводчик—своей фабрикой и заводом со всеми пристройками, машинами и прочим добром. А когда есть частная собственность и товарное хозяйство, то всегда есть борьба за покупателя, или конкуренция между продавцами. Даже когда не было фабрикантов, заводчиков, крупных капиталистов, а были лишь одни трудовые ремесленники, то эти ремесленники вели между собой борьбу за покупателя. И кто был покрепче, покряжистее, кто имел лучшие инструменты и был ловчее, а особенно кто деньжонок понакопил, тот всегда оказывался наверху, покупателя отбивал себе, других ремесленников разорял, сам лез в гору. Значит, мелкая трудовая собственность и основанное на ней товарное хозяйство таили в себе зародыш крупной собственности и разорение многих.

Итак, первым признаком капиталистического строя является товарное хозяйство, т. е. хозяйство, производящее на рынок.

§ 7. Монополизация средств производства классом капиталистов.

Один признак товарного хозяйства еще недостаточен для капитализма. Может быть такое товарное хозяйство, когда нет никаких капиталистов: таково, например, хозяйство трудовых ремесленников. Они производят на рынок, свои продукты продают: эти их продукты являются, следовательно, товарами, а все производство—товарным производством. И тем не менее это еще не будет капиталистическое производство, а всего-на-всего простое товарное производство. Чтобы простое товарное производство перешло в производство капиталистическое, нужно еще превращение средств производства (орудий, машин, зданий, земли и

т. д.) в собственность немногочисленного класса богачей-капиталистов, с одной стороны, разорение большого числа самостоятельных ремесленников и крестьян и превращение их в рабочих—с другой.

Мы уже видели, что простое товарное хозяйство таит в себе зародыш разорения одних и обогащения других. Это и оправдалось на деле. Во всех странах трудовые ремесленники и мелкие хозяйчики в большей своей части разорялись. Кто был победнее, продавал в конце концов свой „струмент“, из хозяйчика превращался в человека, у которого ровно ничего нет, кроме пары рук. А те, кто был побогаче, стали еще богаче; они свои мастерские перестроили, расширили, поставили лучшие станки, а потом и машины, стали нанимать много рабочих, превратились в фабрикантов.

Мало-по-малу в руках этих богачей очутилось все, что нужно для производства: фабричные здания, машины, сырье, товарные склады и магазины, дома, заводы, рудники, железные дороги, пароходы, земля,—словом, все, без чего нельзя производить. Все эти средства производства стали исключительной собственностью класса капиталистов (или, как говорят, „монополией“ класса капиталистов). Кучка богатых владеет всем; громадное количество бедняков владеет только рабочими руками. Эта монополия класса капиталистов на средства производства есть второй признак капиталистического строя.

§ 8. Наемный труд.

Многочисленный класс людей, которые остались без всякой собственности, превращался в наемных рабочих капитала. В самом деле, что оставалось делать разорившемуся крестьянину или ремесленнику? Либо наниматься в батраки к капиталисту-помещику, либо идти в город и там наниматься на фабрику или завод. Другого выхода не было. Так возник наемный труд, третий признак капиталистического строя.

Что же такое наемный труд? Когда раньше были крепостные или рабы, тогда каждого крепостного или раба можно было продать и купить. Люди, с кожей, волосами, ногами и руками, были частной собственностью господ. Господин запарывал на конюшне своего крепостного до смерти, точно так же, как, скажем, напившись, ломал стул или кресло. Крепостной или раб были простой вещью. У древних римлян господское добро, нужное для производства, так и делилось

на „немые орудия“ (вещи), „орудия полуговорящие“ (рабочий скот, овцы, коровы, быки и т. д.,—словом, те, кто мог мычать), и „орудия говорящие“ (рабы, люди). И лопата, и бык, и раб были для господина в одинаковой степени орудием, которое он мог продать, купить, уничтожить и истребить.

При наемном труде сам человек не продается и не покупается. Продается и покупается только его рабочая сила, не сам человек, а его трудовая способность. Наемный рабочий лично свободен; фабрикант не может его выпороть на конюшне или продать своему соседу, или выменять на борзого щенка, что было возможно при крепостном праве. Рабочий сам только нанимается. По видимости выходит даже, что капиталист и рабочий как будто бы и равны: „не хочешь—не работай, никто тебя не неволит“, так говорят господа фабриканты. Они даже утверждают, что кормят рабочих, дают им работу.

На самом деле, конечно, рабочие и капиталисты находятся вовсе не в одинаковых условиях. Рабочие привязаны цепью голода. Голод заставляет их наниматься, т.-е. продавать свою рабочую силу. Для рабочего нет другого выхода, он выбрать ничего не может. Голыми руками „свое“ производство вести нельзя; попробуй-ка без машин и инструментов лить сталь и ткать, или строить вагоны! Да даже и земля сама вся при капитализме в частных руках: остановиться негде, чтобы хозяйство вести. Свобода торговли рабочей силой, свобода для капиталиста покупать ее, „равенство“ капиталиста и рабочего—все это на самом деле есть цепь голода, заставляющая трудиться на капиталиста.

Таким образом, сущность наемного труда состоит в продаже рабочей силы или в превращении рабочей силы в товар. В простом товарном хозяйстве, о котором шла речь раньше, на рынке можно было встретить молоко, хлеб, ткани, сапоги и т. д., но нельзя было встретить рабочей силы: Рабочая сила не продавалась. Ее собственник, ремесленник, имел, кроме нее, еще и домишко, и инструменты. Он сам работал, вел свое трудовое хозяйство, свою собственную рабочую силу пускал в ход в своем же хозяйстве.

Совсем иное при капитализме. Здесь тот, кто работает, не имеет средств производства; он не может употребить свою рабочую силу в своем же хозяйстве: он должен, чтобы не умереть с голоду, продать ее капиталисту. Образуется наряду с рынком, где продают хлопок, сыр или машины, также и рынок труда, где пролетарии, т.-е. наемные рабочие, продают свою рабочую силу. Следовательно, от простого товарного хозяйства капиталистическое хо-

зяйство отличается тем, что в капиталистичиском хозяйстве товаром становится и сама рабочая сила.

Итак, третьим признаком капиталистического строя является наемный труд.

§ 9. Капиталистические производственные отношения.

Признаками капиталистического строя являются, следовательно, три признака: производство на рынок (товарное производство); монополизация средств производства классом капиталистов; наемный труд, т.-е. труд, основанный на продаже рабочей силы.

Все эти признаки касаются вопроса, в каких отношениях друг к другу стоят люди, когда они производят продукты и распределяют их. Когда говорят „товарное хозяйство“ или „производство на рынок“, что это означает? Это означает, что люди трудятся друг на друга, но каждый производит в своем хозяйстве на рынок, заранее не зная, кто у него купит товар. Предположим, что у нас есть ремесленник Иванов и крестьянин Сидоров. Ремесленник Иванов несет на базар сапоги, которые он выделывает, и продает их Сидорову, а на вырученные деньги покупает у Сидорова хлеб. Иванов, когда шел на рынок, не знал, что он там встретит Сидорова, а Сидоров не знал, что он встретит там Иванова; и тот и другой просто шли на рынок. Когда Иванов купил хлеб, а Сидоров сапоги: вышло так, что Сидоров работал на Иванова, а Иванов на Сидорова, только это сразу не видно. Тут рыночная толчея скрывает от людей, что они, в сущности, работают друг на друга и друг без друга не могут жить. При товарном хозяйстве люди трудятся друг для друга, но неорганизованно и независимо друг от друга, сами не зная, насколько они друг другу нужны. При товарном производстве люди, следовательно, расставлены на особый манер, находятся в определенных отношениях друг к другу; здесь значит, идет речь об отношениях между людьми.

Когда говорят: „монополизация средств производства“ или „наемный труд“, тогда точно так же речь идет об отношениях между людьми. В самом деле, что означает эта „монополизация“? Она означает, что люди трудятся при таких условиях, что те, кто работает, работают на чужих средствах производства; что трудящиеся подчинены собственникам этих средств производства, т.-е. капиталистам, и т. д. Словом, здесь

тоже речь идет о том, в каких отношениях стоят люди друг к другу, когда они производят продукты. Эти отношения между людьми во время (в процессе) производства называются производственными отношениями.

Нетрудно видеть, что производственные отношения вовсе не всегда были одинаковы. Когда-то, очень давно, люди жили небольшими общинами, сообща, по-товарищески, работали (охотились, ловили рыбу, собирали плоды и коренья), а потом всё между собой делили. Это—одни производственные отношения. Когда было рабство, были другие производственные отношения. При капитализме—третьи, и так далее. Следовательно, бывают разные виды производственных отношений. Эти виды производственных отношений называются экономическим строением (структурой) общества или способом производства.

„Капиталистические производственные отношения“, или, что то же самое, „капиталистическая структура общества“, или „капиталистический способ производства“—это отношения между людьми при товарном хозяйстве, монопольном владении средствами производства со стороны кучки капиталистов и наемном труде рабочего класса.

§ 10. Эксплоатация рабочей силы.

Возникает вопрос, для чего и почему класс капиталистов нанимает рабочих. Всякий знает, что это происходит совсем не потому, что фабриканты хотят накормить голодных рабочих, а потому, что они хотят выжать из них прибыль. Из-за прибыли строит фабрикант свою фабрику, из-за прибыли нанимает рабочих, из-за прибыли нюхает повсюду, где дороже дают. Прибыль движет всеми его расчетами. В этом тоже очень любопытная черта капиталистического общества. Здесь ведь не само общество производит, что ему нужно и полезно, а класс капиталистов заставляет производить рабочих то, за что больше дают, за что можно выручить бо́льшую прибыль. Водка, напр., очень вредная вещь, и спирт можно было бы производить только для технических целей и на лекарства. Но во всем мире капиталисты производят его изо всех сил. Почему? Потому, что от спаивания народа получается большая прибыль.

Но нам нужно выяснить, как же получается эта прибыль. Для этого рассмотрим вопрос подробнее. Капиталист полу-

чает прибыль в виде денег тогда, когда он продал товар, производимый у него на фабрике. Сколько денег он выручит за свой товар? Это зависит от цены товара. Возникает теперь вопрос, чем эта цена определяется, почему на один товар она высокая, на другой низкая. Нетрудно заметить, что если в каком-нибудь производстве ввели новые машины и труд там стал успешнее, или, как говорят, он стал производительнее, то цена на товар падает. Наоборот, когда производство затруднено, товаров добывается мало, труд малоуспешен или малопроизводителен, тогда цена на товар повышается [1]). Много труда нужно обществу ухлопать в среднем на то, чтобы выделать штуку товара,—его цена стоит высоко: мало труда приходится затрачивать,—цена низкая. Количество общественного труда при средней технике (т.-е. не при самых лучших и не при самых худших машинах и орудиях), затраченное на производство товара, называется ценностью (или стоимостью) этого товара. Теперь мы видим, что цена определяется ценностью. В действительности цена бывает то выше, то ниже ценности, но мы для простоты можем считать, что это одно и то же.

Теперь вспомним, что мы говорили о найме рабочих. Наем рабочих—это продажа особого товара, имя которому—рабочая сила. Но раз рабочая сила попала в товары, то что годится для всех товаров, годится и для нее: „назвался груздем, полезай в кузов". Когда капиталист нанимает рабочего, он выплачивает ему цену его рабочей силы (или ценность ее, для простоты). Чем эта ценность определяется? Мы видели, что она у всех товаров определяется количеством труда, затраченного на нее производством. Это же годится и для рабочей силы.

Но что значит производство рабочей силы? Ведь рабочая сила не производится на фабрике: она не холст, не вакса, не машина. Как же это понять? Достаточно поглядеть на настоящую жизнь при капитализме, чтобы сообразить, в чем дело. Предположим, что рабочие только что кончили работу. Они измотались, из них выжаты все соки, они работать больше не могут. Их рабочая сила почти израсходована. Что нужно, чтобы ее восстановить? Поесть, отдохнуть, поспать, поддер-

---

1) Мы тут не говорим об изменении цен в зависимости от денег, много их или мало, золотые они или бумажные. Эти изменения могут быть очень большими, но тогда они отражаются на всех товарах сразу, что не объясняет разницы в ценах на один товар и на другой. Например, большое количество бумажек страшно вздуло цены во всех странах. Но эта всеобщая дороговизна не объясняет, почему один товар стоит дороже другого.

жать свой организм, и тем „восстановить свои силы“. После этого появляется и возможность работать, способность работать, или рабочая сила. Значит, пища, одежда, жилище и т. д.,—словом, потребление рабочего и есть производство рабочей силы. Но сюда входят и такие вещи, как издержки на обучение, если оно нужно, если это—особо обученные рабочие и т. д.

Все, что потребляет рабочий класс, восстанавливая свою рабочую силу, имеет ценность. Следовательно, ценность предметов потребления, а также издержки на обучение и составляют ценность рабочей силы. Разные товары имеют и разную ценность. Точно так же и разного рода рабочая сила имеет разную ценность. Рабочая сила типографа одно, чернорабочего—другое.

Теперь вернемся на фабрику. Капиталист покупает сырье, топливо для фабрики, машины, масло для их смазки и другие необходимые вещи; потом он покупает рабочую силу, „нанимает рабочих“. За все он выплачивает чистоганом. Начинается производство. Рабочие работают, машины вертятся, топливо сгорает, масло расходуется, фабричное здание снашивается, рабочая сила истощается. Зато из фабрики выползает новый товар. Этот товар, как и все товары, имеет ценность.

Какова эта ценность? Во-первых, он впитал в себя ценность затраченных средств производства, то, что пошло на него—сырой материал, израсходованное топливо, сношенные части машин и т. д. Все это вошло теперь в ценность товара. Во-вторых, сюда вошел труд рабочих. Если рабочие потратили на изготовление товара 30 часов и рабочих было 30 человек, то они потратили 900 рабочих часов; полная ценность выпущенного товара будет, значит, состоять из ценности затраченных материалов (пусть, к примеру, эта ценность равняется 600 часам) и из новой ценности, которую прибавили своим трудом рабочие (900 часов), то-есть она будет равна (600+900) =1500 рабочих часов.

Но сколько капиталисту самому стоил этот товар? За сырье он выплатил все, то-есть заплатил сумму денег, соответствующую по своей ценности 600 рабочим часам. А за рабочую силу? Заплатил ли он все 900 часов? Вот тут и кроется разгадка всего. Он заплатил, по нашему предположению, полную ценность рабочей силы за дни работы. Если 30 рабочих работало 30 часов три дня по 10 часов в день, то фабрикант им заплатил сумму, необходимую на восстановление их рабочей силы за эти дни. Какова же эта сумма? Ответ ясен: она гораздо меньше 900. Почему? Потому, что одно дело то количество труда, которое нужно для поддержания

моей рабочей силы; другое дело то количество труда, которое я могу доставить. В день я могу работать 10 часов. А проесть, проносить одежды и проч. мне нужно за день предметов, ценность которых всего-на-всего равна 5 часам. Значит, я могу работать больше, чем идет труда на поддержание моей рабочей силы. В нашем примере, скажем, рабочие проедают, пронашивают и т. д. за три дня предметов ценностью в 450 рабочих часов, а дают труда 900 часов—450 часов остаются капиталисту; они и *составляют источник его прибыли*. В самом деле, капиталисту стоил товар, как мы видели (600+450)=1050 часов, а продает он его за ценность в (600+900)=1500 часов; 450 часов есть *прибавочная ценность*, создаваемая рабочей силой. Выходит, что половину рабочего времени (при 10-ти часовом рабочем дне 5 часов) рабочие трудятся, восстанавливая то, что они потратят на себя, а другую половину они тратят целиком на капиталиста.

Посмотрим теперь на все общество. Ведь нам неинтересно, что делает отдельный фабрикант или отдельный рабочий. Нам интересно, как устроена эта гигантская машина, имя которой—капиталистическое общество. Класс капиталистов нанимает громадный по своей численности класс рабочих. В миллионах фабричных зданий, на шахтах, в рудниках, в лесах, на полях трудятся, как муравьи, сотни миллионов рабочих. Капитал выплачивает им их заработную плату, ценность их рабочей силы, постоянно восстанавливающей эту рабочую силу для услуг капиталу. Но рабочий класс своим трудом не только оплачивает сам себя, но и создает *доходы высших классов*, создает *прибавочную ценность*. Тысячью ручейков растекается эта прибавочная ценность по карманам господствующих: часть ее идет капиталисту самому—это предпринимательская прибыль; часть идет помещику землевладельцу, часть поступает в виде налогов капиталистическому государству, часть торговцам, купцам, лавочникам, церквам, публичным домам, артистам и клоунам, писакам буржуазии и т. д. За счет этой прибавочной ценности живут все паразиты, которых разводит капиталистический строй.

Но часть прибавочной ценности капиталисты снова пускают в дело. Они присоединяют ее к своему капиталу—капитал увеличивается. Они расширяют свои предприятия. Они нанимают больше рабочих. Они ставят лучшие машины. Бо̀льшее количество рабочих создает им еще бо̀льшую прибавочную ценность. Капиталистические предприятия снова растут и увеличиваются. Так с каждым поворотом времени, *накапливая* прибавочную ценность, движется капитал все вперед и вперед.

Выжимая прибавочную ценность из рабочего класса, эксплоатируя его, капитал возрастает непрестанно в своей величине.

§ 11. Капитал.

Теперь мы видим ясно, что такое капитал. Прежде всего это—определенная ценность, в форме ли денег, или в форме машин, сырья, фабричных зданий, или же в форме готового товара. Но эта ценность такая, которая служит для производства новой ценности, для производства прибавочной ценности. Капитал есть ценность, производящая прибавочную ценность. Капиталистическое производство есть производство прибавочной ценности.

В капиталистическом обществе машины и фабричные здания являются капиталом. Но всегда ли машины и здания являются капиталом? Конечно, нет. Если бы было товарищеское хозяйство всего общества, которое производило бы все для себя, тогда ни машины, ни сырье не были бы капиталом, потому что они не были бы средством выкачивать прибыль для кучки богачей. Значит, машины, например, становятся капиталом только тогда, когда они находятся в частной собственности класса капиталистов, когда они служат условием для эксплоатации наемного труда, для производства прибавочной ценности. Неважна здесь форма ценности: эта ценность может быть в виде золотых кружочков-монет или бумажных денег, за которые капиталист покупает средства производства и рабочую силу; эта ценность может быть в форме машин, на которых работают рабочие, или сырья, из которого они выделывают товар, или готового товара, который потом будет продан. Но раз эта ценность служит делу производства прибавочной ценности, она есть капитал.

Обыкновенно капитал постоянно сбрасывает с себя одну кожу и влезает в другую. В самом деле. Посмотрим, как совершается это переодевание.

I. Капиталист еще не купил рабочей силы и средств производства. Но он горит желанием принанять себе работников, запастись машинами, достать сырье первый сорт, угля, чтобы хватило для работы и прочего. У него на руках нет пока ничего, кроме денег. Здесь капитал выступает в его денежной оболочке.

II. С этим денежным запасцем капиталист марширует (не сам, конечно; для этого есть телефон и телеграф,

сотни слуг и т. д.) на рынок. Тут происходит закупка средств производства и рабочей силы. На фабрику капиталист возвращается без денег, но с рабочими, с машинами, сырьем, топливом. Теперь все эти вещи уже не товар. Они кончили быть товаром: дальше в продажу они не идут. Денежки превратились в средства производства и рабочую силу; денежная оболочка сброшена; теперь капитал перед нами—в форме промышленного капитала.

После этого начинается работа. Двигаются машины, вертятся колеса, бегают рычажки, обливаются потом рабочие и работницы, машины снашиваются, сырье расходуется, рабочая сила исчерпывается. Тогда

III. все это сырье, сношенные части машин, рабочая сила, в действии своем дающая труд, превращаются мало-по-малу в товарные кипы. Здесь вещественная оболочка фабричных принадлежностей снова слезает с капитала, и капитал выступает в виде товарной кучи. Это—капитал в его товарной форме. Но здесь, после производства, он не только переменил свою кожуру. Он еще увеличился в своей ценности, ибо за время производства наросла прибавочная ценность.

IV. Однако капиталист заставляет производить товар не для собственного потребления, а на рынок, для продажи. То, что накопилось на его фабричном складе, должно быть продано. В начале капиталист шел на рынок, как покупатель. Теперь он должен идти, как продавец. В начале у него на руках были деньги, и он хотел получить товар (средства производства). Теперь у него на руках товар, а он хочет получить деньги. Когда его товар продается, то капитал из своей товарной формы вновь перепрыгивает в форму денежную. Но количество денег, которое получает капиталист, отличается от того количества, которое он вначале отдавал, тем, что оно больше на всю величину прибавочной ценности.

На этом движение капитала не заканчивается. Увеличенный капитал снова пускается в ход, получает еще бо̀льшее количество прибавочной ценности. Эта прибавочная ценность в известной доле присоединяется к капиталу и начинает новый круг и т. д. Капитал, как снежный ком, катится дальше и

дальше, и с каждым поворотом на него налипает все большее количество прибавочной ценности. Это значит, что растет и ширится капиталистическое производство.

Так высасывает капитал прибавочную ценность из рабочего класса и распространяется повсюду. Его быстрый рост объясняется его особенными свойствами. Ведь эксплоатация одних классов другими была и раньше. Но возьмем, например, помещика при крепостном праве или рабовладельца в древности. Они сидели верхом на своих крепостных и рабах. Но всё, что те производили, они проедали, пропивали, пронашивали либо сами, либо их дворня и многочисленные приживальщики. Товарное производство было развито слабо. Продать было некуда. Значит, если бы помещик или рабовладелец заставили своих крепостных и рабов напроизводить горы хлеба, мяса, рыбы и т. д., все это у них сгнило бы. Производство здесь ограничивалось потребностями желудка помещика и его челяди. Совсем другое—при капитализме. Здесь производство ведется не ради удовлетворения потребностей, а для прибыли. Здесь производится товар, чтобы его продать, чтобы выручить, чтобы накоплять прибыль. Чем ее больше, тем лучше. Отсюда у капиталистического класса безумная погоня за прибылью. Эта жажда не знает границ. Она есть стержень, главный двигатель капиталистического производства.

§ 12. Капиталистическое государство.

Капиталистическое общество основано, как мы видели на эксплоатации рабочего класса. Кучка владеет всем; большинство рабочих не владеет ничем. Капиталисты повелевают. Рабочие повинуются. Капиталисты эксплоатируют. Рабочие эксплоатируются. Вся суть капиталистического общества и состоит в этой беспощадной, все увеличивающейся эксплоатации.

Капиталистическое производство—это действующий насос для выкачивания прибавочной ценности.

Как же держится до поры, до времени этот насос? Каким образом терпят рабочие такое положение вещей?

На этот вопрос сразу ответить трудно. Но, в общем, дело сводится к двум причинам: во-первых, к организованности и силе в руках класса капиталистов; во-вторых, к тому, что буржуазия часто владеет мозгами рабочего класса.

Самым верным средством в этом деле служит для буржуазии ее государственная организация. Во всех ка-

питалистических странах государство есть не что иное, как хозяйский союз. Возьмем любую страну: Англию или Соединенные Штаты, Францию или Японию. Министрами, высшими чиновниками, депутатами всюду состоят те же капиталисты, помещики, заводчики, банкиры или же их верные, хорошо оплачиваемые слуги, которые преданы им не за страх, а за совесть: адвокаты, директора банков, профессора, генералы, архиереи и епископы.

Союз всех этих людей, принадлежащих к буржуазии, который охватывает всю страну целиком и держит ее в своих лапах, и называется государством. Эта организация буржуазии имеет своею целью две вещи: главная цель—это подавлять беспорядки и восстания рабочих, обеспечивать спокойное выжимание из рабочего класса прибавочной ценности, способствовать укреплению капиталистического способа производства; вторая задача—это бороться с другими такими же организациями (т.-е. с другими буржуазными государствами) за дележку выжимаемой прибавочной ценности. Итак, капиталистическое государство есть хозяйский союз, обеспечивающий эксплоатацию. Интересы капитала и только интересы капитала—вот чем руководится в своей деятельности этот разбойничий союз.

Против такого взгляда на буржуазное государство можно возразить так. Вы говорите, что государство всецело исходит из интересов капитала. Но посмотрите: во всех капиталистических странах имеются фабричные законы, которыми запрещается или ограничивается труд детей, сокращается против прежнего рабочий день и т. д.; в Германии, например, еще при Вильгельме Втором было сравнительно недурное государственное страхование рабочих; в Англии как раз боевой буржуазный министр Ллойд-Джордж ввел тоже страхование и пенсии старикам; во всех буржуазных государствах строят больницы, лечебницы и госпитали для рабочих; сооружаются железные дороги, по которым ездят все, и богатые, и бедные; строятся водопроводы, проводится канализация в городах и т. д. Этим пользуются все. Значит—скажут другие—государство даже в тех странах, где господствует капитал, все-таки исходит не только из интересов капитала, а также и из интересов рабочих. Оно даже иногда штрафует фабрикантов, если они нарушат фабричные законы.

Такие возражения были бы неправильны. И вот почему. Правда то, что буржуазная власть может иногда издавать законы и распоряжения, полезные и для рабочего класса. Но это делается ради интересов самой буржуазии. В самом деле. Возьмем пример с железными дорогами. По ним ездят и рабочие, поэтому они полезны и рабочим. Но строят их не ради рабочих. Купцам, фабрикантам они нужны для перевозки их товаров, для передвижения грузов, для переброски войск, для привоза рабочих и т. д. Капиталу нужны дороги — он строит, исходя из своих интересов. Они полезны и рабочим, но строят-то их не из-за этого в капиталистическом государстве. Или возьмем очистку городов, так-называемое „городское благоустройство“ и больницы. Здесь буржуазия заботится и о рабочих кварталах. Правда, по

сравнению с буржуазными кварталами в центре городов на рабочих окраинах грязь и мерзость запустения, болезни и т. д. Но все же кое-что делает и буржуазия. Почему? Да потому, что болезни и эпидемии иначе разнеслись бы по всему городу, и сама буржуазия стала бы страдать от этого. Здесь, следовательно, буржуазное государство и его городские органы исходят из интересов самой буржуазии. Или еще пример.

Во Франции за последние десятилетия рабочие научились у буржуазии искусственно сокращать деторождение: или совсем не родят детей, или родят не больше двух. Нужда среди рабочих так велика, что содержать большую семью трудно или почти невозможно. В результате всего этого народонаселение Франции почти не возрастает. Французской буржуазии стало не хватать солдат. Она завопила: „нация гибнет! немцы размножаются быстрее нас! у них солдат будет больше!“. К слову сказать, даже и те, которые являлись в армию, год от году были все хуже: низкорослые, слабогрудые, малосильные. И вот буржуазия „расщедрилась“: сама стала настаивать на кое-каких улучшениях для рабочего класса, чтобы он поправился и больше рожал детей. Ведь если зарезать курицу, то она не будет нести яйца.

Во всех этих примерах буржуазия сама применяет меры, полезные для рабочих, но при этом исходит из своих интересов. А бывают и другие случаи, когда эти полезные меры издаются буржуазным государством под напором рабочего класса. Таких законов гораздо больше. Почти все „фабричные законы“ были добыты таким путем,—угрозами со стороны рабочих. В Англии первое сокращение рабочего дня—до 10 часов—было достигнуто под давлением рабочих; в России первые фабричные законы царское правительство дало, напуганное рабочими волнениями и стачками. Здесь государство врагов рабочего класса, эта хозяйская организация, рассчитывает, исходя из своих интересов: „лучше уступить сегодня, чем завтра уступать вдвое больше или рисковать собственной шкурой“. Точно так же, как фабрикант, уступая забастовавшим и набавляя лишний пятачок, не перестает быть фабрикантом, точно так же и буржуазное государство ни капли не перестает быть буржуазным, когда оно, под угрозой рабочих волнений выбрасывает косточку.

Капиталистическое государство есть не только самая большая и самая могущественная организация буржуазии, она в то же время есть самая сложная организация, имеющая многочисленные отделы, от которых идут щупальца во все стороны. И все это своей главной целью имеет охрану, укрепление и расширение эксплоатации рабочего класса. Против рабочего класса имеются и средства грубого принуждения, и средства духовного порабощения; они и составляют важнейшие органы капиталистического государства.

Из средств грубого принуждения необходимо отметить прежде всего армию, полицию и жандармерию, тюрьму и суд, а также их подсобные органы: шпионов, провокаторов, организации штрейкбрехеров и наемных убийц и т. д.

Армия устроена в капиталистическом государстве на особый манер. Во главе стоит офицерский корпус, „золотопогонники“. Они набираются из сыновей дворян-помещиков, крупной буржуазии и отчасти интеллигенции. Это—свирепые

классовые враги пролетариата, которые еще с мальчишеского возраста обучались в специальных школах (у нас в кадетских корпусах и юнкерских училищах), как бить солдатам морду, беречь „честь мундира“, т.-е. держать в полном рабстве солдат и делать из них пешек. Самые матерые из дворян, помещиков и крупной буржуазии—в генералах, адмиралах, при чинах, орденах и лентах.

Офицеры тоже не из бедных. Они держат в своих руках всю массу солдат. А солдат обрабатывают так, чтобы они и не спрашивали, за что им сражаться, а только „ели глазами начальство“. Такая армия предназначена для усмирения рабочих в первую голову.

В России царская армия неоднократно служила средством усмирения рабочих и крестьян. При Александре II перед освобождением крестьян было много крестьянских бунтов—их усмиряла армия. В 1905 г. армия расстреливала рабочих во время восстания в Москве; она производила карательные экспедиции в Прибалтийском крае, на Кавказе, в Сибири; в 1906—1908 г.г. усмиряла бунты крестьян против помещиков, защищая помещичье добро, и т. д. Во время войны расстреливала рабочих в Иваново-Вознесенске и Костроме и т. д. Особенно вредными являлись везде офицеры и генералы. За границей такая же история. В Германии армия капиталистического государства тоже выступала душителем рабочих. Первое восстание матросов было подавлено армией. Восстания рабочих в Берлине, Гамбурге, Мюнхене, по всей Германии подавляются армией. Во Франции армия неоднократно расстреливала стачечников, теперь расстреливает рабочих, русских революционных солдат. В Англии только за последнее время армия несколько раз топила в крови восстания ирландских рабочих, египетских полурабов, индусов, а также громила рабочие собрания в самой Англии. В Швейцарии при каждой стачке мобилизуются пулеметчики и так-называемая милиция (швейцарская армия); не раз эта милиция расстреливала пролетариев. В Соединенных Штатах Америки армия часто сжигала и сравнивала с землей целые рабочие поселки (например, во время стачки в Колорадо). Армии капиталистических государств теперь совместно душат революцию рабочих в России, Венгрии, на Балканах, в Германии, подавляют восстания по всему миру.

Полиция и жандармерия. Капиталистическое государство, кроме обычной армии, имеет еще армию отборных мошенников и особо вышколенные войска, специально приспособленные для борьбы с рабочими. Правда, эти учреждения (например, полиция) имеют своей целью также и борьбу с воровством и защиту так-называемой „личной и имущественной безопасности граждан“; но в то же время государство капиталистов держит их и для вылавливания, преследования и наказания недовольных рабочих. В России городовые были самыми надежными защитниками помещиков и царя. Особенно зверски действует во всех капиталистических государствах тайная полиция („политическая полиция“, у нас звалась

„охранкой“) и корпус жандармов. С ними вместе работает и целый штат сыщиков, провокаторов, тайных шпионов, штрейкбрехеров и т. д.

Интересны в этом отношении приемы американской тайной полиции. Она состоит в связи с бесчисленным количеством частных или полугосударственных „бюро сыщиков“. Знаменитые похождения Ната Пинкертона в действительности были походом против рабочих. Сыщики подкладывали рабочим вождям бомбы, подговаривали совершать убийства капиталистов и т. д. Эти же сыщики вербуют целые толпы штрейкбрехеров (в Америке они называются скэбами), а также отряды вооруженных громил, которые при случае убивают рабочих-забастовщиков. Нет такой гнусности, которой не совершали бы эти головорезы, состоящие на службе „демократического“ государства американских капиталистов!

Суд в буржуазном государстве есть средство классовой самозащиты буржуазии; в первую голову он расправляется с теми, кто посягает на капиталистическую собственность или на капиталистический строй. Либкнехта этот суд присуждал к каторге, убийц Либкнехта оправдывал. Тюремное государственное ведомство осуществляет эту расправу, равно как и палачи буржуазного государства. Не против богатых, а против бедных направлено их острие.

Таковы отделы капиталистического государства, которые заведуют прямым грубым подавлением рабочего класса.

Из средств духовного порабощения рабочего класса, находящихся в распоряжении государства капиталистов, нужно упомянуть три главные: государственную школу, государственную церковь и государственную или поддерживаемую буржуазным государством печать.

Буржуазия отлично понимает, что одним голым насилием ей с рабочими массами не совладать. Нужно, чтобы и мозги рабочей массы были опутаны со всех сторон тонкой паутиной. Буржуазное государство смотрит на рабочих, как на рабочий скот: нужно, чтоб он, этот скот, работал, но не кусался. А потому нужно его не только стегать и стрелять, когда он кусается, но и дрессировать его, укрощать, как делают это в зверинцах специальные люди. Точно так же и государство капиталистов воспитывает таких специалистов по одурачиванию, одурманиванию и укрощению пролетариата: буржуазных учителей и профессоров, попов и епископов, буржуазных писак и газетчиков. В школе эти специалисты учат с малых лет детей повиноваться капиталу, презирать и ненавидеть „бунтовщиков“, детям преподносят разные сказки про революцию и революционное движение, хвалят царей, королей и промышленников и т. д.; попы в церквах, получающие оклады от государства, приучают к

заповеди „несть бо власть аще не от бога“, буржуазные газеты день изо дня трубят в оба уха буржуазную ложь (рабочие газеты капиталистическое государство обыкновенно закрывает). Разве легко при таких условиях рабочему вылезти из этой трясины?.. Один немецкий империалист-разбойник писал: „нам нужны не только ноги солдат, но их ум и сердце“. Буржуазное государство и стремится воспитать из рабочего класса ручное животное, которое бы работало как лошадь, приносило прибавочную ценность и вело бы себя тише воды, ниже травы.

Таким образом капиталистический строй обеспечивает себе свой ход. Движется машина эксплоатации. Из рабочего класса выжимается беспрестанно прибавочная ценность. А на страже стоит капиталистическое государство и надзирает, чтобы не было возмущения наемных рабов.

§ 13. Основные противоречия капиталистического строя.

Необходимо теперь посмотреть, насколько хорошо или плохо сколочено капиталистическое, буржуазное общество. Всякая вещь тогда прочна и хороша, когда все ее части плотно пригнаны одна к другой. Возьмем часовой механизм. Он правильно и без задержек работает тогда, когда одно колесо пригнано к другому, зубчик в зубчик.

Взглянем теперь на капиталистическое общество. Здесь мы без труда заметим, что это капиталистическое общество сколочено далеко не так прочно, как кажется. Наоборот, оно таит в себе огромные противоречия, в нем есть громадные трещины. Прежде всего, при капитализме **нет организованного производства и распределения продукта**, а есть **„анархия производства“**. Что это значит? Это значит то, что каждый предприниматель капиталист (или союз капиталистов) производит товар независимо один от другого. Не то, чтобы все общество высчитывало, сколько ему чего нужно, а просто-на-просто фабриканты заставляют производить с таким расчетом, чтобы получить больше прибыли и побить своих соперников на рынке. Поэтому происходит иногда то, что товара производится слишком много (речь идет, конечно, о довоенном времени), сбыть его некуда (рабочие купить не могут: у них нет достаточно денег). Тогда наступает **кризис**: фабрики закрываются, рабочие выбрасываются на улицу. Еще анархия производства влечет за собой **борьбу на рынке**: каждому хочется отбить у другого всех покупателей, переманить их, завладеть

рынком. Эта борьба принимает разные формы, разный вид, начиная от борьбы двух фабрикантов и кончая мировой войной между капиталистическими государствами за раздел рынков по всему миру. Здесь несколько составных частей капиталистического общества не только цепляются друг за друга, но прямо сталкиваются друг с другом.

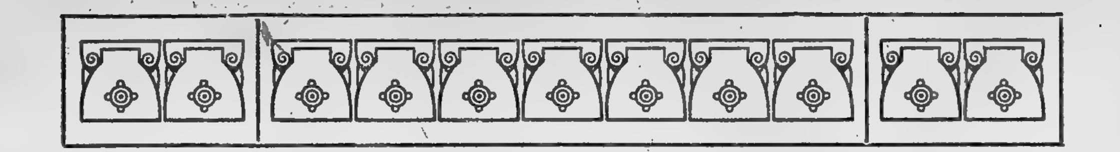
Итак, первой основной неслаженностью капитализма является анархия производства, что проявляется в кризисах, конкуренции, войнах.

Второй основной неслаженностью капиталистического общества является его классовое строение. Ведь, по сути дела, капиталистическое общество, — это не одно, а два общества: капиталисты — раз, рабочие и беднота — два. Они находятся в постоянной, непримиримой, непрекращающейся вражде, имя которой — классовая борьба. Опять здесь мы видим, что разные части капиталистического общества не только не пригнаны одна к другой, а, наоборот, находятся между собой в непрерывном столкновении.

Сломается или не сломается капитализм? Ответ на этот вопрос зависит вот от чего. Если мы рассмотрим развитие капитализма, как он изменялся с течением времени, и найдем, что его неслаженность становится все меньше, тогда можно будет петь ему многолетие; если же, наоборот, мы обнаружим, что с течением времени отдельные части капиталистического общества должны неизбежно все сильнее и сильнее напирать одна на другую, и трещины в этом обществе будут так же неизбежно превращаться в пропасти, тогда мы можем петь ему: „со святыми упокой".

Значит, необходимо рассмотреть вопрос о развитии капитализма.

Литература к I главе. А. Богданов: „Краткий курс экономической науки". К. Каутский: „Экономическое учение Карла Маркса". К. Каутский: „Эрфуртская программа". Н. Ленин: „Государство и революция". Ф. Энгельс: „Происхождение семьи, частной собственности и государства". Ф. Энгельс: „От утопии к научной теории".



ГЛАВА II.

Развитие капиталистического строя.

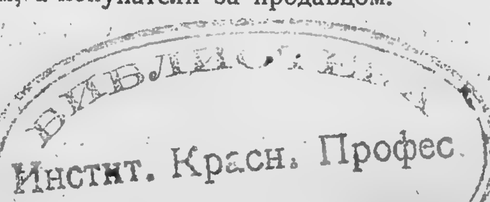
§ 14. Борьба мелкого и крупного производства. § 15. Зависимость пролетариата, резервная армия, женский и детский труд. § 16. Анархия производства, конкуренция, кризисы. § 17. Развитие капитализма и классы. Обострение классовых противоречий. § 18. Концентрация и централизация капитала, как условия коммунизма.

§ 14. Борьба мелкого и крупного производства (личной трудовой и капиталистической нетрудовой собственности).

а) Борьба мелкого и крупного производства в промышленности. Крупные фабрики, которые насчитывают иногда свыше десятка тысяч рабочих, с гигантскими, чудовищными машинами, существовали не всегда. Они появлялись постепенно и выросли на костях почти совершенно погибшего ремесла и мелкой промышленности. Чтобы понять, почему это так произошло, нужно прежде всего обратить внимание на то обстоятельство, что при частной собственности и товарном хозяйстве неизбежна борьба за покупателя, конкуренция. Кто побеждает в этой борьбе? Тот, кто сумеет привлечь этого покупателя к себе и оторвать его от своего конкурента (соперника). Но привлечь покупателя к себе можно, главным образом, более дешевой ценой своих товаров [1]). Кто же может продавать по более дешевой цене? Вот на этот-то вопрос и нужно сначала ответить. Ясно, что по более дешевой цене может продавать более крупный фабрикант, чем фабрикант мелкий или ремесленник, потому что ему самому товар стоит дешевле. Крупное производство имеет здесь массу преимуществ. Прежде всего крупное производство имеет то преимущество,

---

[1]) Здесь речь идет о довоенном времени; после военного разорения не продавцы бегают за покупателем, а покупатели за продавцом.



что предприниматель-капиталист может поставить лучшие машины и употреблять лучшие инструменты и всякие аппараты. Ремесленник, мелкий хозяйчик едва-едва перебивается; работает он обыкновенно на ручных станках; он и думать не смеет о хороших, больших машинах; у него нет на это средств. Мелкий капиталист тоже не в состоянии ввести новейших машин. Следовательно, чем крупнее предприятие, тем совершеннее техника, тем успешнее труд, тем дешѐвле обходится штука товара хозяину.

При крупных заводах в Америке и Германии есть даже свои научные лаборатории, которые постоянно изобретают все новые и новые улучшения и соединяют науку с производством; эти изобретения служат секретом данного предприятия и идут на пользу только ему; при мелком производстве и ручном способе один и тот же рабочий делает почти весь продукт целиком; при машинном труде и многих рабочих один делает только одну часть, другой—другую, третий—третью и т. д. Тогда работа идет гораздо быстрее (это называется разделением труда). Какое здесь преимущество, видно из одного американского исследования, произведенного еще в 1898 году. Вот эти данные. Изготовление десяти плугов. Ручным путем: приходилось 2 рабочих, которые делали 11 различных работ, работали в общей сложности 1.180 часов, получили 54 доллара. То же машинным: 52 рабочих, 97 работ (больше рабочих, больше разного рода работ), работали 37 ч. 28 мин., получили 7,9 долларов (след., времени ушло неизмеримо меньше и труд обошелся гораздо дешевле). Изготовление ста часовых колесных приборов. Ручным путем: 14 рабочих, 453 работы, 341.866 часов, 80.822 доллара. Машинным: 10 рабочих, 1.038 работ, 8.343 часа, 1.799 доллар. Изготовление 500 ярдов клетчатой материи. Ручным способом: 3 рабочих, 19 операций (разных работ), 7.534 часа, 135,6 долларов. Машинным: 252 рабочих, 43 операции, 84 часа, 6,81 доллара [1]). Таких примеров можно было бы привести множество. Кроме того, мелким предпринимателям и ремесленникам совсем недоступен ряд отраслей производства, где можно орудовать только при помощи высокой техники: напр., постройка паровозов, броненосцев, горное дело и т. д.

Крупное производство на всем сберегает: на постройках, на машинах, на сырье, на освещении и отоплении, на рабочих руках, утилизации отбросов и т. д. В самом деле, представим себе тысячу маленьких мастерских и одну крупную фабрику, которая вырабатывает столько товара, сколько тысяча этих мастерских; построить одно большое хорошее здание легче, чем тысячу мелких; сырья в тысяче мелких будет уходить больше (теряться, пропадать даром и т. д.); осветить и отопить одну большую фабрику легче, чем тысячу мелких домишек; убирать, подметать, сторожить, чинить и т. д. тоже легче. Словом, решительно на все в крупном производстве будет экономия, сбережение.

При покупке сырого материала и всего нуж-

[1]) Цифрами за запятой обозначены десятые и сотые доли.

ного для производства, крупное хозяйство опять в выигрыше. Оптом покупать дешевле, да и товар будет доброкачественнее; к тому же крупный фабрикант лучше знает рынок, где и как дешевле купить. Точно так же при продаже своего товара мелкое предприятие всегда в накладе. Крупный хозяин не только лучше знает, где дороже продать (он имеет для этой цели своих разъездных агентов, он ведет дела с биржей, где собираются сведения о спросе на разные товары, у него связи чуть ли не по всему свету); кроме того, он может выжидать. Если, например, цены на его товар стоят низкие, он может этот товар держать на складах, дожидаясь того времени, когда цены повысятся. Этого не может делать мелкий хозяйчик. Он живет на то, что продал. Продаст товар—и тотчас же начинает проживать полученные деньги: лишних у него нет. Поэтому он должен продавать во что бы то ни стало, иначе ему смерть. Ясно, что он от этого страшно страдает.

Наконец, крупное производство обладает еще одним преимуществом: в области кредита. Крупный предприниматель, если ему экстренно нужны деньги, всегда может занять. „Солидной" фирме всегда даст взаймы любой банк и за сравнительно небольшой процент. А мелкой сошке никто почти не поверит. Если же поверит, то заломит безбожный, ростовщический процент. Так мелкий производитель легко попадает в лапы ростовщику.

Все эти преимущества крупного хозяйства объясняют нам, почему мелкое производство в капиталистическом обществе неизбежно гибнет. Крупный капитал его забивает, отбивает покупателя, разоряет, его владельца превращает в пролетария, либо босяка. Конечно, во многих случаях мелкий хозяйчик продолжает цепляться за жизнь. Он борется напряжением всех своих сил, работает сам и заставляет работать своих рабочих и семью сверх сил, но в конце концов вынужден уступить свое место капиталу. Часто можно видеть, что по внешности перед нами как будто самостоятельный хозяин, а в действительности он целиком зависит от крупного капиталиста, работает на него, шагу без него ступить не может. Мелкий производитель часто зависит от ростовщика: только по видимости он самостоятелен, а в действительности он работает на этого паука; или от скупщика, который скупает у него товар; или от магазина, на который он работает (и здесь он самостоятелен только по видимости, а в действительности он уже превратился в наемного рабочего того капиталиста, в руках которого крупный магазин); бывает, что капиталист дает сырье, а иногда и сырье и ору-

дия (так бывало часто с нашими кустарями); тут уж совсем ясно видно, что кустарь превратился в простой придаток к капиталу; встречаются и другие виды подчинения капиталу: около крупных предприятий иногда ютятся мелкие починочные мастерские, в таком случае они—простой винтик при фабрике—ничего больше. И тут они самостоятельны только по видимости. Иногда можно видеть, что разорившиеся мелкие хозяйчики, мелкие ремесленники, кустари, торговцы, мелкие капиталисты выбиты из одной отрасли производства и торговли,—тогда они переходят в другую, где еще крупный капитал не так силен. В особенности часто разорившиеся хозяйчики становятся мелочными торговцами, разносчиками и т. д. Так крупный капитал вытесняет шаг за шагом мелкое производство отовсюду. Растут громадные предприятия, насчитывающие тысячи, а иногда даже десятки тысяч рабочих. Крупный капитал оказывается властелином мира. Личная трудовая собственность исчезает. На ее место становится крупная капиталистическая собственность.

Примерами падения мелкого производства в России могут служить кустари. Некоторые кустари работали на своем сырье (скорняки, плетельщики корзин и т. д.) и продавали кому угодно. Затем уже кустарь начинает работать на определенного (только на одного) капиталиста (московские шляпники, игрушечники, щетинщики и т. д.). Потом он получает у своего заказчика сырье и попадает в форменную кабалу (павловские замочники, бурмакинские слесаря). Наконец, он получает от заказчика поштучно (напр., тверские гвоздари, кимрские сапожники, рогожники в Макарьеве, ножовщики в Павлове). В такую же кабалу попадали и ручные ткачи. В Англии умирающее мелкое производство получило кличку „потогонной системы",—так тяжко ему приходится. В Германии за время с 1882 г. по 1895 год число мелких предприятий уменьшилось на 8,6%, средних (от 6 до 50 рабочих)—увеличилось на 64,1%, а крупных—на 90%. С тех пор было вытеснено и значительное количество средних. В России фабрика вытесняла кустаря тоже довольно быстро. Одна из самых важных областей производства в России, это—текстильное (ткацкое) производство. Если мы сравним, как изменялось в хлопчатобумажной промышленности число фабричных рабочих и число работающих на дому, то сможем судить, насколько быстро фабрика вытесняла кустаря. Вот цифры:

Годы.	Число работающих на фабрике.	Число работающих на дому.
1866	94.566	66.178
1879	162.691	50.152
1894—95	242.051	20.475

В 1866 г. на каждую сотню работающих в хлопчатобумажной промышленности на фабриках приходилось 70 человек, работающих на дому; в 1894—1895 годах их приходилось уже не 70, а всего-на-всего 8. В России рост крупного производства усиливался благодаря тому, что иностранный капитал организовывал сразу крупные предприятия. Уже в 1902 г. очень крупные предприятия занимали почти половину (40%) всех промышленных рабочих.

В 1903 г. фабрики, имеющие свыше 100 рабочих, составляли в Европейской России 17% всего числа фабрик и заводов и на них работало 76,6% всего числа фабрично-заводских рабочих.

Победа крупного производства во всех странах сопровождалось муками мелких производителей. Иногда целые округа и профессии почти вымирали (напр., силезские ткачи в Германии, ткачи в Индии и т. д.).

б) Борьба мелкого и крупного производства в сельском хозяйстве. Такая же борьба мелкого и крупного производства, как в промышленности, идет при капитализме и в сельском хозяйстве. Помещик, ведущий свое хозяйство так, как капиталист свою фабрику, крупный крестьянин-кулак, средний крестьянин, деревенская беднота, сама часто подрабатывающая на стороне или у помещика либо кулака, и батраки— это все равно, что в промышленности—крупный капиталист, средний заводчик, ремесленник, кустарь, наемный рабочий. И в деревне, как в городе, крупное именье лучше поставлено, чем мелкое.

Крупный хозяин может завести хорошую технику. Сельскохозяйственные машины (электрические плуги, паровые плуги, жнейки, косилки, жнейки-сноповязалки, сеялки, молотилки, паровые молотилки и т. д.) часто совсем почти недоступны мелкому сельскому хозяину и крестьянину. Как в маленькой мастерской ремесленника нет смысла ставить дорогую машину (и купить ее не на что, да и окупаться она не будет), точно так же и крестьянин не может купить себе парового плуга, да если бы он и купил его, то он был бы ни к чему: для того, чтобы такая солидная машина окупилась, нужно много земли, а не такой клочок, где только курицу пасти можно.

Полное использование машин и орудий зависит от количества земли. Конный плуг как следует используется при куске земли в 30 гектаров (гектар 9/10 десятины); рядовая сеялка, жнейка, молотилка—при 70; паровая молотилка—при 250; паровой плуг—при 1000 гектаров. В новейшее время для обработки земли применяют электрические машины· для тех нужно тоже крупное хозяйство.

Орошение, осушение болот, дренаж (проведение глиняных труб для стока лишней воды), проведение полевых железных дорог и проч. может, большею частью, применять только крупный хозяин. Крупное хозяйство, как и в промышленности, сберегает на орудиях, материалах, рабочей силе, отоплении, освещении и т. д.

В крупном хозяйстве будет также на десятину приходиться меньше меж, меньше заборов и изгородей, меньше будет пропадать семян, которые попадают за межу.

Кроме того, крупный хозяин может нанимать агрономов и вести свое хозяйство по всем правилам.

В области торговли и кредита происходит то же, что и в промышленности: крупный хозяин знает лучше рынок, может выжидать, дешевле покупает все необходимое, умеет дороже продать. Мелкому остается одно: бороться при помощи напряжения всех сил. Этим усиленным трудом, а также уменьшением своих потребностей, недоеданием и живет мелкое сельское хозяйство. Только так оно себя и может отстоять при господстве капитализма. Что его еще более подрывает, так это громадные налоги. Капиталистическое государство взваливает на него огромную тяжесть: стоит только вспомнить, что значили царские налоги для крестьян,— все продай, а налог заплати.

Можно в общем сказать, что мелкое производство в сельском хозяйстве живучее, чем в промышленности. В городах ремесленники и мелкие предприниматели гибнут довольно быстро, а в деревнях крестьянское хозяйство во всех странах стоит на ногах немного крепче. Но обеднение большей части происходит и тут, только часто это не так заметно. Иногда кажется, что хозяйство не крупное по размерам земли, а на самом деле оно очень крупное, и капитала в него вложено много, и работников в нем изрядно нанимается (например, у огородников около больших городов). Иногда, наоборот, кажется, что пред нами много хозяйчиков совсем самостоятельных, а на самом деле они почти что наемные рабочие: ходят наниматься либо в соседнее имение, либо на отхожие промыслы, либо в город. Среди крестьянства во всех странах происходит то же, что и среди ремесленников и кустарей. Небольшая часть из них пролезает в кулаки-мироеды (трактирщики, ростовщики, которые мало-по-малу округляют свои владенья); остальные либо крепятся, либо разоряются вконец, продают корову, лошаденку, превращаются в безлошадных; а потом и надела как не видали— уходит человек совсем либо в город, либо в батраки. Безлошадный превращается в наемного рабочего, кулак-мироед, нанимающий работников,—в помещика либо капиталиста.

Так в сельском хозяйстве масса земли, орудий, машин, скота находится в распоряжении кучки крупнейших капиталистов-помещиков, а миллионы рабочих работают на них, миллионы крестьян зависят от них.

В Америке, где капитал больше всего развит, существуют огромные именья, которые работают, как фабрики. И как на фабриках делается только какой-нибудь один продукт, так и тут. Есть большие поля сплошь под клуб-

никой или сплошь под фруктовыми деревьями; есть специальные птицеводческие хозяйства; там, где возделывают пшеницу, работают на машинах. Многие отрасли сосредоточены в немногих руках. Так, например, существует „король цыплят" (капиталист, в руках у которого сосредоточено чуть ли не все производство цыплят), „яичный король" и т. д.

§ 15. Зависимость пролетариата, резервная армия, женский и детский труд.

Все бо̀льшие и бо̀льшие массы народа превращаются при капитализме в наемных рабочих. Разорившиеся ремесленники, кустари, крестьяне, торговцы, средние капиталисты, потерпевшие крах,—словом, все выкинутые за борт, все, кого забил крупный капитал, низвергаются в ряды пролетариата. По мере того, как богатства сосредоточиваются в руках кучки капиталистов, народные массы все более превращаются в их наемных рабов.

Благодаря постоянному разорению средних слоев и классов количество рабочих всегда больше того, чем нужно капиталу. Этим капитал привязывает к себе рабочего. Он должен работать на капиталиста. Не хочет,—найдут сотни других.

Но эта зависимость от капитала упрочивается и другим путем, не только разорением новых слоев населения. Господство капитала над рабочими постоянно увеличивается еще и тем, что капитал все время выбрасывает лишних ему рабочих на улицу и создает из них себе рабочие силы про запас. Как это происходит? А вот как. Мы уже видели раньше, что каждый фабрикант стремится удешевить стоимость товаров для себя. Поэтому именно и вводятся новые и новые машины. Но машина обычно *замещает* рабочего, делает часть рабочих излишней. Введена новая машина, это значит: часть рабочих получай расчет. Из рабочих, занятых на фабриках, такие люди превращаются в безработных. А так как новые машины вводятся постоянно то в одной отрасли производства, то в другой, то в третьей, понятно, что *безработица должна существовать постоянно при капитализме*. Ведь капиталист заботится не о том, чтобы дать всем работу или снабдить всех товарами, а о том, чтобы *выжать побольше прибыли*. Понятно, что он выбрасывает на улицу рабочих, которые уже не в состоянии приносить ему такую прибыль, как раньше.

И, действительно, во всех капиталистических странах мы видим, что в крупных городах постоянно есть огромное количество безработных. Тут и какие-нибудь китайские или

японские рабочие из разорившихся крестьян, пришедшие искать заработка за тридевять земель, и деревенские парни, только что попавшие в город, и бывшие лавочники, и ремесленники; но тут же мы находим рабочих-металлистов или типографов, или ткачей, которые подолгу работали на фабриках и вышвырнуты из них благодаря введению новых машин. Все они вместе образуют запасный источник рабочих сил для капитала, или, как его назвал Маркс, резервную (запасную) промышленную армию. Существование резервной рабочей армии, постоянная безработица позволяют капиталистам усиливать зависимость и угнетение рабочего класса. Из одних рабочих капитал при помощи машины выжимает больше золотого сока, чем раньше; другие из-за этого выброшены на мостовую. Но, выброшенные на мостовую, они служат в руках капиталиста бичом, который подгоняет оставшихся.

Промышленная резервная армия дает примеры полного одичания, обнищания, голода, вымирания, даже преступления. Те, кто в течение ряда лет не мог найти себе работы, мало-по-малу спиваются, превращаются в бродяг, нищих и т. д. В крупных городах—Лондоне, Нью-Иорке, Гамбурге, Берлине, Париже—есть целые кварталы, населенные такими безработными. В Москве примером этого может служить Хитров рынок. Вместо пролетариата здесь образуется новый слой, уже разучившийся трудиться. Это порождение капиталистического общества называется люмпен-пролетариатом (пролетариатом босяков).

Введение машин породило также женский и детский труд, более дешевый и поэтому более выгодный для капиталиста. Раньше, до машин, нужна была особая сноровка для работы, иногда нужно даже было долго учиться. А на некоторых машинах может работать и ребенок: приходится только и делать, что до одурения рукой махать или ногой двигать. Вот почему после появления на свет машин стал шире применяться труд женщин и детей. Женщины и дети не могут давать капиталисту такого отпора, как рабочие мужчины. Они более ручные, более забитые, чаще верят попам и всему, что им говорит начальство. Поэтому фабрикант часто замещает мужчин женщинами и заставляет маленьких детишек перегонять свою кровь в золотые кружочки прибыли.

В 1913 г. число женщин-работниц и служащих было: во Франции—6.800.000, в Германии — 9.400.000, Австро-Венгрии — 8.200.000, Италии — 5.700.000, Бельгии—930.000, Сев.-Американских Соед. Штатах — 8.000.000, Англии и Уэльсе—6.000.000. В России число женщин-работниц все время росло. В 1900 г. женщины-работницы составляли 25% (т.-е. четверть) всех фабричных рабочих и работниц, в 1908—31%, то-есть почти одну треть, в 1912 г.—45%; в некоторых отраслях производства женщины составляют

большинство. Напр., в текстильном производстве в 1912 г. из 870 тысяч женщин было 453 тысячи, то-есть больше половины (52 слишком процента). За годы войны количество женщин работниц увеличилось в громадной степени.

Что касается детского труда, то он в многих местах процветает, несмотря на воспрещение. В самой развитой капиталистической стране—в Америке—детский труд можно встретить сплошь да рядом.

От этого распадается семья рабочего. Раз и жена, а иногда и ребенок—на фабрике, какая тут семейная жизнь!

Если женщина попадет на фабрику, становится работницей, она, как и мужчина, подвергается время от времени всем ужасам безработицы. Ее тоже выбрасывает за дверь капиталист; она тоже становится в ряды промышленной резервной армии; она, как и мужчина, может опуститься на самое дно. В связи с этим стоит и проституция, когда женщины продают себя первому встречному на улице. Нечего есть, работы нет, отовсюду гонят; а если и есть работа, то за такую нищенскую плату, что приходится подрабатывать продажей своего тела. А потом новое ремесло входит в привычку. Так образуется слой профессиональных проституток.

В крупных городах проститутки составляют очень значительное количество. Такие города, как Гамбург и Лондон, насчитывают десятки тысяч этих несчастных. Капитал из них создает источник прибыли и обогащения, устраивая крупные, капиталистически организованные публичные дома. Имеется широкая международная торговля белыми рабынями. Центрами такой торговли были города Аргентины (в Южной Америке). Особенно отвратительна детская проституция, процветающая во всех европейских и американских городах.

В капиталистическом обществе, таким образом, по мере того, как изобретаются все лучшие и лучшие машины, строятся все бо̀льшие и бо̀льшие фабрики, растет количество товаров,—все увеличивается гнет капитала, нищета и бедствия промышленной резервной армии, зависимость рабочего класса от его эксплоататоров.

Если бы частной собственности не было, а все находилось в товарищеском пользовании, тогда было бы совсем другое. Тогда люди просто бы сокращали рабочий день, щадили бы свои силы, сберегали бы свой труд, заботились бы о своем отдыхе. Когда же машины вводит капиталист, он заботится о прибыли: ему не к чему сокращать рабочий день: он от этого только теряет. При помощи машины капиталист не освобождает человека, а порабощает его.

С развитием капитализма все бо̀льшая часть капитала отводится на машины, аппараты, разные сооружения, гигантские фабричные корпуса, громадные доменные печи и т. д.,

наоборот, на наем рабочих идет все меньшая часть капитала. Раньше, при ручном труде, затраты на ручные станки и прочие орудия были небольшие: почти весь капитал шел на наем рабочих. Теперь наоборот: громадная доля идет на разные сооружения и машины. А это значит, что спрос на рабочие руки растет не так быстро, как увеличивается число разорившихся людей, которые превращаются в пролетариев. Чем сильнее развивается техника при капитализме, тем больше гнет капитала над рабочим классом, потому что тем труднее найти работу, тем тяжелее жить.

§ 16. Анархия производства, конкуренция и кризисы.

Бедствия рабочего класса растут и растут вместе с развитием техники, которая при капитализме приносит, вместо пользы для всех, увеличение прибыли для капитала, безработицу и разорение для многих рабочих. Но эти бедствия растут и от других причин.

Раньше мы видели, что капиталистическое общество сколочено очень плохо. Царит частная собственность и нет никакого общего плана. Каждый фабрикант ведет свое дело независимо от других. С другими он борется за покупателя, „конкурирует“ с ними.

Возникает теперь вопрос, ослабляется или усиливается эта борьба с развитием капитализма.

На первый взгляд может показаться, что эта борьба ослабляется. В самом деле, ведь капиталистов становится все меньше; крупные пожирают мелких; раньше боролись друг с другом десятки тысяч разных предпринимателей—конкуренция была ожесточенной; теперь этих соперников мало—борьба стала не такой острой. Так можно было бы думать. Но на самом деле это не так. В действительности дело обстоит как раз наоборот. Верно, что соперников становится меньше. Но каждый из них стал во много раз крупнее и сильнее, чем прежние соперники. И их борьба стала не меньше, а больше, не тише, а жесточе, чем раньше. Если бы в целой стране царствовала какая-нибудь пара, другая капиталистов, тогда дрались бы друг с другом эти капиталистические государства. Оно так и вышло в конце концов. Соперничество сейчас идет между громадными союзами капиталистов, между их государствами. И борются они тут не только дешевыми ценами, но и вооруженной силой. Значит, конкуренция с развитием капитализма уменьшается только по числу со-

перников, но становится все жесточе и разрушительнее [1]).

Необходимо отметить еще одно явление: это так-называемые кризисы. Что такое эти кризисы? В чем они заключаются? Дело происходит так. В одно прекрасное время оказывается, что разных товаров произведено сверх всякой меры. Цены падают, а сбывать товара некуда. Склады ломятся от всевозможных продуктов, а продать их негде: покупателя нет. Есть, конечно, много голодных рабочих, но они получают гроши и все равно купить почти ничего не могут сверх того, что они обыкновенно покупали. Тогда начинается разоренье. В одном производстве не выдерживают сперва мелкие и средние предприятия и лопаются, закрываются; за ними и более крупные. Но это производство покупало товару у другой отрасли промышленности, эта другая—у третьей. Скажем, портновские предприятия покупают сукно у суконных, суконные—у предприятий, производящих шерсть, и т. д. Лопаются портновские предприятия, значит уж совсем некому покупать у суконщиков—начинают лопаться суконные фабрики, за ними наступает та же история в производстве шерсти. Повсюду начинают закрываться фабрики и заводы, десятки тысяч рабочих выкидываются на улицу, безработица растет до неимоверных пределов, жизнь рабочих ухудшается даже против обычной. А товаров произведено много. А склады ломятся от них. Так бывало до войны неоднократно; то промышленность идет в гору, дела у фабрикантов развиваются великолепно; потом вдруг—крах, разоренье, безработица; потом дела в застое; потом снова поправляются; потом опять идут блестяще; потом снова крах и так далее, по поговорке: „висело мочало—начинай сначала“.

Чем объясняется такое дикое положение, когда люди становятся нищими от богатства?

На этот вопрос не так просто ответить. Но ответить на него необходимо.

Мы уже видели выше, что в капиталистическом обществе царит неразбериха, именуемая анархией производства. Каждый предприниматель-фабрикант производит сам по себе, на свой страх и риск. Совершенно естественно, что при таком положении вещей рано или поздно дело приходит к тому, что товара произведено слишком много (товарное перепроизводство). Когда производились продукты, а не товары, т.-е. когда не было производства на рынок, в перепроизводстве не было ничего опасного. Совсем другое при товарном производстве.

---

[1]) Подробно об этом нужно смотреть главу об империалистской войне.

Тут всякий фабрикант, чтобы купить нужные для дальнейшего производства товары, должен сперва продать свои. Застопорилась машина в одном месте от неразберихи в производстве, тотчас же все это переносится с одной отрасли на другую—разражается всеобщий кризис.

Эти кризисы действуют очень опустошительно. Масса товаров гибнет. Остатки мелкого производства выметает, как железной метлой. И крупные фирмы тоже частью гибнут. Всем им трудно устоять на ногах.

Главная тяжесть кризисов падает, конечно, на рабочий класс.

Одни фабрики закрываются совсем, другие сокращают производство, работают неполную неделю, третьи закрываются на время. Число безработных увеличивается. Резервная промышленная армия растет. А вместе с тем растут нищета и угнетение рабочего класса. Во время кризиса и без того плохое положение рабочего класса ухудшается еще более.

Вот, например, данные о кризисе 1907—1910 г.г., охватившем Европу и Америку,—словом, весь капиталистический мир. В Соединенных Штатах число безработных из членов профессиональных союзов росло таким образом: в июне 1907 г.—8,1%, в октябре—18,5%, в ноября—22%, в декабре—32,7% (в строительном производстве—42%, в конфекционном—43,6%, в табачном—даже 55%); само собой разумеется, что общая безработица (по расчету не только на организованных рабочих) была еще больше. В Англии процент безработных летом 1907 г. составлял 3,4—4%; в ноябре он вырос до 5, в декабре—до 6,1%; в июне 1908 г. он достиг 8,2%; в Германии к январю 1908 г. процент безработных был вдвое больше, чем в предшествующие годы. То же можно было наблюдать и в других странах.

Что касается сокращения производства, то, напр., выплавка чугуна пала в Соединенных Штатах с 26 милл. тонн в 1907 г. до 16 милл. тонн (тонна—61 пуд) в 1908 г.

Во время кризиса цены на товары падают. Тогда господа капиталисты, чтобы не лишаться прибылей, прибегают к порче производства. В Америке, напр., задували доменные печи. Еще интереснее действовали в Бразилии владельцы кофейных плантаций. Чтобы удержать высокую цену на кофе, они топили мешки с этим кофе. Теперь весь мир страдает от голода и недостатка продуктов. Этот голод и недостаток продуктов возник в результате капиталистической войны. Его породил капитализм, который привел к истребительной войне. А в мирное время капитализм давился от избытков продуктов, которые, однако, не продавались рабочим: у рабочих был слишком тощий карман. От этих избытков рабочий получал тол ко одно: безработицу со всеми ее ужасами.

§ 17. Развитие капитализма и классы. (Обострение классовых противоречий).

Мы видели, что капиталистическое общество имеет два главных противоречия, два главных изъяна: во-первых, оно „анархично“ (в нем нет организованности): во-вторых, оно состоит на самом деле из двух враждующих обществ (классов).

Мы видели также, что с развитием капитализма анархия производства, выражающаяся в конкуренции, приводит ко все большему обострению, неслаженности, разрушению. Неслаженность общества здесь не уменьшается, а возрастает. Но то же самое происходит и с раздроблением общества на две части, на классы. С развитием капитализма это дробление, эта трещина между классами тоже не уменьшается, а увеличивается. На одном конце—у капиталистов—скопляются все богатства земли, на другом конце—у угнетенных классов—скопляется вся нищета, горе и слезы. Промышленная резервная армия порождает слои опустившихся, одичавших, вконец обнищавших людей. Но и те, кто работает, по своей жизни все больше отличается от капиталистов. Разница между пролетариатом и буржуазией все возрастает. Раньше были всякие средние и мелкие капиталистики, многие из них были в близких отношениях с рабочими, жили немногим лучше, чем они. Теперь совсем не то. Крупные господа живут так, как прежде никому и не снилось. Правда, и рабочие с развитием капитализма в общем живут лучше; до начала двадцатого века в общем заработная плата увеличивалась. Но за то же самое время прибыль капиталиста увеличивалась еще быстрее. Теперь рабочая масса отстоит от капиталиста, как небо от земли. Капиталист, это—совсем другое существо, до него рукой не достанешь. И чем дальше развивается капитализм, тем выше поднимается кучка богатейших капиталистов, тем глубже пропасть между этой кучкой некоронованных королей и многомиллионной массой порабощенных пролетариев.

Мы сказали, что заработная плата рабочих все же росла, но еще быстрее росла прибыль, и потому увеличивалось расстояние между двумя классами. Однако с начала двадцатого века заработная плата стала не расти, а падать; за то же время прибыли стали увеличиваться, как никогда раньше. Значит, особенно за последнее время чрезвычайно быстро обострилось общественное неравенство.

Вполне понятно, что раз это неравенство все растет и растет, оно рано или поздно приводит к столкновению рабочих с капиталистами. Если бы разница между ними уменьшалась, если бы рабочие, по своему положению, придвигались все ближе к капиталистам, тогда, конечно, установились бы „мир да гладь, да божья благодать“. Но в том-то и дело, что рабочие в капиталистическом обществе с каждым днем не приближаются, а отдаляются от капиталистов. А это значит, что неизбежно должна обостряться и классовая борьба между пролетариатом и буржуазией.

Против такого взгляда очень много возражали буржуазные ученые. Им хотелось доказать, что в капиталистическом обществе для рабочего будет жить все лучше и лучше. За ними то же самое стали говорить и правые социалисты. И те, и другие утвержали, что рабочие мало-по-малу богатеют, могут и сами становиться капиталистиками. Все это оказалось, конечно, неправдой. В действительности положение рабочих по сравнению с положением капиталистов все более ухудшалось. Вот пример, касающийся самой развитой капиталистической страны, Соединенных Штатов. Если мы примем покупательную силу заработка (т.-е. сколько рабочий может купить продуктов потребления, считаясь с их ценой) в 1890—1899 г.г. за 100, то покупательная сила заработка по годам изменялась таким образом: 1890—98,6; 1895—100,6; 1900—103,0; 1905—101,4; 1907—101,5. Это значит, что жизненный уровень рабочего класса почти не улучшался; за все время он почти стоял на месте. Сколько рабочий мог получить пищи, одежды и проч. в 1890 г., столько почти, чуть-чуть больше (на 3%), он стал получать в 1907 г. А за это же время американские миллиардеры (крупнейшие промышленники) выколачивали громаднейшие прибыли, и масса прибавочной ценности, которую они получали, возросла в громадном размере. Понятно, что уровень жизни капиталистов, роскошь, прихоти и т. д. увеличились в несколько раз.

Классовая борьба опирается на противоречие интересов между буржуазией и пролетариатом. Эти интересы непримиримы по существу точно так же, как непримиримы интересы волков и овец.

Всякому легко понять, что капиталисту выгодно заставлять рабочих работать возможно дольше и платить им возможно меньше; наоборот, рабочему выгодно работать возможно меньше и получать больше. Поэтому немудрено, что уже с самого возникновения рабочего класса началась его борьба за повышение заработной платы и за сокращение рабочего дня.

Эта борьба никогда не прерывалась и никогда совсем не затихала. Она, однако, не ограничивалась борьбой за лишний пятачок. Повсюду, где только развивался капиталистический строй, рабочие массы приходили к убеждению, что нужно покончить с самим капитализмом. Рабочие стали подумывать о том, как бы заменить ненавистный порядок другим, справедливым, трудовым, товарищеским порядком. Так родилось коммунистическое движение рабочего класса.

Борьба рабочего класса сопровождалась не раз многими поражениями. Но капиталистический строй в себе самом таит окончательную победу пролетариата. Почему? Да потому, что его развитие означает превращение в пролетариев самых широких слоев народа. Победа крупного капитала есть разорение ремесленника, торговца, крестьянина; она все увеличивает ряды наемных рабочих. Пролетариат с каждым шагом капиталистического развития увеличивается в числе. Он—как чудовище-гидра со многими головами; отрубай одну,—вырастает десять других. Когда буржуазия подавляла рабо-

чие восстания, она укрепляла капиталистический строй. Но развитие этого капиталистического строя разоряло десятки тысяч, миллионы хозяйчиков и крестьян; оно бросало их под пяту капиталистов. Тем самым оно увеличивало число пролетариев, врагов капиталистического строя. Но не только численно становится сильнее рабочий класс. Он, кроме того, сплачивается все более и более. Почему? Да потому, что, с развитием капитализма, растут крупные фабрики. А каждая крупная фабрика собирает в своих стенах тысячи рабочих, иногда десятки тысяч рабочих. Эти рабочие работают бок-о-бок, рядышком. Они видят, как хозяин-капиталист эксплоатирует их. Они видят, что рабочий рабочему—друг и товарищ. В самой работе пролетарии, объединенные фабрикой, приучаются действовать сообща. Им и сговориться легче. Вот почему с развитием капитализма растет не только численность, но и сплоченность рабочего класса.

Чем быстрее растут крупные фабрики, чем быстрее развивается капитализм, тем скорее разоряются ремесленники, деревенские кустари, крестьяне. Тем быстрее растут чудовищные многомиллионные города. В конце концов на небольшом сравнительно пространстве—в крупных городах—скопляется громадная масса народа, и среди всего этого народа огромное большинство составляет фабричный пролетариат. Он заполняет собой грязные, прокопченные кварталы, а кучка всем владеющих хозяев живет в роскошных особняках. Эта кучка становится все меньше. Рабочих становится все больше и больше, они сплачиваются все теснее и теснее.

При таких условиях неизбежное обострение борьбы должно кончиться победой рабочего класса. Рано или поздно, несмотря на все ухищрения буржуазии, рабочий класс приходит в резкое столкновение с буржуазией, сбрасывает ее с трона, разрушает ее разбойничье государство и строит свой новый, трудовой, коммунистический порядок. Таким образом, капитализм в своем развитии неизбежно приводит к коммунистической революции пролетариата.

Классовая борьба пролетариата против буржуазии принимала разные формы. Три главных вида рабочей организации, которые возникали в этой борьбе, это—следующие: профессиональные союзы, объединявшие рабочих по профессиям; кооперативы, главным образом, потребительные кооперативы, которые своею целью ставили избавление от посредников-торговцев; наконец, политические партии рабочего класса (социалистические, социал-демократические, коммунистические партии), которые в своей программе писали, что будут вести борьбу за политическую власть рабочего класса. Чем больше обострялась борьба между классами, тем больше должны были объединяться все виды рабочего движения на одной общей цели—свержении буржуазного господства. Те вожди в рабочем движении,

которые наиболее правильно смотрели на дело, всегда указывали на необходимость тесного единства и сотрудничества во всех рабочих организациях. Они, например, говорили, что необходимо единство действий между профессиональными союзами и политической партией пролетариата и что поэтому профессиональные союзы не могут быть „нейтральными“ (т.-е. безразличными в политическом отношении), а должны идти вместе с партией рабочего класса.

За последнее время рябочее движение выдвинуло еще новые формы, из которых главная—советы рабочих депутатов. О них будет идти у нас речь позже во многих местах книжки.

Итак, из наблюдения над развитием капиталистического строя мы можем установить без всякой ошибки следующее: число капиталистов уменьшается, но они становятся все богаче и сильнее; число рабочих все увеличивается и увеличивается, причем все растет их сплоченность, хотя и не ровно; разница между рабочим и капиталистом становится больше. Развитие капитализма ведет поэтому к неизбежному столкновению этих классов, то-есть к коммунистической революции.

§ 18. Концентрация и централизация капитала, как условия для осуществления коммунистического строя.

Капитализм, как мы видели, роет сам себе могилу потому, что он порождает своих собственных могильщиков—пролетариев, и чем больше он развивается, тем бо̀льшее количество своих смертельных врагов он плодит и объединяет против себя. Но он не только выращивает своих врагов. Он подготовляет и почву для новой организации общественного производства, для нового товарищеского, коммунистического хозяйства. Каким образом? На это мы сейчас дадим ответ.

Раньше мы видели (смотри или перечитай § 11: „Капитал“), что капитал постоянно увеличивается в своей величине. Часть прибавочной ценности, которую капиталист выжимает из рабочего, он присоединяет к своему капиталу. От этого капитал становится больше. А становится больше капитал,—значит, можно расширить производство. Такое увеличение капитала, такое его укрупнение в одних руках называется накоплением, или концентрацией, капитала.

Мы видели также (смотри § 14: „Борьба мелкого и крупного производства“), что по мере развития капитализма мелкое и среднее производство гибнет: мелкие и средние промышленники и торговцы разоряются, не говоря уже о ремес-

ленниках—их всех заедет крупный капитал. То, что было раньше у этих мелких и средних капиталистов, их капиталы, исчезают из их рук и разными путями сосредоточиваются в руках у крупных акул. У этих крупных капитал увеличивается, следовательно, и от того, что у других он из рук уплывает. Здесь происходит сосредоточение в одних руках капитала, который раньше был разбросан по разным рукам. Теперь, после разорения мелких, эти капиталы зажаты уже в кулаке тех, кто победил в борьбе. Такое сосредоточение капитала, прежде разбросанного, называется *централизацией капитала*.

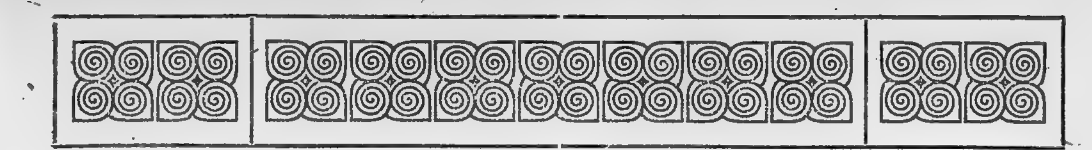
Концентрация и централизация *капитала*, т.-е. его сосредоточение в немногих руках, еще не означает концентрации и централизации *производства*. Предположим, что капиталист купил на накопленную прибавочную ценность маленькую фабричку соседа и оставил ее работать, как и прежде. Здесь накопление произошло, а производство ведется попрежнему. Но обычно бывает все же не так. В жизни гораздо чаще случается (потому что это выгоднее капиталисту), что он преобразует и самое производство, укрупняет его, расширяет и делает больше самые фабрики. Тут происходит уже не только укрупнение капитала, но и *самого производства*. Производство становится громадным, вмещающим массу машин, объединяющим много тысяч рабочих. Бывает так, что какой-нибудь десяток крупнейших фабрик покрывает спрос на товар со всей страны. По сути дела тут рабочие производят на все общество, труд, как выражаются, *обобществляется*. А распоряжение этим и прибыль достается капиталисту.

Такая централизация и концентрация *производства* делает возможным и действительно товарищеское производство после пролетарской революции.

В самом деле. Если бы этого сосредоточения производства не было и если бы пролетариат стал у власти, а производство было бы разбросано и распылено в сотнях тысяч малюсеньких мастерских, где работает по 2—3 рабочих, то не было бы никакой возможности эти мастерские организовать, перевести их на общественную ногу. Чем более развит капитализм, чем более централизовано производство, тем легче пролетариату овладеть им после своей победы.

Значит, *развитие капитализма не только создает врагов капитализма и не только ведет к коммунистической революции, но и создает еще экономическую основу для осуществления коммунистического строя*.

Литература к главе II. Те же книжки, что и к I главе. Кроме них: А. Богданов и И. Степанов: „Курс полит. экономии“, том II, выпуск 2-ой (Эпоха промышленного капитала). Маркс и Энгельс: „Коммунистической Манифест“. Джек Лондон: „Под гнетом империализма“. По аграрному вопросу см.: Карл Каутский: „Аграрный вопрос“. Н. Ленин: „Аграрный вопрос и критики Маркса“. Карл Каутский: „Социализм и сельское хозяйство“ (ответ Э. Давиду). В. Ильин (Ленин): „Новые данные о развитии капит. в сельском хоз. (С. Штатах)“. В. Ильин (Ленин): „Развитие капитализма в России“. Л. Крживицкий: „Аграрный вопрос“. Парвус: „Мировой рынок и сельско-хоз. кризис“.



ГЛАВА III.

Коммунизм и диктатура пролетариата.

§ 19. Характеристика коммунистического строя. Производство при коммунизме. § 20. Распределение в коммунистическом строе. § 21. Управление в коммунистическом строе. § 22. Развитие производительных сил в коммунист. строе (преимущества коммунизма). § 23. Диктатура пролетариата. § 24. Завоевание политической власти. § 25. Коммунистическая партия и классы капиталист. общества.

§ 19. Характеристика коммунистического строя.

Мы видели, почему должен был погибнуть (а теперь гибнет на наших глазах) капиталистический строй. Он гибнет оттого, что в нем было заложено два основных противоречия: с одной стороны, анархия производства, которая вела к конкуренции, кризисам, войнам; с другой стороны, классовый характер общества, когда одна часть общества находится и не может не находиться в смертальной вражде с другой его частью (классовая борьба). Капиталистическое общество представляло плохо сколоченную машину, где одна часть постоянно зацеплялась за другую (смотри § 13: „Основные противоречия капиталистического строя“). Поэтому эта машина неизбежно должна была рано или поздно сломаться.

Понятно, что новое общество должно быть таким, которое будет сколочено гораздо крепче, чем капитализм. Раз основные противоречия капитализма взрывают его на воздух, следовательно, на развалинах этого капитализма должно вырасти общество, не знающее тех противоречий, которые были заложены в старом. Значит, отличительными чертами коммунистического способа производства должны быть следующие признаки: 1) это должно быть общество организованное; оно не должно иметь анархии производства, конкуренции частных предпринимателей, войн, кризисов; 2) это должно быть общество бесклассовое, оно не должно

состоять из вечно враждующих друг с другом половин, оно не может быть обществом, где один класс эксплоатируется другим классом. А таким обществом, в котором нет классов и где все производство организовано, может быть только товарищеское трудовое, коммунистическое общество.

Рассмотрим это общество более подробно.

В основе коммунистического общества должна лежать общественная собственность на средства производства и обращения. Это значит, что машины, аппараты, паровозы, пароходы, фабричные здания, склады, элеваторы, рудники, телеграф и телефон, земля и рабочий скот—все это находится в распоряжении общества. Не отдельный капиталист, не союз отдельных богатых лиц владеет этими средствами, а все общество целиком. Что значит: все общество целиком? Это значит, что даже не один класс является владельцем, а все люди, которые составляют общество. При таком условии общество превращается в громадную трудовую товарищескую артель. Тут нет никакого дробления производства и никакой анархии. Наоборот. Именно при таком порядке все производство является организованным производством. В нем ни одно предприятие не борется и не конкурирует с другим, ибо все фабрики, заводы, рудники и прочие учреждения составляют здесь нечто вроде отделений одной всенародной великой мастерской, которая охватывает все народное хозяйство. Само собою разумеется, что такая громадная организация предполагает общий план производства. Если все фабрики, заводы, все сельское хозяйство есть одна громадная артель, понятно, что здесь должно быть все рассчитано: как распределить рабочие руки между разными отраслями промышленности, какие продукты и сколько их нужно произвести, как и куда направить технические силы и так далее,—все это нужно заранее, хотя бы приблизительно, рассчитать и сообразно с этим действовать. В этом как раз и выражается организованность коммунистического производства. Без общего плана и общего руководства, без точного учета и подсчета никакой организации нет. В коммунистическом строе такой план есть.

Но одной организованности мало. Суть дела здесь еще в том, что эта организация—товарищеская организация всех членов общества. Коммунистический строй, кроме организованности, отличается еще тем, что он уничтожает эксплоатацию, что он уничтожает деление общества на классы. Ведь организацию производства можно себе представить, например, на такой манер: кучка капиталистов вла-

деет всем, но владеет сообща; производство организовано—капиталист с капиталистом не соперничает, не конкурирует, а сообща выкачивает прибавочный труд из своих рабочих, превращенных в полурабов. Здесь есть организация, но есть также и эксплоатация одного класса другим. Здесь есть общая собственность на средства производства, но это общая собственность только одного, эксплоататорского, класса. Поэтому это вовсе не коммунизм, хотя здесь и имеется организация производства. Такая организация общества устраняла бы одно основное противоречие: анархию производства. Но она усилила бы другое основное противоречие капитализма: разделение общества на две борющиеся половины; классовая борьба еще более бы обострилась. Это общество было бы организовано только по одной линии; но оно было бы расколото самым основательным образом по другой линии, по линии классовой. Коммунистическое общество не только организует производство, но и освобождает людей от угнетения другими людьми. Оно организовано во всех своих частях.

Товарищеский характер коммунистического производства проявляется и во всех подробностях организации этого производства. При коммунизме, например, не будет постоянных управляющих заводами или лиц, всю свою жизнь занимающихся одним и тем же трудом. Ведь теперь так: если человек—сапожник, то он всю жизнь тачает сапоги и, кроме колодки, ничего не видит; если он—пирожник, он всю жизнь печет пироги; если человек—директор фабрики, он все время управляет и приказывает; если он—простой рабочий, он всю жизнь исполняет чужие приказания и повинуется. Ничего подобного нет в коммунистическом обществе. Тут люди все получили разностороннее образование и знакомы с разными производствами: сегодня я управляю, подсчитывая, сколько нужно произвести на следующий месяц валяных сапог или французских булок; завтра я работаю на мыловаренном заводе, через неделю, может быть,—на общественных парниках, а еще через три дня—на электрической станции. Это будет возможно, когда все члены общества будут получать надлежащее образование.

§ 20. Распределение в коммунистическом строе.

Коммунистический способ производства предполагает также не производство на рынок, а производство для собственного потребления. Только здесь производит на самого себя не от-

дельный хозяин, не отдельный крестьянин, а вся эта громаднейшая артель. Значит, здесь нет товаров, а есть только продукты. Эти произведенные продукты не обмениваются друг на друга; их не покупают и не продают. Они просто поступают на общественные склады, а потом их берут те, кому они нужны. Стало быть, и денег здесь не нужно будет. Как же?—спросит всякий. Ведь этак один заберет прорву, а другой совсем мало. Какой же толк будет от такого распределения продукта? Тут нужно вот что сказать. На первых порах, быть может, в течение нескольких десятков лет, придется, конечно, вводить разные правила: напр., такие, что продукты получаются только теми, у кого есть отметки в трудовой книжке или кто предъявил трудовой талон. А впоследствии, когда коммунистическое общество окончательно окрепнет и разовьется, тогда и этого не понадобится. Всякого продукта будет очень много, все раны будут давным-давно залечены, и можно будет каждому предоставить брать, сколько ему чего понадобится. Да и людям не будет никакого интереса брать больше, чем нужно. Ведь, напр., теперь никому не приходит в голову покупать в трамвае три места, на одном сидеть, а два оставлять пустыми: нет такой потребности. А тогда будет то же со всеми продуктами: взял человек столько-то и столько-то из общественного склада, сколько нужно, и больше ничего. Продать излишек тоже нет интереса: ведь всякий и так взять может, да и деньги тогда не будут цениться. Значит, в начале коммунистического общества, вероятно, продукты будут распределяться в зависимости от труда, а потом просто по потребностям граждан-товарищей.

Очень часто говорят, что в будущем обществе будет осуществлено право каждого на полный продукт своего труда; что сработал, то и получил. Это неверно и никогда целиком проведено быть не может. Почему? Да потому, что если бы все получали то, что сделали, то никогда нельзя было бы двигать производство вперед, расширять и улучшать его. Всегда часть сделанной работы должна идти на расширение и улучшение производства. Если бы мы проедали и пронашивали целиком все, что сделали, тогда нельзя было бы производить машин: их ведь не едят и не носят. Всякому понятно, что жизнь будет улучшаться вместе с увеличением и улучшением машин, которые будут производиться все больше и больше. А это значит, что часть труда, которая в них будет заключена, не возвращается тому, кто трудился. Значит, никогда не может быть, чтобы каждый получал продукт своего труда полностью. Да это вовсе и не нужно. При помощи хороших машин производство будет так поставлено, что будут удовлетворяться все потребности и без этого.

Итак, в первое время распределение продукта будет делаться в зависимости от труда (хотя и не по „полному продукту труда"), а потом по потребностям: всего будет в изобилии.

§ 21. Управление в коммунистическом строе.

В коммунистическом обществе не будет классов. Но если в нем не будет классов, то это значит, что в нем не будет также никакого государства. Мы ведь уже говорили раньше, что государство есть классовая организация господства; государство всегда направлено одним классом против другого: если государство буржуазное, то оно направлено против пролетариата; если это государство пролетарское, тогда оно направлено против буржуазии. В коммунистическом же строе нет ни помещиков, ни капиталистов, ни наемных рабочих—в нем есть только простые люди—товарищи. Классов нет, классовой борьбы тоже нет, классовые организации не существуют. Не существует, следовательно, и государства: оно не нужно здесь, так как нет классовой борьбы, некого держать в узде и некому это делать.

Но как же, спросят нас, может двигаться без всякого управления такая громадная организация? Кто же будет вырабатывать план общественного производства? Кто будет распределять рабочие силы? Кто будет высчитывать общественный расход и приход? Кто будет, словом, следить за всем порядком?

На это ответить не трудно. Главное руководство будет лежать в разного рода счетных конторах, или статистических (вычислительных) бюро. Там будет изо дня в день вестись учет всему производству и потребностям производства; будет указываться также, куда нужно добавить рабочие руки, откуда убавить, сколько работать. И так как все будут с детства привычны к общему труду и понимать, что он нужен и что жить всего легче, когда все идет по рассчитанному плану, как по маслу, то все и работают, смотря по указаниям этих вычислительных бюро. Тут не нужно особых министров, полиции, тюрем, законов, декретов,—ничего. Как в оркестре все смотрят на дирижерскую палочку и действуют, смотря на нее, так и здесь будут смотреть на расчетные таблицы и соответственно этому вести работу.

Значит, тут никакого государства и нет. Тут нет никакой группы и никакого класса, который стоит над остальными классами. К тому же в этих счетных бюро будут сегодня одни, а завтра—другие лица. Бюрократия, постоянное чиновничество исчезнет. Государство отомрет.

Разумеется, так будет в развитом, окрепшем коммунистическом строе, после полной и окончательной победы пролетариата, и не особенно даже скоро после нее. Ведь рабо-

чему классу придется долго бороться со своими врагами, потом со всеми остатками прошлого: лодырничаньем, расхлябанностью, преступностью, барством, которое долго придется выколачивать. Поэтому пройдет смена двух-трех поколений, выросших при совсем новых условиях, пока исчезнет необходимость в законах и наказаниях, в подавлении рабочим государством всяких остатков капиталистической старины. Но если для этого нужно рабочее государство, то в развитом строе, когда остатки капитализма отомрут, отомрет и государственная власть пролетариата. Сам пролетариат будет смешиваться с остальными слоями, ибо все мало-по-малу начнут втягиваться в общую работу, а через десяток—другой лет будет совсем иная земля, иные люди, иные нравы.

§ 22. Развитие производительных сил в коммунистическом строе (преимущества коммунизма).

Коммунистический строй быстро двинет вперед развитие производительных сил, когда он победит и залечит все раны. Это быстрейшеее развитие производительных сил будет происходить вот от каких причин. Во-первых, освободится громадное количество человеческой энергии, которое идет на классовую борьбу. Ведь подумать только, сколько тратится сейчас нервов, сил, труда на политику, забастовки, восстания, подавление восстаний, суды, полицию, государственную власть, на каждодневные усилия с той и с другой стороны!

Классовая борьба поглощает громадное количество сил и средств. Все эти силы освобождаются: люди не будут тогда бороться друг с другом. Эти освободившиеся силы пойдут на производительный труд. Во-вторых, сохраняются силы и средства, которые разрушаются или которые тратятся при конкуренции, кризисах, войнах. Если подсчитать только траты от войн, то это будет невероятно громадная сумма. А сколько получается для общества расходов от борьбы между продавцами, между покупателями друг с другом и между продавцами и покупателями! Сколько гибнет всего зря от кризисов! Сколько лишних издержек бывает из-за неорганизованности и безалаберности производства! Все эти силы, которые теперь пропадают, сохраняются в коммунистическом обществе. В-третьих, организованность и целесообразный план не только предохраняют от лишних трат (тут сказывается то, что крупное производство всегда сберегает), но и позволяют улучшить всю постановку дела

с технической стороны: производство будет вестись на самых крупных заводах, при помощи самых лучших технических средств. Ведь при капитализме даже для введения машин были определенные границы. Капиталист вводил машины только тогда, когда не было достаточно дешевых рабочих рук. Если же дешевые рабочие руки находились, тогда капиталисту нечего было вводить машин: он и без того получал хорошие барыши. Машина ему оказывалась нужна только тогда, когда она сберегала дорогую рабочую силу. А так как вообще при капитализме рабочие руки дешевы, то это плохое положение рабочего класса было причиной, препятствовавшей улучшению техники. В особенности ярко это сказывалось в сельском хозяйстве. Там рабочие руки были всегда дешевы, и из-за этого развитие машинного труда шло очень медленно. В коммунистическом обществе забота не о прибыли, а о самих работающих. Там всякое улучшение будет тотчас же подхватываться и проводиться в жизнь. Там для него нет тех цепей, которые накладывал капитализм. Технические изобретения при коммунизме тоже двинутся вперед: ведь у всех будет хорошее образование, и те, кто при капитализме гибнет от нужды (напр., талантливые рабочие), будут иметь полную возможность развернуть свои способности.

В коммунистическом обществе исчезнет также паразитизм, то-есть существование людей-паразитов, которые ничего не делают и живут на счет других. То, что в капиталистическом обществе прокучивалось, проедалось, пропивалось капиталистами, будет идти в коммунистическом обществе на производительные нужды; капиталисты, их лакеи и дворня, попы, проститутки и т. д. исчезнут, и все члены общества будут заняты производительным трудом.

Коммунистический способ производства будет означать громадное развитие производительных сил. Это значит, что на долю каждого работника коммунистического общества будет приходиться меньше труда, чем раньше. Рабочий день будет все сокращаться, и люди будут все более освобождаться от цепей, накладываемых природой. Раз человеку придется тратить мало времени на то, чтобы прокормить и одеть себя, значит, у него будет много времени, чтобы заниматься своим духовным развитием. Человеческая культура достигнет небывалой высоты. Она будет при этом действительно человеческой, а не классовой культурой. Вместе с исчезновением гнета человека над человеком будет исчезать и гнет природы над людьми. Человечество начнет здесь впервые вести действительно разумную, а не зверскую жизнь.

Противники коммунизма всегда изображали его, как уравнительную дележку. Они говорили, что коммунисты хотят все забрать и поделить поровну: землю и другие средства производства, а также и средства потребления. Нет ничего нелепее такого взгляда. Прежде всего, такой всеобщий передел невозможен: можно поделить землю, рабочий скот, деньги. Но нельзя поделить железные дороги, машины, пароходы, сложные аппараты. Это во-первых. Во-вторых, раздел не только не приводит ни к чему хорошему, а, наоборот, отбрасывает человечество назад. Он означает образованием множества мелких собственников. А мы уже знаем, что из мелкой собствевенности и конкуренции мелких собственников рождается крупная собственность. Значит, даже если бы был осуществлен всеобщий передел, то потом началось бы то же самое, и люди повторяли бы вечную сказку про белого бычка.

Пролетарский коммунизм (или пролетарский социализм) есть крупное товарищеское объединенное хозяйство. Он вытекает из всего развития капиталистического общества и из положения пролетариата в этом обществе. От него нужно отличать:

1) Люмпен-пролетарский социализм (анархизм). Анархисты упрекают коммунистов в том, что будто бы коммунизм сохраняет государственную власть в будущем обществе. Это, как мы видели, неверно. Действительная разница состоит в том, что анархисты в гораздо большей степени обращают внимание на распределение, чем на организацию производства; а эту организацию производства они представляют не как громадное товарищеское хозяйство, а как массу мелких, „свободных", самоуправляющихся коммун. Такой строй, явное дело, не может освободить человечество от гнета природы: в нем производительные силы не смогут быть развиты даже до того предела, какого они достигали при капитализме. Это потому, что анархизм не укрупняет, а раздробляет производство. Немудрено, что на практике анархисты склоняются часто к дележке предметов потребления и восстают против организации крупного производства. Они отражают интересы и стремления, главным образом, не рабочего класса, а так-называемого люмпен-пролетариата, босяцкого пролетариата, которому плохо живется при капитализме, но который не способен ни на какую самостоятельную творческую работу.

2) Мещанский (мелко-буржуазный городской) социализм. Он опирается не на пролетариат, а на разоряющихся ремесленников, мелких горожан-мещан, частью на интеллигенцию. Он протестует против крупного капитала, но во имя „свободы" мелкого предпринимательства. По большей части он стоит за буржуазную демократию против социалистической революции, надеясь достигнуть своих идеалов „мирным путем": через развитие кооперации, артелей, объединение кустарей и т. д. У нас большая часть городских эс-эровских кооператоров принадлежит к этому образцу. При капитализме их предприятия обычно вырождаются в обыкновенные капиталистические организации, а сами эти кооператоры почти ничем не отличаются тогда от чистейших буржуа.

3) Аграрно-крестьянский социализм принимает разные формы, иногда близкие деревенскому анархизму. Для него особенно характерно то, что он никогда не представляет себе социализма, как крупного хозяйства, очень близко подходит к дележке и к поравнению; от анархизма отличается по большей части требованием крепкой власти, которая бы охраняла от помещика, но в то же время охраняла бы и от пролетариата; таким видом „социализма" является эс-эровская „социализация земли", которая навеки вечные укрепляет мелкое производство и боится пролетариата и превращения всего народного хозяйства в крупное товарищеское объединение. Впрочем, среди некоторых слоев крестьянства есть и другие виды социализма, более близкие к анархизму, не признающие государственной власти,

но отличающиеся мирным характером (таков сектантский коммунизм, духоборы и т. д.). Аграрно-крестьянские настроения могут быть изжиты только в течение многих лет, когда крестьянская масса поймет все преимущества крупного хозяйства (об этом нам придется говорить много раз ниже).

4) Рабовладельческий и крупно-капиталистический, так-называемый, социализм. На самом деле здесь нельзя даже говорить о тени социализма. Если в трех вышеприведенных группах „социализма“ на него есть кое-какие намеки и если в них все же есть протест против угнетения, то здесь имеется только слово, которое обманным путем употребляется для того, чтобы спутать все карты. Эту моду ввели буржуазные ученые, а с их голоса и соглашательские социалисты (отчасти даже Каутский и К°). Таков, например, „коммунизм“ древне-греческого философа Платона. Он заключается в том, что организация рабовладельцев „товарищески“ и „сообща“ эксплоатирует массу бесправных рабов. Среди рабовладельцев—полное равенство и все общее. У рабов—нет ничего: они превращены в скот. Понятно, что здесь социализмом и не пахнет. Такого же рода „социализм“ проповедуют и некоторые буржуазные профессора под видом „государственного социализма“, с тою только разницей, что в рабов превращается современный пролетариат, а вместо рабовладельцев сидят наверху крупнейшие капиталисты. На самом деле и здесь нет ни тени социализма, а есть государственный, каторжный капитализм (о нем будет речь ниже).

Мещанский, аграрный и люмпен-пролетарский социализм имеют одну общую черту: все эти виды не пролетарского социализма не считаются с действительным ходом развития. Ход развития ведет к укрупнению производства. У них же все покоится на мелком производстве. Поэтому неизбежно этот социализм представляет не что иное, как мечту, „утопию“, не имеющую никакой вероятности осуществления.

§ 23. Диктатура пролетариата.

Для осуществления коммунистического строя пролетариату необходимо иметь в своих руках всю власть и всю силу. Он не может перевернуть старого мира, если он не будет иметь в руках этой силы, если он временно не станет господствующим классом. Само собой разумеется, что буржуазия без боя не отдаст своих позиций. Ведь коммунизм означает для нее потерю прежнего могущественного положения, потерю „свободы“ выжимать пот и кровь из рабочего, потерю права на прибыли, проценты, ренту и прочее. Коммунистическая революция пролетариата, коммунистическое преобразование общества натыкается поэтому на бешеную борьбу и сопротивление эксплоататоров. Задача рабочей власти как раз поэтому и состоит в том, чтобы беспощадно подавлять это сопротивление. А так как это сопротивление неизбежно должно быть очень большим, то и рабочая, пролетарская власть должна быть рабочей диктатурой. „Диктатура“ означает особенно суровый способ управления и решительность в подавлении врагов. Совершенно понятно, что при таком положении вещей не может быть никакой речи о „сво-

бодах“ для всех людей. Диктатура пролетариата несовместима со свободой для буржуазии. Эта диктатура для того и нужна, чтобы лишить буржуазию свободы, чтобы связать ее по рукам и по ногам, чтобы не дать ей вести борьбу против революционного пролетариата. И чем больше сопротивление буржуазии, чем отчаяннее мобилизует она свои силы, чем она опаснее, тем суровее и жестче должна быть пролетарская диктатура, которая не должна в крайних случаях останавливаться даже перед террором. Только при полном подавлении эксплоататоров, когда они перестанут сопротивляться, когда не будет для них никакой возможности пакостить рабочему классу, диктатура пролетариата будет все смягчаться и смягчаться; тем временем прежняя буржуазия будет понемногу смешиваться с пролетариатом, рабочее государство постепенно отомрет; а все общество превратится в коммунистическое общество, без всяких классов.

При диктатуре пролетариата, которая является временным учреждением, средства производства по сути дела принадлежат не всему обществу без исключения, а только пролетариату, его государственной организации. Здесь рабочий класс, т.-е. большинство населения, монополизирует временно все средства производства. Поэтому здесь еще нет полностью коммунистических производственных отношений. Здесь есть еще деление общества на классы; здесь есть еще господствующий класс (пролетариат); здесь есть монополизация этим новым классом всех средств производства; здесь есть государственная власть (власть пролетариата), которая подавляет своих врагов. Но по мере того, как подавляется сопротивление бывших капиталистов, помещиков, банкиров, генералов и епископов, строй пролетарской диктатуры без всяких революций переходит в коммунизм.

Пролетарская диктатура является не только орудием подавления врага, но и рычагом экономического переворота. Ведь, этот переворот должен заменить частную собственность на средства производства общественною; он должен отнять („экспроприировать“) у буржуазии средства производства и обращения. Кто же это будет делать и должен делать? Ясно, что не отдельные лица, хотя бы и пролетарского происхождения. Если бы это стали делать отдельные лица или даже отдельные группки, то вышла бы в лучшем случае дележка, а в худшем все это выродилось бы в простой грабеж. Понятно поэтому, что экспроприацию буржуазии должна проводить организованная сила проле-

тариата. А такой организованной силой и является диктаторское рабочее государство.

Против пролетарской диктатуры возражают с разных сторон. Во-первых, анархисты. Они говорят, что борются против всякой власти и всякого государства, тогда как большевики-коммунисты стоят за Советскую власть. Всякая же власть есть насилие и стеснение свободы. А потому нужно свергать большевиков и Советскую власть, диктатуру пролетариата. Никакой диктатуры не нужно, не нужно никакого государства. Так рассуждают анархисты. Их возражение только кажется революционным. На самом деле анархисты не левее, а правее нас, большевиков. В самом деле, для чего нам нужна диктатура? Чтобы организованно добивать господство буржуазии, чтобы употреблять насилие (мы это открыто говорим) против врагов пролетариата. Диктатура пролетариата—это топор в его руках. Кто против нее, тот боится решительных действий, тот боится обидеть буржуазию, тот не революционер. Когда мы буржуазию победим вполне, тогда нам не нужно будет никакой диктатуры пролетариата. Но когда идет борьба не на жизнь, а на смерть, тогда священная обязанность рабочего класса заключается в решительном подавлении своих врагов. Между коммунизмом и капитализмом должна быть эпоха пролетарской диктатуры. Затем возражают против диктатуры социал-демократы, в частности меньшевики. Эти господа совершенно позабыли то, что сами когда-то писали. Ведь в нашей старой программе, выработанной вместе с меньшевиками, прямо сказано: „Необходимое условие социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров". Под этим подписываются (на словах) и меньшевики. Но когда доходит до дела, тогда они начинают кричать о нарушении свобод для буржуазии, на закрытие буржуазных газет, на „террор большевиков" и т. д. Между тем, в свое время даже Плеханов весьма одобрял беспощадные меры против буржуазии, говорил, что мы можем ее лишить избирательных прав и проч. Теперь все это забыто меньшевиками, перешедшими в лагерь буржуазии.

Наконец, нам возражают многие с моральной точки зрения. Говорят, что мы рассуждаем, как дикари-готтентоты. Готтентот говорит: „Когда я украду жену соседа, это хорошо; когда он украдет мою жену, это плохо". И большевики, мол, ничем не отличаются от дикарей, так как они говорят: „Когда буржуазия насильничает над пролетариатом, это плохо; когда пролетариат насильничает над буржуазией, это хорошо".

Возражающие так совсем не понимают, о чем идет речь. Когда они говорят о готтентотах, так там два равных человека, которые крадут друг у друга жен из-за тех же самых соображений. Пролетариат и буржуазия, однако, не два равных. Пролетариат—класс огромный, буржуазия—кучка. Пролетариат борется за освобождение всего человечества, буржуазия за сохранение гнета, войн, эксплоатации; пролетариат борется за коммунизм, буржуазия—за сохранение капитализма. Если бы капитализм и коммунизм были одно и то же, тогда буржуазия и пролетариат были бы похожи на двух готтентотов. Сейчас же только пролетариат борется за новый строй; все, что помогает ему в этой борьбе, все то полезно; все, что мешает, вредно.

§ 24. Завоевание политической власти.

Пролетариат осуществляет свою диктатуру путем завоевания государственной власти. Но что значит завоевание

власти? Многие думают, что завоевать у буржуазии власть—это вроде как переложить мячик из одного кармана в другой. Раньше эта власть была в руках у буржуазии, а потом пролетариат прогнал эту буржуазию и ту власть, которая была у нее, взял себе. Не новую власть создал, а старую захватил в свои руки.

Такой взгляд совсем не верен, и стоит только хорошенько подумать над ним, чтобы увидать, в чем заключается неправильность.

Государственная власть есть организация. Буржуазная государственная власть есть буржуазная организация, в которой все люди подобраны на определенный манер: в армии—генералы из богачей наверху, министры из богачей—в управлении и т. д. Когда пролетариат борется за власть, против кого он борется? В первую голову против этой буржуазной организации. Но если он борется против нее, значит, его задача состоит в том, чтобы нанести ей удары, чтобы ее разрушить. А так как главная сила государства заключается в армии, то, чтобы одержать победу над буржуазией, необходимо разложить и разрушить буржуазную армию в первую голову. Немецкие коммунисты не могут свергнуть правительства Шейдемана и Носке, не разрушая его белогвардейской армии. Если армия противника цела-целехонька, не может победить революция; если революция побеждает, разлагается и распадается армия буржуазии. Поэтому, например, победа над царизмом означала частичное разрушение царского государства и разложение армии; и победа октябрьской революции означала окончательное разрушение государственной организации Врем. Правительства и разложение армии Керенского.

Революция таким образом разрушает старую власть и создает новую, другую, ту, которой не было раньше. Конечно, в эту новую входят и некоторые составные части старого, но они расставлены по-другому, на другой манер.

Значит, завоевание государственной власти не есть завоевание той же самой организации, а создание другой организации, организации того класса, который победил в борьбе.

Вопрос этот имеет громадное практическое значение. Немецких большевиков, напр., упрекают (как в свое время русских) в том, что они разлагают армию и способствуют падению дисциплины, повиновению генералам и т. д. Это казалось и многим до сих пор кажется страшным обвинением. А между тем в нем нет ничего страшного. Армия, которая выступает против рабочих по приказу генералов и буржуа, хотя бы они и были земляками, должна

быть разложена. Иначе—смерть революции. Значит, этого разложения буржуазной армии нечего бояться, и революционер должен себе ставить в заслугу то, что он разрушает государственный аппарат буржуазии. Там, где буржуазная дисциплина не нарушена, буржуазия непобедима. Нельзя желать ее разбить и в то же время бояться ее обидеть.

§ 25. Коммунистическая партия и классы капиталистического общества.

Чтобы пролетариат в какой угодно стране мог победить, нужно, чтобы он был сплочен и организован, нужно, чтобы он имел свою коммунистическую партию, которая бы ясно видела, куда ведет развитие капитализма, которая бы понимала истинное положение и истинные интересы рабочего класса, которая разъясняла бы это положение и которая вела бы в бой и руководила боем. Никакая партия никогда и нигде не имела в своих рядах всех до одного членов своего класса: до такой степени сознательности ни один класс никогда и не доходил. Обыкновенно в партию организуются самые „передовые“ члены класса, наиболее правильно сознающие свои классовые интересы, наиболее смелые, энергичные и упорные в борьбе. Таким образом, партия по числу своих членов всегда много меньше того класса, интересы которого она защищает. Но так как партия защищает именно эти, правильно понятые интересы, то партии обычно играют руководящую роль. Они ведут за собой весь класс, а классовая борьба за власть отражается, как борьба за власть политических партий. Чтобы понять природу политических партий, нужно рассмотреть положение разных классов капиталистического общества в отдельности. Из этого положения вытекают определенные классовые интересы, а их защита и образует, как мы видели, существо политических партий.

Помещики-землевладельцы. В первый период капиталистического развития их хозяйство покоилось на полурабском труде крестьян. Они сдавали крестьянам землю в аренду, беря за это либо натурой (напр., работа исполу, работа в помещичьем хозяйстве и т. д.), либо деньгами. Класс таких помещиков был заинтересован в том, чтобы крестьяне не уходили в города, противился всяким новшествам, желал сохранить старинные полурабские отношения в деревне; он был поэтому противником развивающейся промышленности. Такие помещики имели старые родовые дворянские имения, сами большей частью своего хозяйства не вели, а жили паразитами на крестьянском горбу. Соответственно такому по-

ложению партии помещиков всегда были и являются до сих пор оплотом самой черной реакции. Это—партии, желающие возвратить повсюду старый порядок, с господством помещиков, помещичьим царем (монархом), с преобладанием „благородного дворянства", с полным порабощением крестьян и рабочих. Это, как говорят, консервативные, или, вернее, реакционные, партии. Так как издавна военные выходили из дворян-помещиков, неудивительно, что помещичьи партии весьма дружат с генералами и адмиралами. Это происходит во всех странах.

Образцом этого может служить прусское „юнкерство" (юнкерами называют в Германии крупных помещиков), из которого набирался офицерский корпус, а также наше русское дворянство, так-называемые дикие помещики, или „зубры", вроде депутатов Думы—Маркова Второго, Крупенского и т. д. Если взять, например, царский Государственный Совет, то можно было бы увидеть, что громадная часть его членов состояла как раз из представителей этого помещичьего класса. Обыкновенно самые крупные помещики старинных родов носят различные титулы: князей, графов и т. д.; они—наследники своих предков, имевших тысячи крепостных рабов. В России помещичьими партиями были: союз русского народа, партия „националистов" (во главе с Крупенским), правые октябристы и т. д.

Капиталистическая буржуазия. Ее интерес в получении наиболее высокой прибыли с развивающейся „отечественной промышленности", т.-е. из прибавочной ценности, выжимаемой из рабочего класса. Ясно, что ее интересы не совсем совпадают с интересами помещиков. Капитал, когда вторгается в деревню, разрушает там старые отношения; он вытягивает крестьянина из деревни в город, создает в городе огромный пролетариат, пробуждает у деревни новые потребности; появляется буйная „мастеровщина", прежние смирные крестьяне начинают „баловать". Поэтому все эти новшества не нравятся помещику-зубру. Наоборот, капиталистическая буржуазия видит в них признаки своего благополучия. Чем больше тянет рабочих из деревни в город, тем больше к услугам капиталиста наемных рук, тем дешевле можно за них платить; чем более разоряется деревня, чем больше мелких хозяйчиков перестают производить на себя разных продуктов, тем более они нуждаются в том, чтобы все это покупать у крупных фабрикантов; значит, чем скорее исчезают старые отношения, когда деревня на себя производила все, тем больше расширяется рынок для сбыта фабричных товаров, тем выше прибыли класса капиталистов.

Поэтому класс капиталистов ворчит на старых помещиков (есть еще помещики-капиталисты, которые сами ведут свое хозяйство при помощи наемного труда и машин; они

гораздо ближе по своим интересам к буржуазии и входят обыкновенно в партии крупной буржуазии). Но, конечно, главная борьба у него направлена против рабочего класса. Когда рабочий класс борется только против помещиков и мало против буржуазии, тогда буржуазия смотрит на борьбу рабочих весьма благожелательно (напр., в 1904—1905 году до октября). Когда же рабочие начинают осуществлять свои коммунистические интересы и идут против буржуазии, тогда буржуазия объединяется вместе с помещиками против рабочих. Теперь во всех решительно странах партии капиталистической буржуазии (так-называемые либеральные партии) ведут бешеную борьбу против революционного пролетариата и составляют главный политический штаб контр-революции.

В России такой партией является „партия народной свободы“, иначе называемая „конституционно-демократической“ партией, или, попросту, „кадетами“, а также почти исчезнувшая партия „октябристов“. Промышленная буржуазия, капиталистические помещики, банкиры, а также их защитники— крупная интеллигенция (профессора, хорошо оплачиваемые адвокаты и писатели, директора фабрик и заводов),—вот кто составлял ядро этой партии. В 1905 году партия эта ворчала против самодержавия, но уже побаивалась рабочих и крестьян; после февральской революции она стала во главе всех партий, идущих против партии рабочего класса, т.-е. большевиков-коммунистов. В 1918 и 1919 году партия к.-д. руководила всеми заговорами против Советской власти, принимала участие в правительстве генерала Деникина и адмирала Колчака. Словом, она стала вождем кровавой реакции и окончательно слилась даже с помещичьими партиями. Это произошло потому, что под напором рабочего класса все группы крупных собственников объединяются в один черный стан, и во главе становится самая энергичная партия.

Городская мелкая буржуазия и мелкая интеллигенция. Сюда относятся ремесленники, мелкие лавочники, мелкая служащая интеллигенция и мелкое чиновничество. Это, в сущности, не класс, а довольно разнородная куча. Все эти элементы более или менее эксплоатируются капиталом и работают часто через силу. Многие из них в ходе капиталистического развития гибнут. Но условия их труда таковы, что они по большей части не сознают безнадежности своего положения при капитализме. Взять, например, ремесленника. Он трудолюбив, как вол. Капитал его эксплоатирует разными способами: его эксплоатирует ростовщик; его эксплоатирует, скажем, магазин, на который он работает, и т. д. Но ремесленник все же чувствует себя „хозяйчиком“: он работает на своих инструментах, он по видимости „независим“ (хотя в действительности его со всех сторон опутал капиталистический паук); он надеется еще и сам выйти „в люди“ („вот,—думает он постоянно,—поправятся дела, тогда я себе и то куплю, и

это“); он стремится слиться не с рабочими и подражает не им, а хозяевам, потому что в душе сам стремится стать таким хозяином. Вот почему, несмотря на то, что он беден, как церковная крыса, он часто ближе к своим эксплоататорам, чем к рабочему классу. Мелко-буржуазные партии обычно выступают под флагом „радикальных“, „республиканских“, а иногда и „социалистических“ партий (см. также § 22, мелкий шрифт). Стоит большого труда сдвинуть мелкого хозяйчика с его неправильной позиции: в этом не его „вина“, в этом его беда.

В России мелко-буржуазные партии более чем где бы то ни было надевали на себя социалистическую маску. Таковы партии „народных социалистов“, „эс-эров“, отчасти меньшевиков. Впрочем, нужно заметить, что эс-эры стремились, главным образом, опереться на середняцкие и кулацкие элементы в деревне.

Крестьянство. Крестьянство в деревнях занимает место, очень похожее на мелкую буржуазию в городах. Оно, в сущности, тоже не есть класс, потому что оно постоянно при капитализме распадается на классы. Из крестьян в любой деревне и в каждом селе одни уходили постоянно на заработки, а потом и вовсе превращались в пролетариев, другие пролезали в кулаки. Крестьянская середка, так-называемые середняки, тоже вещь неустойчивая: одни из середнячков разорялись, попадали в безлошадные, а потом в батраки, мастеровые, фабричные; другие понемногу поправлялись, „строились“, вылезали в богатеи, становились „хозяйственными мужичками“, принанимали себе работничков, заводили машины,—словом, становились предпринимателями-капиталистами. Вот почему про крестьянство можно сказать, что оно—не класс. В нем нужно различать, по крайней мере, три группы: кулачество, или сельско-хозяйственную буржуазию, эксплоатирующую наемный труд; середняков, которые ведут свое трудовое хозяйство, но наемного труда не эксплоатируют, и, наконец, полупролетариев и пролетариев.

Нетрудно понять, что, согласно своему положению, все эти группы по-разному смотрят на классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией. Кулачество обычно состоит в союзе с буржуазией, а очень часто даже и с помещиками (в Германии, например, так-называемые „крупные крестьяне“ входят вместе с попами и помещиками в одни и те же организации; то же в Швейцарии, в Австрии, отчасти и во Франции; в России кулаки уже в 1918 году стали поддерживать все контр-революционные заговоры). Полупролетарские

и *пролетарские* слои, естественно, поддерживают рабочих в их борьбе с буржуазией и с кулаками. Что же касается середняка, то дело обстоит здесь много сложнее.

Если бы крестьяне-середняки смогли сразу понять, что большинству из них при капитализме нет выхода, что только немногие из них смогут пробиться в кулаки, а остальным суждена полунищенская жизнь, тогда бы они стали решительно все и целиком поддерживать рабочих. Но их *беда* состоит в том, что с ними происходит то же, что с ремесленниками и мелкой городской буржуазией вообще. *Каждый* из них в глубине души надеется выйти в люди, разбогатеть. Но, с другой стороны, их угнетают капиталист, ростовщик, помещик, кулак. Поэтому середняк-крестьянин большей частью *мечется между* пролетариатом и буржуазией. Он никак не может целиком стать на рабочую платформу; но в то же время он боится помещика пуще огня.

Особенно ясно это можно видеть у нас в России; крестьяне середняки поддерживали рабочих против помещика и кулака; но потом часто боялись, как бы при „коммунии" не было хуже, и шли против рабочих: кулакам удавалось их соблазнить; а когда снова появлялась опасность помещика (Деникин, Колчак), они снова начинали поддерживать рабочих.

Это положение сказывалось и на борьбе партий. То крестьяне-середняки шли за *рабочей* партией (большевиками-коммунистами), то за партией *кулаков и крупных* крестьян—эс-эрами.

Рабочий класс (пролетариат) составляет класс, которому „нечего терять, кроме своих цепей". Он не только эксплоатируется капиталистами, но он, как мы уже видели, сплачивается самим ходом капиталистического развития в крупную силу, солидарную, однородную, привыкшую сообща трудиться и сообща бороться. Поэтому рабочий класс есть *самый передовой класс капиталистического общества*. Поэтому и его партия есть *самая передовая, самая революционная партия, какая только может существовать*.

Естественно также, что целью этой партии является коммунистическая революция. А для этой цели партия пролетариата должна быть *непримиримой*. Ее задача—не торговаться с буржуазией, а низвергать буржуазию и подавлять сопротивление этой буржуазии. Она, эта партия, должна „разоблачать *непримиримую противоположность* интересов эксплоататоров интересам эксплоатируемых" (так сказано было и в нашей старой программе, подписанной и меньшевиками; увы, они это основательно забыли и целуются с буржуазией).

Но каково должно быть отношение нашей партии к мелкой буржуазии, городской непролетарской бедноте, крестьянам-середнякам?

Из вышеприведенного ясно это отношение. Мы должны всячески доказывать и разъяснять, что надежды на лучшее житье при капитализме—это обман или самообман. Мы должны терпеливо и постоянно разъяснять крестьянину-середняку, что он должен перейти решительно в стан пролетариата, вместе с ним бороться, несмотря ни на какие трудности; мы обязаны указывать, что при победе буржуазии выиграют только кулаки, которые превратятся в нового помещика. Мы должны, словом, звать всех трудящихся на соглашение с пролетариатом и на то, чтобы все трудящиеся переходили на точку зрения рабочего класса. Мелкая буржуазия и среднее крестьянство полны предрассудков, которые выросли из условий их жизни. Наша обязанность заключается в том, чтобы раскрывать истинное положение вещей: положение ремесленника и трудового крестьянина при капитализме безнадежно, и нечего тешить себя розовыми цветами; при капитализме всегда будет сидеть на шее помещик, старый—из дворян или новый—из кулаков; только при победе и укреплении пролетариата можно перестроить жизнь на новых началах. А так как пролетариат может победить лишь при своей организованности и при существовании сильной, сплоченной и решительной партии, то мы должны звать в наши ряды всех трудящихся, которым дорога эта новая жизнь и которые научились думать и бороться по-пролетарски.

Какое значение имеет существование сплоченной и боевой коммунистической партии, видно на примере Германии и России. В Германии, где пролетариат был развит, тем не менее не было до войны такой боевой партии рабочего класса, как русские коммунисты-большевики. Только за время войны товарищ Карл Либкнехт, Роза Люксембург и другие стали строить отдельную коммунистическую партию. Поэтому все время 1918 и 1919 г.г., несмотря на ряд восстаний, немецким рабочим не удалось победить буржуазию. В России же была такая непримиримая партия, как наша. Русский пролетариат, благодаря этому, имел хорошее руководство. И, несмотря на все трудности, он был поэтому первым пролетариатом, который мог выступать так сплоченно и так быстро победить. Наша партия в этом отношении может служить и служит образцом для других коммунистических партий. Ее сплоченность и дисциплина известны повсюду. Она, действительно, является самой боевой и руководящей партией пролетарской революции.

Литература к главе III. Маркс и Энгельс: „Коммун. Манифест". В. Ильин (Ленин): „Государство и революция". Г. Плеханов: „Столетие Великой Франц. Революции". А. Богданов: „Краткий курс экономич.

науки“. А. Бебель: „Женщина и социализм“ (глава „Государство будущего“). А. Богданов: „Красная Звезда“ (утопия). Корсак: „Общество правовое и общество трудовое“ в сборнике: „Очерки реалист. мировоззрения“. Об анархизме см. С. Вольский: „Теория и практика анархизма“. Е. Преображенский: „Анархизм и коммунизм“. В. Базаров: „Анархический коммунизм и марксизм“. О классах в капит. о-ве см. К. Каутский: „Классовые интересы“. Для характеристики мелко-буржуазных партий см. Маркс: „18 брюмера“. К. Маркс: „Рев. и контр-рев. в Германии“. Он же: „Гражданская война во Франции“.

ГЛАВА IV.

Как развитие капитализма привело к коммунистической революции (империализм, война и крах капитализма).

§ 26. Финансовый капитал. § 27. Империализм. § 28. Милитаризм. § 29. Империалистская война. § 30. Государственный капитализм и классы. § 31. Крах капитализма и рабочий класс. § 32. Гражданская война. § 33. Формы гражданской войны и ее издержки. § 34. Всеобщее разложение или коммунизм?

§ 26. Финансовый капитал.

Мы видели выше, что между отдельными предпринимателями постоянно и непрерывно шла жестокая борьба за покупателя, и в этой борьбе так же постоянно и непрерывно побеждал крупный предприниматель. Отсюда происходило то, что мелкие хозяева гибли и разорялись, а капитал и все производство сосредоточивались в руках крупнейших капиталистов (концентрация и централизация капитала). К началу восьмидесятых годов прошлого столетия капитал уже был весьма изрядно централизован. Появились в большом количестве, вместо прежних отдельных владельцев, также и акционерные общества или „товарищества на паях"; разумеется, эти „товарищества" были обществами капиталистов. В чем заключался их смысл? Откуда они появились? Ответ дать нетрудно. К тому времени каждое новое предприятие должно было иметь сразу же солидный капитал. Если основывалось какое-нибудь захудалое предприятие, у него было очень мало вероятия выжить: со всех сторон его сразу же окружали сильные и могущественные соперники, крупные фабриканты. Значит, новое предприятие, чтобы выжить, чтобы не погибнуть, а, наоборот, процветать, должно было быть сразу организовано на крупных началах. А на

крупных началах оно могло быть организовано только тогда, когда для этого сразу же был налицо крупный капитал. Вот из этой-то потребности и родилось акционерное общество. Его сущность заключается в том, что здесь несколько крупных капиталистов используют капиталы мелких и даже мелкие сбережения некапиталистических групп (служащих, крестьян, чиновников и т. д.). Это происходит вот как. Каждый вносит свою долю, свой „пай“ или несколько „паев“. Вместо этого он получает бумажку, „акцию“, которая дает ему право на получение известной части дохода. Таким образом, от скопления сумм со всех сторон сразу получается крупный „акционерный капитал“.

Когда акционерные общества появились, то некоторые буржуазные ученые, а за ними и соглашательские социалисты, стали говорить, что теперь, мол, наступила новая пора: капитал приводит не к тому, что начинает господствовать кучка капиталистов, а, наоборот, каждый служащий может на свои сбережения купить акцию и таким образом стать капиталистом. Капитал, дескать, становится все более „демократичным“, и в конце концов разница между капиталистом и рабочим исчезнет без всякой революции.

Все это оказалось чистейшим вздором и ерундой. На самом деле вышло совсем обратное. Крупные капиталисты только использовали мелких в своих целях, и централизация капитала пошла в ход еще быстрее, чем раньше, потому что бороться друг с другом стали уже громадные акционерные предприятия.

Легко понять, почему крупные капиталисты-пайщики превратили на деле мелких пайщиков просто-на-просто в своих слуг. Мелкий пайщик, часто живущий в другом городе, не может приехать за сотни верст на общее собрание акционеров. А если некоторое число таких пайщиков приезжает, то они не организованы и тычутся во все стороны, как слепые щенки. Зато крупные пайщики организованы, проводят всегда общий план и делают все, что хотят. Опыт показал, что достаточно им владеть третьей частью всех акций, и тогда они полные и абсолютные хозяева и распорядители всего предприятия.

Но развитие концентрации и централизации капитала на этом не остановилось. В последние десятилетия появились на место отдельных предпринимателей и отдельных акционерных обществ целые союзы капиталистов: синдикаты (или картели) и тресты. Почему они появились? И что это за штука?

Предположим, что в какой-нибудь отрасли производства, скажем, в ткацкой или в металлургической, мелкие капиталисты уже исчезли; осталось всего пять-шесть громаднейших

предприятий, которые производят почти все товары ткацкого и металлургического производства. Они ведут между собой конкурентную борьбу, понижают для этого цены; и получают от этого меньше прибыли. Предположим теперь, что пара этих предприятий сильнее и крупнее других. Тогда они эту борьбу ведут до тех пор, пока остальные не разорятся. Но предположим, что силы их приблизительно одинаковы: у них одинаковый размер производства, одинаковые машины, одинаковое приблизительно количество рабочих; им товарная штука самим обходится тоже в одинаковую величину. Что получается тогда? Тогда борьба никому не дает победы, всех равно истощает, у всех падает прибыль. И тут капиталисты приходят к выводу: зачем нам сбивать цены друг у друга? Не лучше ли объединиться и сообща грабить публику? Ведь если мы объединимся, никакой конкуренции не будет, весь товар в наших руках и мы можем заламывать какие угодно цены.

Так возникает союз, объединение капиталистов: синдикат или трест. Синдикат отличается от треста вот чем: когда организуется синдикат, тогда входящие в его состав капиталисты уговариваются, чтобы продавать товар не ниже определенной цены, распределять сообща заказы или делить между собой рынки (ты продавай только там, а я—только тут) и т. д. Но при этом правление синдиката не может, скажем, закрыть какое-нибудь предприятие; каждое из них входит в союз, но имеет еще известную степень самостоятельности. При тресте же все они настолько тесно объединяются, что отдельное предприятие теряет свою самостоятельность совсем: правление треста может его закрыть, переделать на другую ногу, перевести куда угодно, если это выгодно всему тресту. Конечно, капиталист этого предприятия получает свою прибыль беспрерывно, она даже увеличивается, но всем заправляет тесный и сплоченный союз капиталистов, трест.

Синдикаты и тресты владеют рынком почти целиком. Они не боятся никакой конкуренции, потому что они задавили всякую конкуренцию. На место конкуренции стала капиталистическая монополия, т.-е. господство одного треста [1]).

Таким образом, концентрация и централизация капитала постепенно уничтожала конкуренцию. Конкуренция поедала сама себя. Чем бешенее она развивалась, тем быстрее шла

---

[1]) Слово „монополия" происходит от двух греческих слов: „монос" (один) и „полис". (государство, управление, господство). У нас слово монополия означало винную монополию государства, когда казна одна могла производить водку. Но монополия может быть и не только на водку, а на все: и не только у государства, но и у частных фабрикантов.

централизация, потому что тем быстрее гибли слабосильные капиталисты. В конце концов централизация капитала, вызванная конкуренцией, убила эту конкуренцию. На место „свободного соперничества", т.-е. свободной конкуренции, стало господство монополистических союзов предпринимателей—синдикатов и трестов.

Достаточно привести всего несколько примеров, чтобы увидеть гигантскую силу трестов и синдикатов. В Соединенных Штатах Америки уже в 1900 году, то-есть в самом начале XX века, доля производства синдикатов была: в текстильной промышленности—свыше 50%, в стекольной—54%, бумажной—60%, металлической (кроме железа и стали)—84%, железоделательной и сталелитейной—84%, химической—81% и т. д. Нечего и говорить, что теперь доля производства неизмеримо повысилась. Фактически теперь все производство в Америке сосредоточено в руках двух трестов: нефтяного и стального; от этих трестов зависят все остальные. В Германии к 1913 г. добыча угля в рейнско-вестфальском угольном районе (это нечто вроде нашего Донецкого бассейна) на 92,6% была сосредоточена в руках одного синдиката; стальной синдикат вырабатывал около половины всей производимой в стране стали; сахарный трест производил 70% внутреннего и 80% внешнего сбыта и т. д.

В России и то целый ряд отраслей представлял собою уже полное господство синдикатчиков. Синдикат „Продуголь" давал 60% всего донецкого угля; синдикат „Продамета" объединял 88—93%. „Кровля"—60% (кровельного железа). „Продвагон" централизовал 14 из 16 строительных заводов, медный синдикат—90%, сахарный—все производство сахара (100%) и т. д., и т. п. По подсчетам одного швейцарского ученого, относящимся к началу XX века, половина всех капиталов мира находилась уже в руках синдикатов и трестов.

Синдикаты и тресты централизуют не только однородные предприятия. Все чаще и чаще появляются тресты, захватывающие сразу несколько отраслей производства. Каким образом это происходит?

Все отрасли производства связаны одна с другой куплей-продажей прежде всего. Возьмем производство железной руды и каменного угля. Здесь производится продукт, который является сырьем для чугуноплавильных и металлургических заводов; в свою очередь эти заводы делают, скажем, машины; эти машины служат средствами производства в ряде других отраслей и т. д., и т. д. Предположим теперь, что у нас есть чугуноплавильный завод. Он покупает железную руду и каменный уголь. Значит, он заинтересован в том, чтобы эта руда и уголь покупались по дешевой цене. А если руда и уголь в руках другого синдиката? Тогда начинается борьба между одним синдикатом и другим, которая кончается либо победой одного из них, либо слиянием. И в том, и в другом случае возникает новый синдикат, объединяющий две отрасли

сразу. Само собой разумеется, что так объединяться могут не только две, но и три и десять отраслей. Такие предприятия называются сложными (иначе „комбинированными") предприятиями.

Итак, синдикаты и тресты организуют не только отдельные отрасли, но и связывают в одну организацию разнородные производства, одну отрасль привязывают к другой, третьей, четвертой и т. д. Раньше были во всех отраслях независимые друг от друга предприниматели, а все производство было раздроблено в сотнях тысяч маленьких фабричек. К началу двадцатого века это производство уже было сосредоточено в гигантских, чудовищных по своим размерам трестах, организующих многие отрасли производства.

Связи между отдельными отраслями производства возникали не только путем образования „комбинированных" предприятий. Тут нужно остановиться на явлении, которое будет поважнее этих комбинированных предприятий. Это явление—господство банков.

Но сперва нужно сказать несколько слов об этих банках.

Мы уже видели, что когда концентрация и централизация капитала достигла солидного развития, появилась потребность в капитале для того, чтобы ставить новые предприятия сразу на широкую ногу. На почве этой потребности, между прочим, появились акционерные общества. Значит, организация новых предприятий требовала возрастающих сумм капитала.

С другой стороны, присмотримся к тому, что делает капиталист с той прибылью, которую он получает. Мы знаем, что часто ее он проедает, пронашивает, словом, тратит на себя, а другую часть „накопляет". Спрашивается: как он это делает? Может ли он в любую минуту расширить свое производство, пустить эту часть прибыли в дело? Нет, не может. И вот почему. Деньги к нему поступают ведь непрерывно, по частям. Сбыли партию товара—текут деньги в кассу, сбыли еще—следующая порция денег пришла. Понятно, что для пускания их на расширение предприятия нужна известная сумма. Значит, нужно погодить, пока притечет столько денег, сколько необходимо, скажем, на покупку новых машин. А до тех пор? А до тех пор деньги не могут быть употреблены. Они лежат зря. Это происходит не у одного или двух капиталистов, а в разное время у всех. Есть постоянно свободный капитал. А выше мы видим, что есть спрос на капитал. С одной стороны, есть лишние суммы, которые лежат зря, с другой—есть потребность в них. Чем быстрее централизуется капитал, тем больше потребность в крупных суммах, но тем больше количество свободного капитала. Вот это по-

ложение вещей и подняло значение банков. Чтобы у капиталиста деньги зря не залеживались, он вкладывает их в банк, а банк ссужает их тем, кому они нужны для расширения старых или организации новых предприятий. Промышленники дают деньги банку, банк дает их другим промышленникам. Эти выжимают при помощи полученного капитала прибавочную ценность; часть ее дают банку за ссуду; банк, с своей стороны, отдает часть полученного вкладчикам, часть оставляет себе, как банковую прибыль. Так идет вперед вся машина.

Понятно теперь, что за последнее время капиталистического господства роль банков, их значение, их деятельность возросла до чрезвычайности. Все больше и больше сумм капитала впитывают банки в себя. И все больше вкладывают они капитала в промышленность. Банковый капитал постоянно „работает“ в промышленности, он сам становится промышленным капиталом. Промышленность начинает зависеть от банков, которые ее поддерживают и питают капиталом. Банковый капитал сращивается с промышленным. Вот такой-то вид капитала и называется финансовым капиталом. Значит, финансовый капитал—это банковый капитал, сросшийся с капиталом промышленным.

Финансовый капитал через банки связывает все отрасли промышленности в еще большем размере, чем это делают комбинированные предприятия. Почему?

Предположим, что перед нами какой-нибудь крупный банк. Этот крупный банк дает капитал (или, как говорят, „финансирует“) не одному, а очень многим предприятиям или многим синдикатам. Значит, он заинтересован в том, чтобы они не грызлись между собой; он их объединяет; он ведет политику непрерывного связывания этих предприятий в одно целое под своим руководством, под руководством банка: банк начинает держать вожжи от всей промышленности, от целого ряда отраслей производства: доверенные люди банка назначаются директорами трестов, синдикатов, отдельных предприятий.

В конце концов получается вот какая картина: промышленность целой страны объединена в синдикаты, тресты, комбинированные предприятия; все это объединено банками; во главе всей хозяйственной жизни становится кучка крупнейших банкиров, которые управляют всей промышленностью. А государственная власть целиком исполняет волю этих банковиков и синдикатчиков.

Это очень хорошо можно видеть на примере Америки. В Соединенных Штатах „демократическое“ правительство Вильсона есть прямой ставленник американских трестов. Парламент только принимает то, что раньше было решено на закулисных совещаниях синдикатчиков и банкиров. Тресты тратят огромнейшие деньги на подкуп депутатов, на избирательную кампанию и т. д. Один американский писатель (Майерс) сообщает, что в 1904 г. страховой трест „Мютюал“ израсходовал на подкуп 364.254 тысячи долларов, „Эквитэбль“—172.698 тысяч, „Нью-Йорк“—204.019 тысяч и так далее. Зять Вильсона и министр финансов—Мэк-Аду—один из крупнейших банкиров и синдикатчиков. Сенаторы, министры, депутаты—простые служащие или участники огромных трестов. Государственная власть, „свободная республика“—это простой деловой двор для обирания публики.

Таким образом, мы можем сказать, что капиталистическая страна при господстве финансового капитала сама целиком превращается в громадный комбинированный трест, во главе которого стоят банки, а исполнительным комитетом которого является буржуазная государственная власть. Америка, Англия, Франция, Германия и т. д.—это не что иное, как государственно-капиталистические тресты, могучие организации синдикатчиков и банкиров, которые эксплоатируют и управляют сотнями миллионов своих рабочих, своих наемных рабов.

§ 27. Империализм.

Финансовый капитал устраняет до известной степени анархию капиталистического производства в отдельной стране. На место дерущихся между собою отдельных предпринимателей все объединяется в государственно-капиталистический трест.

Но как же тогда обстоит дело с одним из основных противоречий капитализма? Ведь мы не раз говорили, что капитализм должен сломаться потому, что в нем нет организованности, и потому, что в нем существует классовая борьба. Но если одно из двух противоречий (смотри § 13) уничтожается, то, быть может, и предсказание относительно гибели капитализма ни на чем не основано?

Тут для нас главное сейчас вот в чем: на самом деле анархия производства и конкуренция не устраняется; или, лучше сказать, она устраняется в одном месте, чтобы тем резче проявиться в другом. Разъясним подробно этот вопрос.

Теперешний капитализм есть мировой капитализм. Все страны связаны друг с другом: одни покупают у других. Нет теперь на земле таких мест, которые бы не попали под пяту капитала, и нет страны, которая бы все решительно производила у себя.

Целый ряд продуктов может быть производим только в определенных местах: апельсины не растут в холодной стране, а железной руды нельзя добыть там, где ее нет под землей. Кофе, какао, каучук производятся только в теплых странах. Хлопок производится в Соединенных Штатах Америки, в Индии, Египте, Туркестане и т. д., откуда его вывозят во все части мира. Углем обладают Англия, Германия, Соединенные Штаты, Австрия, Россия, но его, например, нет в Италии, и Италия целиком зависит от английского или немецкого угля, и т. д. Пшеница вывозится во все страны из Америки, Индии, России, Румынии.

С другой стороны, одни страны ушли далеко в своем развитии, другие отстали. Поэтому всяческие изделия городской промышленности выбрасываются передовыми странами в отсталые страны: железные изделия на весь мир поставляют, главным образом, Англия, Соединенные Штаты и Германия; химические изделия—в первую голову поставляла Германия.

Так одна страна зависит от другой и покупает или продает другой. До чего может доходить эта зависимость, видно на примере Англии, которая ввозит 3/4—4/5 всего необходимого ей хлеба и половину необходимого ей количества мяса, зато бо́льшую часть своих фабричных изделий вывозит из страны.

Теперь спросим себя: устраняет ли финансовый капитал конкуренцию на мировом рынке? Создает ли он мировую организацию тем, что объединяет капиталистов в отдельной стране? И тут сразу видно, что нет. Анархия производства и конкуренция в отдельной стране более или менее прекращается, потому что отдельные крупнейшие предприниматели объединяются в государственно-капиталистический трест. Но зато тем больше разгорается драка между самими государственно-капиталистическими трестами. Ведь так всегда бывает при централизации капитала: когда мелкая сошка гибнет, тогда, разумеется, число конкурентов уменьшается, ибо остаются одни крупные; но эти крупные и дерутся по-крупному; потом вместо конкурентной борьбы между отдельными фабрикантами начинается борьба между трестами. Число трестов, конечно, меньше, чем число фабрикантов. Но зато борьба здесь покрупнее и пожесточе и разорительнее. Ну, а когда капиталисты в одной стране выбили из седла всех мелких и организовались в государственно-капиталистический трест, тогда число конкурентов еще более сократилось. Но зато эти конкуренты—громадной силы капиталистические державы. И их конкурентная борьба сопровождается такими небывалыми издержками и опустошениями, как никогда. Ибо конкуренция государственно-капиталистических трестов проявляется в „мирное“ время в конкуренции вооружений, а в конце-концов в опустошительной войне.

Итак, финансовый капитал уничтожает конкуренцию в отдельных странах, но он на определенное время страшно ожесточает конкуренцию между этими странами.

Как это происходит? И почему эта конкуренция между капиталистическими странами в конце концов приводит к завоевательной политике, к войне? Почему эта конкуренция не может быть мирной? Ведь когда два фабриканта конкурируют между собою, они не лезут друг на друга с ножом, а перебивают друг у друга покупателя в мирной борьбе. Почему же конкуренция, на мировом, всемирном рынке стала такой ожесточенной и вооруженной? На все эти вопросы нужно дать подробный ответ.

Тут нужно посмотреть прежде всего, как должна была изменяться политика буржуазии вместе с переходом от старого капитализма, где процветала свободная конкуренция, к новому, где у власти стал финансовый капитал.

Начнем с так-называемой таможенной политики. В борьбе между странами уже давно государственная власть буржуазии, охраняющая своих капиталистов, придумала средство борьбы в виде таможенных пошлин. Если, например, русские ткацкие фабриканты боялись, что их английские или немецкие конкуренты будут ввозит свой товар и собьют все цены в России, тогда готовое к услугам правительство накладывало пошлину на английскую и немецкую ткань. Это, разумеется, затрудняло доступ иностранного товара в Россию. Обыкновенно фабриканты говорили, что таможенные пошлины нужны, чтобы защитить отечественную промышленность. Но если теперь приглядеться к разным странам, то можно сразу увидеть, что „умысел другой тут был". В самом деле, за последние десятилетия больше всех кричали о высоких пошлинах и накладывали их капиталисты самых крупных и сильных стран, во главе с Америкой. Неужели их могли обидеть иностранные конкуренты? „Кто тебя, Кит Китыч, обидит? Ты сам всякого обидишь?"

В чем же дело? А дело вот в чем. Предположим, что ткацкое производство в какой-нибудь стране монополизировано ткацким синдикатом или трестом. Что тогда происходит, если вводится пошлина? Тогда капиталисты-синдикатчики этой страны убивают сразу двух зайцев: во-первых, они избавляются от иностранного соперничества; во-вторых, они могут без всякого риска повысить цены на свой товар почти настолько, насколько повышены пошлины. Положим, пошлина на аршин ткани повышена на рубль. Тогда ткацкие синдикатчики могут смело накинуть еще рубль или 90 коп. на аршин своего товара. Если бы не было синдиката, тогда бы конкуренция между капиталистами внутри страны сейчас же сбила бы цены. Если же надо всем царствует синдикат, тогда он совершенно спокойно может эту надбавку сделать: ино-

странец не достанет, потому что и барьер пошлин повышен, а своего домашнего конкурента нет. Государство синдикатчиков получает от пошлины доход, а сам синдикат получает *лишнюю добавочную прибыль* от надбавки цен. Такая вещь возможна лишь тогда, когда есть синдикат или трест. Но этим дело не ограничивается. Синдикатчики, имея в своих руках эту добавочную прибыль, могут вывозить поэтому в другие страны свой товар и продавать там себе в убыток, лишь бы только выжить на чужих землях своих соперников. Они так и делали. Известно, например, что русский синдикат сахорозаводчиков держал в России сравнительно высоко цены на сахар, а в Англии продавал его за бесценок, лишь бы там уничтожить своих конкурентов. Даже поговорка сложилась, что в Англии русским сахаром кормят свиней. Значит, пользуясь пошлинами, синдикатчики могут изо всех сил *грабить своих земляков, чтобы завоевывать под свое господство иностранных покупателей.*

Изо всего этого проистекают крупные последствия. В самом деле, теперь ясно, что для синдикатчиков тем больше будет дополнительная прибыль, чем больше тех овец, которых можно стричь и которые окружены таможенной границей. Если таможенная граница охватывает небольшой кружок, тогда много не соберешь. Наоборот, если таможенная граница охватывает большое количество земель с большим населением, тут есть чем поживиться. Тогда дополнительная прибыль будет большая, тогда можно смелее действовать на мировом рынке, тогда есть надежда на крупный успех. Но ведь таможенная граница—это обыкновенно то же, что и государственная граница. Как же расширить эту границу? Что это значит? Это значит отхватить клок чужой земли, присоединить этот клок себе, *включить* его в *свою* границу, в свой государственный союз. А это и есть *война*. Значит, господство синдикатчиков обязательно связано с *завоевательными войнами*. Каждое разбойничье государство капитала стремится „расширить свои границы“: это требуют интересы синдикатчиков, интересы финансового капитала. Расширять границу—это все равно, что вести войну.

Таким образом, таможенная политика синдикатов и трестов, связанная с их политикой на мировом рынке, приводит к ожесточеннейшим столкновениям. Но тут действуют и подталкивают к войнам также и другие причины.

Мы видели, что развитие производства ведет за собой постоянное получение накапливаемой прибавочной ценности. В каждой развитой капиталистической стране постоянно нарастает поэтому *излишний капитал*, который дает

меньшую прибыль, чем в стране отсталой. Чем больше излишков капитала в стране, тем сильнее стремление вывезти капитал, приложить его к другой стране. Этому в сильнейшей степени способствует и таможенная политика. В самом деле таможенные пошлины очень препятствуют ввозу товаров. Если, скажем, русские фабриканты провели высокие пошлины на немецкие товары, это значит, что немецким фабрикантам труднее стало сбывать свой товар в России (мы говорим, конечно, о том, что было при господстве фабрикантов, а не при Советской власти).

Но если им стало труднее сбывать товары, у них есть другой выход: немецкие капиталисты начинают тогда вывозить свои капиталы в Россию; они строят фабрики и заводы, покупают акции русских предприятий или основывают новые, давая на них капитал. Мешают этому пошлины? Ничуть не бывало. Наоборот, не только не мешают, а помогают, служать приманкой для ввоза капиталов. И вот почему: когда этот немецкий капиталист имеет фабрику в России, да еще входит в „русский“ синдикат, тогда русские пошлины помогают ему получать добавочную прибыль: они ему так же полезны в деле обирания публики, как и его русским коллегам.

Капитал вывозится из страны в страну не только в виде основания и поддержки предприятий в другой стране. Очень часто он дается в ссуду другому государству за определенный процент (то-есть другое государство увеличивает свой государственный долг, становится должником первого). В этих случаях государство-должник обычно обязуется также делать всякие займы (в особенности военные) у промышленников того государства, которое ссудило денежный капитал. Таким образом, из одного государства в другое переливаются громаднейшие капиталы, частью заключенные в предприятиях и сооружениях, частью в государственном долге. При господстве финансового капитала вывоз (экспорт) капитала достигает гигантских размеров.

Для примера приведем цифры, которые теперь уже устарели, но все же говорят нам кое-что. Франция к 1902 году имела в 26 государствах вложенными 35 миллиардов франков, из них около половины было ссужено различным государствам в виде займа. Из этой цифры львиная доля приходилась на Россию (10 миллиардов). К слову сказать, поэтому французская буржуазия так и бесится, что мы уничтожили долги царя и отказались их платить французским ростовщикам. В 1905 году сумма вывезенного капитала была уже свыше 40 миллиардов. Англия в 1911 году имела за границей около миллиарда шестисот миллионов фунтов стерлингов (фунт стерлингов по довоенной расценке—около 10 руб.), а если считать и английские колонии, то эта цифра превысит 3 миллиарда фунтов стерлингов.

Германия за границей имела до войны приблизительно около 35 миллиардов марок и т. д. Словом, каждое капиталистическое государство вывозило чудовищно большие суммы капитала из страны для того, чтобы при их помощи обирать иностранные народы.

Вывоз капитала опять-таки имеет большие последствия. Понятно, что разные сильные государства начинают бороться за те земли или меньшие государствица, куда они хотят вывозить капитал. Но здесь нужно обратить внимание вот на что. Когда капиталисты вывозят капитал в „чужую" страну, они рискуют не партией товара, а громадными суммами, которые считаются миллионами и миллиардами. Само собой разумеется, что у них является поэтому сильное желание маленькие страны, куда они этот капитал вложили, целиком прибрать к своим рукам, заставить свои войска охранять эти капиталы. А это значит, что у вывозящих государств появляется стремление во что бы ни стало подчинить эти земли своей государственной власти, попросту эти земли завоевать, насильственно присоединить их к себе. А так как на эти слабенькие земли происходит наскок со стороны разных крупных разбойничьих государств, то понятно, что эти разбойники в конце-концов должны были столкнуться (и столкнулись) между собой. Значит, и вывоз капитала вел к войне.

Теперь примем во внимание и другие причины. Разумеется, что с синдикатскими пошлинами страшно обострилась борьба за рынки сбыта товаров. Свободных земель, куда можно было бы отправлять свои товары и где не сидело бы никаких капиталистов, почти не было уже к концу девятнадцатого века. А тут еще очень стало дорожать сырье: металлы, шерсть, лес, уголь, хлопок. Все последнее время была дикая погоня за рынками сбыта и борьба за новые источники сырья. Капиталисты рыскали по всему свету в поисках новых рудников, новых залежей и новых рынков, куда можно было бы вывозить и металлические изделия, и ткани, и другие товары и обирать новую „свежую" публику. В прежнее время часто в одной стране „мирно" конкурировали несколько фирм, и ничего, уживались. С господством банков и трестов дело, конечно, изменилось. Открыты новые залежи медной руды, положим. Сейчас они попадают под пяту какого-нибудь банка или треста. Он забирает их целиком, он начинает владеть ими монопольно. Для капиталистов других стран тогда уже ничего не остается: „что с возу упало, то пропало". Так же происходит дело не только с источниками сырья, но и с рынками сбыта. Положим, что в какую-нибудь далекую колонию проникает иностранный капитал. Сбыт товаров здесь

организуется сразу на крупнейший манер. Обычно опять-таки дело берет в свои руки какая-нибудь гигантская фирма, которая сразу открывает свои отделения и стремится путем давления на местную власть и тысячами разнообразных уловок и ухищрений монопольно забрать в свои руки весь сбыт, не допуская конкурентов. Оно и понятно: монополистический капитал, тресты и синдикаты и ведут себя по-синдикатски. Это не „добрые старые времена“: это борьба монополистских хищников и обирал.

Поэтому с ростом финансового капитала должна была обостриться и повести к крупнейшим столкновениям и борьба за рынки сбыта и рынки сырья.

За последнюю четверть девятнадцатого века крупные разбойничьи государства самым усиленным образом расхватывали чужие земли, принадлежавшие маленьким народцам. С 1876 по 1914 год так-называемые „великие державы“ нахватали около 25 милл. квадратных километров (километр—около версты); другими словами, они награбили чужих земель столько, что их общая площадь будет вдвое больше целой части света, Европы. Весь мир оказался поделенным между крупными хищниками: все страны они превратили в свои колонии, в своих данников и рабов.

Вот примеры. Англия с 1870 г. приобрела в Азии—Белуджистан, Бирму, Кипр, Северное Борнео, Вейхайвей, области против Гонконга, увеличила „Стрейтс Сеттлементс“, захватила Синайский полуостров и т. д.; в Австралии она захватила ряд островов, восточную часть Новой Гвинеи, бо́льшую часть Соломоновых островов, остров Тонга и т. д.; в Африке она захватила Египет, Судан с Угандой, Восточную Африку, „британское“ Сомали, Занзибар, Пембу; проглотила в войне обе бурские республики, Родезию, „Британскую Центральную Африку“, заняла Нигерию и так далее и тому подобное.

Франция с 1870 года подчинила себе Аннам, завоевала Тонкин, аннектировала Лаос, Тунис, Каморские острова, Мадагаскар, большие пространства Сахары, Судана, Гвинеи; приобрела земли на берегу Слоновой Кости, в Дагомее, Сомали и т. д. В результате к началу XX века французские колонии были почти в двадцать раз больше самой Франции (в Англии колонии больше самой Англии в сто слишком раз).

Германия выступила с делом грабежа позднее, приблизительно с 1884 года, но за короткое время успела награбить весьма изрядное количество земель.

Царская Россия вела грабительскую политику тоже в очень большом масштабе, за последнее время, главным образом, в Азии, что и привело к столкновению с Японией, которая грабила с другого конца.

Соединенные Штаты прибрали к своим рукам много островов около Америки, а затем стали грабить чужое добро на самом материке. Особенно возмутительна была их грабительская политика в Мексике.

В общем шесть великих держав к 1914 г. имели 16 миллионов кв. килом. коренных земель и 81 милл. километров земель награбленных (колоний).

Этот грабеж обрушивался, понятное дело, сперва на маленькие страны, беззащитные и слабые. Они гибли прежде всего. Как в борьбе между фабрикантами и мелкими ремесленниками эти ремесленники погибали раньше всех, так и тут: крупные государства-тресты, крупный разбойничий организованный капитал сокрушил прежде всего маленькие государства и подчинил их себе. Так происходила централизация капитала в мировом хозяйстве: мелкие государства гибли, крупнейшие хищные государства богатели, увеличивались в размере и могуществе.

Но когда они поразграбили весь мир, и когда борьба усилилась между ними самими, ясно стало, что начинается великая драка за *передел* мира между хищниками, борьба не на жизнь, а на смерть между оставшимися чудовищными разбойничьими государствами.

Завоевательная политика, которую финансовый капитал ведет за рынки сбыта, рынки сырья, за места для вложения капитала, называется империализмом. Империализм вырастает из финансового капитализма. Как тигр не может питаться травой, так точно финансовый капитал не мог, не может вести иной политики, кроме политики захвата, грабежа, насилия, войн. Каждое из финансово-капиталистических государств-трестов хочет по сути дела овладеть всем миром, образовать всесветную империю, где бы безраздельно господствовала кучка капиталистов победившей нации. Английский империалист, например, мечтает о „Великой Британии", которая бы владела всем миром, где английские синдикатчики держали бы под своей пятой негров и русских, немцев и китайцев, индусов и армян,—словом, сотни разных черных, желтых, белых и красных рабов. Англия уже и сейчас близка к этому. Но чем больше награблено, тем больше хочется. То же происходит и с другими. Русские империалисты мечтают о „Великой России", германские—о „Великой Германии" и т. д. Под этим „величием" разумеется грязный грабеж всех остальных.

Таким образом ясно, что господство финансового капитала должно было повергнуть все человечество в кровавую бездну войн на пользу банкиров и синдикатчиков,—войн не за *свою* землю, а войн за грабежи чужих земель, войн за подчинение мира финансовому капиталу победоносной страны. Такой и была первая великая мировая война 1914—1919 годов.

§ 28. Милитаризм.

Господство финансового капитала, банкиров и синдикатчиков выразилось еще в одной примечательной вещи: в никогда не виданном раннее росте расходов на вооружения, росте армий, флота и воздушного флота. Оно и понятно. В прошлые времена ни одна разбойничья голова не могла и помышлять о господстве над всей землей. А теперь об этом империалисты думали всерьез. Никогда еще не было драк между такими чудовищно-сильными государствами-трестами. Само собой разумеется, что соответственно этому у этих государств отрастали и орудия этой драки, их вооруженная сила. Крупные державы захватывали чужое добро непрестанно и при этом постоянно оглядывались друг на друга: не укусит ли сзади сосед, такой же хищник. Поэтому каждая из них должна была иметь войска не только для колоний и против своих собственных рабочих, но и для борьбы со своими сотоварищами по грабежу. Вводит одна держава новую систему оружия,—другая тотчас спешит ее обогнать, чтобы не остаться в накладе. Так начинается бешеная погоня вооружений: одно государство подгоняет другое. Растут гигантские предприятия и тресты пушечных королей: Путиловы, Круппы, Армстронги, Викерсы и т. д. Эти пушечные тресты наживают колоссальные барыши, состоят в связи с генеральными штабами и всячески стремятся и с своей стороны подлить масло в огонь, разжигая всякие столкновения: ведь от войн зависит благополучие их прибыли.

Такова была сумасшедшая картина капиталистического общества перед войной. Государства-тресты ощетинились миллионами штыков, на суше, на воде, в воздухе все было готово к всемирной потасовке; в числе всех расходов государства на первое место все более и более выдвигались расходы на армию и на флот. В Англии, напр., в 1875 году военные расходы составляли 38,6%, то-есть немного больше трети, а в 1907—1908 годах—уже 48,6 процентов, то-есть почти половину всех государственных расходов; в Соедин. Штатах в 1908 году они составляли целых 56,9 процентов, то-есть изрядно **больше** половины. То же и в других государствах. „Прусский милитаризм“ процветал во всех крупных государствах-трестах. Пушечные короли грели себе руки. А весь мир катился с громадной быстротой к кровавейшей из войн, к мировой империалистской бойне.

В особенности любопытно было соперничество английской и германской буржуазии. С 1912 года Англия решила строить три своих броненосца-дредноута на каждую пару построенных в Германии. В 1913 г. у Германии должно было быть в Северном море 17 дредноутов, у Англии—21; в 1916 г. у Германии—26, у Англии—36, и так далее.

Расходы на армию и флот росли таким образом.

	Миллионы рублей. 1888 г.	1908 г.		Миллионы рублей. 1888 г.	1908 г.
Россия	210	470	Италия	75	120
Франция	300	415	Англия	150	280
Германия	180	405	Япония	7	90
Австро-Венгрия	100	200	Соед. Штаты	100	200

За 13 лет расходы возросли вдвое, в Японии в 13 раз. Перед войной пляска вооружений стала еще больше. Франция тратила на военные нужды в 1910 г. 502 милл. руб., в 1914 г. — 740; Германия в 1906 г. — 478 м. р., а в 1914—943 миллиона, то-есть удвоила цифру расхода за 8 лет. Еще сильнее вооружалась Англия. В 1900 г. она тратила 499 м. р., в 1910 г.— уже 694 миллиона, а в 1914 г.—804 миллиона; в 1913 г. Англия на один свой флот затрачивала больше, чем все державы затрачивали на флот в 1886 г.; что касается царской России, то она тратила на военные нужды в 1892 г. 293 милл., в 1902 г.—421 милл., в 1906—529 милл. рублей; в 1914 году смета военно-морского министерства достигла 975 миллионов рублей.

Расходы на военные приготовления отнимали огромную часть народных денег. Россия, напр., тратила на это почти треть всех своих расходов, а с платежами процентов по займам еще больше. Вот цифры:

Из каждых ста рублей в царской России шло:

На армию, флот, платежи по займам	40 р. 14 коп.	
„ народное просвещение	3 р. 86 к.	(в тринадцать раз меньше!)
„ землеустройство	4 р. 6 к.	(в десять раз меньше!)
„ управление, суд, дипломатию, ведомство путей сообщения, торговли и пром., финансов и т. д.	51 р. 94 к.	
Итого	100 р. 00 к.	

Такая же история была и в других государствах. Возьмем „демократическую“ Англию. В 1904 г.

Из каждых ста рублей шло:

На армию и флот	53 р. 80 к.	всего 76 р. 30 к.
На погашение госуд. долгов и уплату процентов по займам	22 р. 50 к.	
На гражданские учреждения	23 р. 70 к.	
Итого	100 р. 00 к.	

§ 29. Империалистская война 1914—1918 г.г.

Из той империалистской политики, которую вели „великие державы“, ясно вытекало, что рано или поздно они должны

были столкнуться. Совершенно ясно, что именно эта грабительская политика всех „великих держав“ и была причиной войны. Только дурачок может поверить теперь, что война возникла из-за того, что сербы убили австрийского принца, или что Германия напала на Бельгию. В начале войны очень много спорили о том, кто виновен в войне. Немецкие капиталисты утверждали, что напала Россия, русские купцы барабанили всюду, что напала Германия. В Англии говорили, что Англия воюет, чтобы защитить маленькую пострадавшую Бельгию. Во Франции тоже писали, кричали, пели, какое благородство проявляет Франция, заступаясь за героический бельгийский народ. А в это же время в Австрии и Германии распространялись, что Австрия и Германия защищаются от нападения русских казаков и ведут святую защитительную войну.

Все это от начала до конца было пустяком и обманом трудящихся. Этот обман был нужен буржуазии, чтобы заставить солдат идти на войну. Буржуазия не в первый раз прибегала к такому приему. Мы уже видели раньше, как синдикатчики вводили высокие пошлины, чтобы, грабя своих земляков, вести лучше борьбу на чужих рынках. Для них, значит, пошлины были средством нападения. А буржуазия кричала, что она хочет защитить „отечественную промышленность“. То же и с войной. Суть империалистской войны, которая подчиняла мир господству финансового капитала, как раз в том и состояла, что в ней все нападали. Теперь-то это яснее ясного. Царские лакеи говорили, что они „защищаются“. Но когда октябрьская революция взломала тайные министерские шкапы, там было документально обнаружено, что и царь, и Керенский, вкупе и влюбе с англичанами и французами, вели войну за грабеж, что они хотели взять чужой Константинополь, разграбить Турцию и Персию, отхватить у Австрии Галицию. Это теперь ясно, как дважды два—четыре.

Немецкие империалисты тоже разоблачили себя до конца. Стоит только вспомнить о брестском мире, о том, какие грабежи они устраивали в Польше, Литве, Украине, Финляндии. Немецкая революция тоже кое-что приоткрыла, и мы теперь тоже документально знаем, что Германия готовилась к нападению ради разбоя и лелеяла мысль о захвате чуть ли не всех чужих колоний и земель.

А „благородные“ союзники? И они разоблачены теперь до конца. После того, как они своим версальским миром ограбили дочиста Германию, наложили 125 миллиардов контрибуции, отобрали весь флот, взяли все колонии, пожрали

чуть ли не все паровозы, угоняли дойных коров в счет уплаты контрибуции и так далее, разумеется, никто не поверит в их благородство. Да и Россию они грабят и с севера, и с юга. Значит, и они воевали ради грабежа.

Все это коммунисты-большевики говорили в самом начале войны. Но тогда мало кто верил. Зато теперь это видит всякий мало-мальски неглупый человек. Финансовый капитал, это — жадный кровавый разбойник, какой бы масти он ни был русской, немецкой, французской, японской или американской.

Значит, в империалистской войне смешно говорить, что один империалист виновен, а другой нет; или что одни империалисты нападают, а другие защищаются. Все это было придумано для обмана трудящихся. На самом деле все они нападали в первую голову на маленькие колониальные народы, все они лелеяли планы всесветного грабежа и подчинения всего мира финансовому капиталу своей страны.

Разразившаяся война должна была быть мировой войной. Понятно, почему. Ведь мы знаем, что почти весь мир к тому времени был уже разобран по кусочкам и поделен между „великими державами“, а все державы были связаны между собой в одно мировое хозяйство. Немудрено поэтому, что война захватила всех, оба полушария земли.

Англия, Франция, Италия, Бельгия, Россия, Германия, Австро-Венгрия, Сербия, Болгария, Румыния, Черногория, Япония, Соединенные Штаты, Китай, десятки других, мелких государств,—словом, почти все были втянуты в кровавый водоворот. Население земного шара насчитывает приблизительно полтора миллиарда человек. И все эти полтора миллиарда испытывали прямо или косвенно бедствия войны, которую навязала кучка капиталистических преступников. Таких громаднейших армий, какие были выставлены на суше, таких чудовищных орудий смерти мир никогда еще не видал. Не видал мир никогда и такой силы капитала. В самом деле, ведь одна Англия с Францией заставили служить своему денежному мешку не только англичан и французов, но и многие десятки своих колониальных рабов, чернокожих, желтокожих и всяких иных. „Цивилизованные“ разбойники пустили в ход чуть ли не людоедов, хотя из них они же вили веревки. И все это прикрывалось самыми благородными лозунгами.

Война 1914 г. имела своих предшественников в войнах из-за колоний. Таковы были поход „цивилизованных“ держав на Китай; испано-американская война; русско-японская война 1904 г. (из-за Кореи, Порт-Артура, Маньчжурии и т. д.); итальянско-турецкая война 1912 года (из-за африканской колонии Триполи); англо-бурская война в начале XX столетия когда „демо-

кратическая“ Англия зверски задушила две бурские республики; был ряд случаев, когда война едва не вспыхнула огромным пожаром. Дележ земель в Африке чуть было не привел к войне между Англией и Францией (из-за Фашоды), затем между Германией и Францией (из-за Марокко); у царской России одно время едва не вышло войны с Англией из-за раздела земель в Средней Азии.

Ко времени же первой мировой войны особенно резко выступили противоречия интересов между Англией и Германией из-за владения землями в Африке, в Малой Азии и на Балканах. А обстоятельства сложились так, что вместе с Англией шла Франция, метившая на то, чтобы отнять у Германии Эльзас-Лотарингию, и Россия, хотевшая поживиться на Балканах и в Галиции. Разбойничий германский империализм нашел себе главного союзника в Австро-Венгрии. Американский империализм вмешался позднее, так как выжидал взаимного ослабления европейских государств.

Кроме милитаризма, одним из гнуснейших орудий борьбы между империалистскими державами является тайная дипломатия, которая прибегает к тайным договорам и заговорам, не гнушаясь даже убийствами, взрывами и т. д. Настоящие цели империалистской войны были как раз в этих тайных договорах, которые имелись, с одной стороны, между Англией, Францией и Россией, а с другой—между Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией. Убийство австрийского эрцгерцога перед войной было произведено, повидимому, не без ведома тайных агентов Антанты. Но, с другой стороны, немецкая дипломатия сама против этого ничего не имела: германский империалист Рорбах, напр., писал: „мы должны считать за счастье, что, благодаря убийству эрцгерцога Франца-Фердинанда, великий противогерманский заговор нашел себе исход раньше предположенного срока. Два года спустя война была бы для нас гораздо тяжелее“. Немецкие провокаторы готовы были пожертвовать даже своим принцем, лишь бы вызвать войну; англо-франко-русские тайные агенты не останавливались перед убийством этого принца.

§ 30. Государственный капитализм и классы.

Ведение империалистской войны отличалось не только своими размерами и своим опустошительным действием, но и тем, что все хозяйство страны, ведущей империалистскую войну, должно было быть подчинено военным задачам. Раньше воевать буржуазия могла, тратя только деньги. Мировая же война была так огромна и велась такими развитыми странами, что одних денег не хватало. Для этой войны нужно было, чтобы сталелитейные заводы только и делали, что лили пушки, одна чудовищнее другой, чтобы уголь вырабатывался в шахтах на войну, чтобы металлы, ткани, кожа и т. д.—все шло на войну. И, разумеется, тот из государственно-капиталистических трестов имел надежду выиграть, у кого производство и транспорт лучше обслуживали войну.

Как же этого добиться? Ясно, что этого можно было добиться только централизацией всего производства. Нужно было устроить так, чтобы производство шло гладко,

было бы хорошо организовано, было бы подчинено прямым указаниям военных, то-есть генерального штаба, и точно выполняло бы все распоряжения лиц в эполетах и при звездах.

Как могла сделать это буржуазия? Очень просто. Для этого она должна была частное производство и отдельные частные синдикаты и тресты передать в распоряжение своего буржуазного разбойничьего государства. Это и делалось во время войны. Промышленность „мобилизовалась“ и „милитаризировалась“, т.-е. отдавалась в распоряжение государства и военных властей. Как?—спросит кто-нибудь. Ведь буржуазия тогда лишится своих доходов? Ведь это национализация! Раз все передается государству, то при чем же тут буржуазия, и как она на такую штуку пойдет? Что буржуазия на это пошла, это факт. Но тут нет ровно ничего удивительного. Потому что здесь частные синдикаты передавали все не рабочему, а своему, империалистскому государству. А что же тут ужасного для буржуазии? Она просто перекладывает добро из одного своего кармана в другой: добра от этого нисколько не уменьшается.

Нужно постоянно помнить о классовом характере государства. Государство не есть какая-то „третья сила“, которая стоит над классами, а есть классовая с головы до ног организация. При диктатуре рабочих это—организация рабочих. При господстве буржуазии это—такая же хозяйская организация, как трест или синдикат.

Стало быть, когда буржуазия передавала частные синдикаты в руки своего (не пролетарского, а своего разбойничьего, капиталистического) государства, она ровно ничего не теряла. Не все ли равно, будет ли получать фабрикант Шульц или Смит прибыль из конторы синдиката или из кассы государственного банка? Ничего не теряя, буржуазия выигрывала. Выигрывала она потому, что при такой централизации лучше всего шла военная машина, и повышалась вероятность успеха в войне за грабеж.

Немудрено поэтому, что почти во всех капиталистических странах во время войны стал развиваться государственный капитализм на место капитализма частных синдикатов или трестов. Германия, например, одерживала победы и сумела долгое время выдерживать натиск гораздо более значительных сил своих противников только потому, что немецкая буржуазия сумела организовать очень хорошо вот этот самый государственный капитализм.

Переход к государственному капитализму совершался в разных формах, на разные лады. Чаще всего учреждались государственные монополии в области производства

и торговли. Это значит, что производство и торговля становились государственными, переходили в руки буржуазного государства целиком. Иногда такой переход совершался не сразу, а только в известной доле. Это бывало тогда, когда государство покупало часть акций какого-нибудь синдиката или треста.

Тогда такое предприятие становилось наполовину государственным, наполовину частным, и государство буржуазии проводило там свою политику. Кроме того, даже в предприятиях, оставшихся в частных руках, вводились обязательные правила: одни предприятия, скажем, обязаны были по новому закону покупать у других, а другие обязаны были им продавать в определенном размере и по установленной цене; государство вводило также обязательные способы работы, указывало материал и так далее, вводило карточки на все важные продукты. Так на место частного капитализма вырос государственный капитализм.

При государственном капитализме на место отдельных организаций буржуазии выступает их единая организация, их государство. До войны, скажем, была в капиталистической стране государственная организация буржуазии, отдельно от нее—синдикаты, тресты, союзы предпринимателей, организации помещиков, политические партии буржуазии, союзы буржуазных журналистов, ученых, художников; церковные общества, союзы попов; общества белогвардейской молодежи, бюро частных сыщиков и т. д. При государственном капитализме все эти отдельные организации сливаются с буржуазным государством, становятся отделениями государства, выполняют один общий план, подчиняются „верховному командованию“: в шахтах и на заводах делают то, что говорит генеральный штаб; пишут в газетах, что говорит генеральный штаб; проповедуют в церквах то, что нужно разбойникам из генерального штаба; рисуют, сочиняют и поют, что велит тот же генеральный штаб; изобретают машины, снаряды, орудия, газы, какие нужны все ему же. Таким образом достигается то, что вся жизнь „милитаризуется“ для того, чтобы обеспечить буржуазии ее кроваво-грязное дело барыша.

Государственный капитализм означает громадное усиление крупной буржуазии. Как при рабочей диктатуре, в рабочем государстве, рабочий класс тем сильнее, чем дружнее работают вместе советская власть, профессиональные союзы, коммунистическая партия и т. д., точно так же при диктатуре буржуазии она тем сильнее, чем более подтянуты одна к другой все буржуазные организации. Государственный капитализм, централизуя и превращая их в органы единой организации, способствует громадной мощи капитала. Именно здесь диктатура буржуазии празднует свой праздник.

Государственный капитализм возник за время войны во всех крупных капиталистических странах. В царской России он тоже стал-было возникать (военно-промышленные комитеты, монополии и т. д.). Потом, однако, русская

буржуазия, напуганная революцией, боялась, что вместе с государственной властью и производство перейдет в руки пролетариата. Поэтому после февральской революции она не только не стремилась организовать производство, а, наоборот, портила и саботировала его.

Мы видим, что государственный капитализм ни в коей мере не уничтожает эксплоатацию, а лишь увеличивает мощь буржуазии. Тем не менее шейдемановцы в Германии и другие соглашатели проповедывали, что эта каторга есть социализм. Раз, мол, все у государства,—значит, социализм. Они не видели, что здесь государство—не пролетарское, а принадлежащее злостным, смертельным врагам и убийцам пролетариата.

Государственный капитализм, сплачивая и организуя буржуазию, увеличивая ее силы, натурально, страшно ослабил рабочий класс. Рабочие при государственном капитализме превращались в белых рабов разбойничьего государства. У них было отнято право стачек, они были мобилизованы и милитаризованы; всякого, кто выступал против войны, немедленно судили за государственную измену; во многих странах была отнята свобода передвижения, переход с одного предприятия на другое и т. д. „Свободный“ наемный рабочий превращался в крепостного, обреченного умирать на полях сражений не за свое дело, а за дело врагов; обреченный работать до седьмого пота не ради себя, своих товарищей, своих детей, а на своих собственных угнетателей.

§ 31. Крах капитализма и рабочий класс.

Таким образом война на первых порах способствовала централизации и организации капиталистического хозяйства. То, что не доделали синдикаты, банки, тресты, комбинированные предприятия, то стал спешно доделывать государственный капитализм. Он создал сеть всяких органов, регулирующих производство и распределение. Он подготовил таким образом в еще большей степени почву, чтобы пролетариат взял в свои руки централизованное крупное производство.

Но война, своею тяжестью навалившись на рабочий класс, неизбежно должна была вызвать и возмущение пролетарских масс. Прежде всего она означала такую мясорубку, какой не видывала история. Производство трупов шло невероятно быстрыми шагами. Пролетариат истреблялся физически на полях сражений. По некоторым подсчетам, число убитых, раненых и пропавших только до марта 1917 года доходило до 25 миллионов человек; убитых по 1 января 1918 года было около 8 миллионов. Если считать средний вес человека в три пуда, это значит, что капиталисты за срок от августа 1914 г. по январь 1918 года

произвели двадцать четыре миллиона пудов гнилого человеческого мяса. Чтобы высчитать точно потери людьми, нужно было бы прибавить миллионы больных. Один сифилис, развившийся за время войны до неслыханных размеров, заразил чуть ли не все человечество. Люди после войны стали в несколько раз хуже; самые здоровые, трудоспособные элементы, цвет всех наций, были истреблены. И понятно, что в первую голову пострадал рабочий класс и крестьянство.

В крупных центрах воевавших государств образовались даже целые городки особенно уродливо исковерканных и изувеченных: без человеческого лица, с одной лишь черепной крышкой, в масках сидят эти несчастные обрубки, живое свидетельство буржуазной культуры.

Но пролетариат не только вырезывался в диких боях. На плечи живых взваливались неимоверные тяжести. Война требовала бешеных расходов. И в то время, как фабриканты и заводчики получали чудовищные барыши, специально прозванные „военною прибылью", на рабочих накладывались громадные налоги, которыми оплачивалась война. А расходы на войну были поистине чудовщины. Осенью 1919 г. на мирной конференции французский министр финансов заявил, что война обошлась воевавшим в триллион пять миллиардов франков. Такое название даже не всякий знает. Раньше такими цифрами считали число верст от одной звезды до другой. А теперь ими исчисляются расходы на преступную бойню. Триллион—это миллион миллионов. Вот во что обошлась война, затеянная капиталистами. По другим вычислениям, расходы на войну были такими:

	В миллиард. рублей.
Стоимость I года войны	91
„ II „ „	136,5
„ III „ „	204,7
„ I половины IV года войны (31 июля—31 дек. 1917 г.)	153,5
Итого	585,7

Конечно, с тех пор расходы на войну возросли еще более и достигли цифр, поражающих по своей величине. Такие расходы требовали огромных сумм для своего покрытия. И совершенно естественно, что капиталистические государства стали накладывать соответственные огромные налоги на рабочий класс: либо в прямом виде, либо облагая налогами товары, либо—когда и с буржуазии что-нибудь бралось—

патриотически повышая цены на товары. Дороговизна росла, а фабриканты, в особенности работавшие на войну, загребали неслыханные барыши.

Русские фабриканты увеличили свои дивиденды больше чем вдвое, по отдельным предприятиям стали получать небывалые проценты. Вот цифры: нефтепромышл. т-во бр. Мирзоевых—40% дивиденда; акц. о-во бр. Данишевские—30%; табачн. фабр. Кальфа—30% и т. д. В Германии чистая прибыль предприятий в 1913—1914 г. равнялась в 4-х отраслях (химич., взрывчатых веществ, металлургич., автомобильная) 133 миллионам, в 1915—16 г.—уже 259 миллионам, т.-е. за один год увеличилась вдвое. В Соединенных Штатах прибыль стального треста за первую половину 1916 года втрое превышала прибыль за I половину 1915 года. В 1917 году по сравнению с 1915 г. прибыль увеличилась с 98 милл. долл. до 478! Нередко были выдачи 200% дивиденда. Таких примеров можно привести бы множество. Так же грандиозно возрастали и прибыли банков. На войне маленькая сошка разорялась, крупные акулы богатели невероятно, пролетариат же попадал под гнет налогов и дороговизны.

Главным предметом производства за время войны была шрапнель, гранаты, динамит, пушки, броневики, аэропланы, удушливые газы, порох и т. д. Этого добра производилось неимоверное количество. В Соединенных Штатах выросли даже целые новые города около пороховых заводов. Эти города были наскоро сколочены, заводы построены наспех, так что нередко они взлетали на воздух: очень уж спешили производить порох и загребать деньгу. Немудрено, что пушечные и пороховые фабриканты получали громадные прибыли, и дела их шли блестяще. Но для народа от этого становилось все хуже. Ведь настоящих предметов, которые можно было бы есть, носить и т. д., производилось все меньше и меньше. Порохом и пулями можно стрелять и громить, но ими нельзя питаться, и в них нельзя одеваться. А все силы воюющих уходили на то, чтобы производить порох и прочие орудия смерти. Правильное, полезное производство все более исчезало. Рабочие руки уходили в армию, вся промышленность работала на войну. Полезных товаров становилось все меньше и меньше. Последствием этого явились голод и дороговизна. Голод на хлеб, голод на уголь, голод на все полезные предметы, и при этом мировой голод и мировое истощение,—таково основное последствие преступной империалистской бойни.

Вот несколько примеров из разных стран.

Во Франции сельскохозяйственное производство за первые годы войны сокращалось так:

	В квинталах. 1914 г.	1916 г.
Хлеба	42.272.600	15.300.500
Корнеплоды	46.639.000	15.860.000
Промышл. раст.	59.429.000	20.448.000
Овощи	—	374.500

В Англии наличные запасы руды истощались так:

К	концу	1912	г.	было	241	тысяча	тонн (тонна = 61 пуду).
„	„	1913	„	„	138	„	„
„	„	1914	„	„	108	„	„
„	„	1915	„	„	113	„	„
„	„	1916	„	„	3	„	„
„	„	1917	„	„	0,6	„	„

Другими словами, запасы железной руды исчезли уже к концу 1917 г

В Германии выплавка чугуна равнялась в 1913 г.—19,3 милл. тонн; в 1916 г. уже только 13,3 милл.; в 1917 г.—13,1; в 1918 г.—12 милл., а в 1919 г. еще меньше.

Самое отчаянное положение для всей мировой промышленности получилось из-за угля. В Европе поставщиком каменного угля была Англия. А в Англии уже к середине 1918 г. добыча угля сокращается на 18%; еще в 1917 году полезная промышленность сидела почти без угля: электротехнические заводы получали в 6 раз меньше угля, чем нужно, текстильные (ткацкие) предприятия—в 11 раз меньше, чем перед войной. Ко времени „мирной" конференции в Версале почти все страны испытывали страшный угольный кризис: фабрики закрывались за недостатком топлива, железнодорожное движение сокращалось. Так возникла великая разруха всей промышленности и транспорта. В России была такая же история. Уже в 1917 году война довела до того, что с углем обстояло из рук вон плохо. Для московского района требовалось 12 милл. пудов ежемесячно. Правительство Керенского обещало доставлять по 6 милл. (половинная норма). В действительности же доставлялось: в январе—1,8 м. пуд.; в феврале—1,3 м. пуд.; в марте—0,8 м. пуд. Не мудрено, что русская промышленность не „взрывчатая" приходила в упадок: началось, как и во всем мире, **разложение капитализма**. В 1917 г. (при Керенском) было в России закрыто фабрик

Месяцы.	Число предпр.	Число рабочих.
Март	74	6.646
Апрель	55	2.816
Май	108	8.701
Июнь	125	38.455
Июль	206	47.754

Разоренье шло быстрыми шагами.

Чтобы посмотреть на рост дороговизны, происходящей от малого количества товаров и большого количества бумажек, достаточно посмотреть на страну, **меньше** всех потерпевшую от войны, на **Англию**.

Вот средняя цена на четыре главных продукта (чай, сахар, масло, хлеб, мясо):

	Чай—сахар.	Хлеб, мясо, масло.
Средн. цена 1901—1905 г.	500	300
Конец июля 1914 „	579	350
„ января 1915 „	786	413
„ „ 1916 „	946½	465
„ „ 1917 „	1310	561
„ „ 1918 „	1221½	681
„ мая 1918 „	1247	777½

За войну цены даже в Англии возросли больше чем вдвое, а за это же время заработки увеличились всего-на-всего на 18%. Значит, дороговизна возрастала в **шесть раз скорее, чем заработки рабочего**. Так

обстояло дело в Англии, а в других странах еще хуже. В особенности плохо было в России, где война разорила страну и превратила ее в нищую, раздетую, убогую старуху по милости господ капиталистов.

Даже в Америке, наименее пострадавшей от войны, цены на 15 важнейших продуктов с 1913 по 1918 г.г. включительно возросли на 160%, а заработная плата за это время—только на 80%.

В конце-концов стало разоряться без угля, стали и всего необходимого и военное производство. Страны всего мира, за исключением Америки, совсем обнищали: голод, разруха, холод стали гулять почти по всему земному шару. Совершенно понятно, что все эти бедствия особенно тяжело отражались на положении рабочего класса, который пытался протестовать. Но война обрушила на него всю силу буржазных разбойничьих государств. Рабочий класс во всех странах—монархических и республиканских—стал подвергаться неслыханным преследованиям. Рабочие были не только лишены права стачек, но при первой попытке к протесту подавлялись самым беспощадным образом. Таким образом, господство капитализма привело к **гражданской войне между классами.**

Преследования рабочих во время войны очень хорошо изображаются в резолюции III Интернационала о белом терроре: „С самого начала войны,—говорится там,—господствующие классы, перебившие на полях сражений больше 10 миллионов человек, изуродовавшие еще больше, ввели внутри своих стран режим кровавой диктатуры (буржуазии). Российское царское правительство расстреливало и вешало рабочих, устраивало еврейские погромы, глушило все живое в стране. Австрийская монархия затопила в крови восстание украинских и чешских крестьян и рабочих. Английская буржуазия казнила лучших представителей ирландского народа. Германский империализм свирепствовал внутри страны, и революционные матросы были первыми жертвами этого зверя. Во Франции расстреливали русских солдат, не желавших защищать интересы французских банкиров. В Америке буржуазия линчевала (убивала самосудом) интернационалистов, присуждала лучших людей из пролетариата к 20 годам каторги, расстреливала рабочих за стачки".

Капиталистический строй стал трещать по всем швам. **Анархия производства** привела **к войне**, которая вызвала небывалое обострение между классами. Так война привела к революции. Капитализм стал лопаться по двум основным направлениям (см. § 13). Наступила эпоха **краха капитализма.**

Рассмотрим несколько подробнее этот крах.

Капиталистическое общество было построено во всех своих частях по одному образцу: фабрика была организована так же, как канцелярия или как полк империалистской армии: вверху—богатые, которые распоряжаются, внизу—бедные, рабочие и служащие, которые повинуются; между ними—

инженеры, унтеры, средние служащие. Из этого видно, что капиталистическое общество может существовать только до тех пор, когда солдат-рабочий повинуется помещику-генералу или офицеру, дворянскому либо буржуазному сынку; когда какой-нибудь курьер в канцелярии подчиняется богатому начальнику; когда фабричный рабочий исполняет приказание господина директора, получающего громадные оклады, либо самого фабриканта, выжимающего из рабочих прибавочную ценность. Но лишь только трудящиеся массы сознают, что они—простая пешка в руках своих врагов, тогда начинают рваться ниточки, привязывавшие солдата к генералу, рабочего к фабриканту. Рабочие перестают слушаться фабриканта, солдаты перестают слушаться офицера, служащие перестают слушаться своего богатого начальства. Наступает период падения старой дисциплины, где богатые повелевали бедными, где буржуазия вила веревки из пролетариата. Этот период (это время) продолжается неизбежно до тех пор, пока новый класс, пролетариат, не подчинит себе буржуазию, не заставит ее служить трудящимся, не наладит новой дисциплины.

Такая неразбериха, когда старое разрушено, а новое еще не налажено, кончается лишь с полной победой пролетариата в гражданской войне.

§ 32. Гражданская война.

Гражданская война есть обостренная классовая борьба, когда классовая борьба превращается в революцию. Мировая империалистская война между разными группами буржуазии за раздел и передел мира велась руками рабов капитала. Но она взвалила такие тяжести на рабочих, что классовая борьба стала превращаться в гражданскую войну угнетенных против угнетателей, которую еще Маркс называл единственно справедливой войной.

Совершенно естественно, что капитализм привел к гражданской войне, и что империалистская война между государствами буржуазии превратилась в войну между классами. Это предсказала наша партия еще в самом начале войны, в 1914 году, когда никто и не думал о революции. А между тем было ясно, что неслыханные тяжести, которые взвалит война на рабочий класс, приведут к возмущению пролетариата. А с другой стороны, было ясно, что никакого прочного мира буржуазия дать не в состоянии, потому что слишком велики противоречия интересов между различными группами этих грабителей.

Все это сбывается теперь целиком. После страшных годов бойни, зверства и одичания началась гражданская война против угнетателей. Эту войну открыла русская революция в феврале и в октябре 1917 года; финляндская революция, венгерская революция, австрийская и немецкая революция продолжили ее, а потом началась революция и в других странах... А в это время буржуазия явно не может дать прочного мира. Союзники победили Германию еще в ноябре 1918 года; версальский грабительский мир они подписали только через много месяцев; а когда он будет окончательно одобрен,— неизвестно. Все видят, что этот версальский мир непрочен: уже после него дрались между собой юго-славяне и итальянцы, поляки и чехо-словаки, поляки и литовцы, латыши и немцы. А затем все буржуазные государства вместе нападают на республику победивших русских рабочих. Так империалистская война завершается войной гражданской, из которой должен выйти победителем пролетариат.

Гражданская война не есть прихоть какой-нибудь партии или случайность: гражданская война есть выражение революции, которая обязательно должна была произойти, потому что грабительская империалистская война окончательно раскрыла глаза широким рабочим массам.

Думать, что революция возможна без гражданской войны, это все равно, что думать о возможности „мирной“ революции. Тот, кто так думает (а так думают, например, меньшевики, кричащие о вреде гражданской войны), возвращается от Маркса назад к допотопным социалистам, которые думали, что можно фабриканта уговорить. Это все равно, что тигру „лаской“ внушить питаться травкой и не трогать коровок. Маркс был сторонником гражданской войны, т.-е. борьбы пролетариата с оружием в руках против буржуазии. По поводу Парижской Коммуны (восстания парижских рабочих в 1871 г.) Маркс писал, что коммунары не были достаточно решительны: в воззвании I Интернационала, написанном Марксом, говорится с упреком:

„Полицейских не только не обезоружили и не арестовали, как следовало бы сделать, а широко раскрыли перед ними ворота Парижа для бегства их в Версаль. „Сторонников порядка“ (так назывались контр-революционеры) не только оставили в покое, но им дана была возможность укрепиться на многих сильных позициях в сердце самого Парижа“... „Центральный Комитет, упорно отказываясь вести гражданскую войну, начатую Тьером (французский Деникин)..., сделал роковую ошибку: надо было немедленно идти на Версаль... и раз навсегда покончить с заговорами Тьера и его помещичьей палаты. Вместо этого „партию порядка“ допустили снова попытать свои силы на выборах в Коммуну 26 марта“. Здесь Маркс ясно высказывается за вооруженный разгром белогвардейцев в гражданской войне. То же пишет Энгельс: „Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы больше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась своей принудительной силой?“ А вот как Энгельс определяет революцию: „Революция есть акт, в котором одна часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек“.

Таким образом учители социализма смотрели на революцию весьма серьезно. Они понимали, что пролетариат не может уговорить буржуазию; понимали, что он должен навязать свою волю путем победы в гражданской войне, которая ведется „ружьями, штыками и пушками".

Гражданская война ставит друг против друга, с оружием в руках, классы капиталистического общества с их противоположными интересами. То обстоятельство, что капиталистическое общество расколото на две части, что оно, в сущности, представляет из себя по меньшей мере два общества,—это обстоятельство в обычное время было скрыто. Почему? Потому что рабы повиновались молча своим господам. Во время гражданской войны этому молчанию приходит конец и угнетенная часть общества восстает против угнетающей. Само собой разумеется, что при таких условиях никакое „мирное сожительство" между классами невозможно: армия распадается на белогвардейцев из дворян, буржуазии, богатой интеллигенции и т. д. и на красных из рабочих и крестьян: становится невозможным какое бы то ни было Учредительное Собрание, в котором заседают и фабриканты, и рабочие вместе: как им сидеть „мирно" в Учредилке, когда на улицах они стреляют друг в друга? Во время гражданской войны класс стоит против класса. Поэтому она может кончиться либо полной победой одного или другого, но не может кончиться соглашением, какой-нибудь середкой. И то, что мы видели в гражданской войне в России и в других странах (в Германии, в Венгрии), полностью подтверждает это: сейчас может быть либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии и генералов. Правительство средних классов и их партий (эс-эров, меньшевиков и т. д.) есть лишь мостик к переходу в ту или другую сторону. Свалилось при помощи меньшевиков Советское правительство в Венгрии,—сейчас же на смену пришла „коалиция", а потом старая монархия; удалось учредиловцам-эс-эрам захватить в свое время Уфу, Заволжье и Сибирь,—их в двадцать четыре часа выгнал адмирал Колчак, опиравшийся на крупную буржуазию и помещиков. А сам он осуществлял помещичье-буржуазную диктатуру вместо рабоче-крестьянской.

Решительная победа над врагом и осуществление пролетарской диктатуры—таков неизбежный результат гражданской мировой войны.

§ 33. Форма гражданской войны и ее издержки.

Эпоха гражданских войн открылась русской революцией, которая была лишь проявлением, началом общей, мировой

революции. В России революция началась раньше, чем в других странах, потому что здесь раньше началось разложение капитализма. Русская буржуазия и русские помещики, которые метили на Константинополь и Галицию и, в числе прочих, заваривали кровавую кашу в 1914 году, по своей слабости и неорганизованности лопнули раньше: раньше появились разруха, раньше появился голод. Поэтому русскому пролетариату легче было справиться со своими врагами как раз в России, и поэтому русский пролетариат одержал победу первым и первым осуществил свою диктатуру.

Из этого вовсе не следует, что русская коммунистическая революция есть самая совершенная революция в мире и что чем менее развит капитализм, тем „революционнее" и ближе к коммунизму страна. Если так рассуждать, то социализм осуществится сначала полностью в Китае, Персии, Турции и других странах, где нет почти вовсе и пролетариата. А поэтому и все учение Маркса оказывается неверным.

Кто так рассуждает, тот смешивает две вещи: одно дело—начало революции, другое дело—ее характер, ее „совершенство". Революция в России началась раньше из-за слабости развития капитализма у нас. Но из-за той же слабости, из-за того, что у нас отсталая страна, где пролетариат в меньшинстве, где было много мелких торговцев и т. д., нам трудно организовать общественное коммунистическое хозяйство. В Англии революция наступает позднее. Но там пролетариат, после своей победы, организует коммунизм скорее: он составляет громадное большинство, он привык к общему труду, производство там неизмеримо централизованнее. Значит, в Англии революция начинается позднее, но она выше, совершеннее, чем наша.

Многие полагали, что ожесточенность гражданской войны есть следствие русской „азиатчины", русской отсталости. Противники революции в Западной Европе все время говорили, что в России процветает „азиатский социализм" и что в цивилизованных странах революция обойдется без жестокостей. Ясно было, однако, что это пустяки. В развитой капиталистической стране сопротивление буржуазии должно быть больше; в такой стране интеллигенция (техники, инженеры, офицеры и т. д.) связаны с капиталом крепче и потому гораздо враждебнее коммунизму; значит, в этих странах гражданская война должна неизбежно быть еще острее, чем в России. И, действительно, уже германская революция показала, что здесь борьба принимает еще более кровавые формы.

Жалующиеся на террор большевиков позабывают, что буржуазия, ради сохранения своего кошелька, не останавливается ни перед чем. Вот что говорит по этому поводу резолюция международного коммунистического съезда: „Когда империалистская война начала превращаться в гражданскую войну, и перед господствующими классами, этими величайшими преступниками, каких только знала человеческая история, вплотную выросла опасность

крушения их кровавого режима, зверство их стало еще более жестоким... Русские генералы, это живое воплощение царского строя, устраивали и продолжают устраивать массовые расстрелы рабочих, и притом при прямой или косвенной поддержке социал-предателей. Во время владычества социалистов-революционеров и меньшевиков в России тысячи рабочих и крестьян наполняли тюрьмы, а генералы истребляли за неповиновение целые полки. Теперь Краснов и Деникин, пользующиеся благосклонным содействием государств Согласия, перебили и повесили десять тысяч рабочих, расстреливая „каждого десятого"; трупы повешенных, для устрашения живых, они оставляли три дня на виселице. На Урале и в Поволжье чехо-словацко-белогвардейские банды отрезали пленным руки и ноги, топили их в Волге, зарывали живыми в землю. В Сибири генералы убивали коммунистов тысячами, истребили несчетное множество рабочих и крестьян.

Германские и австрийские буржуа полностью проявили свое каннибальство, когда на Украине они стали вешать на передвижных железных виселицах ограбленных ими рабочих и крестьян, коммунистов, своих соплеменников—наших австрийских и немецких товарищей. В Финляндии, стране буржуазного демократизма, они помогли финским буржуа расстрелять 13—14 тысяч пролетариев и более 15 тысяч замучить до смерти по тюрьмам. В Гельсингфорсе они гнали перед собой, в качестве защиты от пулеметного огня, женщин и детей. Благодаря их содействию финским белогвардейцам и шведским прислужникам удалось осуществить оргии над побежденным финским пролетариатом: в Таммерфорсе приговоренных к смерти женщин и детей заставляли самих копать себе могилы. В Выборге истребили тысячи русских, мужчин, женщин и детей.

Внутри страны немецкие буржуа и немецкие социал-демократы достигли высшей степени реакционной ярости в кровавом подавлении коммунистического рабочего восстания, в зверском убийстве Либкнехта и Люксембург, в избиении и истреблении рабочих-спартаковцев. Массовый и единичный белый террор—вот знамя, под которым шествует буржуазия.

Та же самая картина в других странах. В демократической Швейцарии все наготове для расправы с рабочими на случай, если они осмелятся затронуть капиталистический закон. В Америке острог, суд Линча (самосуд) и электрическое кресло (для казней) являются изысканными символами демократии и свободы. В Венгрии и Англии, в Чехии и Польше—везде одно и то же. Буржуазные убийцы не отступают ни перед каким позорным деянием. Для укрепления своего господства они поддерживают шовинизм и организуют чудовищные еврейские погромы, оставившие далеко за собою погромы, организованные царской полицией... И когда польская реакционная и „социалистическая" сволочь перебила представителей русского Красного Креста, это было всего капля в море преступлений и жестокостей издыхающего буржуазного каннибализма (людоедства).

По мере того, как развивается гражданская война, она принимает и новые формы. Когда во всех странах пролетариат угнетен, он ведет эту войну в виде в о с с т а н и я против государственной власти буржуазии. Но вот в одной или другой стране пролетариат победил и захватил в свои руки государственную власть. Что происходит в таком случае? Тогда к услугам пролетариата имеется организованная государственная сила, пролетарская армия, весь аппарат власти. Тогда пролетариат борется со своей буржуазией, которая против него устраивает заговоры и восстания. Но он борется тогда, как государство, с буржуазными государствами. Тут граждан-

ская война принимает новую форму, форму настоящей классовой войны, когда пролетарское государство борется с буржуазными государствами; тут рабочие не просто восстают против буржуазии, а рабочее государство ведет правильную войну с империалистскими государствами капитала. Эта война ведется не за грабеж чужого, а за победу коммунизма, за диктатуру рабочего класса.

Так было и в действительности. После русской октябрьской революции на русскую Советскую власть накинулись со всех сторон капиталисты всех стран: немецкие и французские, американские и японские и т. д. Чем больше русская революция заражала своим примером рабочих других стран, тем теснее сплачивался весь международный капитал против революции, пытаясь создать грабительский союз капиталистов против пролетариата.

Такую попытку сделали капиталисты, по почину умного пройдохи и вождя американского капитала Вильсона, на так-называемой мирной конференции в Версале. Они назвали этот разбойничий союз „Лигой Наций", то-есть „Союзом Народов". В действительности же это есть союз не народов, а капиталистов разных стран и их государственных властей.

Этот союз есть нечто вроде попытки создать всемирный чудовищный трест, который опутывал бы всю нашу планету, который бы эксплоатировал весь мир и, с другой стороны, который бы повсеместно подавлял самым свирепым образом возмущение рабочего класса и его революцию. Разговоры о том, что этот союз учреждается для дела мира,—пустая басня. Настоящая его цель двояка: беспощадная эксплоатация всего мирового пролетариата, всех колоний и их колониальных рабов и удушение развивающейся мировой революции.

Первую скрипку в „Лиге Наций" играет Америка, которая страшно разбогатела за время войны. Америка сейчас является кредитором всех буржуазных государств Европы. А затем Америка еще и потому сила, что у нее есть сырье, топливо и хлеб. Этим она хочет держать в зависимости от себя всех остальных разбойников. В „Лиге Наций" ей обеспечена руководящая роль.

Интересно отметить, как руководящая разбойничья политика Соединенных Штатов прикрывалась всякими благородными словами. Вступление ради грабежа в войну шло под лозунгом спасения человечества, помощи слабым народам и т. д. Соединенным Штатам было выгодно иметь разбитую на части Европу, поделенную на десятки „самостоятельных" по виду, но зависимых от Америки государств. И эта заинтересованность надевала на себя благородную маску „самоопределения наций". Капиталистическая жандармерия, белая гвардия и полиция, которые, по мысли Вильсона, должны душить революцию повсюду, подавалась под соусом наказания за „нарушение мира". В 1919 году все империалисты стали вдруг миролюбцами и начали

вопить, что настоящие империалисты и противники мира — это большевики. Здесь прямое удушение революционеров шло под маской „мира“ и „демократии“.

„Лига Наций“ уже показала себя, как международный жандарм и палач. Ее деятели задушили венгерскую советскую республику, советскую республику в Словакии. Они душили все время российский пролетариат: английские, американские, японские, французские и проч. войска действовали и на севере, и на юге, и на западе, и на востоке России вместе с палачами рабочего класса. Даже чернокожих рабов напускала „Лига Наций“ на русских и венгерских рабочих (Одесса, Будапешт). До каких гнусностей доходит она, видно, напр., из того, что „цивилизованные“ разбойники в перчатках держали при себе „Лигу Убийц“, во главе с генералом Юденичем, который стоял во главе так-называемого „северо-западного правительства“. „Лига Наций“ все время науськивала Финляндию, Польшу и т. д. на Советскую Россию, устраивала заговоры при помощи консулов иностранных держав; ее агенты взрывали мосты, убивали бомбами коммунистов. Нет такой подлости, на которую не пошла бы „Лига Наций“.

Чем сильнее натиск пролетариата, тем сплоченнее становится клика капиталистов. В „Коммунистическом Манифесте“, в 1847 г., Маркс и Энгельс писали: „Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы соединились для освященной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские“. С тех пор прошло много лет. Призрак коммунизма уже стал облекаться в плоть и кровь. И против него идет походом не только „старая Европа“, но **весь капиталистический мир**. Однако „Лига Наций“ **не в состоянии будет справиться с двумя своими задачами: организацией в единый трест всего мирового хозяйства и повсеместным удушением революции.** Даже между крупными державами нет полного единства. Америка стоит против Японии, и обе державы продолжают вооружаться. Смешно думать, что раздавленная Германия будет питать дружеские чувства к „бескорыстным“ грабителям Согласия. Значит, остается трещина и здесь. Малые государства воюют друг с другом. Но — что еще важнее — начинается ряд колониальных восстаний и войн: в Индии, в Египте, в Ирландии и т. д. Порабощенные страны начинают войну против своих „цивилизованных“ европейских поработителей. К гражданской, классовой войне, которую ведет пролетариат против империалистской буржуазии, присоединяются восстания колоний, которые помогают подорвать и разрушить господство мирового империализма. Таким образом, система империализма трещит под напором восстающего пролетариата, войн пролетарских республик, восстаний и войн порабощенных империализмом наций, с одной стороны; под влиянием противоречий и несогласий между крупными

капиталистическими державами—с другой. Вместо „прочного мира“—полный хаос; вместо обуздания всего мирового пролетариата—жестокая гражданская война. В этой гражданской войне растут силы пролетариата и слабеют силы буржуазии. Ее концом неизбежно будет победа пролетариата.

Конечно, победа пролетарской диктатуры отнюдь не дается даром. Гражданская война, как и всякая другая война, стоит жертв людьми и жертв материальными ценностями. Всякая революция связана с такими издержками. Поэтому, разумеется, на первых порах, когда идет эта гражданская война, то разруха, вызванная империалистской войной, кое-где обостряется еще более. Вполне понятно, что когда лучшие рабочие, вместо того, чтобы работать или организовывать производство, стоят на фронте с винтовкой в руках и обороняются от помещиков и генералов, то от этого страдает фабричная жизнь. Понятно, что все разрушения в гражданской войне являются разрушениями, которые наносят вред. Понятно, что погибшие в ней товарищи—это драгоценнейшая жертва. Но это неизбежно во всякой революции. Во время французской буржуазной революции 1789—1793 г.г., когда буржуазия сваливала французских помещиков, гражданская война сопровождалась большой разрухой. Но зато, когда помещики-дворяне были побеждены, развитие Франции быстро пошло в гору.

Всякому понятно, что при такой громадной революции, как мировая революция пролетариата, когда ломается угнетательский строй, складывавшийся веками, издержки революции особенно велики. Мы видели, что гражданская война ведется сейчас в мировом объеме; частью она переходит в войну буржуазных государств против пролетарских. Пролетарские государства, обороняющиеся от разбойников-империалистов, ведут классовую войну, действительно священную. Но она стоит жертв кровью. И чем шире эта война, тем больше жертвы, тем больше продвигается вперед разруха.

Однако издержки революции вовсе не являются доказательством против этой революции. Веками сложившийся капиталистический строй привел к чудовищной империалистской бойне, в которой были пролиты моря крови. Какая гражданская война сравнится с этим диким разрушением и истреблением всего накопленного человечеством богатства? Ясно, что нужно, чтобы человечество раз навсегда покончило с капитализмом. Ради этого стоит перенести время гражданских войн, проложить дорогу коммунизму, который залечит все раны и быстро двинет вперед развитие производительных сил человеческого общества.

§ 34. Всеобщее разложение или коммунизм?

Развивающаяся революция является мировой благодаря тем же причинам, благодаря которым империалистская война стала мировой империалистской войной. Все главные страны связаны между собой, все страны были частями мирового хозяйства, все почти были вовлечены в войну и связаны этой войной на особый лад; во всех странах война произвела ужасные опустошения, вызвала голод, закабаление пролетариата; во всех странах она вызвала постепенное гниение и разложение капитализма, падение палочной дисциплины в армиях, на фабриках и заводах; и с такой же неотвратимой неизбежностью вызывает она коммунистическую революцию пролетариата.

Раз начавшись, разложение капитализма и рост коммунистической революции не может остановиться. Распад капитализма начался. Всякая попытка поставить человеческое общество на старые капиталистические рельсы заранее обречена на полную неудачу. Это потому, что сознание пролетарских масс достигло такой высоты, что эти массы не могут, не хотят и не будут работать на капитал или убивать друг-друга ради интересов капитала, колоний и т. д. Сейчас нельзя восстановить в Германии армии Вильгельма. Но точно так же, как нельзя восстановить империалистской дисциплины в армии, надев хомут на пролетария-солдата и подчинив его помещику-генералу, точно так же нельзя сейчас добиться восстановления капиталистической дисциплины труда, заставить рабочего работать на хозяина или крестьянина на помещика. Новая армия может быть построена только пролетариатом. Новая дисциплина труда может быть осуществлена только рабочим классом.

Поэтому сейчас возможно что-либо одно из двух: либо всеобщее разложение, полный хаос, кровавая каша, дальнейшее одичание, беспорядок и действительная анархия, или же коммунизм. Все попытки водворения капитализма в стране, где уже однажды массы подходили к своей власти, подтверждают это. Ни финская буржуазия, ни буржуазия венгерская, ни Колчак, ни Деникин, ни Скоропадский не могли наладить хозяйства, не могли создать даже своего, кровавого порядка.

Единственным выходом для человечества является коммунизм. И так как коммунизм может быть осуществлен только пролетариатом, то пролетариат в наше время является во-

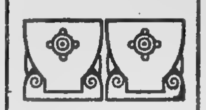
истину спасителем всего человечества от ужасов капитализма, от варварской эксплоатации, колониальной политики, постоянных войн, голода, одичания и озверения, которые принес с собою финансовый капитал и империализм. В этом — великое историческое значение пролетариата. Он может терпеть поражения в отдельных битвах и даже в отдельных странах. Но его победа неизбежна так же, как неизбежна гибель буржуазии.

Из предыдущего ясно, что все группы, классы и партии, которые думают восстановить капитализм или воображают, что сейчас не время для социализма, на самом деле играют контр-революционную, реакционную роль, хотят ли они этого или не хотят, сознают ли они это или не сознают. Таковы все социал-соглашательские партии. Об этом см. также следующую главу.

Литература к IV главе. Л. Каменев: „Экономич. система империализма“. Н. Ленин: „Империализм, как новейший этап капитализма“. Н. Бухарин: „Мировое хозяйство и империализм“. Г. Цыперович: „Синдикаты и тресты в России“. Н. Лукин (Антонов): „Милитаризм“. Павлович: „Что такое империализм“. Павлович: „Великие ж.-д. пути“. Он же: „Милитаризм и маринизм“. Он же: „Итоги мировой войны“. Основной, но трудной для чтения работой является книга Р. Гильфердинга: „Финансовый капитал“.

Кроме этого, см. сл. книги: К. Каутский: „Путь к власти“. Керженцев: „Английский империализм“. Лозовский: „Железо и уголь (борьба за Эльзас-Лотарингию)“. Г. Зиновьев: „Австрия и мировая война“. Покровский: „Франция во время войны“. Херасков: „Англия во время войны“. М. Лурье (Ларин): „Страна-победительница“. Он же: „Следствия войны“. Г. Зиновьев: „Тройственный союз и тройственное согласие“. А. Ломов: „Разложение капитализма и организация коммунизма“. Н. Осинский: „Строительство социализма“ (первая глава).

Из области беллетристики можно указать роман Джека Лондона: „Железная Пята“.



ГЛАВА V.

Второй и Третий Интернационал.

§ 35. Интернационализм рабочего движения, как условие победы коммунистической революции. § 36. Крах II Интернационала и его причины. § 37. Лозунг защиты отечества и пацифизм. § 38. Социал-шовинисты. § 39. „Центр“. § 40. Третий Коммунистический Интернационал.

§ 35. Интернационализм рабочего движения, как условие победы коммунистической революции.

Коммунистическая революция может победить только как мировая революция. Если бы получилось так, что в одной какой-нибудь стране рабочий класс стал у власти, а в других странах он был не за страх, а за совесть предан капиталу, то в конце-концов эту страну крупные разбойничьи государства задушили бы. В 1917, 1918 и 1919 г.г. все державы душили Советскую Россию; в 1919 г. они задушили Советскую Венгрию. Но задушить Советскую Россию они не могли, потому что внутреннее положение у самих великих держав было такое, что приходилось думать, как бы не слететь самим под напором собственных рабочих, которые требовали вывода войск из России. Значит, во-первых, самое существование пролетарской диктатуры в одной стране поставлено под угрозу, если нет поддержки от рабочих других стран. Во-вторых, при таком положении, когда рабочие победили только в одной стране, очень затруднено экономическое строительство, организация хозяйства. Такая страна ничего или почти ничего не получает из-за границы: ее блокируют со всех сторон.

Но если для победы коммунизма необходима победа мировой революции и взаимная поддержка рабочими друг друга, то это значит, что необходимым условием победы

является интернациональная (международная) солидарность рабочего класса. Тут происходит то же самое, что и в каждой отдельной стране: рабочие не могут выиграть стачки, если они привязаны каждый к своему хозяину; они эту стачку выигрывают только тогда, когда рабочие разных фабрик поддерживают друг друга, строят общую организацию и ведут общую борьбу против всех фабрикантов. То же самое и с рабочими, которые живут в разных буржуазных государствах. Они тогда только смогут победить, когда идут вместе, сомкнутыми рядами, когда они не враждуют между собой, а, наоборот, когда пролетарии разных стран объединяются, чувствуют себя единым классом, с одними и теми же интересами. Только полное доверие друг к другу, братский союз, единство революционных действий против всемирного капитала обеспечивают победу рабочего класса. Рабочее коммунистическое движение может победить лишь как международное коммунистическое движение.

Необходимость международной борьбы пролетариата сознавалась уже давно. В сороковых годах прошлого столетия, накануне революции 1848 года, уже имелась международная тайная организация, которая называлась „Союзом Коммунистов". Во главе ее стояли Маркс и Энгельс. На лондонском конгрессе этого союза им было поручено составить „Манифест" от имени этого союза. Так появился „Манифест Коммунистической Партии", в котором великие борцы пролетариата впервые изложили коммунистическое учение.

В 1864 году возникло под руководством Маркса „Международное Товарищество Рабочих", или, как его теперь называют, Первый Интернационал. В Первом Интернационале было много вождей рабочего движения из разных стран, но в рядах его не было достаточного единства. Кроме того, он не опирался еще на широкие рабочие массы, а был похож скорее на международное общество революционной пропаганды. В 1871 г., во время восстания парижских рабочих (Парижская Коммуна), члены Интернационала принимали в нем участие. После этого начались повсеместные преследования ячеек Интернационала. В 1874 году он распался, обессиливаемый вдобавок ко всему внутренней борьбой между сторонниками Маркса и анархиста Бакунина. После распадения I Интернационала в разных странах стали расти социалистические партии. Чем быстрее развивалась промышленность, тем быстрее совершался и рост этих партий. Потребность во взаимной поддержке чувствовалась настолько сильно, что в 1889 году был созван международный социалистический конгресс из представителей социалистических партий разных стран. Здесь было положено основание Второму Интернационалу. Второй Интернационал существовал фактически до 1914 г., когда война положила ему конец. Причины этого излагаются ниже.

Еще в „Коммунистическом Манифесте" Маркс выставил лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!". Вот как писал об этом Маркс (этими строками кончался „Манифест"): „Коммунисты не считают нужным скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного низвержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы дрожат перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего терять в ней, кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Таким образом, интернациональная солидарность пролетариата является для рабочих вовсе не побрякушкой или красивым словцом, а жизненной необходимостью, без которой дело рабочего класса было бы осуждено на гибель.

§ 36. Крах II Интернационала и его причины.

Когда в августе 1914 года началась великая мировая бойня, то социал-демократические партии всех стран, за исключением России, Сербии, а потом Италии, вместо того, чтобы объявить войну войне и поднимать рабочих на восстание, перешли на сторону своих правительств и сами стали поддерживать грабительскую бойню. В один и тот же день социал-демократические депутаты Франции и Германии голосовали в парламентах за военные кредиты своим правительствам и таким образом дали сигнал поддерживать разбойничьи правительства. Вместо общего восстания против преступной буржуазии, социалистические партии разбежались каждая под знамя „своего“ буржуазного правительства. Война началась при прямой поддержке социалистических партий, вожди которых изменили социализму и предали его. Второй Интернационал нашел здесь свою бесславную смерть.

Любопытно то, что всего за несколько дней до предательства органы социалистических партий и их вожди клеймили войну. Так, напр., Г. Эрве, изменник французского социализма, писал в своей „Социальной Войне“ (которую он переименовал в „Победу“): „Биться во имя спасения престижа (достоинства) царя!.. Какая радость умереть за такое благородное дело!“ За три дня до войны соц. партия Франции выпустила манифест против войны, а французские синдикалисты в своей газете взывали: „Рабочие! Если вы не трусы... протестуйте!“ Германская соц.-демократия созывала громадные собрания протеста. У всех еще было свежо в памяти постановление международного конгресса в Базеле, где говорилось, что в случае войны нужно применить все средства, чтобы „поднять народ“ и ускорить крах капитализма. Но уже на другой день те же партии и их вожди писали о необходимости „защищать отечество“ (то-есть разбойничье государство своей буржуазии, а австрийская „Рабочая Газета“ утверждала, что нужно защищать „немецкое (!!) человечество“.

Чтобы понять, почему произошел крах и бесславная гибель II Интернационала, нужно разобраться в условиях развития рабочего движения до войны. До этого столкновения капитализм европейских стран и Соединенных Штатов развивался за счет неистового грабежа в колониях. Грязная и кровавая сторона капитализма выявлялась главным образом там. Из колониальных народов, путем варварской их эксплоатации, грабежа, обмана, насилия, выжимались ценности,

превращавшиеся в прибыль акул европейского и американского финансового капитала. Чем крепче и сильнее чувствовал себя на мировом рынке какой-нибудь государственно-капиталистический трест, тем больше прибыли получал он от эксплоатации колоний. И из этой добавочной прибыли он мог выплачивать своим наемным рабам кое-что сверх обычной заработной платы. Не всем, конечно, а „квалифицированным", то-есть так-называемым обученным рабочим. Эти слои рабочего класса все время, таким образом, подкупались капиталом. Эти слои начинали рассуждать так: „если „наша" промышленность имеет рынки в африканских колониях, это хорошо, она лучше будет развиваться, прибыли наших хозяев увеличатся и нам кое-что перепадет". Так привязывал капитал к своему государству своих наемных рабов, подкупая одну их часть, прикармливая их за счет колониального грабежа.

Это явление отмечали еще основатели научного коммунизма. Так, например, Ф. Энгельс писал в 1882 г. в письме к Каутскому: „Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? Решительно то же самое, что они думают о политике вообще. Здесь не существует ведь рабочей партии, здесь существуют только консерваторы и либеральные радикалы, а рабочие усердно соучаствуют в потреблении тех благ, которые несет с собой английская монополия на мировом рынке и в колониях".

На этой почве развивалось особое хамство, привязанность рабочих к своей буржуазии, лакейство перед ней. Тот же Энгельс писал в 1889 г.: „Самое противное явление здесь (в Англии)—это буржуазная респектабельность, всосавшаяся рабочим в плоть и кровь... Врожденное уважение к „betters" и „superiors" (к „господам") так давно и прочно вкоренилось, что господам буржуа все еще довольно легко удается улавливать в свои сети рабочих. Я, например, вовсе не уверен в том, что Джон Бернс (один из тогдашних рабочих вождей) в глубине души не гордится больше своей популярностью у кардинала Маннинга, городского головы, и вообще у буржуазии, чем популярностью у своего собственного класса".

Рабочие массы не привыкли, да им и не было случая, вести громадную борьбу в интернациональном масштабе. Вся деятельность их организаций в большинстве случаев шла внутри государства своей буржуазии. А это „своя" буржуазия заинтересовывала колониальной политикой часть рабочего класса, в особенности квалифицированные слои этого рабочего класса. На эту же удочку поддавались и вожди рабочих организаций, рабочая бюрократия, парламентские представители, имевшие более или менее теплые местечки и привыкшие к „мирной", „спокойной", „законной" деятельности. Ведь мы уже говорили, что кровавая сторона капитализма развертывалась, главным образом, в колониях. В самой Европе и в Америке промышленность быстро

развивалась, а вместе с тем самая борьба рабочего класса шла в более или менее мирных формах. Революций крупных не было (за исключением России) с 1871 года, а для большинства стран с 1848 года, все привыкли к мысли, что капитализм будет развиваться так же мирно и впредь, и даже, когда говорили о грядущих войнах, сами этому мало верили. А часть рабочих—и в том числе рабочие вожди—все больше проникалась мыслью, что и рабочий класс заинтересован в колониальной политике, и должен, вместе со своей буржуазией, заботиться о процветании этого „общенародного дела". На этой почве к социал-демократии стала приливать и мелко-буржуазная масса. Так, например, в Германии, среди парламентской социал-демократической фракции было довольно много трактирщиков, содержателей рабочих ресторанов: в 1892 г.—4 (из 35), в 1905 г.—6 (из 81), в 1912—12 (из 110).

Неудивительно, что когда вопрос был поставлен ребром, то привязанность к империалистскому разбойничьему государству одержала верх над интернациональной солидарностью.

Итак, главной причиной гибели II Интернационала было то, что колониальная политика и монопольное положение крупнейших государственно-капиталистических трестов привязывало рабочих—в особенности „верхушки" рабочего класса—к империалистскому государству буржуазии.

В истории рабочего движения случаи, когда рабочий идет вместе со своим угнетателем, бывали и раньше. Например, на самой ранней ступени развития, когда рабочий сидел еще за одним столом со своим хозяином, тогда он смотрел на фабрику своего хозяина, как чуть ли не на свою; хозяин был для него не врагом, а „работодателем". Только с течением времени стали рабочие разных фабрик объединяться друг с другом против всех хозяев. Когда огромные страны сами превратились в „государственно-капиталистические тресты", то рабочие по отношению к ним были еще так же привязаны, как раньше к отдельному хозяину.

Только война научила их, что нужно быть не на стороне своего буржуазного государства, а вместе свергать эти буржуазные государства и идти к диктатуре пролетариата.

§ 37. Лозунг защиты отечества и пацифизм.

Измена рабочему делу и общей борьбе рабочего класса оправдывалась вождями социалистических партий и II Интернационала тем, что нужно было якобы „защищать отечество".

Мы уже видели, что в империалистской войне это вообще чепуха, потому что в ней ни одна из великих держав не

защищается, а все нападают. Лозунг защиты отечества (буржуазного) был простым обманом, которым вожди хотели прикрыть свое предательство.

Здесь мы должны, однако, более подробно рассмотреть этот вопрос.

Во-первых, что такое отечество? Что понималось в сущности под этим словом? Люди, говорящие на одном языке, или „нация“? Нет. Ибо возьмем, скажем, царскую Россию. Когда русская буржуазия кричала о защите отечества, она разумела вовсе не страну, где живет одна национальность, скажем, великороссы; нет, тут речь шла о разных народах, населяющих Россию. О чем же говорилось на самом деле? Да не о чем ином, как о государственной власти русской буржуазии и помещиков. Ее „защищать“ предлагалось русским рабочим (на самом деле не защищать, а расширять границы ее до Константинополя и Кракова). Когда немецкая буржуазия вопила о защите „фатерлянда“, о чем шла речь? Опять-таки о власти немецкой буржуазии, о расширении границ разбойничьего вильгельмовского государства.

И вот тут нужно себе дать отчет в том, имеет ли при капитализме рабочий класс какое бы то ни было отечество. Маркс на это в „Манифесте Коммунистической Партии“ отвечал: „Пролетарии не имеют отечества“. И он был прав. Почему? Да очень просто, почему: потому что при капитализме они не имеют власти, потому что при капитализме все находится в руках буржуазии, потому что при капитализме государство — это орудие подавления рабочего класса, которое угнетает рабочий класс. Мы уже видели, что задача пролетариата заключается в том, чтобы разрушить государство буржуазии, а вовсе не защищать его. Только тогда пролетариат будет иметь отечество, когда он завоюет государственную власть и станет хозяином страны. Там — и только там — имеет он отечество и обязан его защищать: ибо там он будет защищать свою власть и свое дело, а не власть своих врагов и не разбойничью политику своих угнетателей.

Буржуазия отлично понимает все это для себя. Доказательством служит, например, следующее. Когда пролетариат завоевал власть в России, то русская буржуазия стала бороться против России, заключая союз с кем угодно: с немцами, японцами, американцами, англичанами, с чортом и его бабушкой. Почему? Потому что она потеряла в России власть, она потеряла в ней свое отечество разбоя, грабежа, буржуазной эксплоатации. Пролетарскую же Россию, то-есть Советскую власть, она готова взорвать в любой момент. Или возьмем Венгрию. Буржуазия призывала „защищать“ ее, когда

власть была в руках буржуазии, но она вошла тотчас в соглашение с румынами, чехо-словаками, австрийцами, Антантой и вместе с ними задушила пролетарскую Венгрию. Это значит, что буржуазия-то прекрасно понимает, в чем дело. Она укрепляет сама и приглашает укреплять всех граждан свою, буржуазную власть под соусом отечества и судит за государственную измену тех, кто не согласен делать это. И, наоборот, она прилагает все усилия и не стесняется ничем, чтобы взорвать пролетарское отечество.

Пролетариат должен учиться у буржуазии: взрывать буржуазное отечество, а не защищать или расширять его; а свое защищать всеми силами, до последней капли крови.

На все это можно возразить таким образом: как же, вы признаете, что колониальная политика и империализм помогали развитию промышленности великих держав, что благодаря этому кое-какие лишние крохи перепадали с барского стола и рабочему классу? Значит, нужно все-таки защищать и помогать в конкуренции своему хозяину?

Это вовсе не значит. Представим себе, что у нас два фабриканта: Шульц и Петров. Они грызутся на рынке. Шульц говорит своим рабочим: „Братцы! Стойте за меня горой! Вредите, как можете, фабрике Петрова, ему самому, его рабочим и т. д. Тогда моя фабрика пойдет в ход, я Петрова доконаю, дела пойдут великолепно. А я вам уж лишний полтинник набавлю". То же говорит и Петров своим. Предположим, что победил Шульц. Тогда он на первых порах, быть может, и будет давать лишний полтинник. А потом все назад отнимет. Если же рабочие захотели бы бастовать и обратились бы за помощью к прежним рабочим Петрова, те сказали бы: „Что же, вы нам пакостили, а теперь идете к нам? Проходите по-добру, по-здорову". Стачки бы общей не вышло. Рабочие разъединены, капиталист силен. И теперь, победив своего конкурента, он бьет разъединенных на части рабочих. Рабочие Шульца выиграли на момент лишний полтинник, а потом проиграли все. То же самое и в международной борьбе. Буржуазное государство есть хозяйский союз. Когда один такой союз жиреет на счет других, он может подкупать рабочих. Крах Второго Интернационала и измена социализму вождей рабочего движения как раз и произошли потому, что эти вожди решили „защищать" и увеличивать те крохи, которые падали им с барского стола. Но за время войны, когда рабочие из-за этого предательства оказались разъединенными, капитал во всех странах навалился на них страшной тяжестью. Рабочие увидели, что они просчитались, что вожди социалистических партий их продали за пятачок. Так начинается возрожде-

ние социализма. Вполне понятно, что протесты идут прежде всего из среды низко оплачиваемых, неквалифицированных рабочих. Слой рабочей аристократии (например, печатники во всех странах) и старых вождей продолжал еще долго тянуть предательскую канитель.

Кроме лозунга защиты (буржуазного) отечества, средством обмана и одурачивания рабочих масс был так-называемый пацифизм. Что это такое? Это взгляд, который сводится к тому, что уже в пределах капитализма, без всяких революций, без всяких восстаний пролетариата и т. д. на земле водворится вечный мир. Стоит только учредить третейские суды между разными державами, отменить тайную дипломатию, ввести разоружение, сначала хотя бы только сокращая его и т. д., как все будет хорошо.

Основная ошибка пацифизма („миротворчества") заключается в том, что на такие хорошие вещи, как, например, разоружение, буржуазия не пойдет. Совершенно нелепо и глупо в эпоху империализма и гражданской войны проповедывать разоружение. Буржуазия будет себе прекрасно вооружаться, а если пролетариат будет разоружать себя или не будет вооружаться, то он просто-на-просто даст себя разгромить. В этом и состоит обман, который несут пролетариату пацифистские лозунги. Их цель — отвлечь внимание рабочего класса от вооруженной борьбы за коммунизм.

Лучшим образцом лживости пацифизма может служить политика Вильсона и его 14 пунктов, где под соусом благородных вещей, и в том числе Лиги Наций, проводятся мировой грабеж и гражданская война против пролетариата. До какой подлости могут доходить пацифисты, видно, напр., из таких примеров: бывший президент Соед. Штатов Тафт является одним из основателей америк. пацифистской лиги и в то же время бешеным империалистом; известный американский автомобильный фабрикант Форд устраивал целые экспедиции в Европу и трезвонил о пацифизме. Но в то же время он загребал сотни миллионов долларов, так как все его предприятия работали на войну. Один из авторитетнейших пацифистов, А. Фрид, в своей „Настольной книге пацифизма" (том II, стр. 149), видит „братство народов", между прочим, в совместном походе империалистов против Китая в 1900 г. Вот что он пишет по этому поводу: „Китайское предприятие показало влияние идей мира на современные события. Оно продемонстрировало интернациональную ассоциацию армий. Объединенные армии выступают, как мировая сила, под командой одного европейского генералиссимуса. Мы, друзья мира, видим в этом мировом генералиссимусе (это был назначенный Вильгельмом II граф Вальдерзее) только предтечу того мирового государственного деятеля, который в состоянии будет осуществить наш идеал мирными средствами".

Явный совместный разбой считается здесь „братством народов". Это все равно, что разбойничий Союз Капиталистов подавать под соусом „Лиги Наций".

§ 38. Социал-шовинисты.

Обманные лозунги, которыми буржуазия изо дня в день, всей своей прессой, журналами, газетами, листками и т. д., забрасывала массы, стали и лозунгами предателей социализма.

Старые социалистические партии почти во всех странах раскололись на три течения: предатели откровенные и наглые — социал-шовинисты; предатели прикрытые и колеблющиеся — это так-называемый „центр“, и, наконец, те, кто не изменил социализму. Из этих элементов организовались потом коммунистические партии.

Социал-шовинистами, то-есть проповедниками человеконенавистничества, под флагом социализма, проповедниками поддержки разбойничьих буржуазных государств под обманным лозунгом защиты отечества, оказались вожди почти всех старых социалистических партий: в Германии — Шейдеман, Носке, Эберт, Давид, Гейне и др.; в Англии — Гендерсон; в Америке — Рессель, Самуил Гомперс (вождь проф. союзов); во Франции — Ренодель, Альбер Тома, Жюль Гед и вожди союзов, вроде Жуо; в России — Плеханов, Потресов, правые эс-эры (Брешко-Брешковская, Керенский, Чернов) и правые меньшевики (Либер, Розанов); в Австрии — Реннер, Зейц, Виктор Адлер; в Венгрии — Гарами, Бухингер и другие.

Все они поголовно были за „защиту“ буржуазного отечества. Но многие из них откровенно стояли за разбойничью политику, за аннексии и контрибуции с чужих стран, за грабеж колоний (их обычно называют социал-империалистами). Они все время войны поддерживали ее не только голосованием кредитов, но и всей своей пропагандой. Манифест Плеханова в России расклеивался царским министром Хвостовым. Генерал Корнилов назначал Плеханова министром в свой кабинет. Керенский (с.-р.) и Церетели (меньшевик) прятали от народа тайные договоры царя; они громили пролетариат Петербурга в июльские дни; эс-эры и правые меньшевики входили в правительство Колчака, Розанов был шпионом Юденича. Словом, они стояли, как и вся буржуазия, за поддержку грабительского буржуазного отечества и за взрыв пролетарского, советского. Французские социал-шовинисты вошли в разбойничье министерство (Гед, Альбер Тома), поддерживали все грабительские планы союзников, стояли за удушение русской революции и за посылку войск против русских рабочих; немецкие социал-шовинисты

еще при Вильгельме вошли тоже в министерство (Шейдеман), поддерживали Вильгельма, когда он душил финскую революцию, грабил Украину и Великороссию; члены соц.-дем. партии (Винниг в Риге) командовали боями против русских и латышских рабочих; позднее они убили Либкнехта и Розу Люксембург и подавляли самым свирепым и кровавым образом восстания коммунистических рабочих в Берлине, Лейпциге, Гамбурге, Мюнхене и т. д. Венгерские социал-шовинисты поддерживали в свое время монархическое правительство, а потом предали советскую республику. Словом, во всех странах они выказали себя как настоящие палачи рабочего класса.

Когда Плеханов был еще революционером, в заграничной газете „Искра" он писал, что двадцатый век, которому суждено будет осуществлять социализм, по всей вероятности, будет видеть величайший раскол среди социалистов и величайшую, жестокую борьбу между ними. Подобно тому, как во время французской революции 1789—1793 г.г. крайняя революционная партия („Гора") вела гражданскую войну с умеренной, ставшей потом контр-революционной партией („Жиронда"), так—говорил Плеханов—в XX веке, вероятно, будут стоять друг против друга прежние единомышленники, потому что часть из них перейдет на сторону буржуазии.

Это пророчество Плеханова оправдалось целиком. Только он не знал тогда, что сам он будет в числе изменивших.

Социал-шовинисты (их называют также оппортунистами, то-есть соглашателями чистой воды) превратились таким образом в открытых классовых врагов пролетариата. Во время великой мировой революции они борются в рядах белых против красных; они идут вместе с генералами, крупной буржуазией, помещиками. Само собой разумеется, что с ними необходима беспощадная борьба, борьба такая же решительная, как и с буржуазией, агентами которой они являются.

Остатки Второго Интернационала, который эти партии пытались оживить, по сути дела являются лишь конторой при „Лиге Наций". Это—один из инструментов буржуазии в борьбе с пролетариатом.

§ 39. „Центр".

Другую группу прежних социалистических партий составляет так-называемый „центр". Это течение называется так потому, что оно колеблется между коммунистами, с одной стороны, и социал-шовинистами — с другой. К этому течению принадлежат: в России — левые меньшевики во главе с Мартовым; в Германии — „независимцы" (Независимая

С.-Д. Партия) во главе с Каутским и Гаазе; во *Франции* — группа Жана Лонгэ; в *Америке* — Америк. Соц. Партия во главе с Хилквитом; в *Англии* — часть Брит. Соц. Партии и Независ. Рабоч. Партия и т. д.

В начале войны эти люди высказывались за защиту отечества вместе со всеми социал-предателями и против революции. Каутский писал, что самое страшное — это „вражеское нашествие" и что, мол, только *после* войны можно будет приняться за борьбу. Во время войны Интернационалу, по мнению Каутского, нечего было делать. После заключения „мира" Каутский стал писать, что теперь все так разорено, что о социализме нечего мечтать. Выходит, значит, так: во время войны нельзя бороться, потому что ничего не выйдет, и нужно отложить борьбу до мира; во время мира нельзя бороться потому, что война все истощила. Всякий видит, что теория Каутского есть проповедь абсолютного бессилия, развращающая пролетариат и очень близкая к полной измене. Еще хуже то, что во время самой революции Каутский не нашел ничего лучшего, как начать бешеную травлю большевиков. Он, позабыв учение Маркса, все время ведет кампанию против пролетарской диктатуры, террора и т. д., не замечая, что сам он помогает *белому террору буржуазии*. Его собственные надежды—это надежды обычного пацифиста (третейские суды и проч.), и этим он сходится с любым буржуазным пацифистом.

Мы уделили столько внимания Каутскому, потому что его теория дает представление о всем центре, хотя Каутский стоит на правом крыле „центра".

Политика „центра" состоит в том, что он бессильно мечется между буржуазией и пролетариатом, путаясь в ногах, желая примирить непримиримое и в решительные минуты *изменяя* пролетариату. Во время русской октябрьской революции русский центр (Мартов и К°) вопил о насилии большевиков и стремился все „примирить", помогая тем самым белогвардейцам, *ослабляя* энергию пролетариата во время боя. Партия меньшевиков не исключила даже тех своих членов, которые играли роль генеральских шпионов и заговорщиков. В трудные для пролетариата дни этот „центр" выступал с проповедью забастовок во имя учредилки, против диктатуры пролетариата; во время наступления Колчака некоторые из этих меньшевиков выбрасывали, в полной солидарности с буржуазными заговорщиками, лозунг прекращения гражданской войны (меньшевик Плесков). В *Германии* „независимые" сыграли предательскую роль во время восстания рабочих в Берлине, когда они тоже начали „ми-

рить" во время боя и тем способствовали поражению; среди независимых есть много сторонников работы вместе с шейдемановцами. Но самое главное—это то, что они не ведут проповеди массового восстания против буржуазии, убаюкивая пролетариат пацифистскими надеждами. Во Франции и Англии „центр" „осуждает" контр-революцию, на словах „протестует" против удушения революции, но обнаруживает полную неспособность к массовым действиям.

В настоящее время группа „центра" так же вредна, как и социал-шовинисты. „Центровики", или, как их еще называют, „каутскианцы", тоже пытаются оживить труп Второго Интернационала и „помирить" его с коммунистами. Ясно, что без решительного разрыва и борьбы с ними немыслима победа над контр-революцией.

Попытки восстановить Второй Интернационал предпринимались под благосклонным покровительством разбойничьей „Лиги Наций". Это происходит потому, что на самом деле социал-шовинисты являются настоящей и последней опорой разваливающегося капиталистического строя. Империалистская война могла бушевать 5 лет только потому, что социалистические партии совершили полную измену и предали социализм. А затем, когда началось время революций, тогда буржуазия стала прямо опираться на них, их руками душить движение пролетариата. Прежние социалистические партии стали главным препятствием в борьбе рабочего класса за свержение капитала. Во время войны каждая из социал-предательских партий повторяла то, что говорила буржуазия. После версальского мира, когда образовалась „Лига Наций", остатки Второго Интернационала (тоесть и социал-шовинисты, и центр) стали повторять по сути дела те же лозунги, которые выставляет „Лига Наций". „Лига Наций" обвиняет большевиков в терроре, в нарушении демократии, в „красном империализме"; то же самое делает Второй Интернационал. Вместо решительной борьбы с империалистами он поддерживает лозунги империалистов. И точно так же, как отдельные социал-предательские партии являются поддержкой и опорой правительств буржуазии в отдельных странах, точно так же Второй Интернационал является поддержкой гнуснейшей „Лиги Наций".

§ 40. Третий, Коммунистический, Интернационал.

Социал-шовинисты и „центр", как мы видели, во время войны выставили лозунг защиты (буржуазного) отечества,

то-есть защиты государственной организации врагов пролетариата. Из этого лозунга вытекал и другой лозунг, а именно лозунг „гражданского мира“, то-есть лозунг всемерного подчинения буржуазному государству. Это и понятно. Раз Плеханов или Шейдеман считали нужным „защищать“ царское и кайзерское отечество, то, конечно, они должны были говорить рабочим, чтобы те избегали делать что-либо вредное для дела защиты разбойничьего государства. Значит, нельзя было, скажем, бастовать, не говоря уже о том, чтобы восставать против преступной буржуазии. Социал-предатели рассуждали так: прежде всего нужно разделаться с „внешним врагом“, а потом мы посмотрим. Плеханов в своем манифесте так и заявлял, что бастовать нельзя, раз царская Россия подвергается опасности. Таким же образом закабалялись буржуазии и рабочие других стран. Но уже с начала войны группы честных социалистов видели, что „защита отечества“ и „гражданский мир“ связывают пролетариат по рукам и ногам, что эти лозунги—предательство пролетариата. Это с самого начала видела партия большевиков, которая еще в 1914 году заявила, что нужен не гражданский мир с преступной буржуазией, а гражданская война против нее, то-есть революция. Обязанностью пролетариата является, прежде всего, свержение своей буржуазии,—вот как рассуждала наша партия с самого начала войны. В Германии возникла тоже группа товарищей, во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. Она назвала себя группой „Интернационал“ и заявила, что международная солидарность пролетариата дороже всего. Вскоре Карл Либкнехт открыто выступил с лозунгом гражданской войны и стал звать рабочий класс на вооруженное восстание против буржуазии. Так возникла партия немецких большевиков—спартаковцев. В других странах тоже шел раскол старых партий. В Швеции появились свои большевики (так-называемая „левая социалистическая партия“), в Норвегии „левые“ завоевали всю партию. Итальянские социалисты держались все время очень хорошо. Словом, малу-по-малу стали расти те партии, которые стояли за революцию. На этой почве в Швейцарии возникла попытка объединения. На двух совещаниях (конференциях), в Циммервальде и в Кинтале, был создан зародыш Третьего Интернационала. Но скоро обнаружилось, что здесь к этому делу примешались сомнительные люди из „центра“, которые только тормозили движение. Внутри „Циммервальдского“ международного объединения возникла так-называемая „Циммервальдская левая“, во главе с товарищем Лениным. Циммервальдская левая

настаивала на решительных действиях и резко критиковала „центр“, с Каутским во главе.

После октябрьской революции и основания Советской власти в России главным местом международного движения стала Россия. Наша партия, чтобы откреститься от социал-предателей и возвратиться к старому, славному и боевому имени, назвала себя Коммунистической партией. Под влиянием русской революции стали образовываться коммунистические партии в других странах. Союз спартаковцев переименовал себя в Коммунистическую партию Германии; возникла Коммунистическая партия в Венгрии, во главе с бывшим русским военнопленным, товарищем Бела Куном, австрийская, чешская, финская и т. д. коммунистические партии; позднее во Франции тоже образовалась партия коммунистов. В Америке „центр“ исключил левых из партии, и тогда исключенные организовали тоже свою, боевую коммунистическую партию; в Англии эта партия стала зарождаться осенью 1919 г. Словом, повсеместно, после раскола с социал-предателями, стали расти и развиваться действительно революционные рабочие партии. Возникновение этих партий было по сути дела возникновением и нового, Коммунистического, Интернационала. В марте 1919 г. в Москве, в здании Кремля, состоялся первый международный коммунистический съезд, на котором формально был основан Третий, Коммунистический, Интернационал. На этом съезде были представители от немецких, русских, австрийских, венгерских, шведских, норвежских, финских и других коммунистов, а также от французских, американских и английских товарищей.

Съезд принял платформу, предложенную немецкими и русскими коммунистами, прошел небывало дружно и показал, что пролетариат прочно стал теперь под знамя рабочей диктатуры, Советской власти и коммунизма.

Третий Интернационал назвал себя Коммунистическим Интернационалом, подобно Союзу Коммунистов, во главе которого стоял еще Карл Маркс. Всей своей работой Третий Интернационал доказывает, что он идет по стопам Маркса, т.-е. по революционному пути насильственного ниспровержения капиталистического строя. Неудивительно, что все живое, честное, революционное, что только есть в международном пролетариате, примыкает все больше и больше к новому Интернационалу, объединяющему усилия передовых рабочих.

Уже в самом названии Коммунистический Интернационал показывает, что он не имеет ничего общего с социал-предателями.

Маркс и Энгельс считали название „социал-демократ“ неправильным для партии революционного пролетариата. „Демократ“—это значит сторонник определенной формы власти. А, как мы видели выше, в будущем обществе не будет вообще никакого государства. В переходный же период должна быть диктатура рабочих. Предатели рабочего класса дальше буржуазной республики не идут. Мы идем к коммунизму.

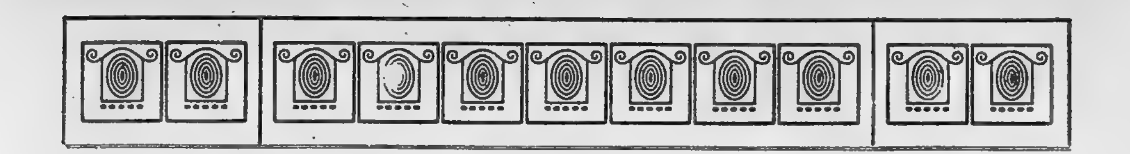
В предисловии к „Коммунистическому Манифесту“ Энгельс писал, что имя социалист означало в его время движение среди радикальной интеллигенции, тогда как коммунизм был движением чисто-рабочим. На наших глазах происходит то же. Коммунисты опираются только на рабочих, социал-предатели—на рабочую аристократию, интеллигенцию, трактирщиков и лавочников, на мелкую буржуазию вообще.

Коммунистический Интернационал осуществляет, таким образом, на деле учение Маркса, очищая его от тех наростов, которые присосались к нему за „мирный“ период развития капитализма. То, что великий учитель коммунизма проповедывал шестьдесят лет тому назад, претворяется в жизнь под руководством Коммунистического Интернационала.

Литература к V главе: Ленин и Зиновьев: „Социализм и война“. Ленин и Зиновьев: „Против течения“. Г. Зиновьев: „Война и кризис социализма“. Часть I и часть II. Н. Ленин: „Пролетарская революция и ренегат Каутский“. Г. Гортер: „Империализм“. Манифесты Циммервальда и Бюллетени Циммервальдской комиссии. Журнал: „Коммунистический Интернационал“.

ЧАСТЬ II

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИЗМА



Введение. Условия строительства коммунизма в России.

§ 41. Международное положение России. § 42. Крупная промышленность в России. § 43. Тяжелое наследство от империалистской войны. § 44. Гражданская война и борьба с мировым империализмом. § 45. Мелкобуржуазный характер страны, отсутствие крупных организационных навыков у пролетариата и т. д.

§ 41. Международное положение России.

Необходимость коммунистического переворота, как мы отмечали и раньше, прежде всего вызывается тем, что Россия чрезвычайно сильно втиснута в систему мирового хозяйства. Она—только часть этого мирового хозяйства. И когда задается вопрос, каким образом Россия может перейти к коммунистическому строю, раз она отсталая страна, то на этот вопрос нужно прежде всего отвечать указанием на международное значение революции. Революция пролетариата сейчас может быть только мировой революцией. Она так и развивается. Европа неизбежно перейдет к диктатуре пролетариата, а за ней—к коммунизму. Следовательно, каким образом может остаться Россия капиталистической страной, если Германия, Франция, Англия перейдут к диктатуре пролетариата? Ясное дело, что Россия должна быть втянута в социализм. Ее осталость, слабое сравнительно развитие ее промышленности и проч.—все эти недостатки рассосутся, если хозяйственно Россия объединится в международную, или хотя бы только европейскую, Советскую республику вместе с передовыми странами. Правда, после военной разрухи и революции вся Европа будет страшно истощена и обескровлена.

Но могучий и развитой пролетариат в течение ряда лет сможет восстановить громадную промышленность, которая поможет и отсталой России. А, с другой стороны, Россия— страна с огромными естественными богатствами: лес, уголь, нефть, железная руда, хлеб—всего этого можно было бы иметь вдоволь при хорошей организации, при мирной жизни. Значит, с своей стороны мы могли бы помочь западным товарищам нашим сырьем. При том условии, что вся Европа переходит под власть пролетариата, на всех хватило бы развитой промышленности. А так как переход власти к пролетариату все равно неизбежно будет, то понятно, что задача рабочего класса России состоит в том, чтобы и с своей стороны внести возможно больше в дело перехода к коммунизму. Этим, как мы видели в I части, объясняется то, что наша партия совершенно определенно видит свою задачу в немедленном строительстве коммунизма.

§ 42. Крупная промышленность в России.

С другой стороны, нужно заметить, что наша промышленность, маленькая (по сравнению с сельским хозяйством), обладала крупной капиталистической организацией. В I части мы видели, что важнейшие отрасли капиталистического производства у нас имели предприятия, занимавшие по десяти и более тысяч рабочих. С 1907 года промышленность России быстро централизовалась и покрылась сетью синдикатов и трестов. С началом войны буржуазия стала было приступать даже к организации государственного капитализма. А это лишь подтверждает ту мысль, что нашу промышленность, хотя и с трудом, все же можно организовать и управлять ею в общероссийском размере. Интересно то, что правые эс-эры и меньшевики, которые кричали, что социализм в России абсолютно невозможен, сами всегда стояли за государственное регулирование и контроль над промышленностью. Они только полагали, что это нужно тогда, когда вся власть в государстве принадлежит буржуазии, когда буржуазное государство „регулирует“ и „контролирует“. Другими словами, меньшевики и эс-эры стояли, несмотря на весь свой патриотизм, за государственный капитализм прусского образца. Но всякому понятно, что считать возможным государственный капитализм—это значит считать возможным и социалистическую организацию хозяйства. В самом деле, ведь разница заключается в том, что в одном случае хо-

зяйство организуется *буржуазным* государством, в другом—государством *пролетарским*. Если бы у нас производство было настолько отсталым, что ни о какой организации не могло бы быть и речи, тогда, разумеется, нельзя было организовать его и на государственно-капиталистических началах. Ведь в стране, где крупной промышленности нет, где есть лишь масса мелких хозяйчиков, их, этих хозяйчиков, не организуешь даже на государственно-капиталистический образец. Мы знаем отлично, что организация становится возможной лишь с определенной степени централизации капитала. Такая степень централизации у русского капитала *была*. Это признают даже противники коммунизма, когда они считают возможным *буржуазное* „государственное регулирование" промышленности. Отсталость русского народного хозяйства заключалась не в том, что не было крупных фабрик, а в том, что вообще *вся промышленность* была только малой частью по сравнению с *сельским хозяйством*. Отсюда совершенно ясен вывод: русскому пролетариату, несмотря на все трудности, необходимо *организовать по-пролетарски* промышленность и держать ее крепко в своих руках до того, как подоспеет помощь от западных товарищей. В сельском хозяйстве нужно организовать ряд опорных пунктов общественного товарищеского хозяйства. А когда мы сможем соединиться с западной промышленностью, тогда организованная общая промышленность позволит быстро вовлекать и мелких производителей, и крестьян в общую великую товарищескую организацию. Если бы у нас, скажем, была общая европейская, организованная рабочим классом, промышленность, то эта промышленность могла бы давать много городских продуктов деревне. Но она давала бы их деревне *организованным путем*. Не то, чтобы были сотни тысяч частных торговцев, купцов и спекулянтов, а государственные рабочие склады распределяли бы продукт по деревням. Разумеется, тогда бы и крестьяне должны были взамен этого сбывать свой хлеб *тоже* организованным путем; деревня понемножку стала бы приучаться к общему хозяйству. Дальше—больше, и она бы вошла в общую товарищескую семью. Сильная и организованная промышленность вовлекла бы в общую жизнь и деревню. С помощью сильной промышленности можно было бы хорошо помогать крестьянству, и оно само бы увидело, что жить по-новому гораздо лучше.

Но достичь всего этого очень трудно. И пройдут годы и годы, пока все устроится и жизнь войдет в новую колею. Почему трудно,—об этом говорится ниже.

§ 43. Тяжелое наследство от империалистской войны.

До победы мировой революции нам приходится действовать одним. А рабочий класс, завоевавший власть в 1917 году, получил в свои руки тяжелое наследство. Россия стала совсем разоренной и обнищавшей страной.

Война поглощала все силы. Более половины всех фабрик вынуждено было работать на войну и растрачивать материал на дело разрушения. В одном 1915 г. из $11^1/_2$ миллиардов всего „национального дохода“ на войну пошло 6 миллиардов. К началу революции явно уже обнаружились громаднейшие последствия войны. Металлургические фабрики сократили свое производство на 40%, текстильные—на 20%; стало быстро падать производство угля, чугуна, железа и стали. С 1 марта по 1 августа 1917 года было закрыто 568 предприятий и выброшено на улицу свыше ста тысяч пролетариев. Государственный долг вырос до чудовищных размеров. И с каждым месяцем, с каждым днем положение страны ухудшалось все более и более.

Само собой разумеется, что пролетариат, завоевавший в октябре 1917 года власть, стал перед задачей необычайной трудности: в разоренной стране строить социалистическое хозяйство. Тяжелое наследство стало еще более тяжелым при окончании старой империалистской войны: одна демобилизация нашей армии стоила громаднейших трат; во время нее был почти убит и без того расшатанный и расстроенный войной транспорт, и наши железные дороги почти стали. Перевозить что-нибудь сделалось страшно трудно. Наряду с производством замерли и пути сообщения.

Но это вовсе не могло быть доводом против рабочей революции. Если бы продолжала царствовать буржуазия, она продолжала бы вести большую империалистскую войну, она продолжала бы платить огромные проценты французам и англичанам, а главное—она перекладывала бы все издержки на рабочих и крестьян. Наше обнищание и истощение должно было в еще бо̀льшей степени побудить пролетариат к переделке старого мира на новых началах: нужно было экономнее и организованнее расходовать старое, нужно было переложить издержки тягот на буржуазию, нужно было сохранить рабочий класс всеми силами и всеми средствами, какие только могли быть в распоряжении пролетарской власти. Но эта необходимая работа выпала на долю революционного пролетариата в условиях почти сверхъестественной трудности: пришлось расхлебывать ту кашу, которую заварили господа империалисты.

§ 44. Гражданская война и борьба с мировым империализмом.

Буржуазия все время старалась не дать рабочему классу сорганизовать производство и заняться строительной работой вообще. С самого начала победы пролетариата она стала в широком размере применять саботаж: все бывшие крупные чиновники, инженеры, учителя, банковые служащие и их бывшие хозяева стали портить работу всеми средствами; заговоры следовали за заговорами, белогвардейские восстания шли одно за другим. Русская буржуазия вошла в связь с чехо-словаками, с Антантой, с немцами, с поляками и т. д. и в непрерывной войне стремилась задушить русский пролетариат. Пролетариату нужно было создать большую армию, чтобы отбиваться от армий помещиков и капиталистов всех стран. Весь мировой империализм обрушился на русский пролетариат.

Но само собой разумеется, что хотя для пролетариата его война есть действительно священная и действительно освободительная война, она стоит больших издержек. Остатками промышленности нужно снабжать Красную армию, тысячи самых лучших рабочих-организаторов отдать на армию и так далее. К тому же буржуазии удалось почти с самого начала укрепиться в пунктах, очень важных в экономическом отношении. Донские генералы лишили рабочий класс донецкого угля. Англичане захватили нефть в Баку. Хлебная Украина, Сибирь, отчасти Поволжье бывали захвачены контр-революцией. Рабочему классу приходилось и приходится поэтому не только отбиваться с оружием в руках от бесчисленных врагов, но и строить свое пролетарское хозяйство без важнейших средств производства: без топлива и сырья.

Этим объясняется мучительный ход развития; рабочий класс должен окончательно разбить своих врагов. Пока он их не разобьет до конца, он не сможет наладить новую жизнь, как следует.

Само собой разумеется, что в борьбе с рабочим классом буржуазия прибегает ко всему, что может экономически душить русский пролетариат: она окружила его со всех сторон, Россия в течение ряда лет—в блокаде (никакие товары из-за границы не идут); во время отступлений белые жгут и уничтожают все. Так, например, адмирал Колчак жег десятки миллион пудов хлеба, сжег добрую половину волжского флота и так далее. Сопротивление буржуазии, ее бешеная

борьба, помощь ей со стороны мирового империализма—таково второе главное препятствие на пути рабочего класса.

§ 45. Мелкобуржуазный характер страны, отсутствие крупных организационных навыков у пролетариата и т. д.

Мы видели выше, что у нас промышленность была достаточно централизована, чтобы можно было поставить вопрос об ее пролетарской национализации, о превращении ее в собственность рабочего государства и об организации ее на новых началах. Но, с другой стороны, наша промышленность очень слаба по сравнению со всем хозяйством страны. Подавляющее большинство населения у нас не городское, а сельское, деревенское. По переписи 1897 г. у нас насчитывалось 16 миллионов городского и 101 миллион сельского населения (по расчету с Сибирью и проч., но без Финляндии). В 1913 году, по данным Огановского, городское население России составляло круглым счетом 30 миллионов, а сельского—140. Таким образом, к 1913 году городское население составляло около 18 процентов сельского населения. Но фабрично-заводской пролетариат образует ведь далеко не все население городов. Тут живут и купцы, и фабриканты, и мелкая буржуазия, и интеллигенция—все эти слои насчитывают миллионы, если их сложить вместе. Правда, в деревне есть бывшие батраки, полупролетарии, деревенская беднота. Они поддерживают рабочих. Но они не так сознательны и организованы.

Громадное большинство российского населения—это мелкие хозяйчики. Они хотя и стонали под гнетом капитала и помещиков, но так привыкли к особному, своему *собственному*, *личному* хозяйству, что сразу их очень трудно приучить к *общему* делу, к строительству общего, товарищеского хозяйства. Урвать кус себе, нажитый на другом, заботиться только о *своем* хозяйстве—эта привычка крепко засела у каждого мелкого хозяйчика, и от того дело строительства коммунизма в России есть дело величайшей трудности, даже если не считать других причин.

Слабость наша отражается и на рабочем классе. В общем он воспитал в себе революционный, боевой дух. Но есть в нем и отсталые части, не привыкшие к организации. Не все рабочие таковы, как в Питере. Есть много отсталых и несознательных, которые тоже еще не привыкли работать на общий котел. Много есть рабочих, еще недавно пришедших

в город. Они во многом думают так же, как и крестьяне, и вместе с ними ошибаются.

Эти недостатки самого рабочего класса исчезают по мере того, как он ведет свою борьбу и втягивается в работу. Но само собой разумеется, что это обстоятельство тоже затрудняет осуществление наших задач, отнюдь, однако, не делая невозможным такое осуществление.

Литература. Протоколы 8 съезда, главным образом прения о программе, речи Ленина и Бухарина; затем речи Ленина о задачах Советской власти (в разных изданиях). Об экономическом положении России см. Цыперович: „Синдикаты и тресты в России". В. П. Милютин: „Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата (1914—1918 г.г.)". Н. Осинский: „Строительство социализма" (в I главе этой книги есть прекрасно изложенные доказательства того, что военное разорение делает социализм еще более необходимым)

ГЛАВА VI.

Советская власть.

§ 46. Советская власть, как форма пролетарской диктатуры. § 47. Пролетарская и буржуазная демократия. § 48. Классовый и временный характер пролетарской диктатуры. § 49. Материальная возможность осуществления прав рабочего класса. § 50. Равенство трудящихся независимо от пола, религии, расы. § 51. Парламентаризм и Советский строй. § 52. Войско и Советская власть. § 53. Руководящая роль пролетариата. § 54. Бюрократия и Советская власть.

§ 46. Советская власть, как форма пролетарской диктатуры.

Наша партия первой выставила и провела в жизнь требование Советской власти. Под лозунгом: „Вся власть советам!“ произошла великая октябрьская революция 1917 года. До того, как этот лозунг был выдвинут нашей партией, он вообще не существовал. Но это не значит, что он был выдуман „из головы“. Наоборот, он возник, он родился в гуще самой жизни. Еще в революции 1905—1906 г.г. возникли классовые организации рабочих: Советы рабочих депутатов. В революции 1917 года эти организации возникли в неизмеримо бо́льшем размере: почти повсюду вырастали, как грибы, советы рабочих, солдат, а затем и крестьян. Ясно было, что эти советы, которые выступали в виде органов борьбы за власть, неминуемо станут органами власти.

До русской революции 1917 года много говорили о пролетарской диктатуре, но в сущности не знали, в какой же форме эта пролетарская диктатура будет осуществлена. Теперь русской революцией эта форма найдена в виде Советской власти. Советская власть осуществляет диктатуру пролетариата, организованного, как господствующий класс, в

своих советах, и подавляющего, с помощью крестьянства, сопротивление буржуазии и помещиков.

Многие думали раньше, что диктатура пролетариата возможна в форме так-называемой „демократической республики", которая должна быть установлена Учредительным Собранием и которая управляется парламентом, избранным всеми классами народа. И до сих пор еще оппортунисты и социал-соглашатели держатся этого же мнения, говоря, что только Учредилка и демократическая республика могут спасти страну от тяжелой гражданской войны. Однако, действительная жизнь показывает нечто другое. В Германии, напр., после революции в ноябре 1918 года установилась такая республика. Но там и в течение 1918, и в течение всего 1919 г.г. шла кровавая борьба. В этой борьбе рабочий класс все время выступает с требованием Советской власти. Лозунг Советской власти стал действительным международным лозунгом пролетариата. Во всех странах рабочие выставляют его и связывают с ним лозунг рабочей диктатуры. Жизнь подтвердила правильность нашего требования: „Вся власть советам!" не только у нас в России, но и во всех странах, где есть пролетариат.

§ 47. Пролетарская и буржуазная демократия.

Буржуазная демократическая республика опирается на всеобщее голосование и на так-называемую „всенародную", „общенациональную", „внеклассовую" волю. Сторонники буржуазно-демократической республики, Учредилки и т. д. говорят нам, что мы нарушаем всеобщую волю нации. Разберем этот вопрос прежде всего.

Мы в первой части книжки видели, что современное общество состоит из классов с противоречивыми интересами. Это значит, что если буржуазии выгоден длинный рабочий день, он невыгоден рабочему классу и так далее. Классы нельзя помирить, как нельзя помирить волков и овец. Волки любят кушать овец, овцам нужно обороняться против волков. Если это так (а это безусловно так), то спрашивается: Можно ли установить общую волю волков и овец? Можно ли установить овечье-волчью волю? Всякий разумный человек скажет, что это бессмыслица. Общей овечье-волчьей воли быть не может. Может быть что-либо одно из двух: или волчья воля, которая поработила овец, обманутых и придавленных; либо овечья воля, которая отбила овец от волков и забила хищников. Середки здесь быть никакой не может. Но то же самое, явное дело, про-

исходит и с классами. В современном обществе класс стоит против класса, буржуазия против пролетариата, пролетариат против буржуазии. Они на ножах. Какая же может быть у них общая воля, буржуазно-рабочая? Ясно, что буржуазно-рабочих желаний и стремлений быть не может, точно так же, как и волчье-овечьих. Может быть либо воля буржуазии, которая эту свою волю навязывает разными способами угнетенному большинству народа, либо воля пролетариата, который навязывает свою волю буржуазии. В особенности глупо говорить о междуклассовой воле и „общенациональных интересах" во время гражданской войны, революции, когда старый мир трещит по всем швам. Тут пролетариат хочет переделать мир, буржуазия хочет закрепить старое рабство.

Какая же „общая" воля может быть у буржуазии и пролетариата? Ясно, что самые эти слова об общенародной воле, когда под этим разумеются все классы, есть обман. Такой общей воли не существует и существовать не может.

Но этот обман нужен буржуазии. Он ей нужен для того, чтобы оправдать свое господство. Она есть меньшинство. Она не может открыто сказать, что кучка капиталистов правит. Поэтому ей нужен обман, что она правит от имени „всего народа", „всех классов", „всей нации", и тому подобное.

Каким же образом осуществляется этот обман в „демократической республике"? Главная причина того, что пролетариат здесь порабощен, является экономическое его порабощение. Даже в самой демократической республике фабрики и заводы находятся в руках капиталистов, земля в руках капиталистов и помещиков. У рабочего нет ничего, кроме рабочих рук, у крестьянина-бедняка—ничтожный клочек земли. Они вечно вынуждены работать в ужасных условиях, они под пятой своих хозяев. На бумаге они могут многое, на деле—ничего. Потому что все богатства, власть капитала находится в руках их врагов. Это и есть так-называемая буржуазная демократия.

Буржуазная республика существует и в Соед. Штатах Америки, и в Швейцарии, и во Франции. Но во всех этих странах стоят у власти гнуснейшие империалисты, короли трестов и банков, злейшие враги рабочего класса. Самая демократическая республика, существовавшая в 1919 г., была германская республика с ее Учредилкой. Но ведь это была республика убийц Карла Либкнехта.

Советская власть осуществляет новый, гораздо более совершенный тип демократии—демократию пролетар-

скую. Сущность этой, пролетарской, демократии состоит в том, что она основывается на переходе средств производства в руки трудящихся, то-есть на обессилении буржуазии; в ней как раз угнетенные прежде массы и их организации становятся органами управления. Организации рабочих и крестьян бывали и при капиталистическом строе; они, следовательно, существуют и в буржуазно-демократических республиках. Но они там затерты организациями богачей. Наоборот, при пролетарской демократии у богачей нет богатства. А массовые организации рабочих, крестьян-полупролетариев и т. д. (советы, союзы, фабрично-заводские комитеты и т. д.) становятся настоящей основой пролетарской государственной власти. В конституции Советской Республики на первом месте стоит положение: „Россия объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим советам".

Советская демократия не только не устраняет рабочие организации от управления, а, наоборот, она их делает органами управления. А так как советы и другие организации рабочего класса и крестьянства охватывают миллионы трудящихся, то Советская власть впервые поднимает к новым задачам бесчисленное количество людей, которые раньше были забыты и копошились внизу. В общую работу через советы, через профессиональные союзы, через фабрично-заводские комитеты входят все более и более широкие массы народа, рабочих и крестьян-бедняков. Это происходит повсеместно. В провинциальных городишках и по деревням начинают заниматься делом управления и строительства новой жизни люди, которые никогда бы этим раньше не занимались. Таким образом Советская власть осуществляет и широкое самоуправление разных местностей, и вовлечение широких масс в эту работу.

Понятно, что задачей нашей партии является всемерное развитие этого нового, пролетарского демократизма. Мы должны стремиться к тому, чтобы в органах Советской власти работали по возможности самые широкие слои пролетариев и крестьянской бедноты. Товарищ Ленин в одной своей брошюре, вышедшей еще до октябрьской революции, правильно писал, что наша задача состоит в том, чтобы даже каждую кухарку научить управлять государством. Конечно, это задача очень трудная и на пути ее осуществления лежит масса препятствий. Прежде всего эти препятствия лежат в недостаточном культурном уровне масс. Рабочих-передовиков сравнительно тонкий слой. Таковы, например, металлисты. Но есть отсталые слои, а в деревне уже и подавно. У них нет часто

достаточной инициативы, почина, и тогда они могут остаться за бортом. Задачей нашей партии является систематическое, шаг за шагом идущее вовлечение и этих слоев в общую государственную работу. Поднимать к ней все новые и новые слои можно, конечно, лишь путем повышения их культурного уровня и организованности, что является точно так же задачей партии.

§ 48. Классовый и временный характер пролетарской диктатуры.

Буржуазия всегда скрывала свое классовое господство под маской „общенародного дела". Как могла буржуазия, будучи кучкой паразитов, открыто признаваться в том, что она навязывает всем свою классовую волю? Каким образом она могла сказать, что государство—это ее разбойничий союз. Конечно, она не могла этого сделать. Даже когда буржуазия выкидывает флаг кровавой генеральской диктатуры, она говорит об „общенациональном" деле. Но особенно ловко она обманывает народ в так-называемых „демократических республиках". Здесь буржуазия правит и проводит свою диктатуру при соблюдении некоторых „видимостей": она дает и рабочим раз в три-четыре года право опускать избирательную бумажку, но от управления их отстраняет. А зато она тем громче кричит, что правит „весь народ".

Советская власть открыто признает перед всеми свой классовый характер. Ей нечего скрывать, что она—классовая власть, что советское государство есть диктатура бедных. Она даже в названии подчеркивает это; рабоче-крестьянское правительство—так называется правительство Советской власти. В конституции, то-есть в основных законах нашей Советской республики, которые были установлены III Всероссийским съездом советов, прямо сказано: „III Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов полагает, что теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплоататорами, эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти". Значит, Советская власть не только признает свой классовый характер, но и не останавливается перед лишением избирательных прав и исключением из органов власти представителей тех классов, которые враждебны пролетариату и крестьянству. Почему Советская власть может и должна быть тут так откровенной? Потому, что она есть действительно власть трудящихся, то-есть власть большинства населения. Ей нечего скрывать

того, что она родилась в рабочих кварталах. Наоборот, чем ярче она будет подчеркивать свое происхождени и свое значение, тем ближе она будет к массам, тем успешнее будет борьба с эксплоататорами.

Однако такое положение вещей будет длиться не во все времена. Суть дела ведь состоит в том, что нужно подавить сопротивление эксплоататоров. А раз эти эксплоататоры будут подавлены, обузданы, приручены; раз они перевоспитаются и превратятся в таких же трудящихся, как и все остальные, то, конечно, будут все больше и больше исчезать всякие „нажимы" и мало-по-малу будет исчезать и диктатура пролетариата.

Это точно так же сказано в нашей конституции (см. раздел II, гл. V): „Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент конституции Росс. Соц. Фед. Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти".

Отсюда вытекают и задачи нашей партии. Партия должна систематически разоблачать буржуазный обман, состоящий в том, что рабочему предлагают кое-какие права, но оставляют его в материальной зависимости от хозяев. Задача партии состоит в том, чтобы проводить подавление эксплоататоров всеми средствами, какие только есть в распоряжении пролетариата. Но в то же время задача партии состоит и в том, чтобы по мере подавления эксплоататоров и их слуг, по мере их „переделывания", постепенно ослаблять и отменять те мероприятия, которые были годны для прежнего времени. Предположим, например, что интеллигенция настолько сблизилась с рабочим классом, что перестала шебаршить против него, что она в своей работе стала целиком на сторону Советской власти, что она *сжилась* с пролетариатом. Если бы это произошло (а это, разумеется, вопрос времени), тогда мы обязаны были бы дать этой интеллигенции все права, *принять ее в нашу семью*. Конечно, в дни, когда против пролетарской республики идет в поход весь мир, о таком расширении прав говорит еще рано. Но мы должны неустанно разъяснять, что это *будет*, и что это будет тем скорее, чем скорее будут подавлены навсегда все и всякие пытки эксплоататоров идти против коммунизма. Так постепенно будет отмирать государство пролетариата, превращаясь в безгосударственное коммунистическое общество, в котором исчезли всякие деления на классы.

§ 49. Материальная возможность осуществления прав рабочего класса.

Один из главнейших обманов буржуазной демократии состоит в том, что она дает только видимость прав; на бумаге стоит, что рабочие могут выбирать в парламент совершенно свободно, что они имеют такие же права, как и хозяин (они де „равны перед законом“); что они могут свободно соединяться в союзы, собираться на собрания, выпускать какие угодно газеты, книжки и прочее. В этом видят „сущность демократии“ и заявляют, что здесь демократия для всех, для всего народа, для всех граждан, а не так, как в Советской республике.

Прежде всего нужно сказать, что на самом-то деле даже такой буржуазной демократии не существует. Она была сто лет тому назад, а теперь ее давным-давно отменили сами господа буржуа.

Лучшим примером этого служит Америка. В Соедин. Штатах во время войны были выпущены, напр., такие законы: воспрещается поносить президента; воспрещается поносить союзников; воспрещается объяснять вступление Соедин. Штатов и союзников в войну побуждениями низменного материального свойства; воспрещается проповедывать преждевременный мир; воспрещается публично осуждать политику американского правительства; воспрещается превозносить или восхвалять Германию; воспрещается проповедывать ниспровержение существующего строя, уничтожение частной собственности, борьбу классов и проч. За нарушение этих правил полагалось от 3 до 20 лет каторжной тюрьмы. За их нарушение было в течение одного года арестовано около 1½ тысячи рабочих. Целая рабочая организация „Промышленные рабочие мира“ (I. W. W.) была разгромлена, а ее вожди частью перебиты. Примером „свободы стачек“ может служить стачка на медных рудниках в Аризоне летом 1917 г., когда рабочих расстреливали, били кнутами, обмазывали смолой; когда выселяли целые рабочие семьи и пускали их по миру. Или стачка на угольных копях Рокфеллера в Лудлоу (штат Колорадо), когда наемные войска Рокфеллера (банкира) расстреляли и сожгли несколько сот рабочих и работниц. Парламент в Америке, несмотря на то, что он выбирается на основе всеобщего избирательного права, делает все, что прикажут короли трестов; почти все депутаты подкуплены ими. Все диктуют некоронованные короли: Рокфеллер, король банков, нефти, хлеба, молока; Морган, другой король банков, железных дорог; Шваб, король стали; Свифт, король мяса; Дюпонт, король пороха, за время войны наживший неслыханные богатства. Достаточно сказать, что Рокфеллер в один час получает десять тысяч долларов (доллар по довоенному расчету—около 2 руб.); что его званый обед стоит 11 миллионов долларов. Где же тут устоять перед такой силой? И вот эта шайка Швабов и Рокфеллеров держит в своих руках все под видом „демократии“!

Но, даже если бы и существовала в действительности такая демократия, то и то, по сравнению с Советской властью, она

не стоила бы и ломаного гроша. Потому что для рабочего класса важно иметь не бумажные права, а возможность их осуществлять. А вот этого-то и не может быть при господстве капитала, при том порядке, когда у капиталистов остается собственность на все богатства. Даже если рабочие на бумаге могут собираться, им может быть негде это делать: все трактирщики, скажем, по наущению со стороны крупных акул или по собственной ненависти к рабочим, не дадут помещений—и кончено. Или еще пример: рабочие хотят выпускать газету и имеют на это право. Но ведь для этого нужны деньги, бумага, здание для конторы, типография и проч. А все эти вещи в руках капиталистов. Капиталисты не дадут—и шабаш: сделать ничего нельзя. На жалкие рабочие гроши не очень-то и деньги скопишь. Вот и выходит, что буржуазия имеет миллионные газеты, может изо дня в день обманывать народ, как угодно, а рабочий, хотя на бумаге у него и есть „права“, на самом деле ничего не имеет.

В этом и состоит сущность „свобод“ для рабочих при буржуазной демократии. Эти свободы только на бумаге, они, как говорят, „формальные“ свободы; а по сути дела тут никакой свободы нет, потому что ее нельзя осуществить. Тут происходит то же, что во всех областях жизни. По буржуазному учению хозяин и рабочий в капиталистическом обществе равны, потому что существует „свобода договора“: хозяин волен нанимать рабочего, рабочий волен или не волен наниматься. Но ведь это только на бумаге! В действительности же хозяин богат и сыт, рабочий голоден и беден. Он вынужден наниматься. Какое же это равенство? Между богатым и бедным не может быть равенства, хотя бы на бумаге это равенство и значилось. Поэтому „свободы“ при господстве капитала на самом деле носят бумажный характер.

Наоборот, в Советской Республике свободы для рабочего класса состоят, прежде всего, в том, что дается возможность их осуществлять. В конституции Р. С. Ф. С. Р. прямо сказано (раздел II, глава V):

„14. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране.

„15. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы собраний Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, признавая право граждан Советской Республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. п., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением.

„16. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, сломив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения и организации.

„17. В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование".

В этом состоит громадная разница между лживыми свободами *буржуазной* демократии и действительными свободами демократии *пролетарской*.

Советская власть и наша партия сделали очень многое в этом вопросе. Дома дворян, театры, типографии, бумага и проч.—все принадлежит теперь рабочим организациям и рабочей государственной власти. Наша дальнейшая задача состоит в том, чтобы всеми средствами помогать отсталым слоям пролетариата и крестьянства пользоваться их правами. Это достигается двумя путями. С одной стороны, мы должны непрерывно идти по раз намеченной дороге и всячески расширять материальные условия рабочих свобод. Это значит: по возможности изыскивать новые дома, строить их, организовывать новые типографии, закладывать рабочие дворцы и т. д. С другой стороны, разъяснять отсталым слоям те возможности, которые уже существуют, но еще не используются массой из-за темноты, незнания, некультурности.

§ 50. Равенство трудящихся независимо от пола, религии и расы.

Буржуазная демократия на словах провозглашала ряд свобод, но для угнетенных эти свободы оказались за пятью

замками и семью печатями. Между прочим, буржуазная демократия не раз провозглашала равенство людей независимо от пола, религии, расы и национальности. Она хвастливо обещала, что при буржуазно-демократическом строе мужчины и женщины, белые, желтые и черные, европейцы и азиаты, буддисты, христиане, евреи и проч. будут равны. На самом деле ничего подобного буржуазия не осуществила. Наоборот. В эпоху империализма повсеместно страшно усилилось расовое и национальное угнетение (о нем смотри подробно следующую главу). Но даже относительно женщин буржуазная демократия не осуществила никакого равенства. Женщина осталась бесправным существом и домашним животным, а также постельной принадлежностью для мужчины.

Женщина-работница в капиталистическом обществе особенно забита, бесправна; ее права во всех областях ниже даже тех нищенских прав, которые буржуазия предоставила рабочему-мужчине. Право выбора в парламенты существовало всего в двух-трех странах; в области наследования женщина всегда получала низшую долю; в области семейных отношений она всегда была подчинена мужу и оказывалась всегда виновата; словом, при буржуазной демократии всюду были такие порядки, которые сильно напоминали порядки дикарей, когда те выменивали, покупали, наказывали или выкрадывали жен, как какую-то вещь, куклу или рабочий скот. „Курица не птица, баба не человек"—так считается в рабском обществе. Такое положение крайне невыгодно пролетариату. В первой части книги мы видели, что среди общего числа рабочих большую долю занимают женщины. Само собой разумеется, что если между двумя половинами пролетариата будет неравенство, тогда борьба пролетариата будет страшно ослаблена. Без помощи женского пролетариата немыслима общая победа, немыслимо „освобождение труда". Поэтому рабочий класс заинтересован в том, чтобы между мужской и женской частью пролетариата было полное боевое товарищество, и чтобы это товарищество было закреплено равенством. Советская власть впервые провела это равенство во всех областях жизни: в браке, в семейных отношениях, в политических правах и пр.,—всюду теперь женщины уравнены с мужчинами.

Задачей партии является способствовать проведению этого уравнения в жизнь. Здесь прежде всего нужно постоянное разъяснение широким слоям трудящихся того, что для них закрепощение женщины очень вредно. До сих пор еще даже среди рабочих на жен смотрят, как на „баб"; в деревне же часто смеются, когда „баба" тоже начинает заниматься общественными делами. В Советской Республике женщина-

труженица имеет право, наравне с мужчиной, выбирать во все советы и быть туда избранной, она может занимать должность любого комиссара, исполнять какую угодно работу в армии, в народном хозяйстве, в государственном управлении.

Но женщины-работницы у нас гораздо более отсталы, чем рабочие-мужчины. Да на них и смотрят многие сверху вниз. Тут нужна настойчивая работа: среди мужчин, чтобы они перестали „не давать ходу“ женщинам-труженицам; среди женщин, чтобы они пользовались своими правами, не робели, не смущались.

Нужно помнить: даже каждую *кухарку* должны мы приучить к государственному управлению.

Мы видели выше, что самое важное, однако, это не права на бумаге, а возможность *осуществлять* эти права. Как будет женщина-труженица осуществлять свои права, когда она должна вести домашнее хозяйство, ходить на рынок, стоять в очередях, стирать, смотреть за детьми, нести тяжелый крест этого домашнего хозяйства?

Задача Советской власти и нашей партии должна состоять в том, чтобы облегчить женщинам-труженицам это дело, чтобы *разгрузить* женщину-работницу от устарелых, допотопных отношений. Организация домов-коммун (не таких, в которых бранятся, а где действительно живут по-человечески) с центральными прачечными; организация общественных столовых; организация яслей, детских садов, площадок, детских колоний летом, школ с общественным питанием детей и т. д.,—вот что должно разгрузить женщину и дать ей возможность заниматься всем тем, чем занимается пролетарий-мужчина.

В дни разорения и голода трудно, конечно, поставить это дело, как следует. Но партия должна делать все возможное, чтобы таким образом и женщину-работницу привлечь к общей работе.

О равноправии наций, рас и т. д. нужно смотреть следующую главу. Здесь мы приведем только параграфы нашей конституции относительно этого вопроса (раздел II, гл. V):

„20. Исходя из солидарности трудящихся всех наций, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащих к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству, и признает за местными советами право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, права российского гражданства.

„21. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления.

„22. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика,

признавая равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия".

§ 51. Парламентаризм и советский строй.

В буржуазно-демократических государствах во главе всего стоит так-называемый парламент. Это есть учреждение, выбранное тем или другим способом: в некоторых странах туда выбирают только богачи, в других—допускается и часть бедняков, в третьих—все мужчины, начиная с известного возраста, в четвертых—и женщины.

Но даже там, где парламенты выбирались на основе всеобщего избирательного права, всегда во главе парламента, т.-е. в большинстве, проходили ставленники буржуазии. Почему так было повсюду? Это нетрудно понять после всего того, что мы говорили раньше. Представим себе, что рабочие, которых в стране большинство, имеют право голоса. Но представим себе также, что все богатства находятся в руках капиталистов, что все газеты находятся тоже у них, что у них же здания для собраний, к их услугам художники, типографии, миллионы листков; что за них говорят со всех кафедр проповедники; представим себе также, что рабочие-бедняки день-денской заняты тяжелой работой, им некогда и негде собраться, что среди них шныряют буржуазные ловкачи, агенты буржуазии (различные адвокаты, журналисты, ораторы), которые выставляют как будто приличные лозунги, подыгрываются под рабочих; представим себе огромную денежную силищу синдикатчиков, которые даже первоначально честного рабочего избранника будут подкупать, давать ему места, хвалить его в газетах и проч., и проч. Тогда мы поймем, почему даже в таких парламентах большинство состоит из тайных или явных агентов буржуазии, финансового капитала, банковых королей.

Выборы своих людей для трудящихся масс поэтому представляют огромную трудность.

А уж раз депутат в парламент прошел,—кончено: он плюет тогда на своих избирателей: на три-четыре года он обеспечен. Он от них независим. Он продает себя направо и налево. А отозвать его нельзя: не полагается по закону.

Так обстоит дело в буржуазно-демократической республике, при парламентаризме. В Советской Республике совсем другое. Здесь паразиты—купцы и фабриканты, архиереи и

помещики, генералы и кулаки—не имеют права голоса. Они не выбирают и их тоже не выбирают. Зато для рабочих и бедноты производство выборов очень простое и легкое. А затем всякого выбранного в совет его избиратели-рабочие могут отозвать и на его место послать другого. Если депутат плохо исполняет свои обязанности, изменяет своему знамени и т. д., он может быть отозван. Это право отзыва нигде не проведено так широко, как в Советской Республике.

В буржуазной республике парламент является „говорильней“: депутаты только и делают, что обсуждают и произносят речи. Настоящую деловую работу несут чиновники, министры и пр. Парламент же принимает законы и „контролирует“ министров тем, что делает разные запросы, голосует то, что предлагает правительство. В парламенте сосредоточена, как говорят, законодательная власть. Власть же исполнительная находится в руках министерств. Таким образом, дела делает не парламент: парламент и его депутаты лишь разговаривают. При советском строе дело обстоит совсем не так. Верховным, самым высшим органом является Съезд Советов. „Всероссийский Съезд Советов,—сказано в конституции,—является высшей властью Росс. Соц. Федеративной Советской Республики“. Он должен собираться не реже двух раз в год; он подводит итоги всей работе и принимает соответствующие решения, которые становятся законом. Но все члены съезда это—не специальные говоруны, а работники с мест“, ведущие постоянную работу. В промежутках между съездами высшую власть имеет Центральный Исполнительный Комитет, выбираемый на съезде. Он одновременно и издает законы, и „распоряжается“; в его руках сосредоточена исполнительная и законодательная власть; его отделы составляют народные комиссариаты; его члены работают в этих комиссариатах. Таким образом, Ц. И. К. есть работающая коллегия.

Как Ц. И. К., так и всякое другое советское учреждение находится в ближайшей связи и опирается на целый ряд массовых рабочих организаций: советские учреждения опираются и на коммунистическую партию, и на профессиональные союзы, и на фабрично-заводские комитеты, и на кооперативы. Эти организации охватывают десятки миллионов трудящихся, и все они подпирают своими руками Советскую власть. Через эти организации трудящиеся массы принимают действительное участие в управлении государством. Рабочая коммунистическая партия или профессиональные союзы выставляют своих доверенных лиц на все

посты и на все должности. Таким образом лучшие рабочие проходят туда не только говорить, а управлять. Ничего подобного не бывает в так-называемой демократической республике. Там избиратель-рабочий опускает лишь избирательную бумажку, и дело в шляпе. Он выполнил—как говорит ему буржуазия—свой „гражданский долг“, и больше ему не о чем беспокоиться.

Здесь, при таком положении дел, лежит один из основных обманов. Почему? Да опять по той же причине, какую мы видели и раньше. На бумаге здесь как будто рабочие в чем-то „участвуют“. На деле они вполне и целиком стоят в стороне: всем управляет и все дела вершит специальная каста буржуазных чиновников, оторванная от массы, так-называемая бюрократия. Аппарат управления оторван от масс: массы никакого касательства к нему не имеют.

До XVI или XVII века государственные чиновники назначались только из дворян. С переходом к капиталистическому строю появилось профессиональное чиновничество. В новейшее время это профессиональное чиновничество вербовалось, главным образом, из среды так-называемой интеллигенции, в то время как верхние его слои выдвигала крупная буржуазия. Но даже и более мелкие чиновники воспитывались в специальном духе преданности разбойничьему государству; для наиболее талантливых из них имелась возможность чинов, орденов, титулов, так-называемой „служебной карьеры“. Поэтому все эти господа в большинстве случаев проникнуты были духом крайнего презрения к „простому народу“. Какова была численность этого чиновничества и каков был его рост, можно судить из таких цифр (мы берем их из книги Ольшевского „Бюрократия“): в Австрии в 1874 г. их было около 27 тысяч, в 1891—36 тысяч, 1900—169 тысяч; во Франции уже в 1891 г. было таких служащих-чиновников полтора миллиона лиц (около 4% всего населения); в Англии в 1891 г.—около миллиона (2,6%); в Соедин. Штатах в 1890 г.—750 тысяч и т. д. Даже буржуазный писатель Ольшевский считает основными свойствами этой касты следующее: шаблонность и рутина; канцелярщина; высокомерный должностной тон; мелочность. Однако как раз именно это чиновничество и управляет во всех капиталистических странах. Повторяем, что высшие чиновники вербуются главным образом из крупно-буржуазных и дворянско-помещичьих кругов. Оно и не может быть иначе в капиталистическом обществе, где у власти стоит буржуазия.

В Советской Республике массы не только выбирают (и притом выбирают не продажных адвокатов, а своих людей), но и участвуют в управлении, ибо в это управление втянуты и советы и десятки других массовых рабочих организаций.

Что касается самих советов, то даже самые их выборы устроены так, чтобы была связь с массами. Ибо выборы в советы идут не по округам, а по местам работы (по фабрикам, по заводам и т. д.) или, как говорят, „по произ-

водственным единицам". Люди, спаянные вместе общим трудом, выбирают своих доверенных лиц, своих „депутатов".

Так Советская власть осуществляет в тысячу раз более высокую, более народную форму демократии, пролетарскую демократию.

В чем же заключается дальнейшая задача партии? Общий путь ясен: это—путь осуществления пролетарского демократизма во все более и более широком размере, путь наибольшего сближения работающих должностных лиц (депутатов, выборных и т. д.) с массами; путь привлечения все более широких масс к непосредственному участию в управлении; наконец, путь контроля миллионов глаз за своими депутатами и их работой. Ответственность и подотчетность должностных лиц должны быть проведены возможно шире.

Исполнение всех этих задач требует громадной работы. Тут встречается масса практических препятствий. Все эти препятствия нужно преодолеть и достигнуть полного и неразрывного единства государственного аппарата и активных, строящих коммунизм, масс пролетариата и деревенской бедноты.

§ 52. Войско и Советская власть.

Пролетарская демократия, как и всякая государственная власть, имеет свои вооруженные силы, свою армию и флот. В буржуазно-демократическом государстве войско служит средством удушения рабочего класса и средством защиты буржуазного кошелька. Пролетарская армия, Красная Армия Советской Республики, служит классовым целям пролетариата и борьбе против буржуазии. Поэтому и в самом положении, и в политических правах буржуазной и пролетарской армии есть глубокая разница. Буржуазия принуждена лгать, что она держит свою армию „вне политики". На самом деле она делает ее орудием своей грабительской и контр-революционной политики под флагом защиты „общенациональных интересов". Она прилагает все усилия, чтобы разъединить армию и народ. Тысячью способов она лишает солдат возможности осуществлять их политические права. В Советской Республике дело обстоит совсем иначе. Во-первых, здесь пролетариат открыто заявляет, что наша армия есть орудие политической классовой борьбы против буржуазии. Во-вторых, здесь государство всеми мерами способствует слиянию армии с народом; рабочие и красноармейцы слиты в своих советах (они и называются „советы рабочих и красноармейских депу-

татов“); рабочие и красноармейцы сидят в тех же школах, на курсах, присутствуют на митингах, участвуют в демонстрациях. Не раз рабочие вручали боевые знамена красноармейцам, а красноармейцы рабочим. В советском государстве, которое есть не что иное, как великая республика **трудящихся**, только и может быть достигнут успех в борьбе с врагами, когда обеспечено единение Красной Армии с революционным рабочим классом.

Чем больше будет рабочий класс слит с армией, а армия— с рабочим классом, тем более прочна будет наша военная революционная сила. И понятно, что наша партия эту связь должна поддерживать, растить, укреплять. Опытом уже доказано, как влияет на армию связь с пролетарскими организациями. Стоит только вспомнить отпор Колчаку летом 1919 г. и Деникину осенью того же года. Эти победы могли быть одержаны только потому, что армии помогли, с ней сблизились, в нее влились товарищи-рабочие из партии, из профессиональных рабочих союзов и т. д. Поэтому Красная Армия пролетариата есть действительно, а не на словах, первая **народная армия**, созданная волею трудящихся, организованная ими, находящаяся с ними в неразрывной связи и, через своих представителей в советах, управляющая страной. Она—не что-то отдельное, а тот же рабочий класс и деревенская беднота, идущая под руководством рабочего класса. Она живет вместе с трудящимися в тылу. Упрочивать неустанно эту связь есть непременная задача нашей партии.

§ 53. Руководящая роль пролетариата.

В нашей революции, которая есть коммунистическая революция, передовую роль, роль **вождя**, играет пролетариат. Пролетариат есть самый сплоченный и организованный класс. Пролетариат есть единственный класс, в котором условия его жизни в капиталистическом обществе воспитали правильные коммунистические взгляды, указали правильную цель и правильные пути к этой цели. Немудрено поэтому, что пролетариат оказался руководителем и вождем во всей революции. Крестьянство (середняки, а отчасти даже и беднота) не раз колебалось. И всегда оно добивалось успехов только тогда, когда шло за пролетариатом. И, наоборот, тогда, когда оно шло против него, то неизменно попадало под пяту какого-нибудь Деникина, Колчака или другого помещика, капиталиста и генерала.

Вот эта руководящая роль, руководящее значение проле-

тариата нашло себе отражение даже в нашей советской конституции. По нашим законам у пролетариата есть некоторые преимущества в политических правах. Например, съезды советов созываются таким образом, что рабочие в городах имеют на то же количество больше делегатов, чем крестьяне.

Вот соответствующие параграфы конституции:

„Всероссийский Съезд Советов составляется из представителей городских Советов, по расчету 1 депутат на 25.000 избирателей, и представителей губернских Съездов Советов, по расчету 1 депутат на 125 тысяч жителей". (Раздел III, гл. VI, статья 25).

„Съезды Советов составляются следующим образом:

а) Областные—из представителей городских Советов и уездных Съездов Советов, по расчету 1 депутат на 25.000 жителей, а от городов—по 1 депутату на 5.000 избирателей, но не более 500 делегатов на всю область,—либо из представителей губернских Съездов Советов, избираемых по той же норме, если этот Съезд собирается непосредственно перед областным Съездом Советов.

б) Губернские (окружные)—из представителей городских Советов и волостных Съездов Советов, по расчету 1 депутат на 10.000 жителей, а от городов—по 1 депутату на 2 тысячи избирателей, но не свыше 300 депутатов на всю губернию (округ), причем, в случае созыва уездного Съезда Советов непосредственно перед губернским, выборы производятся по той же норме не волостными, а уездным Съездом Советов". (Раздел III, гл. X, статья 53).

Правда, в городах депутаты рассчитываются на избирателей, а в деревнях—на всех жителей (куда относятся не только трудящиеся, но и кулаки, попы, сельскохозяйственная буржуазия и т. д., а также дети, которые не имеют избирательных прав). Значит, преимущества городских рабочих перед крестьянами вовсе не так велики, как это кажется с первого взгляда. Но все-таки они, несомненно, есть.

Это закрепленное в конституции преимущество отразило лишь то, что было в самой жизни, когда сплоченный в городах пролетариат вел за собой разъединенную деревенскую массу. Задача нашей партии состоит в том, чтобы прежде всего разъяснять временный характер этих преимуществ. По мере просвещения более отсталых деревенских масс, после того, как они на опыте убедятся в правильности и выгодности рабочей линии, когда они почувствуют, что им не по пути с буржуазией, а по пути только с пролетариатом, само собой разумеется, что такое неравенство отпадет: его не будет и в самой жизни.

Преимущества пролетариата наша партия обязана использовать так, чтобы благодаря этому возможно сильнее влиять на деревню, связывая передовых рабочих с крестьянами в целях революционного просвещения деревенской бедноты. Не для того эти преимущества сохраняются за рабочим классом, чтобы он замыкался в себя и отгораживался от деревни, а, наоборот, для того, чтобы, пользуясь ими, имея больший вес в советах и в общем управлении страной, рабочий класс

сближался с деревней и способствовал бы товарищескому объединению пролетариата с середняками и беднотой, вырывая их из-под влияния кулаков, попов, бывших помещиков.

§ 54. Бюрократия и Советская власть.

Советская власть организовалась, как власть нового класса, пролетариата, на развалинах старой буржуазной власти. Прежде чем пролетариат организовал свою власть, он разрушил чужую, власть своих противников. При помощи Советской власти он добивал и разрушал остатки старого государства. Так пролетариат разрушил старую полицию, остатки охранки, жандармерию, царско-буржуазный суд с его прокурорами и наемными защитниками; он вымел метлой множество старых канцелярий, уничтожил буржуазные министерства со штатом чиновников и т. д. Какова была здесь цель пролетариата? И какова общая задача нашей партии? Мы о ней говорили раньше, в I части книги. Эта задача состоит в том, чтобы на место старого чиновничества поставить сами массы; сделать так, чтобы все трудящееся население бралось за дело управления (на некоторых должностях поочередно в короткие сроки, на других—со сменами в более долгие). Однако здесь мы столкнулись с рядом очень крупных затруднений.

Первое: недостаточное развитие, темнота, робость отсталых слоев в городе, а еще больше в деревне. Активных, подвижных, смелых, вполне разбирающихся „передовиков"—сравнительно тонкий слой. Другие только-только подходят. Но много есть и таких, которые еще боятся взяться за дело, многие не знают еще собственных прав и не чувствуют еще себя хозяевами страны. Это и немудрено. Веками забитые и угнетенные массы целиком не могут сразу перейти от полудикого состояния к управлению страной. Сперва выступает первый, наиболее развитой слой: таковы, например, питерские рабочие; их можно встретить везде: они часто являются и комиссарами в армии, и организаторами промышленности, и „исполкомщиками" в деревне, и пропагандистами, и членами высших советских учреждений, и лекторами. Понемногу перерабатывается и остальная масса; подходят новые, заменяют прежних, понемногу сами учатся. Но само собой разумеется, что общий низкий культурный уровень сказывается, как крупное препятствие.

Второе: отсутствие навыков в деле управления. Это касается даже и лучших товарищей. Рабочий класс ведь впервые взял власть в свои руки. Никогда он не управлял и

никогда делу управления не учился. Наоборот, и царское правительство в течение долгих десятилетий, и недолговечное правительство Гучкова—Керенского всячески старались не допустить пролетариата до этого дела. Буржуазное и помещичье государство было ведь организацией не для воспитания, а для подавления рабочих. Понятно, что теперь, когда рабочий класс стоит у власти, он, учась на практике, делает неоднократно ошибки. На этих ошибках он учится, но он их все-таки делает.

Третье: буржуазные специалисты старой марки. Их пролетариат вынужден был взять на службу. Он их подчинил себе, заставил их работать, сломил их саботаж. Он их в конце-концов переделает по своему окончательно. Но пока что они часто вносят свои старые привычки и приемы: сверху вниз глядят на массу, отъединяются от нее, гнут свою линию, усиливают во много раз канцелярщину, волокиту и т. д., заражают этим и наших людей.

Четвертое: отвлечение лучших сил в армию. В тяжелейших условиях гражданской войны, когда в армии нужны особенно верные, честные, смелые борцы, как раз лучших, своих, приходится посылать для фронтовой работы. От этого для тыла становится еще меньше слой старых передовиков.

Все эти обстоятельства затрудняют нашу работу неимоверно и способствуют до некоторой степени частичному возрождению бюрократизма внутри советского строя. Это—большая опасность для пролетариата. Не для того разрушал он старое чиновничье государство, чтобы оно выросло снизу. Поэтому наша партия должна стремиться эту опасность предотвратить. Предотвратить же ее можно только вовлечением в работу масс. Конечно, самое основное, это—общий культурный подъем рабочей и крестьянской массы, просвещение ее, рост грамотности и образования. Но наряду с этим необходим и целый ряд других мер. В числе их наша партия рекомендует:

Обязательное привлечение каждого члена совета к выполнению определенной работы по управлению государством. Каждый член совета должен не только обсуждать общие меры, но и сам стоять у какого-нибудь общественного дела, то-есть занимать какую-нибудь общественную должность.

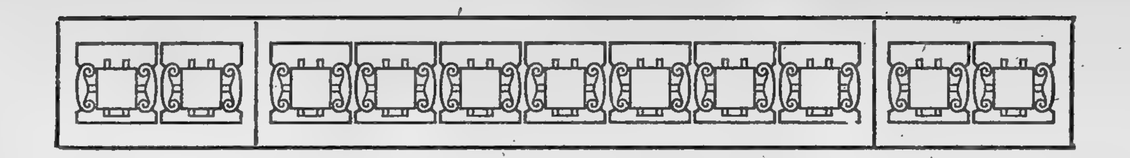
Последовательную смену этих работ. Это значит, что товарищ должен через определенное время сменять одну работу на другую и постепенно привыкать ко всем главнейшим отраслям управления. Он не должен засиживаться годы на одном и том же месте: тогда он и сам может превратиться в чиновника; он должен, обучившись на одном, переходить на другое.

Наконец, партия рекомендует, в качестве общего направления работы, постепенное вовлечение в работу по управлению государством всего трудящегося населения поголовно. В этом, в сущности, заключается основа нашей политики. Кое-какие шаги в этом отношении делались. Например, когда в Питере в обысках у буржуазии принимали участие десятки тысяч пролетариев; или когда охрану города взяло на себя почти все гражданское рабочее население; или когда на смену мужчинам женщины-работницы были втянуты на милиционную службу. В советах можно, скажем, вводить помощников из не членов совета, которые поочереди приглядываются к работе исполкома или отделов; то же можно установить в фабрично-заводских комитетах и союзах, пропуская через них всех рабочих поочередно, словом, в той или другой форме (в какой удобнее, это покажет практика) мы должны идти дальше по пути Парижской Коммуны: упрощать дело управления, привлекать к нему массы, уничтожать всякий бюрократизм. Чем шире будет это участие масс, тем скорее отомрет и пролетарская диктатура. Когда все без исключения взрослые и здоровые управляют, тогда исчезают последние остатки какого бы то ни было чиновничества. А это вместе с исчезновением сопротивляющейся буржуазии похоронит и всякое государство: люди будут управлять не над людьми, а только над вещами: машинами, зданиями, паровозами, аппаратами. Это будет полный коммунистический строй.

Отмирание государства пойдет особенно быстро после полной победы над империалистами. Теперь, во время жестокой гражданской войны, нам приходится строить все наши организации на военный лад. Поэтому и органы Советской власти перестроилась так. Иногда некогда даже собирать советы, и, по правилу, чуть ли не все дела решают исполкомы.

Такое явление вызывается военным положением Советской Республики: у нас не просто пролетарская диктатура, а военно-пролетарская республика—вооруженный лагерь. Разумеется, это будет не всегда и это исчезнет, как только не будет надобности в военном устройстве всех наших организаций.

Литература к VI главе: Н. Ленин (В. Ильин): „Государство и революция“, Н. Ленин: „Удержат ли большевики государственную власть?“ Н. Осинский: „Демократическая республика или Советская республика“. Н. Ленин: „Тезисы о буржуазной и пролетарской демократии, принятые первым съездом Коммунистического Интернационала“. Н. Ленин: „Пролетарская революция и ренегат Каутский“. П. И. Стучка: „Конституция Р. С. Ф. С. Р. в вопросах и ответах“. Совсем популярными брошюрами являются брошюры: Бухарина: „Парламентарная или Советская республика“ (отдельная глава из брошюры: „Программа коммунистов“). Карпинского: „Что такое Советская власть“. Карпинского и Лациса: „Что такое Советская власть и как она строится“.



ГЛАВА VII.

Национальный вопрос и коммунизм.

§ 55. Национальное угнетение. § 56. Единство пролетариата. § 57. Причины национальной ненависти. § 58. Равноправие наций и право на самоопределение; федерация. § 59. Кто выражает „волю наций". § 60. Антисемитизм и пролетариат.

§ 55. Национальное угнетение.

Одним из видов угнетения человека человеком является национальное угнетение. Одной из перегородок, разделяющих человечество, кроме перегородок классовых, является национальное разъединение, национальная вражда и ненависть.

Одним из способов одурачивания пролетариата и затемнения его классового сознания является национальная травля, которой умело руководит буржуазия в своих интересах.

Разберемся, как должен сознательный пролетарий подходить к национальному вопросу и как должен его разрешать в интересах скорейшей победы коммунизма.

Нация или народность—это группа людей, которая объединена одним языком и населяет определенную территорию. Есть и другие признаки национальности, но это самые главные и основные [1]).

Что такое национальное угнетение, лучше всего пояснить примером. Царское правительство преследовало евреев, не давало им жить по всей России, не пускало на государственную службу, ограничивало поступление в школы, устраивало еврейские погромы и т. д. То же правительство не давало украинцам обучать детей в школе на украинском языке, за-

---

[1]) Например, евреи имели раньше территорию и общий язык, теперь же территории не имеют и древне-еврейский язык не все знают; цыгане имеют свой язык, но не имеют определенной территории. Оседлые тунгусы в Сибири имеют территорию, но позабыли свой язык.

прещало издавать газеты на своем языке и ни одному народу в государстве не давало свободно решить, хочет ли этот народ жить в составе русского государства или не хочет.

Германское правительство закрывало польские школы, австрийское—преследовало чешский язык и насильно навязывало чехам немецкий. Английская буржуазия издевалась и издевается над туземцами Африки и Азии, покоряет отсталые полудикие народы, грабит их и расстреливает за попытки освободиться от гнета.

Одним словом, когда в государстве одна нация пользуется всеми правами, а другая—только частью этих прав, если одна, более слабая, нация насильно присоединена к более сильной и ей против ее воли навязывают чужой язык, обычаи и проч. и не дают жить своей жизнью, это—национальное угнетение и национальное неравенство.

§ 56. Единство пролетариата.

Прежде всего мы должны поставить и разрешить самый главный и основной вопрос: является ли для русского рабочего и крестьянина врагом немец, француз, англичанин, еврей, китаец, татарин независимо от того, к какому классу он принадлежит? Может ли он ненавидеть или относиться с недоверием к представителю другого народа т о л ь к о п о т о м у, что он говорит на другом языке, что у него черный или желтый цвет кожи, что у него другие обычаи и нравы? Ясно, что не может и не должен. Рабочий Германии, рабочий Франции, рабочий негр есть такой же пролетарий, как рабочий русский. На каком бы языке ни говорили рабочие разных стран, сущность их положения заключается в том, что все они эксплоатируются капиталом, что все они—товарищи по бедности, угнетению и бесправию.

Может ли русский рабочий больше любить своего капиталиста только потому, что он ругает настоящей русской матерной бранью, что по-русски дает по зубам, что порет забастовщиков настоящей русской нагайкой? Конечно, не может, как не может немецкий рабочий больше любить своего капиталиста только потому, что он издевается над ним на немецком языке и на немецкий манер. Рабочие всех стран—братья по классу и враги капиталистов всех стран.

То же самое можно сказать и о крестьянской бедноте всех наций. Русскому крестьянину—бедняку и середняку—ближе и дороже венгерский полупролетарий, крестьянин-бедняк Сицилии и Бельгии, чем свой русский кулак-богатей, а

тем паче истинно-русский помещик-живодер вроде Пуришкевича или Маркова.

Но рабочие всего мира не только должны сознать себя братьями по классу, братьями по угнетению и рабству. Было бы плохо, если бы они только бранили своих капиталистов каждый на своем языке, если бы они только утирали друг другу слезы и только для себя и в своем государстве вели борьбу со своими врагами. Братья по угнетению и рабству должны быть братьями по одному всемирному союзу для борьбы с капиталом. Забыв про все национальные различия, которые им мешают, они должны объединиться в один могучий союз для общей борьбы с капиталом. Только объединившись в такой международный союз, могут они победить мировой капитал. Поэтому еще семьдесят с лишним лет тому назад основатели коммунизма Маркс и Энгельс в своем знаменитом „Коммунистическом Манифесте“ выбросили великий лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“!

Рабочему классу необходимо преодолеть всякие национальные предрассудки и вражду не только для всемирного натиска на капитал и для полной победы над ним, но и для организации единого мирового хозяйства. Не только советская Россия не может жить без донецкого угля, бакинской нефти, туркестанского хлопка, но и вся Европа не может обойтись без русского леса, пеньки, льна, платины и американского хлеба. Италия—без английского угля, Англия—без египетского хлопка и т. д., и т. д. Буржуазия не смогла организовать мирового хозяйства и на этом сломала себе шею. Такое хозяйство может наладить лишь пролетариат. А для этого он должен провозгласить лозунг: весь мир, все его богатства принадлежат всему миру труда. Но такой лозунг означает полный отказ немецких рабочих от их национальных богатств, английских—от своих и т. д. Если национальные предрассудки и национальная алчность станут на пути к интернационализации промышленности и земледелия, долой их всюду и везде, под какими бы прикрасами они ни выступали!

§ 57. Причина национальной ненависти.

Но коммунистам недостаточно об’явить войну национальному угнетению и национальным предрассудкам и провозгласить международное объединение в борьбе с капиталом и хозяйственный мировой союз победившего пролетариата. Необходимо найти путь для наиболее быстрого преодоления

всякого национального шовинизма и эгоизма, национальной тупости и самомнения, национальной подозрительности у трудящихся масс. А это наследство еще звериного периода жизни человека и звериной национальной травли феодально-буржуазной эпохи продолжает тяжелой горой висеть на шее мирового пролетариата.

Национальная рознь и вражда очень давнего происхождения. Было время, когда отдельные племена не только воевали друг с другом за земли и леса, но и просто пожирали себе подобных из другого племени. Остатки этого звериного недоверия и вражды одного народа к другому, а тем более одной расы к другой продолжают жить среди рабочих и крестьян всех стран. Эти остатки племенной вражды постепенно отмирают, по мере развития мирового обмена, экономического сближения, переселения и смешения разных народностей, попадающих на одну территорию, особенно на почве совместной классовой борьбы рабочих разных стран. Но эти же остатки национальной вражды не только не уменьшаются, а вспыхивают с новой силой, когда к национальной вражде присоединяется противоречие классовых интересов, либо видимость такого противоречия.

Буржуазия каждой страны эксплоатирует и угнетает свой пролетариат. Но она употребляет все усилия доказать своему пролетариату, что не она его враг, а окружающие его другие народы. Немецкая буржуазия кричит своим рабочим: бей француза, бей англичанина! Английская буржуазия кричит: бей немца! Буржуазия всех стран начинает, особенно в последнее время, кричать: бей жида! Все это делается затем, чтобы классовую борьбу рабочего класса с его угнетателями-капиталистами свернуть на национальную борьбу.

Но буржуазия не довольствуется одной национальной травлей, чтобы отвлечь рабочих от борьбы за социализм. Она пытается его материально заинтересовать в угнетении других народов. Когда во время недавней мировой войны немецкие буржуа горланили: „Германия, Германия превыше всего“ (немецкий национальный гимн), буржуазные экономисты Германии старались доказать своим рабочим, как много выиграют они от победы, следовательно, от угнетения и ограбления рабочих побежденных стран. До войны буржуазия и на деле подкупила верхушки рабочего класса своими барышами, полученными от ограбления колоний и угнетения отсталых и слабых народностей. Рабочие передовых европейских стран, в лице своей лучше всего оплачиваемой части, поддались провокации капиталистов и дали социал-патриотам убедить себя, что у них тоже есть отечество, раз

они соучастники в грабеже колоний и полузависимых народов. Рабочий, который при капитализме является патриотом, продает за пятачок свое настоящее отечество, социализм, и превращается в душителя отсталых и слабых наций.

§ 58. Равноправие наций и право на самоопределение; федерация.

Коммунистическая партия, объявляя беспощадную войну в с я к о м у угнетению человека человеком, самым решительным образом восстает против национального угнетения, неизбежного при существовании буржуазного строя. Еще более решительно и беспощадно она ведет борьбу против малейшего соучастия в этом угнетении самого рабочего класса. Но недостаточно, чтобы пролетариат больших и сильных государств отказался от всяких попыток угнетения других народов, которых давила его буржуазия, его дворянство. Надо также, чтобы пролетариат угнетенных наций не чувствовал недоверия к своим товарищам из стран, которые были странами угнетающими. Когда Чехия была угнетена немецкой буржуазией Австрии, чешский рабочий считал своими угнетателями всех немцев вообще. Поляков угнетал наш царизм, но у польского населения осталось недоверие ко всем русским, а не к одним только русским царям, помещикам и капиталистам. Чтобы уничтожить в корне всякое недоверие рабочих угнетенных наций к рабочим угнетавших наций, необходимо не только провозгласить, но и на деле провести полное национальное равенство. Это равенство должно быть проведено в области равноправия языка, школы, религии и т. д. Мало того, пролетариат должен быть готов провести полное национальное самоопределение, т. е. предоставить полную возможность трудящемуся большинству любой нации решить вопрос, хочет ли эта нация жить в государственном единстве с другой, хочет ли она вступить в тесный добровольный государственный союз (федерация) или хочет отделиться совсем.

Позвольте, спросит читатель, неужели коммунист может стоять за отделение наций? Как же будет обстоять тогда дело с единым мировым пролетарским государством, к которому стремятся все коммунисты? Тут есть как будто противоречие.

Никакого противоречия здесь нет, ответим мы. Именно в интересах скорейшего достижения полного единства всего трудящегося мира бывает иногда необходимо согласиться на временное отделение одной нации от другой.

Разберем все случаи, какие могут тут встретиться.

Допустим, в Баварии, которая входит в объединенную Германию, провозглашена советская республика, а в Берлине продолжает царить буржуазная диктатура Носке и Шейдемана. Могут ли баварские коммунисты в таком случае добиваться независимости Баварии? Не только баварские коммунисты, но и коммунисты остальной Германии должны приветствовать отделение советской Баварии, так как это отделение будет отделением не от германского пролетариата, а от гнета правящей германской буржуазии.

Возьмем обратный случай. Во всей Германии, кроме Баварии, провозглашена советская власть. Буржуазия Баварии за отделение от советской Германии, пролетариат Баварии за соединение с ней. Как должны вести себя коммунисты? Ясно, что коммунисты Германии должны поддержать баварских рабочих и силой оружия подавить попытки баварской буржуазии к отделению. Это будет не подавление Баварии, а подавление баварской буржуазии.

Допустим, советская власть провозглашена и в Англии, и в Ирландии, т.-е. и в стране угнетающей, и в стране угнетенной. Допустим далее, что ирландские рабочие не питают доверия к рабочим Англии, к рабочим страны, которая угнетала их на протяжении целых столетий. Допустим, они хотят полного отделения от Англии. Это отделение экономически вредно. Как должны вести себя в таком случае английские коммунисты? Они ни в коем случае не должны н а с и л ь н о, т.-е. так же, как делала английская буржуазия, удерживать в союзе с собой Ирландию. Они должны предоставить ей полную возможность отделиться. Зачем?

Затем, чтобы, во-первых, раз навсегда показать ирландским рабочим, что не они, а их буржуазия угнетала Ирландию, и этим завоевать к себе доверие.

Во-вторых, затем, чтобы ирландские рабочие на опыте убедились, что самостоятельно существовать им маленьким государством невыгодно. Чтобы они на опыте убедились, что только при тесном государственном и хозяйственном единстве с пролетарской Англией и другими пролетарскими странами можно лучше всего наладить производство.

Допустим еще, что какая-либо нация с буржуазным режимом хочет отделиться от нации с пролетарским режимом, причем рабочий класс желающей отделиться нации в своем большинстве, или даже в значительной части, за отделение. Он питает еще, допустим, недоверие не только к капиталистам, но и к рабочим той страны, буржуазия коей его угнетала. Лучше всего и в этом случае дать пролетариату остаться

с глазу на глаз со своей буржуазией, чтобы она не могла ему твердить: не я тебя угнетаю, а вот страна такая-то. Рабочий класс очень скоро увидит, что буржуазия добивается самостоятельности для того, чтобы самостоятельно драть шкуру со своего пролетариата. Он увидит также, что пролетариат соседнего советского государства зовет его на союз не для эксплоатации его, не для угнетения, а для совместного освобождения от эксплоатации и угнетения.

Таким образом, коммунисты, будучи против отделения пролетариата одной страны от другой, особенно когда эти страны экономически связаны, могут, однако, согласиться на временное отделение. Так мать дает ребенку один раз прикоснуться к огню, чтобы он десять раз не порывался к нему.

§ 59. Кто выражает „волю нации"?

Коммунистическая партия признает право наций на самоопределение вплоть до отделения. Но она считает, что волю нации выражает трудящееся большинство нации, а не ее буржуазия. Поэтому было бы правильно сказать, что мы признаем не право наций на самоопределение, а право трудящегося большинства нации. Что же касается буржуазии, то, лишив ее на период гражданской войны и диктатуры пролетариата всяких гражданских свобод, мы лишаем ее и права подавать голос в национальном вопросе.

Как же быть с правом на самоопределение и отделение у наций, которые стоят на очень низкой или самой низкой ступени развития? Как быть с нациями, которые не только не имеют пролетариата, но не имеют и буржуазии или имеют ее в зачаточном состоянии? Возьмем, например, наших тунгусов, калмыков, бурят, многие народы колоний. Как быть, если эти нации будут добиваться, допустим, полного отделения от более культурных наций и даже от наций, осуществивших социализм? Не будет ли это усилением варварства за счет цивилизации?

Мы думаем, что если социализм осуществится в передовых странах мира, отсталые и полудикие народы легче всего войдут в общий союз народов именно добровольно. Империалистическая буржуазия, которая грабила колонии и насильно присоединяла их к себе, имеет основание бояться отпадения колоний. Пролетариат, который не собирается грабить колонии, может получить необходимое ему сырье из этих колоний путем товарообмена, предоставив туземцам и отсталым народностям устраивать свою жизнь внутри, как они хотят.

Таким образом, коммунистическая партия, чтобы покончить со всякими видами национального гнета и неравенства, выдвигает требование самоопределения наций.

Этим правом пролетариат всех стран воспользуется, чтоб добить национализм и добровольно войти в федеративный союз.

Когда же федеративный союз окажется недостаточным для создания общего мирового хозяйства и огромное большинство на опыте сознает эту недостаточность, будет создана единая мировая социалистическая республика.

Если мы присмотримся к тому, как ставила и разрешала (либо запутывала, что было чаще) буржуазия национальный вопрос, то мы увидим, что в эпоху своей молодости буржуазный класс национальный вопрос решал одним способом, в эпоху же своей старости и разложения решает его совсем иначе.

Когда буржуазия была угнетенным классом, когда у власти стояло дворянство с королем или царем во главе, когда цари и короли отдавали целые народы в приданое своим дочерям, выходившим замуж, тогда буржуазия не только говорила хорошие слова о свободе наций, но и пыталась осуществить эту свободу, по крайней мере, для своей нации. Например, итальянская буржуазия во время подчинения Италии австрийской монархии стояла во главе освободительного движения своей страны и добилась освобождения Италии от чужеземного гнета и объединения в одно государство. Когда Германия была раздроблена на десятки мелких княжеств и придавлена сапогом Наполеона, немецкая буржуазия добивалась объединения Германии в одно большое государство и освобождения от французских поработителей. Когда Франция, уничтожившая самодержавие Людовика XVI, подвергалась нападению со стороны монархических государств остальной Европы, французская радикальная буржуазия руководила обороной своей страны и создала гимн — „Марсельезу“. Одним словом, всюду буржуазия угнетенных наций стояла во главе их освободительной борьбы, создала богатейшую национальную литературу, выдвинула гениальнейших писателей, художников, поэтов, философов. Так было раньше, когда буржуазия сама была угнетенным классом.

Почему буржуазия угнетенных наций стремилась к их освобождению? Если почитать ее поэтов и художников, если верить их словам, то потому, что она против всякого национального угнетения, потому что она за свободу и самоопределение каждой, даже самой малой, народности. На самом же деле буржуазия стремилась в свое время к освобождению от иноземного гнета, чтобы создать с в о е буржуазное государство, чтоб с а м о й грабить свой народ без конкурентов, чтобы с е б е забирать всю прибавочную ценность, которую создают рабочие и трудовые крестьяне данной страны.

Это доказывает история любой капиталистической страны. Когда буржуазия угнетена с собственным народом, она кричит о свободе наций в о о б щ е, о недопустимости в с я к о г о национального гнета. Но как только капиталистический класс добивается власти и прогоняет иноземных завоевателей, будет ли то иностранное дворянство или иностранная буржуазия, он сам стремится придавить любую более слабую народность, которую можно придавить выгодно. Революционная французская буржуазия в лице Дантона, Робеспьера и других великих деятелей своей первой революции призывала все народы мира к освобождению от всякой тирании, марсельеза Руже де Лилля, которую пели солдаты революции, понятна и близка каждому угнетенному народу. Но та же французская буржуазия (хотя и в лице своего другого слоя) под предводительством Наполеона и даже под звуки той же самой мар-

сельезы придавила народы Испании, Италии, Германии, Австрии и грабила их на протяжении всех наполеоновских войн. Угнетенная германская буржуазия в лице Шиллера с его „Вильгельмом Теллем“ воспела борьбу народов с их иноземными тиранами. Но та же буржуазия в лице Бисмарка и Мольтке отняла и насильно присоединила к себе французскую провинцию Эльзас-Лотарингию, отняла Шлезвиг у Дании, угнетала поляков Познани и т. д. Освободившаяся от гнета австрийского дворянства буржуазная Италия начала расстреливать покоренных бедуинов Триполи, албанцев и далматов на побережьи Адриатического моря, турок в Анатолии.

Почему это так происходило и происходит? Почему всюду и везде буржуазия выставляла требование национальной свободы и нигде никогда не могла его осуществить на деле?

Происходит это потому, что каждое освободившееся от национального гнета буржуазное государство неизбежно стремится к своему расширению. Буржуазия любой капиталистической страны не довольствуется эксплоатацией одного только собственного пролетариата. Ей необходимо сырье из разных концов света, и она стремится обзавестись колониями, чтобы, поработив туземцев, беспрепятственно снабжать этим сырьем свои фабрики. Ей необходимы рынки для сбыта товаров, и она стремится ими обзавестись в лице отсталых стран, совершенно не считаясь с тем, как к этому относится население и молодая, еще неокрепшая буржуазия этих стран. Ей необходимы страны, куда можно ввозить избыточные капиталы и выкачивать из местных рабочих прибыль для себя, и она порабощает эти страны, располагаясь в них, как в собственной стране. Если на пути к захвату колоний и экономическому порабощению отсталых стран стоит сильная буржуазия другой стороны, вопрос решается войной, вроде той мировой войны, которая закончилась в Европе. В результате колонии и отсталые страны оказались в таком же порабощении, у них переменился лишь угнетатель. Но, кроме этого, в число порабощенных стран попали потерпевшие поражение Германия, Австрия, Болгария, бывшие до войны странами свободными. Таким образом развитие буржуазного строя не только не уменьшает число стран, находящихся под гнетом других стран и их буржуазии, а как раз наоборот: буржуазное господство приводит ко всеобщему национальному угнетению, весь мир оказывается под пятой победившей в войне группы капиталистических государств.

§ 60. Антисемитизм и пролетариат.

К числу наиболее опасных видов национальной травли относится антисемитизм, т.-е. травля семитической расы, к которой принадлежат евреи (наряду с арабами). Евреев преследовало и травило царское самодержавие, чтобы спастись от рабоче-крестьянской революции. Ты беден от того, что тебя грабят евреи, говорили черносотенцы и старались направить негодование угнетенных рабочих и крестьян не против помещиков и буржуазии, а против всей еврейской нации. Между тем евреи, как и все нации, делятся на различные классы, и народ грабят только буржуазные слои еврейства

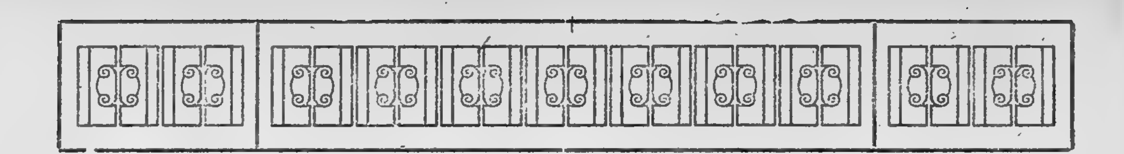
и грабят одинаково с капиталистами других наций. Еврейские же рабочие и ремесленники в черте оседлости жили всегда в страшной нищете и бедности, в большей нищете, чем рабочие остальной России.

Русская буржуазия травила евреев не только затем, чтобы отвлечь от себя гнев своих эксплоатируемых рабочих, но и с тем, чтобы избавиться от конкурентов в торговле и промышленности.

Наконец, в последнее время во всех странах замечается усиление травли евреев со стороны буржуазных классов. Буржуазия разных стран не только борется таким путем с одним из конкурентов по ограблению пролетариата, но и борется с надвигающейся революцией по способу Николая II. Еще недавно антисемитизм в Германии, Англии, Америке был развит очень слабо. Теперь даже министры Англии произносят антисемитические речи. Это верный признак того, что буржуазный строй на Западе накануне крушения, и что буржуазия пытается откупиться от рабочей революции, дав ей на съедение Ротшильдов и Мендельсонов. В России антисемитизм притих во время февральской революции и, наоборот, стал усиливаться тем больше, чем сильнее обострялась гражданская война буржуазии с пролетариатом и чем безнадежнее делались попытки буржуазии.

Все это доказывает, что антисемитизм есть один из видов борьбы с социализмом, и плох будет тот рабочий и крестьянин, который даст себя одурачить своим классовым врагам.

Литература. Н. Ленин: „О праве наций на самоопределение" (статьи в журнале „Просвещение"). И. Сталин: „Национальный вопрос и марксизм". К. Залевский: „Национальный вопрос и Интернационал". С. Петров: „Правда и ложь о евреях". К. Каутский: „О евреях". А. Бебель: „Антисемитизм и пролетариат". Ю. Стеклов: „Последнее слово антисемитизма".



ГЛАВА VIII.

Программа коммунистов в военном вопросе.

§ 61. Наша старая программа в военном вопросе. § 62. Необходимость Красной Армии и ее классовый состав. § 63. Всеобщее воинское обучение трудящихся. § 64. Дисциплина нагайки или сознательная дисциплина. § 65. Политические комиссары и ячейки коммунистов. § 66. Формирование Красной Армии. § 67. Командный состав Красной Армии. § 68. Выборный или назначенный командный состав. § 69. Красная Армия—временная армия.

§ 61. Наша старая программа в военном вопросе.

Мы говорили в параграфе 12, как строилась и кому служила постоянная армия буржуазно-помещичьего государства. Совершенно понятно, что социалисты всех стран, и в том числе и русская социал-демократия, выставляли требование уничтожения постоянной армии. В то же время социалисты вместо постоянной армии выдвигали всеобщее народное вооружение, уничтожение офицерской касты, выборность командного состава самими солдатами.

Посмотрим, как должны коммунисты относиться к этим требованиям.

Прежде всего возникает вопрос: для какого общества выставляется вышеприведенная программа: для буржуазного, для социалистического или на время борьбы с буржуазным обществом за социализм?

Надо сказать, что социалистические партии, входившие во II Интернационал, сами не знали определенно, для какого общества они пишут свою программу. Большинство, однако, полагало, что для буржуазного. Все социалисты ссылались обыкновенно на Швейцарскую республику, где не было постоянной армии, а существовала всеобщая народная милиция.

Совершенно очевидно, что приведенная программа неосуществима в буржуазном обществе, особенно в период все более и более обостряющейся классовой борьбы. Уничтожить казарму—это значит уничтожить место, где муштруют рабочих и крестьян и делают из них палачей своих же братьев по классу. Это значит уничтожить место, где только и можно создать из трудящихся армию, которая пойдет на войну с другими народами в любую минуту, когда это будет нужно капиталистам. Уничтожить офицерскую касту—это значит уничтожить тех дрессировщиков, которые одни могли создать железную дисциплину и подчинить вооруженный народ воле буржуазного класса. Допустить выборность командного состава—это значит допустить вооруженным рабочим и крестьянам выбрать себе с в о е, а не буржуазное командование. Это значит, что буржуазия помогла бы строить армию для свержения собственного господства.

И история капитализма в Европе доказала и доказывает неосуществимость при буржуазном строе, следовательно при делении общества на классы, и усиливающейся классовой борьбе военной программы, выставленной социалистическими партиями. Чем более усиливается эта борьба, тем более склонна стоящая у власти буржуазия не вооружать весь народ, а, наоборот, обезоружить его и оставить оружие лишь в руках надежных белогвардейских отрядов. Военная программа социалистов, если ее надеются провести при господстве буржуазии, есть, следовательно, жалкая мелко-буржуазная утопия.

Но, быть может, эта программа годится как раз для того, чтобы сломить господство буржуазии?

И это не так. Буржуазии, для того, чтобы обороняться против рабочего класса, который хочет лишить ее власти, нет никакого смысла соглашаться на вооружение его. Буржуазия проводила всеобщую воинскую повинность и доверяла винтовку рабочему-солдату до тех пор, пока надеялась удержать в повиновении себе солдат из народа. Как только этот народ поднимается на борьбу, его надо первым делом обезоружить. Это знают все деловые политики буржуазного класса. И, наоборот, рабочим и крестьянам также нет никакого смысла требовать всеобщего народного вооружения, раз они сами собираются вооружиться, а буржуазию разоружить и лишить власти. Значит, и для переходного периода, для периода борьбы пролетариата за власть, старая социалистическая военная программа непригодна. Она годится лишь на очень короткий промежуток времени для разложения уже существующей буржуазной армии. Годится лишь в той своей

части, где говорится об уничтожении офицерской касты и о выборности командного состава самими солдатами. Коммунисты-большевики на деле и воспользовались этим требованием своей старой программы в 1917 году. Они вынули из армии царя и Керенского генеральско-офицерское жало и тем вырвали армию из подчинения буржуазно-помещичьему классу.

Наоборот, для победившего социалистического общества старая военная программа применима вполне. Когда пролетариат в ряде стран победит буржуазию и уничтожит классы, тогда можно будет провести всеобщее народное вооружение. Вооружен тогда будет весь трудовой народ, так как в победившем социалистическом обществе все будут трудящимися. Возможно будет тогда уничтожение всех и всяческих казарм. Возможно будет также и проведение выборного командования, которое в эпоху обостренной гражданской войны не может быть полезным пролетарской армии за некоторыми счастливыми исключениями.

Но здесь возникает один естественный вопрос: кому и зачем нужно будет всеобщее народное вооружение в странах победившего социализма? Ведь внутренняя буржуазия будет побеждена и превращена в трудящихся, а войн между социалистическими государствами не предполагается. Здесь необходимо помнить, что социализм не может победить во всех странах мира сразу. Одни страны естественно будут отставать от других в деле уничтожения классов и осуществления социализма. Странам, победившим свою буржуазию и превратившим ее в работников, придется или вести войну, или быть готовыми к войне против буржуазии тех государств, где диктатура пролетариата еще не провозглашена, либо помогать вооруженной рукой пролетариату стран, где провозглашена его диктатура, но борьба с буржуазией еще не доведена до конца.

§ 62. Необходимость Красной Армии и ее классовой состав.

Большинство социалистов, входивших в II Интернационал, полагало, что социализм может быть осуществлен путем завоевания большинства в парламентах. Убаюкивая себя такими мирно-обывательскими мещанскими надеждами, это большинство, естественно, и не думало о возможности и необходимости организации пролетарской армии в период борьбы за социализм. Другая часть социалистов, которая считала неизбежным насильственный переворот с оружием в руках,

не предвидела, однако, что эта вооруженная борьба может затянуться надолго, что Европа пройдет через полосу не только социалистических революций, но и социалистических войн. Поэтому ни в одной социалистической программе не было выставлено требование организации Красной Армии, т.-е. армии вооруженных рабочих и крестьян. Эту армию пришлось впервые в мире [1]) строить рабочему классу России, так как ему впервые в мире удалось прочно захватить в свои руки государственную власть и защищать ее от натиска собственной буржуазии и буржуазных государств всего мира. Совершенно очевидно, что без Красной Армии рабочие и крестьяне России не смогли бы отстоять ни одного из завоеваний своей революции и были бы раздавлены силами своей и международной реакции. Красная Армия не может быть построена на основе всеобщей воинской повинности. Победивший пролетариат в эпоху, когда борьба не закончена, не может доверить винтовку ни буржуазным слоям города, ни кулацким верхам деревни. В его армию должны входить лишь представители трудящихся классов, не эксплоатирующих чужого труда и заинтересованных в победе рабочей революции. Лишь пролетарии города и крестьянская беднота деревни могут составить ядро и основу Красной Армии; лишь присоединение к этим массам крестьян-середняков может сделать Красную Армию по ее составу армией всех трудящихся. Что же касается буржуазии и кулачества, оно должно отбывать свою воинскую повинность перед пролетарским государством в тыловом ополчении. Это, конечно, еще не значит, что достаточно крепкая пролетарская власть не заставит в свое время эксплоататоров так же стрелять в своих белых приятелей по ту сторону фронта, как буржуазия через свою постоянную армию заставляла пролетариев расстреливать своих братьев по классу.

Постоянная армия буржуазии хотя и формируется на основе всеобщей воинской повинности и по видимости является армией всенародной, на деле является армией классовой. Наоборот, пролетариат не имеет оснований скрывать классовый характер своей армии, как он не скрывает классового характера своей диктатуры. Красная Армия есть один из аппаратов советского государства. Она строится, в общем, по тому же типу, как весь государственный аппарат пролетарской

---

[1]) Мы говорим здесь об армии в полном смысле этого слова. Что же касается зачатков Красной Армии, то предшественницей нашей Красной Армии можно считать армию Парижской Коммуны, которую создали рабочие и городская беднота Парижа в 1871 г.

диктатуры. И как при выборах в советы по советской конституция лишены права голоса те, кого эта конституция и должна экононономически и политически удушить, так и в Красную Армию не допускаются те, кого эта армия должна разбить в гражданской войне.

§ 63. Всеобщее воинское обучение трудящихся.

Всеобщее воинское обучение трудящихся, к осуществлению которого приступила Советская Республика России, прежде всего должно до минимума сократить казарменное обучение. Рабочий и крестьянин должны быть обучены военному делу, по возможности, не отрываясь от производства. Это ведет к огромному сокращению издержек на армию и предупреждает сокращение или разрушение производства. Рабочие и крестьяне, обучаясь военному делу в часы досуга, готовятся быть солдатами революции, не переставая быть производителями ценностей.

Вторая важная задача всеобщего обучения трудящихся— создать в каждом городе, в каждой волости пролетарско-крестьянские резервы, способные стать в любую минуту под ружье при приближении врага. Опыт гражданской войны в России доказал, какое огромное значение имеют эти резервы для успеха в социалистической войне. Стоит лишь вспомнить о резервных рабочих полках Петербурга, отбивавших красную столицу от белых разбойников, о рабочих Урала и Донецкого бассейна, о рабочих и крестьянах Оренбурга, Уральска, Оренбурской губернии и т. д.

§ 64. Дисциплина нагайки или сознательная дисциплина.

В империалистской армии по всей ее природе не может быть сознательной дисциплины. Эта армия состоит из разнородных классовых групп. Рабочие и крестьяне, насильственно загнанные в казармы буржуазной армии, если они начинают понимать свое интересы, вынуждены не сознательно подчиняться дисциплине своих дрессировщиков с золотыми погонами, а сознательно нарушать эту дисциплину. Поэтому в буржуазных армиях дисциплина неизбежна должна быть палочной, поэтому порка, истязания всякого рода и массовые расстрелы являются не случайными явлениями в ней, а основой всякого порядка, дисциплины, „воинского воспитания".

Наоборот, в Красной Армии, которая формируется из ра-

бочих и крестьян и защищает интересы рабочих и крестьян, принуждение чем дальше, тем больше должно отступать перед добровольным подчинением трудящихся дисциплине гражданской войны. Чем выше делается уровень сознательности в Красной Армии, тем более красные солдаты начинают понимать, что ими командует в конечном счете весь класс трудящихся через свое государство и его военное командование. Дисциплина в Красной Армии есть, таким образом, подчинение меньшинства (солдат) интересам трудящегося большинства. За каждым разумным распоряжением командования стоит не командир и его произвол, не буржуазное меньшинство и его грабительский интерес, а вся рабоче-крестьянская республика. Поэтому-то в Красной Армии политическое воспитание солдат, пропаганда и агитация имеют совершенно исключительное значение.

§ 65. Политические комиссары и ячейки коммунистов.

В Советской Республике России, где все трудящиеся пользуются правом выражать свою волю через советы, рабочие и крестьяне уже два года выбирают в исполнительные органы коммунистов. Партия коммунистов, если употреблять буржуазное выражение, является по воле масс правящей партией Республики, так как ни одна другая партия не оказалась способной руководить до конца победоносной рабоче-крестьянской революцией. В результате наша партия превратилась в своего рода огромный исполнительный комитет пролетарской диктатуры. И в Красной Армии коммунистам принадлежит поэтому руководящая роль. Проводниками классовой воли пролетариата в армии, проводниками, уполномоченными партией и военными центрами, являются политические комиссары. Этим определяется взаимоотношение комиссара как с командным составом, так и с коммунистическими ячейками частей. Коммунистическая ячейка—часть правящей партии, комиссар—уполномоченный всей партии. Отсюда возникает его руководящая роль и в части, и в коммунистической ячейке части. Отсюда же его право надзора за командиром. Он смотрит за командным составом, как политический руководитель смотрит за техническим исполнителем.

Задача ячейки—разъяснять красноармейцам смысл гражданской войны и необходимость подчинять свои интересы интересам всех трудящихся. Задача ячейки—на собственном примере доказывать преданность революции и побуждать к тому же своих товарищей по части. Право каждого члена ячейки —

следить за коммунистическим поведением своего и других комиссаров и добиваться принятия необходимых мер через высшую партийную организацию или через более ответственных товарищей комиссаров. Только таким путем коммунистическая партия в состоянии без нарушения со стороны красноармейцев-коммунистов обще-воинской дисциплины добиться полного контроля над всеми своими членами и предупредить злоупотребления властью с их стороны.

Кроме ячеек и политических комиссаров, политическое воспитание Красной Армии лежит на целой сети политических отделов дивизий, армий и фронтов и на агитационно-просветительных отделах военных комиссариатов тыла. Пролетарское государство России в лице этих организаций создает мощный просветительный и организующий аппарат для своей армии и пытается с наименьшей затратой сил добиться наибольших результатов. Благодаря этим аппаратам агитационно-просветительная работа носит в нашей армии не случайный, а систематический, планомерный характер. Газета, устное слово на митинге и школьное обучение делаются достоянием каждого красноармейца.

К сожалению, упомянутые организации не избегли общей участи всех почти крупных организаций Советской власти; они подвержены бюрократизму, они склонны отрываться от масс, с одной стороны, от партии, с другой, и нередко превращаются на практике в убежище ленивых и бездарных военно-партийных чиновников. Решительная борьба с подобными уклонениями для коммунистической партии является гораздо более настоятельной и спешной, чем борьба с бюрократизмом и дармоедством в обще-советском механизме, так как от успехов этой борьбы зависит в известной мере близость нашей победы в гражданской войне.

§ 66. Формирование Красной Армии.

Всеобщее обучение должно свести к минимуму казарменное обучение, чтобы в дальнейшем совсем похоронить красную казарму. Формирование Красной Армии должно постепенно приближаться к производственным объединениям трудящихся и тем уничтожить искусственный характер армейского объединения. Проще говоря, дело обстоит так: типичная постоянная армия царя или буржуазно-помещичьего государства составлялась из людей, принадлежащих к самым различным классам, причем мобилизованные принудительно отрывались от своей естественной базы: рабочий—от фабрики, крестья-

нин—от сохи, служащий—от предприятия, торговец—от прилавка. Затем мобилизованные искусственно объединялись в казарме и распределялись по воинским частям. Для буржуазного государства было выгодно уничтожить всякую связь мобилизованного пролетария и крестьянина с его фабрикой, с его деревней, чтобы легче сделать из него слепое орудие угнетения трудящихся, чтобы легче заставить рабочих и крестьян одной губернии расстреливать рабочих и крестьян другой губернии.

Коммунистическая партия в строительстве Красной Армии стремится провести как раз обратный метод. Хотя обстоятельства гражданской войны и заставляют ее иногда соглашаться на способы формирования по-старому, по существу же она стремится к иному. Она стремится к тому, чтобы формируемая часть, напр., рота, батальон, полк, бригада, совпадала по возможности с фабрикой, заводом, деревней, селом и т. д. Иными словами, она стремится искусственное само по себе военное объединение построить на естественном производственном объединении трудящихся и этим уменьшить искусственность. Формируемые таким путем пролетарские части более сплочены, они дисциплинированы самым способом производства и менее нуждаются в применении принудительной дисциплины сверху.

Огромное значение для формирования Красной Армии имеет создание твердого сознательного пролетарского кадра. Диктатура пролетариата в такой, по преимуществу крестьянской, стране, как Россия, означает то, что пролетарское меньшинство руководит и организует крестьянское большинство (середняка), которое идет за организующим пролетариатом, доверяет ему в политическом руководстве и строительстве. Это относится всецело и к Красной Армии, которая дисциплинирована и крепка постольку, поскольку крепок ее пролетарский и коммунистический скелет. Собрать материал для этого скелета, правильно распределить его, окружить в соответствующем размере распыленным, но гораздо более многочисленным крестьянским материалом,—вот основная организационная задача коммунистической партии в деле строительства победоносной Красной Армии.

§ 67. Командный состав Красной Армии.

Красная Армия начала строиться на развалинах старой царской армии. У победившего в октябрьскую революцию пролетариата не было своего красного пролетарского офи-

церства. Усвоить и применить для гражданской войны опыт мировой войны, усвоить и применить для военного обучения своей армии накопленный военно-технический опыт свергнутого режима пролетариат мог лишь одним из следующих трех способов: 1) создать своих красных командиров и только их допустить к командованию, оставив за старым офицерством лишь роль преподавателей; 2) передать командование в армии старому офицерству под соответствующим надзором комиссаров; 3) применить и то и другое вместе. Время не ждало, гражданская война началась, армию надо было быстро строить и немедленно бросать в бой. Поэтому пролетарской власти пришлось применить третий способ. Начали организовываться школы красных командиров, которые выпускали офицеров, способных занимать в массе лишь низшие командные должности. Вместе с тем в самом широком размере к строительству Красной Армии и к командованию ею было привлечено старое офицерство.

Использование старого офицерства было сопряжено с рядом величайших трудностей, которые не преодолены и до сих пор. Это офицерство оказалось разделенным на три группы. Меньшинство, которое более или менее сочувствовало Советской власти. Меньшинство, которое определенно стояло и стоит на стороне классовых врагов пролетариата и активно помогает им. Большинство среднего офицерства, которое идет за тем, кто сильней и которое служит Советской власти так же, как служат рабочие капиталисту, покупающему рабочую силу. Перед коммунистической партией в связи с этим стоит задача всецело использовать сочувствующее ей меньшинство. Обезвредить белогвардейское меньшинство всеми мерами чрезвычайных репрессий. Прочно закрепить за собой офицера середняка, политически нейтрального в гражданской войне, и добиться от него добросовестной работы в тылу и верности на фронте.

Использование старого офицерства уже дало нам огромные результаты в деле строительства Красной Армии. Мы произвели здесь выгодную экспроприацию буржуазно-помещичьего строя в сфере военно-технических знаний. Но это же использование оказалось до крайности опасным, поскольку было связано с массовыми изменами командного состава и массой жертв со стороны красноармейских масс, обманутых и выданных с головой врагу.

Главной задачей коммунистической партии в связи в этим является, во-первых, усиленная подготовка настоящих командиров рабоче-крестьянской армии — красных командиров — и самое спешное обучение коммунистов в созданной Советской

властью Красной Академии генерального штаба. Во-вторых, тесное сплочение всех комиссаров-коммунистов и всех военных работников партии для самого действительного контроля над всем не коммунистическим командным составом.

§ 68. Выборный или назначенный командный состав.

Армия буржуазного государства, созданная на основе всеобщей воинской повинности, состоит в огромном большинстве из крестьян и рабочих, управляет же ей офицерство, принадлежащее к дворянству и буржуазии. Когда в нашей прежней программе мы выставляли требование выборности командного состава, то этим имелось в виду вырвать командование армией из рук эксплоататорских классов. Это требование было рассчитано на то, что политическая власть остается в руках буржуазии, армия же будет демократизирована. Конечно, это требование было неосуществимым, потому что никакая буржуазия в мире нигде и никогда не согласилась бы отдать без боя свой военный аппарат угнетения. Но для борьбы с милитаризмом, для борьбы с привилегиями офицерской касты требование выборности командного состава имело огромное значение, как имеет значение оно и для разрушения империалистских армий вообще.

Наоборот, Красная Армия подвластна пролетариату. Он управляет ею через центральные советские органы, которые сам избирает. Он управляет ею на всех ступенях армейской колокольни через комиссаров-коммунистов, подавляющее большинство которых и в тылу и на фронте рекрутируется из рабочих. При таком положении вопрос о выборности командного состава может иметь значение лишь как технический вопрос. Вся суть дела теперь в том, что выгодней, что делает армию в ее теперешнем состоянии более боеспособной: выбор командиров снизу или назначение их сверху. И поскольку мы помним о преимущественно крестьянском составе нашей Красной Армии, о лишениях, которые ей приходится переносить, об усталости от двух войн под-ряд, о низком уровне сознательности крестьянской части армии, то нам будет совершенно ясно, что выборность командного состава могла бы лишь разложить наши части. Это, конечно, не исключает возможных случаев, когда в отдельных добровольческих и тесно спаянных сознательно-революционных частях выборное начало не может быть вредным: выбрали бы приблизительно тех же, кого и получили бы по назначению. Как общее правило, выборность командного состава, хотя и является идеалом, в

данную минуту практически опасна и вредна. Когда же масса трудящихся, входящая теперь в состав Красной Армии, поднимется до уровня, при котором выборность будет полезна и необходима, уже не будет, вероятно, никаких армий на земле.

§ 69. Красная Армия — временная Армия.

Буржуазия считает капиталистический строй „естественным" строем человеческого общества, свое господство она мнит вечным и поэтому инструмент своего господства — армию — строит прочно, на долгие, долгие годы, если не навсегда. Иначе смотрит пролетариат на свою Красную Армию. Красная армия создана трудящимися для борьбы с белой армией капитала. Красная Армия возникла из гражданской войны и исчезнет после победоносного окончания этой войны, после уничтожения классов, после самоликвидации пролетарской диктатуры. Буржуазия желает вечности своей армии, потому что эта вечность отражала бы лишь несменяемость буржуазного режима. И, наоборот, рабочий класс желает своему детищу естественной и славной смерти, потому что момент, когда будет возможно распустить Красную Армию, будет моментом окончательной победы коммунистического строя.

Коммунистическая партия должна разъяснить красноармейцам, что они являются солдатами последней армии в мире, если Красная Армия победит белую гвардию капитала. Но она должна разъяснить и всем участникам строительства Красной Армии, всему ее окрепшему пролетарско-крестьянскому кадру, что пролетарий стал воином на время и по необходимости, что лишь сфера производства есть естественная сфера для приложения его труда, что участие в Красной Армии ни в коем случае не должно привести к созданию какого-либо слоя, который надолго будет оторван от промышленности и земледелия.

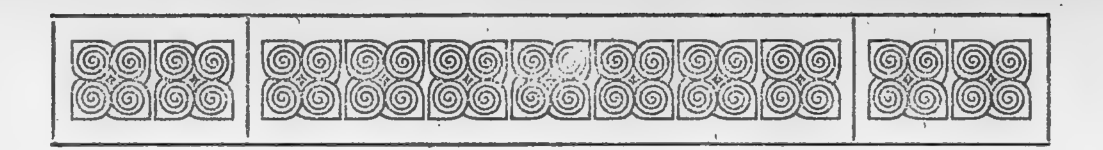
Когда начала строиться Красная Армия, выросшая из красной гвардии пролетариата, меньшевики и эс-эры усердно травили коммунистов за то, что они изменили лозунгу всеобщего народного вооружения, что они создают постоянную классовую армию. Что Красная Армия не может быть постоянной, это очевидно из того, что гражданская война не может длиться вечно. Классовой же наша армия является потому, что классовая борьба достигла крайней степени ожесточения. Признавать классовую борьбу и высказываться против классовой армии может лишь безнадежно тупой мещанский утопист. Характерно, что сама буржуазия уже не находит ни возможным, ни нужным скрывать классовый характер своей армии в эпоху, следующую за ликвидацией мировой войны. Чрезвычайно поучительна в этом отношении

судьба постоянных армий Германии, Англии, Франции. Германское учредительное собрание избрано всеобщим голосованием. Опорой же его являются добровольческие белогвардейские отряды Носке. Армия, созданная на основе всеобщей воинской повинности, уже не может быть опорой буржуазной Германии при том ожесточении классовой борьбы на той ступени распада буржуазного общества, которого достигла Германия. Во Франции и Англии опорой правительства в 1919 году является не армия, созданная всеобщим набором и участвовавшая в мировой войне, а также и отряды белогвардейских добровольцев, жандармерия и полиция. Таким образом, не только Россия, начиная с конца 1917 года, но и вся Европа с конца 1918 года характеризуется уничтожением системы всеобщей воинской повинности и переходом к системе классовых армий. При этом русские социал-предатели—меньшевики и эс-эры —„возражают“ против создания Красной Армии пролетариата, а на западе их товарищи Носке и Шейдеман сами организуют белую армию буржуазии. Таким образом, борьба против создания классовой армии пролетариата во имя всеобщего народного вооружения и „демократии“ на практике оказывается борьбой за классовую армию буржуазии.

Что касается народной милициии, то пример наиболее демократической из всех буржуазных республик мира—Швейцарии—показал, во что превращается эта милиция в момент обострения классовой борьбы. „Народная“ милиция Швейцарии при господстве буржуазии в стране превратилась в такое же орудие подавления пролетариата, каким являлась любая постоянная армия менее демократических стран. Такова будет судьба „всеобщего народного вооружения“ всюду и везде, где бы оно ни было осуществлено при политическом и экономическом господстве капитала.

Коммунистическая партия стоит не за всеобщее народное вооружение, а за всеобщее вооружение трудящихся. И лишь в том обществе, где не будет никого, кроме трудящихся, лишь во внеклассовом обществе возможно всеобщее народное вооружение.

Литература. Литературы почти нет. Укажем статьи Троцкого, печатавшиеся в „Правде“ и „Известиях“. Сборник „Революционная война“ под ред. Подвойского и Павловича. Л. Троцкий: „Международное положение и Красная армия“. Л. Троцкий: „Советская власть и международный империализм“. Г. Зиновьев: „Наше положение и задачи создания Красной Армии“. Его же: „Речь о создании Красной Армии“. Ем. Ярославский: „Новая армия“.



ГЛАВА IX.

Пролетарский суд.

§ 70. Суд буржуазного общества. § 71. Выборность судей трудящимися. § 72. Единый народный суд. § 73. Революционные трибуналы. § 74. Наказания пролетарского суда. § 75. Будущее пролетарского суда.

§ 70. Суд буржуазного общества.

В числе других институтов буржуазного государства, служащих делу угнетения трудящихся масс и их обмана, является буржуазный суд.

Это почтенное учреждение руководствуется в своих приговорах законами, составленными в интересах класса эксплоататоров. Таким образом, каков бы то ни был состав суда, он уже заранее ограничен в своих постановлениях томами разных уложений, где подведены итоги всем привилегиям капитала и бесправию трудящихся масс.

Что касается самой организации буржуазного суда, то она вполне отвечает типу буржуазного государства. Где буржуазное государство более или менее откровенно, где приходится отбрасывать лицемерие, чтобы добиться приговоров, благоприятных господствующим классам, там суды назначаются сверху, а если выбираются, то лишь привилегированной частью общества. Наоборот, поскольку массы достаточно вышколены капиталом, достаточно покорны ему и его законы считают и своими законами, постольку трудящимся в известной мере разрешается самим быть судьями, как разрешается им выбирать в парламенты своих эксплоататоров или их лакеев. Так возник и существовал суд присяжных заседателей, благодаря которому приговоры в интересах капитала можно было выдавать за приговоры „самого народа“.

§ 71. Выборность судей трудящимися.

В программах социалистов, входивших во II Интернационал, выдвигалось требование выборности судей народом. В эпоху пролетарской диктатуры это требование является столь же неосуществимым и столь же реакционным, как требование всеобщего избирательного права или всеобщего народного вооружения. Когда пролетариат становится у власти, то не может допустить того, чтобы судьями над ним были его классовые враги. Он не может считать блюстителями декретов, направленных к уничтожению господства капитала, представителей капитала или крупного землевладения. Наконец, в бесконечной веренице гражданских и уголовных дел судоговорение должно делаться в духе нового строящегося социалистического общества.

Поэтому Советская власть не только уничтожила все аппараты старого суда, который, служа капиталу, лицемерно выдавал себя за голос народа, но и построила новый суд, нисколько не скрывая его классового характера. В лице старого суда классовое меньшинство эксплоататоров судило трудящееся большинство. Суд пролетарской диктатуры есть суд трудящегося большинства над эксплоататорским меньшинством. Он так и построен. Судьи выбираются только трудящимися. Судьи выбираются только из числа трудящихся. За эксплоататорами оставляется лишь право быть судимыми.

§ 72. Единый народный суд.

В буржуазном обществе организация суда является до крайности громоздкой. Буржуазные юристы очень гордятся тем, что благодаря целой лестнице судебных инстанций обеспечивается полное правосудие и число судебных ошибок сводится к минимуму. На самом деле прохождение дела по различным инстанциям всегда было и остается наиболее выгодным имущим классам. Располагая целым корпусом наемных адвокатов, богатые слои населения имеют полную возможность добиваться на более высоких инстанциях благоприятных для себя решений, в то время как истец из бедноты бывает вынужден бросить ведение дела, отнимающее большие средства. Прохождение дела по инстанциям гарантирует „справедливое“ решение лишь в том смысле, что гарантирует решение в интересах эксплоататорских групп.

Единый народный суд пролетарского государства умень-

шает до минимума срок, который проходит дело с момента поступления в суд и до окончательного приговора. Судебная волокита сокращается в огромной степени, и если еще существует, то лишь вследствие общего несовершенства всех советских учреждений в первые месяцы и годы пролетарской диктатуры. В результате суд делается доступным для самых бедных и темных слоев населения и сделается еще более доступным, когда минет острый период гражданской войны и все взаимоотношения между гражданами Республики приобретут более устойчивый характер. „Во время войны молчат законы", говорили римляне.—Во время гражданской войны законы в пользу трудящихся не молчат, народные суды работают, но еще не все население успело ознакомиться с сущностью нового суда и оценить все его преимущества.

Задача народных судов в период ломки старого общества и постройки нового огромна. Советское законодательство не поспевает за жизнью. Законы буржуазно-помещичьего строя отменены; законы пролетарского государства написаны лишь в общих чертах и полностью никогда не будут написаны. Рабочий класс не думает увековечивать своего господства, и ему не нужно десятков томов разных уложений. Выразив свою волю в каком-либо из основных декретов, он может поручить толкование и применение на деле этих декретов народным судьям, избираемым трудящимися. Важно лишь, чтобы приговоры этих судов отражали полный разрыв с обычаями и психологией буржуазного строя, чтобы народные судьи решали дела по пролетарской, по социалистической, а не буржуазной совести. В бесконечном количестве дел, которые возникают при ломке старых отношений и при осуществлении прав пролетариата, народные суды имеют возможность довершить тот переворот, который начала октябрьская революция 1917 г. и который должен распространиться на все взаимоотношения граждан Советской Республики. С другой стороны, при рассмотрении огромного количества дел, возникающих независимо от условий революционной эпохи, дел обывательско-уголовного характера, народные суды должны выявить совершенно новое отношение к таким преступлениям со стороны революционного пролетариата и произвести целую революцию в характере устанавливаемых мер наказания.

§ 73. Революционные трибуналы.

Выборный и сменяемый избирателями народный суд, в котором поочередно должен осуществить свое право судьи

каждый из трудящихся, коммунистическая партия рассматривает как нормальный суд социалистического государства. В эпоху же наиболее обостренной гражданской войны является необходимость организации, наряду с народным судом, революционных трибуналов. Задача революционных трибуналов состоит в том, чтобы быстро и беспощадно судить врагов пролетарской революции. Эти суды являются одним из орудий подавления эксплоататоров, и в этом отношении являются такими же органами пролетарской обороны и нападения, как Красная Гвардия, как Красная Армия, как чрезвычайные комиссии. Вследствие этого революционные трибуналы организованы на менее демократических началах, чем народные суды. Они назначаются советами, а не прямо выбираются трудящимися массами.

§ 74. Наказания пролетарского суда.

В кровавой борьбе с капиталом рабочий класс не может отказаться от высшей меры наказания, налагаемой на его явных врагов. Отмена смертной казни невозможна, пока длится гражданская война. Но чисто-объективное сравнение пролетарского суда с судом буржуазной контр-революции обнаруживает чрезвычайную мягкость рабочих судей в сравнении с палачами буржуазной юстиции. Смертные приговоры выносятся в самом крайнем случае. Это особенно характерно для судебных процессов первых месяцев пролетарской диктатуры. Достаточно здесь будет напомнить, что знаменитый Пуришкевич в Петербурге был в свое время приговорен Революционным Трибуналом всего лишь на две недели тюрьмы. Большое великодушие к своим врагам у прогрессивных классов общества, имеющих будущее, большая свирепость расправы у классов умирающих проявляется и в практике пролетарского суда.

Что же касается наказаний, накладываемых пролетарским судом за преступления, не носящие контр-революционного характера, то эти наказания в корне отличны от наказаний буржуазного суда. Это и вполне понятно. Огромное большинство преступлений, совершаемых в буржуазном обществе, представляет собой или преступления против права собственности, или преступления, так или иначе связанные с собственностью. Естественно, что буржуазное государство мстило преступникам, и наказания этого общества представляют собой различные виды мести озлобленного собственника. Столь же бессмысленны были и остаются наказания за преступления

случайного характера или преступления, связанные с общим несовершенством буржуазных отношений в их целом (преступления на почве семейной, романической, на почве алкоголизма и вырождения, на почве невежества и придавленности социальных инстинктов и т. д.). Пролетарскому суду приходится иметь дело с преступлениями, почва для которых приготовлена буржуазным обществом, еще не ликвидированным во всех своих пережитках. Пролетарскому суду пришлось получить от старого режима воспитанный этим режимом кадр профессиональных преступников. Пролетарский суд абсолютно чужд мести. Он не может мстить людям за то, что они жили в буржуазном обществе. Поэтому наказания наших народных судов уже теперь отражают полную революцию в правосудии. Все чаще применяется условное осуждение: это наказание без наказания, которое имеет главной задачей предупредить повторение преступления. Применяется общественное порицание, — мера, действительная лишь во внеклассовом обществе и рассчитанная на рост общественного сознания и общественной ответственности. Тюремное заключение без труда,—этот принудительный паразитизм, столь часто применявшийся царизмом,—заменяется общественными работами. Вообще ущерб, причиняемый обществу преступником, пролетарский суд стремится возместить усиленным трудом провинившегося. Наконец, где суд имеет дело с рецидивистом, освобождение которого даже и после отбытия наказания подвергло бы опасности жизнь других граждан, проводится изоляция преступника от общества, причем преступнику дается полная возможность нравственного перерождения.

Все перечисленные меры, означающие перерождение обычных способов наказания, в большинстве защищались уже лучшими из буржуазных юристов. Однако эти меры оставались в области мечтаний в буржуазном обществе. Их мог начать проводить в жизнь лишь победивший пролетариат.

§ 75. Будущее пролетарского суда.

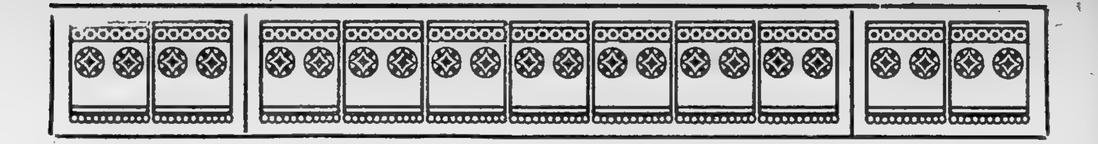
Что касается революционных трибуналов, то эта форма пролетарского суда также не имеет никакого будущего, как победившая белую гвардию Красная Армия, как чрезвычайные комиссии, как все органы, созданные пролетариатом в период незаконченной гражданской войны. С победой пролетариата над буржуазной контр-революцией эти органы отпадут за ненадобностью.

Наоборот, пролетарский суд в форме выборного народ-

ного суда, несомненно, переживет конец гражданской войны и еще долго должен будет подчищать своими приговорами обломки буржуазного общества в его многоразличных проявлениях. Уничтожение классов не уничтожает сразу ни классовой психологии, которая всегда остается жить дольше породивших ее общественных отношений, ни классовых инстинктов и обычаев. Кроме того, самый процесс уничтожения классов может сильно затянуться. Превращение буржуазии в трудящуюся группу людей, превращение крестьян в работников социалистического общества произойдет не сразу. Последний процесс будет довольно длителен и чреват многими процессами судебного характера. Точно так же частная собственность на средства потребления, которая будет предшествовать чисто-коммунистическому распределению, будет давать много поводов к проступкам и преступлениям. Наконец, преступления против общества, вызванные личным эгоизмом отдельных членов, и всякого рода нарушения общественного блага также долго будут предметом судебного разбирательства. Правда, суд тогда изменит свой характер; постепенно, по мере отмирания государства, он будет превращаться в орган выражения общественного мнения, приближаясь к характеру товарищеского суда, решения которого не приводятся в исполнение насильственным путем, а имеют лишь моральное значение.

Литература. Коммунистической литературы о буржуазном и пролетарском суде почти нет. Можно рекомендовать следующие вещи из старых: К. Маркс: „Речь перед судом присяжных (Кельнский процесс коммунистов)“. Энгельс: „Происхождение семьи, собственности и государства“. Лассаль: „Защитительные речи“, а также „Идея рабочего сословия“. „Программа работников“ и др. из общего собрания сочинений. Энгельс: „Анти-Дюринг“, места, касающиеся государства. К. Каутский: „Природа политических преступлений“. Ван-Кон: „Экономические факторы преступности“. Гернет: „Социальные факторы преступности“.

Из современных—Стучка: „Конституция Р. С. Ф. С. Р. в вопросах и ответах“. П. Стучка: „Народный суд“ и т. д. А. Гойхбарг: „Какой суд нужен народу. Декреты о суде“, издание Петербургского Совета.



ГЛАВА X.

Школа и коммунизм.

§ 76. Школа буржуазного общества. § 77. Разрушительные задачи коммунизма. § 78. Школа—орудие коммунистического воспитания и просвещения. § 79. Дошкольное воспитание. § 80. Единая трудовая школа. § 81. Специальное образование. § 82. Высшая школа. § 83. Советская и партийная школа. § 84. Внешкольное образование. § 85. Новые работники просвещения. § 86. Сокровища искусства и науки для трудящихся. § 87. Государственная пропаганда коммунизма. § 88. Народное просвещение при царизме и при Советской власти.

§ 76. Школа буржуазного общества.

В буржуазном обществе школа выполняет три основные задачи: 1) воспитывает молодое поколение трудящихся в духе преданности и почтения к капиталистическому режиму; 2) подготовляет из молодежи господствующих классов „образованных“ дрессировщиков трудового народа; 3) обслуживает капиталистическое производство, используя науку для техники и увеличения капиталистической прибыли.

Первая задача достигается в школе так же, как и в буржуазной армии, т.-е., прежде всего, созданием соответствующего кадра „офицеров народного просвещения“. Учителя буржуазных школ, предназначенных для народа, проходят определенный курс выучки, где они подготовляются для своей роли дрессировщиков. К преподаванию в школах допускается лишь благонадежный с буржуазной точки зрения учительский персонал. За этим следят министерства буржуазного просвещения и безжалостно изгоняют из учительской среды весь вредный, т.-е. социалистический, элемент. Германская народная школа до революции, служившая дополнением казармы Вильгельма, представляет собой яркий образчик того, как удавалось помещикам и буржуазии фабриковать

посредством школ верных и слепых рабов капитала. Преподавание в низших буржуазных школах ведется по определенной программе, всецело приспособленной для целей капиталистической дрессировки учащихся. Все учебники составлялись также в соответствующем духе. Для этих же целей служила и вся буржуазная литература, созданная людьми, которые рассматривали буржуазный строй, как естественный, вечный и лучший из всех возможных режимов. Благодаря этому школьники незаметно для себя проникались буржуазной психологией и заражались восторгом перед всеми буржуазными добродетелями: почтением к богатству, славе, знатности, проникались стремлением к карьеризму, стремлением к личному благополучию и т. д. Работу буржуазных учителей довершали служители церкви своим преподаванием закона Божия, который, благодаря тесной связи капитала с церковью, всегда оказывался законом имущих классов [1].

Вторая цель достигается в буржуазном обществе тем, что среднее и высшее образование сознательно делается недоступным трудящимся классам. Обучение в средних и особенно в высших учебных заведениях стоит больших средств, которыми не располагают трудящиеся.

Это обучение длится десятки и более лет и по этой причине недоступно рабочему и крестьянину, вынужденному для прокормления семьи гнать на фабрику, в поле или на работу по домашнему хозяйству своих детей в самом раннем возрасте. Средние и высшие школы фактически превращаются в учебные заведения для буржуазной молодежи. Здесь молодежь господствующих классов приготовляется к тому, чтобы сменить своих отцов на эксплоататорских постах или на постах чиновников и техников буржуазного государства. И в этих школах преподавание носит строго-классовый характер. Если в области математики, техники и в области естественных наук это не столь заметно по самой сущности этих предметов, то это с полной очевидностью выступает в науках общественных, которые в сущности и определяют мировоззрение учащихся. Преподается буржуазная политическая экономия вместе с самыми усовершенствованными способами „разбивать Маркса". Социология и история также читаются в чисто-буржуазном духе. История права завершается ознакомлением с буржуазным правом, как естественным правом

---

[1]) В России при царизме народные массы держались в повиновении дворянскому государству не столько буржуазно-поповско-царским „просвещением", сколько недопущением всякого просвещения. В этом отношении знаменита „теория" известного мракобеса Победоносцева, который считал народное невежество главной опорой самодержавия.

„человека и гражданина“, и т. д., и т. д. В результате высшие и средние школы обучают буржуазных сынков всем необходимым данным для обслуживания буржуазного общества и для поддержания всей системы буржуазной эксплоатации. Если же в высшие школы попадают дети трудящихся, обыкновенно наиболее талантливые, то буржуазный школьный аппарат в огромном большинстве случаев с успехом отрывает их от родного им класса, прививает им буржуазную психологию и в конце концов использует таланты трудящихся для подавления тех же трудящихся.

Что касается третьей задачи, то буржуазная школа достигает ее следующим образом. Наука отрывается в классовом обществе от труда. Она делается не только достоянием имущих классов, но и более того: профессией определенного и довольно узкого круга людей. И научное преподавание, и научное исследование отрываются от трудового процесса. Чтобы использовать данные науки для производства, буржуазному обществу приходится создавать ряд институтов, способствующих утилизации научных открытий для техники и ряд технических школ, дающих возможность держать производство в уровень с успехами „чистой“, т.-е. оторванной от труда, науки. Вместе с тем политехнические школы дают капиталистическому обществу не только технически знающий персонал, но и кадр надсмотрщиков и администраторов над рабочим классом. Кроме того, для обслуживания процесса товарообращения создаются различные торговые школы, коммерческие институты и т. д. То, что связано во всей этой организации с производством, останется. То, что связано с буржуазным производством, должно отмереть. Сохранится все, что способствует развитию науки,—отомрет отделение науки от труда. Сохранится преподавание технических знаний,—будет уничтожен способ преподавания их отдельно от физического труда. Сохранится и расширится использование науки для производства,—будут уничтожены преграды для такого использования, поскольку капитал использовал науку лишь постольку, поскольку это в каждый данный момент увеличивало нормы прибыли.

§ 77. Разрушительные задачи коммунизма.

В школьном деле коммунистическая партия, как и во всех областях, стоит не только перед созидательными, но в первое время и перед разрушительными задачами. В школьной системе буржуазного общества подлежит немедленному разру-

шению все, что делало школу орудием классового господства буржуазии.

В буржуазном обществе школа на высших ступенях была достоянием эксплоататорских классов. Эта школа в лице бесконечных гимназий, реальных училищ, институтов, кадетских корпусов и т. д. должна быть уничтожена.

Преподавательский персонал буржуазной школы служит делу буржуазного просвещения и обмана. Из пролетарской школы должна быть без сожаления изгнана та часть педагогического персонала старой школы, которая или не может, или не хочет быть орудием коммунистического просвещения масс.

В старой школе употреблялись учебники, составленные в буржуазном духе, употреблялись приемы преподавания, служившие классовым целям буржуазии. Все это должно быть отброшено в школе новой.

Старая школа имела связь с религией через обязательное преподавание закона божия, обязательные молитвы и посещение церкви. Школа новая осуществляет обязательное изгнание религии из своих стен, под каким бы видом она ни пыталась туда войти, в какой бы мягкой форме ни хотели протащить ее туда отсталые группы родителей.

Старая высшая школа создала замкнутый круг профессуры, научный цех, препятствующий проникновению в университеты новых преподавательских сил; научный цех буржуазной профессуры должен быть распущен, и кафедра должна быть достоянием всех способных к преподаванию.

При царизме не допускалось преподавание на родном языке. Русский язык был обязательным государственным и школьным языком. Новая школа уничтожает все следы национального угнетения в области просвещения, делая преподавание на родном языке достоянием всех национальностей.

§ 78. Школа—орудие коммунистического воспитания и просвещения.

Буржуазия составляет огромное меньшинство населения. Это не мешало ей, наряду с другими органами классового угнетения, использовать школу для воспитания и дрессировки миллионов трудящихся в своем духе, и таким образом навязать большинству населения воззрение и мораль ничтожного меньшинства. В капиталистических странах пролетариат и полупролетариат составляет большинство населения. В России рабочий класс, численно составляя меньшинство, политически

является руководителем и организатором борьбы всех трудящихся. Естественно поэтому, что, взяв в свои руки школу, он должен использовать ее прежде всего для того, чтоб поднять на должную высоту коммунистической сознательности все отсталые слои трудящегося населения. Буржуазия пользовалась школой для закрепощения трудящихся. Пролетариат воспользуется школой для их раскрепощения, для уничтожения всех следов духовного рабства в сознании трудящихся. Буржуазия, благодаря своей школе, пролетарских детей воспитывала в буржуазном духе. Задача новой коммунистической школы состоит в том, чтобы воспитать буржуазных и мелкобуржуазных детей в пролетарском духе. В области умственной, в психологии людей коммунистическая школа должна произвести такое же разрушение буржуазного общества и его экспроприацию, какую в области экономической Советская власть произвела национализацией орудий производства. Нужно подготовить сознание людей к новым общественным отношениям. Трудно строить коммунистическое общество массам, которые во многих областях духовной жизни обеими ногами продолжают стоять на почве буржуазного общества и его предрассудков. Задача новой школы состоит в том, чтобы подогнать сознание взрослых к изменившимся общественным отношениям, а главное — в том, чтобы воспитать молодое поколение, которое будет всей своей психологией стоять на почве нового коммунистического общества.

Этой цели должны служить все нижеперечисленные реформы в школьном деле, частью проведенные, частью намеченные к осуществлению.

§ 79. Дошкольное воспитание.

В буржуазном обществе ребенок рассматривается, если не всецело, то, по крайней мере, в значительной степени, как собственность своих родителей. Когда родители говорят: „моя дочь, мой сын“, это означает теперь не только наличие родственных отношений, но и право родителей на воспитание собственных детей. Это право с социалистической точки зрения совершенно ни на чем не основано. Отдельный человек принадлежит не себе самому, а обществу — человеческому роду. Только благодаря существованию общества каждый отдельный индивидуум в состоянии жить и развиваться. Ребенок поэтому принадлежит тому обществу, в котором и благодаря которому он родился, а не только лишь „обществу“ своих родителей. Обществу же и принадлежит пер-

вейшее и основное право воспитания детей. И с этой точки зрения претензия родителей путем домашнего воспитания запечатлеть в психологии своих детей свою ограниченность необходимо не только отклонять, но и высмеивать самым беспощадным образом. Общество может доверить воспитание детей родителям, но может и не доверить, и чем дальше, тем меньше ему будет основания доверять воспитание детей родителям, потому что способности к воспитанию детей все же встречаются реже, чем способности к деторождению. Из сотни матерей, быть может, одна-две способны быть воспитательницами. Будущее принадлежит общественному воспитанию. Общественное воспитание дает социалистическому обществу возможность воспитать будущее поколение так, как будет нужно, и с наименьшей тратой сил и средств.

Но и общественное воспитание детей необходимо не из одних только педагогических соображений; оно имеет также огромные экономические выгоды. Сотни тысяч, миллионы матерей при осуществлении общественного воспитания будут освобождены для производства и для их собственного культурного развития. Они будут освобождены от притупляющего ум домашнего хозяйства и бесконечного количества мелочных работ, связанных с воспитанием детей на дому.

Вот почему Советская власть стремится к созданию ряда учреждений, которые должны улучшить общественное воспитание, делая его постепенно всеобщим. Таковы детские сады, куда занятые трудом рабочие и служащие в состоянии отводить своих детей, поручая их на это специалистам дошкольного воспитания. Таковы очаги, т.-е. детские же сады, но рассчитанные на более длительное пребывание в них детей. Таковы детские колонии, в которых живут и воспитываются дети, или навсегда, или на продолжительный срок оторванные от родителей. Сюда же относятся ясли, т.-е. учреждения для воспитания детей до 4-х-летнего возраста и дающие приют детям, пока их родители находятся на работе.

Задача коммунистической партии состоит, с одной стороны, в том, чтобы через советские органы добиться еще более быстрого развития дошкольных учреждений и улучшения постановки дела в них, с другой стороны, в том, чтобы усиленной пропагандой среди родителей побороть буржуазные и мещанские предрассудки о необходимости и преимуществах домашнего воспитания, подкрепляя это примерами наиболее образцово поставленных воспитательных институтов Советской власти. Нередко именно неудовлетворительная постановка очагов, яслей, садов и проч. удерживает родителей от отдачи туда своих детей. Задача коммунистической партии, и осо-

бенно ее женских секций, состоит в том, чтобы побудить родителей добиваться улучшения общественного воспитания не путем отказа от него, а путем как раз отдачи своих детей в соответствующие учреждения и в осуществлении самого широкого контроля над ними со стороны родительских организаций.

§ 80. Единая трудовая школа.

Дошкольные учреждения создаются для детей до 7-ми-летнего возраста. В дальнейшем воспитание и обучение должно проникать в школу. Обучение должно быть обязательным, что является огромным шагом вперед по сравнению с временами царизма. Обучение должно быть бесплатным, что является огромнейшим шагом вперед по сравнению с тем, что мы видим даже в самых передовых буржуазных странах, где лишь в низших школах обучение бесплатно. Обучение естественно должно быть равным для всех, чем уничтожаются всякие привилегии в воспитании и образовании для отдельных групп населения. Это всеобщее, равное для всех и для всех обязательное обучение должно охватывать всю молодежь в возрасте от 8 до 17 лет.

Школа должна быть единой. Это значит, во-первых, что должно быть уничтожено деление школ на мужские и женские, и осуществлено совместное обучение детей обоего пола. Это значит, что должно быть уничтожено деление школ на низшие, средние, высшие, не связанные между собой, не подогнанные друг к другу по своим программам. Это значит, что должно быть уничтожено деление и низших, и средних, и высших школ на школы общеобразовательные и специальные или профессиональные, на общедоступные и классово-сословные. Единая школа означает единую лестницу, по которой может и должен пройти каждый учащийся социалистической республики, начав с самого низшего порога—с детского сада — и закончив высшею ступенью, где кончается всякое общее школьное образование и всякое политехническое образование в той степени, в какой оно обязательно для всех учеников.

Как очевидно всякому читателю, единая школа не только представляет идеал для каждого передового педагога, но единственно возможный тип школы в социалистическом, т.-е. внеклассовом или стремящемся превратиться во внеклассовое, обществе. Осуществить единую школу может только социализм, хотя желательность такого типа школы и выдвинули еще педагоги буржуазного общества.

Школа социалистической республики должна быть трудовой. Это значит, что обучение и воспитание должно быть соединено с трудом и должно опираться на труд. Это важно по многим причинам. Во-первых, для успешности самого преподавания. Легче всего, охотней всего и основательней всего ребенок усваивает не то, что он заучил по книге или со слов учителя, а что он сам проделал на опыте собственными руками. Познать окружающую природу легче всего, пытаясь воздействовать на эту природу. Соединение обучения с трудом началось уже в передовых буржуазных школах. Но оно не может быть проведено до конца при буржуазном строе, который сознательно воспитывает паразитические элементы общества и отделяет физический труд от умственного труда непроходимой пропастью.

Труд необходим затем для чисто-физического развития детей, а также для всестороннего развития всех их способностей. На опыте проверено и доказано, что время, потраченное в школе на труд, нисколько не уменьшает, а, наоборот, увеличивает успехи детей при усвоении самых разнообразных знаний.

Наконец для коммунистического общества трудовая школа представляет прямую необходимость. Каждый гражданин этого общества должен, по крайней мере, в основных чертах, знать все профессии. Это общество не будет иметь никаких замкнутых цехов, окостеневших профессий, застывших в своей специальности групп. Даже самый гениальный ученый должен быть в то же время умелым физическим работником. Оканчивающему единую трудовую школу ученику коммунистическое общество говорит: „профессором можешь ты и не быть, а производителем ценностей быть обязан“. Начав с детских игр в саду, ребенок должен перейти к труду, как продолжению игры, совершенно незаметно, и тем с самого начала должен приучиться смотреть на труд не как на неприятную необходимость или наказание, а как на естественное, самопроизвольное проявление способностей. Труд должен быть потребностью, как желание пить и есть, и эта потребность должна быть привита и развита в коммунистической школе. В коммунистическом обществе, с его стремительным прогрессом техники, будут неизбежны огромные и быстрые переброски рабочих сил из одних отраслей производства в другие. Например, какое-либо открытие в ткацкой и прядильной промышленности может потребовать сокращения ткачей и прядильщиков и увеличения работников, занятых добычей хлопка, и т. д. В таких случаях неизбежно новое перераспределение сил между профессиями, что осуществимо лишь в том случае,

если каждый работник коммунистического общества знаком не с одной только, а с целым рядом профессий. Буржуазное общество могло выходить из подобного положения, используя резервную армию промышленности, т.-е. постоянный кадр безработных. В коммунистическом обществе не будет армии безработных; резерв любой отрасли промышленности, ощущающей недостаток в рабочих силах, будет заключаться в способности работников другой отрасли пополнить этот недостаток. Лишь единая трудовая школа может подготовить кадры таких работников, которые смогут исполнять различные функции в коммунистическом обществе.

§ 81. Специальное образование.

До 17-ти-летнего возраста вся молодежь Республики должна пройти единую трудовую школу и получить там сумму знаний теоретических и практических, которые необходимы для каждого гражданина коммунистического общества. Но обучение не может закончиться только этим. Кроме общих знаний, необходимы специальные знания. Объем каждой из самых необходимых наук так велик, что все их усвоить нет никакой возможности для отдельного человека. Единая трудовая школа совсем не исключает специального образования. Она лишь переносит его на самую высшую ступень. Уже на второй ступени единой трудовой школы, т.-е. в возрасте от 14 до 17 лет, неизбежно обнаруживаются наклонности учащихся в сторону увлечения тем или иным предметом. Уже на этой ступени не только возможно, но и неизбежно давать выход этим естественным способностям к более основательному ознакомлению с различными науками не в ущерб общеобразовательной программе трудовой школы.

Но настоящее специальное образование должно начинаться лишь после 17 лет. Этот возраст является гранью и по другой причине. До 17 лет молодежь трудовых школ является более учениками, чем работниками. Трудовые процессы школы имеют основной задачей не создание ценностей и увеличение бюджета государства, а задачи воспитательные. После 17 лет ученик превращается в работника. Он должен внести свой пай труда, свой пай изготовленных им продуктов в коммуну человечества. Специальное образование он может получать, лишь выполнив предварительно свой основной долг перед обществом. Поэтому, как правило, специальные познания молодежь после 17 лет сможет получать лишь во внетрудовое время. С развитием техники рабочий день должен

сократиться еще менее 8 часов, и таким образом для специального образования будет достаточно времени у каждого члена коммунистического общества. В некоторых случаях для особенно даровитых людей возможно и исключение в виде временного освобождения от труда на несколько лет для образования и научных исследований или сокращение рабочего дня в сравнении с общеустановленным, если все это будет признано общественно необходимым.

§ 82. Высшая школа.

В настоящий момент еще нельзя предвидеть вполне, какой характер будут носить специальные высшие школы при коммунизме. Вероятно, они будут самого различного типа, от более или менее кратковременных курсов до политехникумов и школ-лабораторий, где обучение будет вестись вместе с научным исследованием и где будут стерты всякие грани между профессорами и студентами. Но в настоящий момент можно уже с полной определенностью утверждать, что наши университеты в их теперешнем виде, с их теперешней профессурой представляют из себя отжившие институты. Они продолжают доучивать молодежь, проходившую буржуазные средние школы в старом духе. Пока эти университеты можно реформировать, обновив профессорский состав людьми, которые, быть может, не удовлетворяют цензу „докторов буржуазного общества“, но с успехом могут провести полную революцию в преподавании общественных наук и лишить буржуазную науку своего последнего убежища. Можно изменить состав слушателей, сделав аудиторию университетов преимущественно рабочей, и тем сделать естественные и технические науки достоянием рабочего класса. А привлечение рабочих неизбежно ставит вопрос о содержании их на время учения на государственный счет. Обо всем этом и говорит пункт 3-й нашей программы в области народного просвещения.

§ 83. Советская и партийная школа.

Коммунистическая партия, стоя у власти, разрушила школьный аппарат царизма, остававшийся почти неприкосновенным и во время правительства Керенского. На развалинах старой классовой школы она начала строить единую трудовую школу, как зародыш нормальной трудовой школы буду-

щего коммунистического общества. Из высшей буржуазной школы она пытается вытравить все, что в ней было приспособлено для поддержания господства капитала, и делает накопленные за период господства имущих классов знания достоянием всех трудящихся, и тем начинает готовиться к постройке нормального типа высшей школы коммунистического общества.

Но из всех наук, которые знает буржуазная культура, нет такой, которая учила бы, как делать пролетарскую революцию. Из всех школ, которые строила буржуазия и которые начинают строиться для будущего коммунистического общества, нет такой, которая учила бы, как строить пролетарское государство. Переходный период от капитализма к коммунизму вызвал к жизни особый вид школы, которая должна обслуживать происходящую революцию и строительство советского аппарата. Такой цели призваны служить партийно-советские школы, которые возникли на наших глазах, как кратковременные и довольно случайные курсы и превратились и продолжают превращаться в постоянные институты для выработки партийных и советских работников. Это было неизбежно. Строительство советского государства—дело совершенно новое, не имеющее примеров в истории. Работа советских учреждений с каждым днем развивается, совершенствуется, и для каждого советского работника становится необходимым для успеха работы знать опыт, полученный уже его предшественниками. Самообучение управлению государством, которое происходит путем участия всех рабочих в советах, оказывается недостаточным. Этот опыт необходимо собрать, систематизировать, осмыслить и сделать его достоянием всех рабочих, участвующих в советском строительстве, чтобы каждый новый слой рабочих, привлекаемый к управлению государством, не повторял ошибок своих предшественников, чтобы он учился не на своих, а на чужих, уже сделанных, уже оплаченных государством ошибках. Школа советской работы и должна служить этой цели, она уже служит ей, поскольку мы уже имеем в Республике центральную школу советской работы при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете, как школу постоянную. Скоро соответствующие школы, несомненно, создадутся в каждом губернском городе.

Что касается партийных коммунистических школ, то они в корне изменяют свой характер в период фактического перехода к коммунизму. Из школ определенной партии, опирающейся на пролетариат, из чисто-политических школ они превращаются в школы коммунистического переустройства об-

щества, следовательно, в государственные школы. В то же время они делаются военными академиями гражданской войны. Лишь благодаря этим школам пролетариат в состоянии понять смысл и объективные задачи того переворота, который он совершает полустихийно, полубессознательно, имея перед глазами лишь узко-конкретные цели и не имея возможности охватить весь процесс переустройства в целом. Партийные школы не только в состоянии научно объяснить пролетариату природу и конечную цель его революции, но и учат тому, как довести эту революцию до конца в кратчайший срок с наименьшей тратой сил.

§ 84. Внешкольное образование.

Царизм сознательно держал в состоянии невежества и безграмотности большинство трудового народа России. Получив в наследство от самодержавия огромный процент безграмотных, Советская власть, естественно, должна пустить в ход самые героические меры, чтобы избавиться от этого наследства. С этой целью отделы народного просвещения открывают школы для неграмотных взрослых и принимают ряд других мер для борьбы с безграмотностью. Но, кроме использования школьного аппарата Комиссариата Просвещения, коммунистическая партия должна употреблять все меры к тому, чтобы в обучении неграмотных приняли участие массы. Этой цели должны служить советы народного образования, избираемые заинтересованными в просвещении трудящимися массами. Этим же целям служит мобилизация всех грамотных для обучения всех неграмотных. Такая мобилизация начинает проводиться в ряде мест Республики, и партия должна добиться того, чтобы она была проведена всюду по определенному плану.

Кроме борьбы с неграмотностью, Советской власти приходится тратить много сил и средств на помощь населению, главным образом взрослому населению, в деле самообразования. С этой целью организуется сеть библиотек, удовлетворяющих запросам трудового читателя, насаждаются всюду, где можно, народные дома и клубы, создаются народные университеты. Кинематограф, служивший в качестве орудия разврата населения и обогащения его владельцев, постепенно, хотя, к сожалению, крайне медленно, превращается в сильнейшее орудие просвещения масс и воспитания их в духе социализма. Всякого рода курсы, общедоступные и бесплат-

ные лекции и проч., благодаря сокращению рабочего дня, делаются достоянием всех трудящихся. В будущем огромное значение для целей образовательных должны приобрести планомерно организованные экскурсии трудящихся в отпускное время с целью ознакомления с своей страной и различным странами мира. Для общения между трудящимся всех стран эти экскурсии сыграют в будущем огромную роль.

§ 85. Новые работники просвещения.

Школьные реформы удались Советской власти в большей мере, чем реформы или постройки заново в других областях. Объясняется это не только тем, что Советское государство тратит на народное образование несравненно большую часть своего бюджета, чем самое передовое из буржуазных государств. Осуществление идеи единой трудовой школы было уже в значительной мере подготовлено передовыми педагогами буржуазного общества. Лучшей части педагогов России пришлось при советском режиме осуществлять отчасти то, что они считали вообще необходимым провести с чисто-педагогической точки зрения. В числе школьных работников, перешедших к Советской власти от буржуазно-помещичьего режима, оказался ряд таких, которые были и остаются противниками пролетарской революции вообще, но которые являются сторонниками произведенной пролетариатом революции в школьном деле.

Это благоприятное обстоятельство, однако, нисколько не уменьшает потребности пролетарского государства в настоящих коммунистических школьных работниках. Число коммунистов среди учителей, как и среди всех вообще специалистов, составляет незначительное меньшинство. Число противников коммунизма значительно больше. Больше же всего чиновнически настроенных работников, готовых служить всякому режиму, руководствуясь всякими программами, но ближе всего той, которой руководились отцы и деды. В связи с этим перед коммунистической партией стоит задача двух родов: с одной стороны, мобилизовать все лучшие элементы учительской среды и путем усиленной работы среди них создать из них кадры коммунистических работников; с другой стороны, создавать совершенно новые кадры работников просвещения из молодежи, с самого начала воспитываемой в духе коммунизма вообще и в духе коммунистической школьной программы в частности.

§ 86. Сокровища искусства и науки для трудящихся.

При капиталистическом строе талант рассматривается, как собственность его непосредственного обладателя и как орудие обогащения. Продукт деятельности таланта представляет из себя в этом обществе товар, который может быть продан за ту или иную цену, и таким образом может стать собственностью каждого, кто больше заплатит. Работа гения, имеющая огромное общественное значение и по сути дела представляющая из себя коллективное творчество, может быть куплена каким-либо Колупаевым из русских или американцем Морганом, и может быть с одинаковым правом или изменена, или уничтожена. Если бы знаменитый московский купец Третьяков в один прекрасный момент вздумал спалить свою картинную галлерею вместо того, чтобы отдать ее городу Москве, то по законам буржуазного общества его нельзя было бы привлечь к ответственности. В результате купли-продажи произведений искусства, редкостных книг, манускриптов и т. д. огромное количество их оказалось недоступным для ознакомления широких слоев общества, составляя привилегию класса эксплоататоров.

Советская Республика объявляет общественным достоянием все произведения искусства, коллекции и проч. и уничтожает всяческие преграды для общественного пользования ими. Этой же цели служат все распоряжения, направленные к изъятию из частной собственности больших книжных хранилищ, которые также превращаются, благодаря этому, в общественное достояние.

Коммунистическая партия должна добиваться того, чтобы государственная власть еще дальше пошла по этому пути. При крайнем недостатке книг и невозможности быстро развить широкое издательство и переиздательство их, необходимо еще дальнейшее ограничение частной собственности в этой области и сосредоточение книг в общественных библиотеках, школах и проч.

Кроме того, в интересах просвещения и в интересах предоставления самым широким массам возможности использовать для себя театр, проводится национализация всех театров, чем косвенным образом достигается социализация таланта в области сцены, музыки и вокального искусства.

Таким путем постепенно все произведения науки и искусства, созданные на почве эксплоатации трудящихся масс, на их спинах, за их счет, возвращаются снова их действительным владельцам.

§ 87. Государственная пропаганда коммунизма.

Когда разрушается буржуазный строй и начинает на его обломках складываться новое коммунистическое общество, пропаганда идей коммунизма не может остаться уделом одной лишь коммунистической партии и вестись лишь на ее скромные средства. Коммунистическая пропаганда делается необходимой для всего преобразующегося общества, она должна ускорить этот неизбежный процесс, она должна строителям нового, делающим это дело часто бессознательно, раскрывать смысл их собственных усилий и работы. Поэтому не только пролетарская школа, но и весь вообще механизм пролетарского государства должен служить делу коммунистической пропаганды. Эта пропаганда должна вестись в армии военно-политическими организациями, она должна вестись всеми советскими органами.

Сильнейшим орудием государственной пропаганды коммунизма является Государственное Издательство. Национализация всех запасов бумаги и всех типографий дает возможность пролетарскому государству, при огромном недостатке бумаги, издавать в миллионах экземпляров то, что наиболее необходимо массам в переживаемый момент. В результате все, печатаемое Государственным Издательством, делается доступным массам не только по самым дешевым ценам, но постепенно и книги, и брошюры, и газеты, и плакаты начинают поступать в распоряжение масс совершенно бесплатно. Государственная пропаганда коммунизма превращается в конце-концов в средство уничтожения всяких следов буржуазной пропаганды предыдущего периода, отравлявшего познания трудящихся, и в могучее орудие создания новой идеологии, новых навыков мыслей, нового миропонимания у работников социалистического общества.

§ 88. Народное просвещение при царизме и при Советской власти.

Было израсходовано государством на народное просвещение:

	1891 г.	22.810.260	рублей.
	1911 „	27.883.000	„
	1916 „	195.624.000	„
	1917 „	339.831.687	„
	1918 „	2.914.082.124	„
1-е полугодие	1919 „	3.888.000.000	„

Таким образом, переход власти к пролетариату сразу привел к увеличению расходов на народное образование почти в девять раз.

В 1917 году насчитывалось низших школ к 1 сент. 38.387 (по 26 губерн.).

В школьный период 1917—1918 годов школ 1-й ступени—52.274, учащихся—4.138.982.

В учебный период 1918—1919 г.г.—приблизительно 62.238.

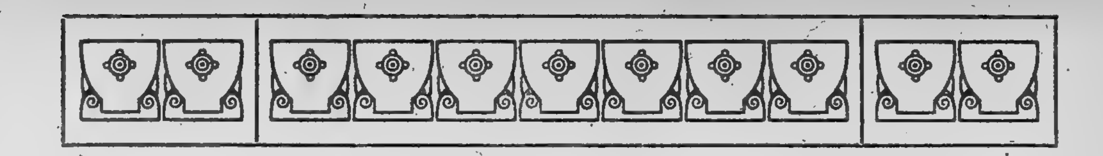
В то же время школ 2-й ступени было в 1917—1918 г.г.—1.830, в 1918—1919 г.г.—3.783.

Дошкольного воспитания при царизме не было совсем. Советской власти пришлось организовывать дело заново. Несмотря на ряд неблагоприятных условий, по 1-е октября 1919 г. по 31 губернии насчитывалось детских садов, площадок, очагов 2.615, в них детей 155.443. Всего обслуживается пока около 2,5% детей в возрасте от 3 до 5 лет. Но уже в городах обслуживается 10,1% детей, и эта цифра непрерывно повышается.

Литература по вопросу о трудовой школе: 1) „Положение о Единой трудовой школе Российской Социал. Федер. Республики" (1918 г., изд. В. Ц. И. К., ц. 60 к.); 2) „Единая трудовая школа"— доклад В. М. Познера (1919 г., изд. В. Ц. И. К.); 3) „Трудовая Школа. Бюллетени Отдела Народн. Просв. М. С. Р. Д."; 4) Блонский: „Школа и рабочий класс"; 5) Блонский: „Трудовая школа", чч. I и II; 6) Левитин: „Трудовая школа"; 7) Левитин: „Интернациональные проблемы социальн. педагогики (Р. Зейдель, Г. Кершенштейнер. и др.)"; 8) Крупская: „Народное образование и демократия"; 9) Дюи: „Школа и общество"; 10) Шаррельман: „Трудовая школа"; 11) он же: „В лаборатории народн. учителя"; 12) Гансберг: „Педагогика"; 13) он же: „Творческая работа в школе"; 14) „Еженедельник Народн. Комисс. по Просвещ. „Народное Просвещение" (выходило сначала, как приложение к „Известиям В. Ц. И. К.", а начиная с 18 номера —самостоятельно (последний номер 51- 52). В „Еженедельнике" помещен целый ряд статей по трудовой школе. 15) Протоколы 1-го Всероссийского Съезда по просвещению (изд. Отдела Съездов Наркомпроса, 1919 г.).

Из некоммунистической литературы можно указать:

Кершенштейнер: „Понятия трудовой школы"; он же: „Трудовая школа" (изд. 4-е „Задруги", М. 1918 г.); Гурлитт: „Проблемы всеобщей единой школы" (Гос. Изд.); Ферьер: „В новой школе", изд. Горб.-Пос.; Ветекамп: „Самодеятельность и творчество", изд. Горб.-Пос.; Шульц: „Школьная реформа социал-демократии" (Гос. Изд.); Федоров-Гартвиг: „Трудовая школа и коллективизм", М. 1918 г. (изд. „Нар. Учит."). Е. Н. Янжул: „Трудовое начало в школах Европы", М. 1918 г. (изд. „Нар. Учит."); Шацкий: „Бодрая жизнь". Мюнх: „Будущая школа".



ГЛАВА XI.

Религия и коммунизм.

§ 89. Почему религия и коммунизм несовместимы. § 90. Отделение церкви от государства. § 91. Отделение школы от церкви. § 92. Борьба с религиозными предрассудками масс.

§ 89. Почему религия и коммунизм несовместимы.

„Религия есть опиум народа", сказал К. Маркс. Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы сделать эту истину понятной самым широким кругам трудящихся масс. Задача партии состоит в том, чтобы все трудящиеся массы, до самых отсталых, твердо усвоили ту истину, что религия являлась прежде и продолжает быть и до сих пор одним из могущественнейших орудий в руках угнетателей в деле поддержания неравенства, эксплоатации и рабской покорности трудящихся.

Некоторые плохонькие коммунисты рассуждают так: „мне религия не мешает быть коммунистом,—я одинаково верю и в Бога, и в коммунизм. Моя вера в Бога не мешает мне бороться за дело пролетарской революции".

Такое рассуждение в корне неверно. Религия и коммунизм несовместимы ни теоретически, ни практически.

Всякий коммунист должен смотреть на общественные явления (отношения между людьми, революции, войны и проч.), как на нечто такое, что совершается по определенным законам. Законы общественного развития как раз с наибольшей полнотой и устанавливает научный коммунизм благодаря теории исторического материализма, созданной нашими великими учителями, К. Марксом и Фридрихом Энгельсом. Согласно этой теории никакие сверхъестественные силы не оказывают действия на общественное развитие. Мало этого. Та же теория устанавливает, что самое понятие о Боге

и потусторонних силах появилось на определенной ступени человеческой истории и на определенной ступени начинает исчезать, как представление детское, не подтверждающееся практикой жизни и борьбы человека с природой. И только потому, что грабительским классам выгодно поддерживать невежество народа и его детскую веру в чудесное (а ключи от этого чудесного держать у себя в кармане), религиозные предрассудки оказываются очень живучими и смущают даже очень умных людей.

Сверхъестественные силы не влияют также на изменения и во всей природе в целом. Человек достиг огромных успехов в борьбе с природой, воздействует на нее в своих интересах и управляет ее силами не благодаря вере в Бога и его помощь, а несмотря на эту веру и благодаря тому, что на практике во всех серьезных делах всегда является атеистом. Научный коммунизм в своем понимании всех явлений природы опирается на данные естественных наук, которые находятся в самой непримиримой вражде со всякими религиозными выдумками.

Но коммунизм несовместим с религиозной верой и на практике. Тактика коммунистической партии предписывает своим членам определенный образ действий. Мораль каждой из религий также предписывает верующим определенное поведение (например, христианская мораль: „если кто ударит тебя по одной щеке, подставь другую“). Между директивами коммунистической тактики и заповедями религии в огромном большинстве оказывается непримиримое противоречие. Коммунист, отбрасывающий заповеди религии и действующий по предписаниям партии, перестает быть верующим. Верующий и называющий себя коммунистом, нарушающий предписания партии во имя заповедей религии, перестает быть коммунистом.

Борьба с религией имеет две стороны, которые строго надо различать каждому коммунисту. Во-первых, борьба с церковью, как особой организацией религиозной пропаганды, материально заинтересованной в народной темноте и религиозном рабстве. Во-вторых, борьба с широко распространенными и глубоко укоренившимися религиозными предрассудками большинства трудящихся масс.

§ 90. Отделение церкви от государства.

По христианскому катехизису церковь есть общество верующих, объединенных одной верой, таинствами и т. д. Для коммуниста церковь — это общество людей, объединенных

определенными источниками дохода за счет верующих, за счет их невежества и темноты. Общество, связанное с обществами других эксплоататоров, как помещики, капиталисты, связанное с их государством, помогающее ему в угнетении трудящихся и в свою очередь от него получающее помощь и поддержку. Связь между церковью и государством очень давнего происхождения. Особенно тесно была связана церковь с феодально-помещичьим государством. Это и понятно, если вспомнить, что самодержавно-дворянское государство опиралось на крупное землевладение, а церковь представляла из себя также крупного землевладельца, обладавшего миллионами десятин земли. Обе эти силы неизбежно должны были объединиться для общей борьбы с трудящимися массами и своим союзом закрепить свое господство над ними. В период борьбы городской буржуазии с дворянством буржуазия одно время яростно нападала на церковь, как на владельца земель, которые буржуазия хотела прибрать к рукам, как на собственника и потребителя доходов, собираемых с трудящихся,— доходов, на которые заявляла претензии та же буржуазия. Эта борьба в одних странах была очень резкой (Франция), в других более мягкой (Англия, Германия, Россия). Поэтому требование отделения церкви от государства (что на деле означало переход к буржуазии средств, которые государство тратило на церковь) было выставлено уже либеральной буржуазией и буржуазной демократией. Но это требование нигде не было осуществлено буржуазией. Причина та, что всюду начала усиливаться борьба рабочего класса с капиталистами, и буржуазии стало невыгодно бросаться лишним союзником. Она сочла более выгодным помириться с церковью, купить ее молитвы для борьбы с социализмом, использовать ее влияние на темные массы для поддержания в них чувства рабской покорности по отношению к эксплоататорскому государству („несть власти, аще не от Бога").

То, чего не доделала буржуазия в борьбе с церковью, довело до конца пролетарское государство. Одним из первых декретов Советской власти в России был декрет об отделении церкви от государства. У церкви были отняты все земли и переданы трудящимся, и все ее капиталы сделались достоянием трудового народа. От церкви были отняты все доходы, которые она получала от царизма и продолжала благополучно получать в эпоху правительства „социалиста" Керенского. Религия была объявлена личным делом каждого гражданина. В то же время Советская власть отвергла всякую мысль использовать церковь для укрепления пролетарского господства в каких бы то ни было формах.

§ 91. Отделение школы от церкви.

Соединение религиозной пропаганды со школьным обучением является вторым могучим орудием в руках духовенства для укрепления господства церкви и ее влияния на массы. В руки попов отдается здесь будущее человечества, его молодежь. При царизме поддержание религиозного фанатизма, тупости и невежества считалось делом государственной важности. Закон божий был важнейшим предметом преподавания в школе. И в школе самодержавие поддерживало церковь, а церковь—самодержавие. Кроме обязательности закона божия в школах и обязательности посещения богослужений, церковь добилась еще большего. Она начала забирать все народное просвещение в свои руки, и с этой целью вся Россия была покрыта сетью церковно-приходских школ.

Благодаря сожительству школы и церкви молодежь с самого раннего возраста оказывается или во власти религиозных суеверий, или в состоянии полной невозможности выработать сколько-нибудь целостное миросозерцание. На один и тот же вопрос (например, о происхождении земли) религия и наука дают различные ответы, и восприимчивый ум школьника превращается в поле битвы между точным знанием и грубыми выдумками мракобесов.

Во многих странах молодежь воспитывается не только в духе преданности существующему режиму, но нередко в духе преданности уже свергнутому самодержавно-церковно-дворянскому строю, как, например, во Франции. Такая пропаганда является контр-революционной даже с точки зрения буржуазного государства.

Буржуазный либерализм также выставлял в своих программах требование отделения школы от церкви. Он боролся за замену закона божия в школах преподаванием буржуазной морали и за закрытие школ, организованных религиозными обществами и монастырями. Но нигде и эта борьба не была доведена до конца. Пример—Франция, где все буржуазные министерства на протяжении двадцати лет торжественно обещали распустить все конгрегации (религиозные католические общества), конфисковать их капиталы, запретить им школьное преподавание, а кончали примирением и компромиссами с католическим духовенством. Яркий пример подобного соглашательства религии с церковью дал недавно Клемансо, бывший в свое время ярым врагом церкви и закончивший призывом забыть вражду и лично сам раздававший представителям католического духовенства ордена за патриотизм. В борьбе за эксплоатацию других стран (война с Германией), в борьбе внутри с рабочим классом буржуазное государство и церковь уже вошли в сделку и взаимно помогают друг другу.

Это примирение буржуазии с церковью выражается не только в том,

что буржуазия кладет под сукно свои старые боевые лозунги, направленные против религии, и прекращает с нею борьбу. Этого мало. Сама буржуазия чем дальше, тем больше делается „верующим классом". Прадеды современного европейского буржуа были атеистами, вольнодумцами, ярыми врагами попов и поповщины. Дети и отцы сделали шаг назад. Оставаясь сами атеистами, не веруя сами в религиозные выдумки и подсмеиваясь над ними в кулак, они находили, однако, необходимым сохранить эти выдумки, сохранить религиозную узду для народа. Наконец, их современные сынки не только считают религиозную узду необходимой для народа, но и надевают ее уже и на самих себя. На наших глазах после октябрьской революции былой либеральный буржуа и буржуазный интеллигент валом повалили в церковь и с умилением поклоняются тому, над чем в лучшие времена издевательски смеялись. Такова судьба всех умирающих классов, которым ничего другого не остается, как искать „утешения" в религии.

Такой же сдвиг в пользу религии наблюдается среди буржуазии Европы, пока еще не лишившейся власти. Но если буржуазный класс начинает верить в Бога и бессмертие на небе, это значит лишь, что он чувствует, что пришел его смертный час здесь, на земле.

Отделение школы от церкви вызвало и продолжает вызывать протесты со стороны наиболее отсталых элементов рабочих и крестьян. Многие из родителей продолжают настаивать на том, чтобы преподавание „закона божия" было допущено в школе для желающих в качестве необязательного предмета. Против подобных попыток своротить назад коммунистическая партия ведет самую решительную борьбу. Допустить уроки церковного мракобесия в школе, хотя бы и в качестве необязательного предмета,—это значит оказать государственную поддержку укреплению религиозных предрассудков. Церковь получит тогда в свое распоряжение готовую аудиторию из детей (собираемых в школе как раз с целью, противоположной задачам религии), она получит в свое распоряжение принадлежащее государству помещение и благодаря этому будет в состоянии распространять религиозную отраву среди молодежи почти в тех же размерах, что и до отделения школы от церкви.

Декрет об отделении школы от церкви должен остаться во всей силе, и пролетарское государство не должно идти ни на какие уступки средневековью. То, что сделано в этой области, еще слишком мало, и у невежественных родителей еще остается полная возможность калечить ум своих детей религиозными баснями. Советская власть допускает свободу совести для взрослых. Но эта свобода совести для родителей превращается в свободу для них отравлять ум своих детей тем же самым опиумом, каким их раньше отравила церковь. Родители навязывают своим детям собственное тупоумие, невежество, выдают за истину всякую галиматью и страшно затрудняют работу единой трудовой школы. Освобождение

детей от реакционных влияний их родителей составляет важную задачу пролетарского государства. Радикальное средство—общественное воспитание детей, проведенное в полном объеме. Но на ближайшее время необходимо, чтобы мы не ограничивались изгнанием религиозной пропаганды из школы, но чтобы школа перешла в наступление против религиозной пропаганды в семье и заранее делала нечувствительным сознание детей ко всем тем религиозным сказкам, которым продолжают верить и продолжают выдавать за быль очень взрослые люди.

§ 92. Борьба с религиозными предрассудками масс.

Если отделение церкви от государства и школы от церкви пролетарская власть осуществила сравнительно легко и почти безболезненно, то несравненно более трудным делом является борьба с религиозными предрассудками, уже пустившими глубокие корни в сознании масс и обнаруживающими огромную живучесть. Эта борьба будет долгой, она требует большой выдержки и терпения. В нашей программе по этому поводу говорится: „Р. К. П. руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности массы повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков“. Что означают эти слова?

Религиозная пропаганда, вера в Бога и всякие сверхъестественные силы находят для себя наиболее благоприятную почву там, где сознание масс всей обстановкой общественной жизни толкается на путь сверхъестественных объяснений окружающих явлений в природе и обществе. Обстановка капиталистического способа производства как раз очень способствует всему этому. В буржуазном обществе производство и обмен продуктов налаживаются не сознательно, по определенному плану, а стихийно. Рынок царит над производителем. Никто не знает, произведено ли товаров в излишке или слишком мало. Производителям неясно, как работает весь огромный и сложный механизм капиталистического производства; почему вдруг начинаются кризисы и безработица; почему то повышаются, то понижаются цены на товары и т. д. Не умея объяснить себе настоящую причину происходящих общественных изменений, рядовой работник обращается к „воле божией“, которая все может объяснить.

Наоборот, в организованном коммунистическом обществе в области производства и распределения для трудящихся не

будет никаких тайн. Каждый работник не только будет исполнять порученную ему часть общественной работы, но он сам же будет участвовать в выработке общего плана производства и, по крайней мере, будет иметь о нем вполне ясное представление. Ничего таинственного, непонятного, неожиданного не будет во всем механизме общественного производства, и для мистических объяснений и суеверий не будет никакой почвы. Как для столяра, который сам сработал стол, ясно, откуда этот стол появился, и не требуется искать на небе его создателя, так и для всех трудящихся коммунистического общества будет ясно, что и как они создают своими коллективными усилиями.

Поэтому же самый факт организации и укрепления социалистического строя наносит религии непоправимый удар. Переход же от социализма к коммунизму, т.-е. от общества, которое добивает капитализм, к обществу, вполне свободному от всяких следов классового деления и классовой борьбы, приведет к естественной смерти всякую религию и всякое суеверие.

Но все это отнюдь не значит, что мы можем успокоиться, предсказав гибель религии в будущем.

С религиозными предрассудками серьезнейшая борьба должна вестись особенно сильно именно теперь, когда церковь выступает в качестве контр-революционной организации, стремящейся использовать свое религиозное влияние на массы для вовлечения этих масс в политическую борьбу с диктатурой пролетариата. Православная вера, защищаемая попами, тянет на союз с монархией. Поэтому уже теперь Советской власти необходимо развить самую широкую антирелигиозную пропаганду. Это достигается как чтением специальных лекций, устройством диспутов и изданием соответствующей литературы, так и общим распространением научных знаний, которые исподволь, медленно, но верно подрывают всякий авторитет религии. Хорошим орудием в борьбе с церковью оказалось недавно произведенное во многих пунктах Республики вскрытие „нетленных“ мощей, обнаружившее перед самыми широкими и притом верующими массами весь тот низкий обман, на котором покоится всякая религия вообще, а русское православие в частности.

Но борьба с религиозной отсталостью масс должна вестись не только со всей энергией и настойчивостью, но и с должным терпением и осторожностью. Верующая масса является очень чуткой ко всякому оскорблению ее чувств, и насильственное внедрение атеизма в массы, соединенное с насилиями и издевательствами над религиозными обрядами и предметами

культа, не ускоряет, а задерживает борьбу с религией. Церковь, в качестве гонимой, начинает пользоваться еще большим сочувствием масс и пробуждает в них уже давно забытые связи между религией и защитой национальной свободы, усиливает антисемитизм и вообще мобилизует все пережитки уже наполовину отмершей идеологии.

Приведем некоторые цифры, указывающие, как царское правительство поддерживало за народные деньги церковь, как эту же церковь поддерживал и сам народ, опустошая свои тощие карманы, и какие богатства скопились у служителей Христа.

Ежегодно в среднем царское правительство отпускало церкви через Синод и другими путями до 50 миллионов рублей (т.-е. в сто раз больше на нынешний рубль). У Синода хранилось в банках до 70 миллионов; церкви и монастыри имели большие площади земель. В 1905 году у церквей было 1.872.000 десятин, у монастырей—740.000 десятин. Шесть богатейших монастырей имели 182.000 десятин. Соловецкий монастырь имел 66 тысяч десятин, Саровская пустынь—26 тысяч, Александро-Невская лавра—25 тысяч и т. д. В Петербурге в 1903 году церквам и монастырям принадлежало 266 доходных владений в виде домов, лавок, земель под постройками и т. д. В Москве было 1.054 доходных дома, не считая 32 гостиниц. В Киеве церквам принадлежало 114 домов. А вот еще евангельские доходы митрополитов и архиепископов. Петербургский митрополит получал 300.000 рублей в год, московский и киевский—по 100.000 руб., новгородский архиепископ — 310.000 рублей. Церковных школ насчитывалось до 30.000, учащихся в них—до 1 миллиона. В низших школах министерства просвещения „работало“ свыше 20.000 законоучителей.

Как известно, царское самодержавие поддерживало православную церковь, как господствующую, как единственно истинную. Десятки миллионов рублей собирались в виде налогов с мусульман (татары, башкиры), католиков (поляки), евреев, и на эти деньги православное духовенство доказывало ложность всякой иной веры, кроме православной. Религиозное угнетение при царизме достигало самых диких размеров. А между тем по религиям население России распадалось так: на каждые 100 человек католиков 9, магометан 11, протестантов 5, иудеев 4, прочих 1.

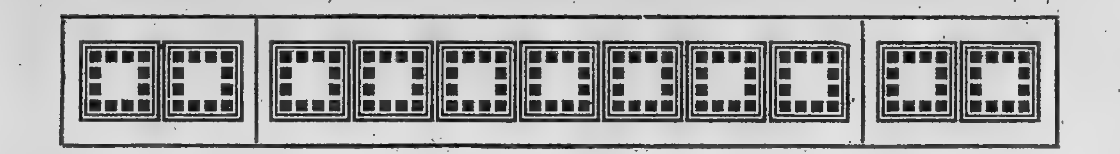
Что же касается армии самого провославного духовенства, то она достигала в 1909 году следующих размеров:

При 52.869 церквах России состояло:	
протоиереев	2.912
священников	46.730
диаконов	14.670
псаломщиков	43.518
При 455 монастырях мужск.:	
монахов	9.987
послушников	9.582
При 418 монастырях женских:	
монахинь	14.008
послушниц	46.811
Итого белого и черного духовенства в России	188.218

Это число одного лишь православного духовенства. Но этот паразитический слой имеется у всех народов, исповедующих другие религии. Вся эта масса, вместо того, чтобы получать огромные деньги от населения за поддержание народного невежества, могла бы, наоборот, создавать огромное количество ценностей физическим трудом. Социалистическое государство с усовершенствованием своего хозяйственного аппарата проведет трудовую повинность для духовенства и других непроизводительных классов, обратив их в рабочих или крестьян.

Из государственных средств, отпускавшихся церкви при царе, более 12.000.000 в год шло городскому и сельскому духовенству (понятно, почему духовные отцы против отделения церкви от государства, что равносильно отделению от их кармана десятков миллионов рублей). Но это—лишь часть доходов духовенства: гораздо большая часть этих доходов получалась от плат за требы, от аренды земель, от процентов с церковных капиталов. Точной цифры доходов духовенства не удавалось установить в России никому. Приблизительно годовой доход духовенства исчислялся до 150.000.000 рублей, т.-е. на наши теперешние деньги в 100 раз больше. Огромную часть этих доходов духовенство продолжает получать с народа и по сие время.

Литература. Кильчевский: „Богатства и доходы духовенства“. Н. М. Лукин (И. Антонов): „Церковь и государство“; Мельгунов: „Церковь и государство в переходное время“; С. Минин: „Религия и коммунизм“; И. Степанов: „Происхождение нашего Бога“; И. Степанов: „Духовенство, его доходы, его молитвы и проклятья“; Г. Кунов: „Происхождение религии и веры в Бога“; К. Каутский: „Происхождение первобытной библейской истории“; К. Каутский: „Античный мир, иудейство и христианство“; К. Каутский: „Католическая церковь и социал-демократия“; А. Бебель: „Христианство и социализм“; Штампфер и Вандервельде: „Социал-демократия и религия“; Лафарг: „Происхождение религиозных верований“; С. Данилов: „Черное воинство“; Р. Кальвер: „Социал-демократия и христианство“; Н. Бухарин: „Церковь и школа в Советской Республике“; Я. Буров: „Что означает закон о свободе совести“; П. Лафарг: „Миф о непорочном зачатии“; Никольский: „Иисус и первые христианские общины“; Виппер: „Возникновение христианства“; Покровский: „Русская история“ (статья Никольского); Д. Бедный: „Отцы духовные“.



ГЛАВА XII.

Организация промышленности.

§ 93. Экспроприация буржуазии и пролетарская национализация крупной промышленности. § 94. Наша цель—развитие производительных сил. § 95. Планомерная организация хозяйства. § 96. Расширение экономич. сотрудничества с другими странами. § 97. Организация мелкой промышленности, ремесла и кустарничества. § 98. Организация промышленности и профессиональные союзы. § 99. Использование рабочей силы. § 100. Товарищеская трудовая дисциплина. § 101. Использование буржуазных специалистов. § 102. Слияние производства с наукой.

§ 93. Экспроприация буржуазии и пролетарская национализация крупной промышленности.

Первейшей задачей пролетариата и Советской власти, как органа пролетарской диктатуры, было отнять у буржуазии средства производства, или, как говорят, экспроприировать буржуазию. Само собой разумеется, что речь шла не об экспроприации мелкого производства и не об экспроприации ремесла, а о том, чтобы отнять средства производства у крупной буржуазии и поставить крупную промышленность на новые рельсы, организовать ее по-новому. В какой форме могла Советская власть сделать это? Мы уже говорили в первой части, что пролетариат нуждается не в дележке фабрик и заводов и не в разграблении их, а в организации общественного товарищеского производства. Понятно, что в эпоху пролетарской диктатуры это возможно сделать только одним путем: только путем пролетарской национализации, т.-е. передачи всех средств производства и обращения в руки пролетарского государства, самой большой и самой крупной организации рабочего класса.

Нельзя никоим образом смешивать национализацию производства при господстве буржуазии и при господстве про-

летариата. Национализация—это значит: переход в руки государства. Но ничего не понимает в сути дела тот, кто говорит только и исключительно о государстве и не спрашивает, о государстве *какого класса* идет речь. Когда господствующим классом является буржуазия и когда эта буржуазия национализирует свои тресты и синдикаты, никакой экспроприации буржуазии вовсе и не происходит. Здесь буржуазия просто перекладывает свое добро из одного своего кармана в другой. Она передает все *своему*, хозяйскому государству. Эксплоататором рабочего класса является попрежнему она, буржуазия. Рабочий класс попрежнему работает не на себя, а на своего классового врага. Такая национализация есть буржуазная национализация. Она производит на свет божий порядок, о котором мы говорили в первой части книги, а именно *государственный капитализм*. Совсем другой коленкор получается, когда происходит национализация при господстве *пролетарской* власти. Тогда фабрики, заводы, средства транспорта и проч. переходят к пролетарской власти, то-есть к организации не хозяев, а рабочих. Здесь поэтому совершается в действительности *экспроприация буржуазии*: она действительно лишается основы своего богатства, своего господства, своей силы и своей власти. А вместе с тем уничтожаются и основы эксплоатации. Пролетарское государство не может эксплоатировать пролетариат, потому что это есть организация того же самого пролетариата. Человек не может ездить верхом на самом себе. Точно так же пролетариат не может эксплоатировать самого себя. При государственном капитализме буржуазия нисколько не теряла от того, что частные предприниматели переставали существовать отдельно, а начали *сообща* грабить публику. При пролетарской национализации рабочие отдельных заводов и фабрик точно так же нисколько не теряют от того, что они не являются самостоятельными хозяевами на своей фабрике, а что все фабрики принадлежат *всему* рабочему классу целиком, самой *крупной* рабочей организации, имя которой—Советское Государство.

Экспроприация буржуазии, которая началась тотчас же после октябрьского переворота, в целом и основном уже закончена. В пределах Советской России национализирована *вся* транспортная промышленность (жел. дороги, водный транспорт) и приблизительно около 80—90% крупной промышленности. По данным фабрично-заводского статистического отдела Высшего Совета Народного Хозяйства, к сентябрю 1919 года было национализировано в 30 губерниях 3.330 предприятий, с общим количеством в 1.012.000 рабочих

и 27.000 служащих. Эти цифры несколько преуменьшены, и есть данные, что в общем национализировано предприятий около 4 тысяч. Самые крупные из 3.330 предприятий, о которых шла речь, действуют. Это видно из таких данных. Действующих предприятий к сентябрю 1919 г. было 1.375; из них относительно 1.258 было известно, что в них занято 782.000 рабочих и 26.000 служащих. Из миллиона рабочих почти восемьсот тысяч работают наверное, несмотря на невероятно тяжелые условия промышленности. Закрытых предприятий—691, с 170 тысячами рабочих; не установлено положение на 1.248 предприятиях, с 57.000 рабочих (т.-е. речь здесь идет о предприятиях значительно более мелких).

Национализированные предприятия к осени 1919 года распределялись между такими отраслями, объединенными своими центральными органами управления („главками" и „центрами"):

I. Добывающая промышленность (во главе—Горный Совет):

1. Главуголь (Главное управление угольной промышленностью).
2. Главруда.
3. Главнефть.
4. Главторф.
5. Главсланец.
6. Главсоль.
7. Главзолото.

II. Металлическая промышленность (во главе Отдел металлов В. С. Н. Х.):

1. Гомза (Госуд. машиностр. заводы).
2. Главкоавио.
3. Центромедь.
4. Главгвоздь.
5. Автозаводы.
6. Группа мальцевских заводов.
7. „ калужско-рязанских заводов.
8. Подольские заводы.

III. Электрическая промышленность („Огэп" — „объедин. госуд. электр. предпр.").

IV. Текстильная промышленность („Главтекстиль").

V. Химическая промышленность (во главе—Отдел хим. пром. В. С. Н. Х.):

1. Химоснов.
2. Главанил.
3. Центролак.
4. Главфармазав.
5. Главспички.
6. Главстекло.
7. Главстром.
8. Центроцемент.
9. Центрошифер.
10. Центрошамот.
11. Главкож.
12. Главмех.
13. Центрощетина.

14. Главкость.
15. Центрожир.
16. Главбум.
17. Главрезина.
18. Химдревправление.
19. Главрасмасло.
20. Центроспирт.
21. Главтабак.
22. Главкрахмал.
23. Главсахар.

VI. Обработка пищевых веществ (Отдел обраб. пищ. вещ. В. С. Н. Х.):
1. Главмука.
2. Главкондитер.
3. Центрочай.
4. Центромолоко.
5. Главконсерв.
6. Центрохолодильник.

VII. Деревообделочная пром. и заготовка лесных матерьялов (Главлеском).

VIII. Полиграфические производства (полиграф. отдел В. С. Н. Х.).

IX. „Центральная автосекция“ (сборка и ремонт автомобилей).

X. „Центрошвей“ (мелкие портняжные мастерские и т. д.).

XI. Утилизация отбросов и т. д. (Центроутиль).

XII. Водный транспорт („Главод“—главн. управл. водн. транспортом).

XIII. Строит. промышленность и производство прочих сооружений (Комитет Госуд. Сооружений).

XIV. Военные заготовки (отдел военных заготовок—„Центровоензаг“).

XV. Перевозка, разгрузка и хранение грузов В. С. Н. Х. („Трамот“ — транспортно-матерьяльный отдел В. С. Н. Х.).

Законченная в основном, экспроприация буржуазии должна быть доведена до конца. Такова первая задача, которую должна выполнить наша партия. При этом нужно помнить, что мы не экспроприируем мелкой собственности. Ее „национализация“ абсолютно недопустима, во-первых, потому, что мы бы сами не могли организовать раздробленное мелкое производство, а, во-вторых, потому, что коммунистическая партия не хочет и не должна обижать многомиллионных мелких хозяйчиков. Их переход к социализму должен будет совершаться добровольно, ими самими, а не путем их насильственной экспроприации. В особенности это нужно помнить в районах с мелким производством.

Итак, довести национализацию до конца—это первое наше требование к самим себе.

§ 94. Наша цель—развите производительных сил.

В основу всей нашей политики должно быть положено всемерное развитие производительных сил. Разруха

так велика, послевоенный голод на все продукты настолько чувствителен, что этой задаче должно быть подчинено все. Больше продукта! Больше сапог, кос, бочек, тканей, соли, платья, хлеба и т. д.,—вот что является основным. Как это можно сделать? Только увеличением производительных сил страны, поднятием производства. Никакого другого выхода нет. Тут перед нами одно громаднейшее затруднение: это наскок на нас со стороны мировой контр-революции, который заставляет нас отбиваться, который отнимает у нас и живую рабочую силу, и средства. Отвоевать нефть и уголь у помещиков и капиталистов—раз. Правильно поставить дело производства—два. Это нам нужно до зарезу. Пока рабочий класс не был хозяином всей страны, не его была забота. Теперь рабочий класс стоит у власти. Он—хозяин всего. Он отвечает за судьбу страны, и на его плечах лежит сейчас вся тяжесть задачи: вывести Советскую Республику из трясины голода, холода и разрухи. До того, как рабочий класс стал у власти, его главная задача состояла в том, чтобы разрушить старый порядок. Теперь его главная задача в том, чтобы построить новый. Раньше буржуазия должна была организовывать производство, теперь—сам пролетариат. И понятно, что в дни величайшей разрухи все помыслы пролетариата в этой области должны сосредоточиться на том, чтобы организовать промышленность и поднять производство. Поднять производство—это значит увеличить успешность труда, производить больше продуктов, лучше делать работу во всех учреждениях, получать за день больший результат. Теперь прошло время хороших фраз—настало время трудного дела. Наша задача не в том теперь, чтобы завоевывать в Москве или в Питере какие-либо права: рабочий класс держит их в своих руках и обороняет их на фронте. Наш задача в том, чтобы увеличить число гвоздей, железных подков, плугов, замков, машин, шинелей. Вот что нужно теперь, чтобы не помереть с голоду после военной разрухи, чтобы одеться, чтобы оправиться с силами, чтобы пойти быстрее по пути строительства новой жизни.

Вопрос о поднятии производства сводится к таким вопросам: о том, как увеличить количество средств производства (машин, угля, сырья) и рабочих сил; о том, как правильно организовать производство (какой нужен план всего хозяйства, как нужно связать одно производство с другим, какое нужно создать управление производством, как экономнее и лучше распределить запасы сырья, как правильно распределить рабочие руки и т. д.); о том, как добиться

лучшей работы, поскольку она зависит от самих работающих (вопрос о трудовой товарищеской дисциплине, о борьбе с неряшливостью, небрежностью, разгильдяйством и т. д.); наконец, вопрос о применении к производству науки и о работе специалистов.

Все эти вопросы огромной важности. И мы теперь должны их практически, на деле, решать. И решать их не на одной фабрике и не для одной фабрики, а для целой огромной страны, где рабочего класса и полупролетариев—миллионы.

Понятно, что мы должны подходить здесь с одной точки зрения, танцовать от одной печки—поднятие производительных сил целой страны, которая строит свое хозяйство на новых основах коммунистического труда.

Наши противники—эс-эры, меньшевики, буржуа и т. д.—возражают нам, что мы—вовсе не марксисты, что наш коммунизм—это потребительный коммунизм, коммунизм дележки. Большевики, мол, снимают с буржуазии шубы, выселяют буржуазию из домов, делят предметы потребления, а не организуют производство. Эти возражения никуда не годятся. Производительные силы человеческого общества состоят из средств производства и из работников, из живых людей. Рабочий класс—это основная производительная сила. Когда разрушаются машина, орудия и т. д., это еще полбеды, потому что опытные работники могут с трудом, но восстановить все. Другое дело, когда разрушается эта живая производительная сила, когда рабочие разъезжаются по деревням, когда от холода и голода они покидают города, когда рабочий класс распадается. Тогда его нужно сохранить во что бы то ни стало. Организованная экспроприация средств потребления есть здесь условие сохранения рабочей силы. Потребительный коммунизм есть здесь условие для нашей настоящей цели, организации производства. Буржуазия всюду хочет возложить все издержки войны, все бедствия, которые возникли из-за нее, холод и т. д. на пролетариат. Пролетариат же обязан ради своего будущего взвалить тяготы послевоенного времени на буржуазию. Но основная наша линия—это, конечно, организация производства и развитие производительных сил.

§ 95. Планомерная организация хозяйства.

Эпоха разложения капитализма оставила пролетариату в наследие не только чрезвычайно малое количество производительных сил, но и полную неразбериху. Россия распалась на отдельные районы, связь разных местностей друг с другом разорвалась, сообщение между разными районами страшно затруднилось. Под влиянием революции фабриканты выпустили бразды правления из своих рук, и первоначально кое-где фабрики просто были без хозяина. Потом начался беспорядочный захват рабочими предприятий: рабочие уже не могли более ждать, и эта „национализация“ на местах началась даже несколько ранее октябрьской революции. Понятно

всякому, что это была в сущности не национализация, а простой неорганизованный захват предприятий теми рабочими, которые на этих предприятиях работали; этот захват лишь потом превращался в национализацию. Но и после октябрьского переворота национализация вначале шла очень беспорядочно. Нужно было, само собой разумеется, национализировать в первую голову самые крупные и хорошо оборудованные предприятия; но это не всегда удавалось. Часто национализировали такие предприятия, которые бросил хозяин и которые нельзя было оставлять без призора. Но часто национализировали и такие, хозяева которых особенно резко выступали против рабочих. Разумеется, что таких хозяев во время гражданской войны было весьма много; понятно также, что среди этих предприятий бывали и очень плохие, никудышные. В особенности много было их среди раздутых за время войны заводов, работавших на „оборону“, наскоро сколоченных и во время революции быстро лопавшихся. Все это создавало на первых порах еще бо́льшую неразбериху.

В первое время Советская власть и ее органы не имели даже учета того, что есть: не было ни учета предприятий, ни учета запасов сырья, топлива, товаров, ни учета производственных возможностей, то-есть того, сколько национализируемые предприятия могли бы произвести. Буржуазия умирала, но она не оставляла подробного духовного завещания пролетариату. Он „наследовал“ у нее ее богатства, отбирая их в ожесточенной гражданской войне. И понятно, что на первых порах не было и речи о том, чтобы имелся общий хозяйственный план. Старая, капиталистическая, организация расползалась; новая, социалистическая, еще не налаживалась.

А между тем одной из основных задач Советской власти являлась и является задача объединения всей хозяйственной деятельности по одному общегосударственному плану. Только при этом условии можно хотя бы поддерживать на одном уровне производительные силы страны, чтобы затем пустить их вперед. Мы уже знаем из первой части книги, что коммунистический строй тем и хорош, что он устраняет безалаберщину, „анархию“, капиталистического. Фундамент коммунистического строя нужно закладывать именно здесь. Конечно, смешно думать, что в короткий срок, при голоде, холоде, отсутствии необходимого топлива и сырья, можно быстро добиться прочных и хороших результатов. Но ведь и на фундаменте дома люди не живут, пока дома не достроят до конца и не снимут лесов; а фундамент-то закладывать нужно. Точно так же обстоит дело и со строи-

тельством коммунистического общества. Закладка его фундамента — это организация промышленности и, в первую голову, ее объединение по общегосударственному плану.

Выполнение этой задачи на практике началось с учета, то-есть с выяснения того, что имеется в распоряжении пролетарской власти: количества запасов, количества предприятий и т. д.; мало-по-малу создавалась связь между прежде отдельными предприятиями; выросли центральные органы снабжения (сырьем, топливом, необходимыми вспомогательными материалами); была создана сеть органов местного и центрального управления промышленностью, которые уже смогли и вырабатывать общий план, и проводить этот план по всей стране.

Аппарат управления промышленностью в общем, если мы будем смотреть снизу вверх, построен таким образом. Во главе каждого завода стоит рабочее заводо-управление; обыкновенно оно состоит на $^2/_3$ из рабочих, членов соответствующего профессионального союза, и на $^1/_3$—из инженеров, которые определяются туда с согласия центрального комитета этого рабочего союза; для некоторых, не особенно крупных отраслей, существуют районные управления, состоящие в связи с местными советами народного хозяйства, которые, в свою очередь, состоят в связи с местными советами рабочих депутатов; более крупные непосредственно подчинены так-называемым „главкам" и „центрам". Эти „главки" и „центры" представляют из себя объединения целых отраслей производства: напр., „Центротекстиль" ведает всей текстильной промышленностью, „Главгвоздь"—производством гвоздей, „Главуголь"—производством угля (см. их список в первом параграфе этой главы, мелкий шрифт). То, что при государственном капитализме были государственные тресты отдельных отраслей, то у нас—„главки" и „центры". Состав этих главков и центров определяется президиумом Высшего Совета Народного Хозяйства (о нем будет ниже) и центральным комитетом соответствующего профессионального союза; если здесь бывают разногласия, тогда выступает вместо этого союза Всеросс. Центр. Совет Профессиональных Союзов, который и определяет, вместе с президиумом Высовнархоза, состав такого „главка". Местные советы народного хозяйства обыкновенно организуют менее крупные предприятия.

„Главки" и „центры", в свою очередь, объединены по группам родственных отраслей. Напр., существует такое объединение „главков": „Гомза" (Госуд. Машиностроительные Заводы), Центромедь, Главзолото, Главгвоздь и т. д.

Для примера приведем группы, входящие в отдел металла:

I группа. Заводы „Сормово-Коломна" („Гомза") . . . . 17 заводов. { 1. Сормовский. 2. Коломенский. 3. В.-Выксунский. 5. Вильский. 6. Проволочный. 7. Бушуевский.
II группа. Центральные коксово-доменные и железоделат. заводы. . . . . 3 завода.
III группа. Калужско-рязанские чугуно-плав. заводы . . . . 9 заводов.
IV Мальцовские заводы . . . . 6 „
V Центромедь . . . . 10 „
VI „Автозав." . . . . 3 „
и так далее [1]).

В текстильной промышленности, во главе которой стоит „Центротекстиль", существуют еще так-называемые „кусты" (в особ. в хлопчатобумажной отрасли), где объединены предприятия, производящие полуфабрикаты различной степени обработки и готовый продукт.

В общем можно сказать, что тут далеко не все устоялось, все время возникают новые формы, отмирают старые. Иначе и не может быть во время лихорадочного строительство да еще в таких тяжелых условиях, как наши, когда у нас сегодня есть Урал, завтра его нет, сегодня нет Украины, а завтра есть.

Здесь объединены не только отдельные отрасли, но и эти отрасли связаны между собой в одно громадное целое. Натурально, что в первую голову объединяются такие отрасли, которые имеют между собой кое-что общее. Так, производство гвоздей, производство машин, производство меди и медных изделий и т. д. относятся к группе, связанной с металлом. Эта группа главков объединена в отдел металла Высшего Совета Народного Хозяйства. Таких отделов существует несколько: упомянутый отдел металла, отдел химической промышленности, отдел пищевых веществ, полиграфический и т. д. Отделы эти к осени 1919 года были по своему составу построены довольно различно. В отделе металла работал и имел влияние, главным образом, Центральный Комитет Всероссийского Союза Рабочих Металлистов: это — передовые рабочие, очень развитые, прекрасно работающие, и поэтому они смогли здесь действительно сделать многое; в других отделах хуже. Напр., в отдел химической промышленности осенью 1919 г. рабочие только-только начали входить, потому что у них не было даже общего профессионального объединения.

Все отделы подчинены Высшему Совету Народного Хозяйства (иначе „Высовнархоз"); он составляется из представителей Совета Профессиональных Союзов, Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и народ-

---

[1]) Материал взят из доклада коллегии отдела металла президиуму В. С. Н. Х. и полученного от т. Милютина.

ных комиссаров и имеет президиум, который ведет всю деловую работу. Высовнархоз, следовательно, объединяет хозяйственную деятельность всей страны. И на его обязанности лежит, в первую голову, выработка и проведение в жизнь единого общегосударственного плана.

Что рабочие сами в состоянии при надлежащей организации повысить производительность предприятий, видно из деятельности „Гомзы“, где союз металлистов имеет решающее влияние. Вот некоторые цифры:

	Было произведено:						
	Запасных частей вагон. и паров.	Бронир. военных поездов, паровозов	платформ	Вагонов, цистерн, платформ и проч., новых	отремонт.	Военн. вагонеток	Стрел. для перевода
За 2 мес. (XI—XII) 1918 г.	24.240 пуд.	2	4	477	—	148	0
За 6 мес. (I—VI) 1919 г.	94.419 „	10	19	1.181	1.040	522	7.543[1])

Время производства было втрое больше (2 и 6 месяцев), а размеры производства возросли гораздо больше, чем втрое.

При некоторой организованности, которая начала понемножку налаживаться, можно было планомернее обслуживать и дело снабжения, чем занимаются „главки“, и дело централизации производства в наилучше поставленных предприятиях. Последнее вытекает из общего плана. Ведь ясно, что выгоднее вести дело лишь в самых лучших предприятиях, сосредоточивши на их поддержку все усилия, чем бесплодно корпеть в захудалых и плохо оборудованных. Конечно, и здесь приходится считаться с общим ужасающим недостатком в топливе и сырье. Именно поэтому приходилось не раз закрывать и крупнейшие заводы и фабрики (напр., в текстильной промышленности); поэтому же мы наблюдаем еще и до сих пор идущее частичное разрушение производства. Но это зависит уже не столько от отсутствия организованности, сколько, главным образом, от отсутствия необходимых для производства вещей.

Централизация производства тем не менее идет своим чередом. Так, „Гомза“ закрыла много плохих предприятий и сосредоточила свое производство на 16 лучших заводах; электротехническая промышленность, которая была при капитализме разъединена, теперь объединена в одно целое; то же произошло и в ряде других отраслей (в табачной, в хлебопечении, в паточной, в текстильной и проч.).

Громадное значение имеет правильное и экономное использование имеющихся запасов и сил. На первых

[1]) Данные сообщены т. Лариным.

порах, как мы видели, не было даже учета того, что есть. Масса складов пропадала, запасы расхищались и утекали неизвестно куда; ни о каком правильном использовании не могло быть и речи. Но и здесь дело постепенно налаживается, хотя и с большим трудом. По крайней мере, теперь более или менее известна наличность ряда вещей.

Вот сравнительная табличка о заготовке топлива и сырья, которая одновременно показывает и некоторый прогресс в учете имеющихся ресурсов:

Название продукта.	Количество в пудах.	
	1918 года.	1919 года.
A. Заготовка топлива.		
1. Уголь подмосковн. и боровичск. район.	ок. 30 милл. пуд.	около 30 милл. пуд.
2. Дрова (заготовл. и запасы)	4 м. куб. саж.	5 милл. куб. саж.
3. Торф	58 милл. пуд.	60 милл. пуд.
4. Нефть	93 „ „	ничего (Баку у англичан).
B. Заготовка сырья и запасы сырья на складах В. С. Н. Х.		
1. Лен	неизвестно.	$5^{1}/_{2}$ милл. пуд.
2. Хлопок	—	$6^{1}/_{2}$ м. п. (считая с туркест., который теперь идет).
3. Шерсть	—	2 милл. пуд.
4. Пенька	—	2 „ „
5. Металл	30 милл. пуд.	40 милл. пуд. (считая с уральскими) [1].
6. Мех	?	?

Из таблички видно, что кое-что приводится в порядок. Видно также, что главнейшее затруднение — потеря жидкого топлива (нефти).

[1]) Данные взяты из материалов тов. Милютина.

Само собой разумеется, что эта работа по упорядочению и по организации хозяйства крайне далека от совершенства. Во многих учреждениях царит безалаберщина и путаница. Слаженности аппарата еще далеко нет. Но костяк этого аппарата уже создан. Нашей задачей является двигать вперед эту работу по всем направлениям: и в смысле объединения всей хозяйственной деятельности страны, и в смысле общего плана хозяйствования, наибольшей централизации производства, его организованности, стройности аппарата управления; и, наконец, в смысле правильного использования сырья и всех вообще материальных запасов страны.

§ 96. Расширение экономического сотрудничества с другими странами.

К вопросу об организации крупной промышленности принадлежит также и вопрос о наших сношениях с за-границей. Советская Россия окружена кольцом блокады, и это наносит ей огромный удар. Какое значение для нашей промышленности и нашего хозяйства вообще имеет перерыв экономических сношений с другими странами, видно из следующих цифр.

Привоз в Россию составлял:

Годы.	Жизненные припасы.		Сырье и полуфабрикаты.		Животные.		Изделия.		Всего.	
	Тысяч. рубл.	%	Тысяч. рубл.	%	Тысяч. рубл.	%	Тысяч. рубл.	%	Тысяч. рубл.	%
1909	182.872	100,0	442.556	100,0	7.972	100,0	272.937	100,0	906.336	100,0
1910	191.462	104,7	554.386	125,3	10.791	135,4	327.807	120,1	1.084.446	119,7
1911	206.909	113,1	553.143	125,0	10.997	137,9	390.633	143,1	1.161.682	128,2
1912	209.647	114,6	555.516	125,5	11.979	150,3	394.630	144,6	1.171.772	129,3
1913	273.898	130,1	667.989	150,9	17.615	221,0	450.532	165,1	1.374.034	151,6

Больше всего ввозилось к нам изделий фабрично-заводской промышленности, причем за 4 года (с 1909 по 1913 г.г.) ввоз их увеличился на 65 процентов. Ввоз сырья и полуобработанных материалов увеличился за то же время в полтора

раза. Таким образом, значение ввоза быстро возрастало. Ввозились машины, аппараты, железные и стальные изделия, сельскохозяйственные машины, химические продукты, электрические принадлежности и прочие средства производства в первую голову. Но и средства потребления (ткани, кожаные изделия и т. д.) ввозились во все возрастающем количестве.

Война оборвала все нити с Германией. А блокада Советской России прекратила всякие связи и с союзниками. По довоенному счету мы получали товаров из-за границы почти на полтора миллиарда рублей. Понятно теперь, какой ущерб наносит нам блокада.

Политика нашей партии должна поэтому быть направлена к тому, чтобы, поскольку это совместимо с нашими общими задачами, стремиться к возобновлению экономических сношений с другими государствами. В этом отношении лучшей гарантией, лучшей порукой могла бы послужить решительная победа над контр-революцией.

Другая наша задача касается экономических взаимоотношений с теми странами, где пролетариат победил. Здесь наша задача состоит в том, чтобы не только завязать с этими странами экономические связи, но и выработать по возможности общий хозяйственный план. При победе пролетариата в Германии мы установили бы общий орган, который бы вел общую хозяйственную политику для обеих Советских республик: он вычислял бы, какое количество продуктов немецкой пролетарской промышленности нужно перебросить в Советскую Россию, какое число квалифицированных (обученных) рабочих нужно бросить, скажем, на паровозостроительные заводы России и, обратно, какое количество сырья или ржи нужно перебросить в Германию. Мы уже знаем, что наиболее быстро Европа могла бы выйти из состояния разрухи при объединении стран. С капиталистической страной мы, разумеется, не можем сливаться. Наоборот, с советскими республиками мы можем и должны образовывать тесный хозяйственный союз, иметь общий хозяйственный план. Хозяйственная пролетарская централизация производства в международном масштабе—вот наша цель.

§ 97. Организация мелкой промышленности, ремесла и кустарничества.

Мы видели, что одна из основных трудностей коммунистического строительства в России заключается в том, что

Россия—в общем страна мелкого хозяйства, как и все неразвитые, отсталые страны. Это касается, главным образом, сельского хозяйства. Но и в промышленности есть еще остаток старых отношений: кустари, ремесленники, мелкие промышленники составляют довольно значительную величину. По довоенному подсчету, насчитывалось по 34 губерниям около 1.700.000 хозяйств оседлых кустарей [1]).

По отдельным промыслам это количество распадалось таким образом:

I. Минералы . . . . . 66,4 тыс. (Гончарно - посудный промысел, кирпично-черепичный, выделка жерновов, брусков, меди, извести).

II. Дерево . . . . 467,9 тыс. (Рогожно - мочальный; кадки, бочки, чаны; столярно - мебельный; лапти; сани, телеги; корзины; мебель плетеная; колеса, ободья; угольн. и смол.-дегт.; дерев.-посудн. ложки; судостроен. и плотн.,— всего 18 промыслов).

III. Металлы . . . . . . 130,5 тыс. (Кузнечно - гвоздарн. промыс. и производство топоров; слесарн.-скоб. и производство ножей; ювелирно-часовой; литье; оконн. и дверные приборы; ведра и трубы).

IV. Волокно . . . . . . 65,2 тыс. (Ткачество; валяльный промысел; прядение, нитки; кружева; косынки; сети и веревки; сукно, ковры; шапки и фуражки; щетки и т. д., — всего 11 промыслов).

V. Кожа . . . . 208,3 тыс. (Сапожный; овчинно-скорняжный; кожевенный; шорный; шубно-рукавичный; производство гребней).

VI. Разное . . . . . . 185,4 тыс.

Портняжный	104,9 тыс.
Разн. произв.	73,8 „
Иконопись	3,6 „
Гармонный пром. . . .	3,1 „

За время войны количество кустарей уменьшилось по некоторым подсчетам до 1.000.000, несмотря на то, что многие рабочие перешли на положение кустарей из-за промышленной разрухи. Это объясняется переселением и рассеянием кустарей в поисках хлебных мест. Вообще же по губерниям Вологодской, Новгородской и т. д., т.-е. по голодным губерниям, мы имеем убыль на 20—25%; наоборот, в губерниях Курской, Орловской, Симбирской, Тамбовской — увеличение на 15—20%.

Перед пролетарской властью стоит вопрос: каким образом включить эту массу мелких производителей в общую систему строящегося социалистического хозяйства?

Прежде всего ясно, что здесь недопустима никакая на-

[1]) Данные Комиссии Использования В. С. Н. Х.

сильственная экспроприация. Мелкого производителя нельзя гнать дубинкой в царство социализма. Но нужно сделать все возможное, чтобы облегчить ему этот переход и понимание необходимости и выгодности такого перехода. Этого можно достигнуть, если поставить кустаря в определенные условия. Какие? И каким путем?

Во-первых, путем *включения кустарной промышленности в общегосударственный план снабжения сырьем и топливом*. В самом деле, если кустарь получает необходимейшие для производства вещи (сырье и топливо) от государственной организации пролетариата, то он становится от нее в зависимость. Раньше, при капитализме, сырье часто давал кустарю скупщик или фабрикант. Кустарь становился в зависимость от него. Но само собой понятно, что этот скупщик или фабрикант „снабжал“ кустаря *с целью эксплоатации*. Кустарь являлся не чем иным, как домашним рабочим, работающим на капиталиста. Совсем другое дело, когда кустарь становится в зависимость от *пролетарского государства*. Пролетарское, рабочее государство не хочет, не будет и не может эксплоатировать кустаря. Оно хочет лишь помочь ему организоваться вместе со всеми остальными рабочими. Оно не будет из кустаря выколачивать прибыль (оно ни из кого не выколачивает прибыли), а будет стараться вовлечь кустаря и его организации в общую трудовую организацию промышленности. Кустарь, зависимый от фабриканта и скупщика, работает на фабриканта и скупщика. Он—их рабочий скот. Кустарь, зависимый от пролетарского государства, есть *общественный работник*. Итак, во-первых, необходимо включение кустарей в общий план снабжения.

Во-вторых, необходима *финансовая государственная поддержка кустарей*. Раньше, при капитализме, в денежном отношении поддерживал кустаря тот же скупщик-ростовщик. Но он поддерживал кустаря так, как веревка поддерживает повешенного. Он закабалял его самым варварским образом, чтобы, как паук, пить у него золотой сок. Пролетарское государство может *помогать* ему деньгами, выдавая их вперед за государственные заказы, без удержания каких-либо процентов, а тем более без какого бы то ни было ростовщичества.

В-третьих. Само собой разумеется, что пролетарское государство должно *централизованным путем давать* заказы кустарям. Снабжая кустарей сырыми материалами, топливом, вспомогательными веществами, а по возможности и орудиями, государственная власть пролетариата дает им

заказы по определенному плану и таким образом включает постепенно и кустарей в общий производственный план страны.

Таким образом кустари мало-по-малу втягиваются в общее строящееся на социалистических началах производство не только потому, что их снабжают продуктами общественного производства, но и потому, что они работают непосредственно на пролетарское государство, и притом по тому плану, какой укажут органы пролетарского государства.

В-четвертых, необходимо вышеуказанным образом поддерживать кустарей под условием их объединения и отдавать предпочтение тем кустарям, которые объединяются и организуются в артели, трудовые товарищества, производительные кооперативы, а также—что еще более важно—которые объединяют и эти организации, переходя от частного мелкого к товарищескому крупному производству.

У каждого мелкого хозяйчика, и в том числе у кустаря, в глубине души копошится желание стать более крупным хозяйчиком, „поправиться“, а затем открыть уже настоящее „заведение“ с наемными рабочами и т. д. Когда при капитализме росли артели или товарищества, или кооперативы, то наиболее сильные из них „вырождались“, действительно, в капиталистические предприятия. Другое дело—в период пролетарской диктатуры. Здесь капитализму хода нет. Зато здесь государственная власть рабочих, которая организует всевозможные объединения и держит в своих руках финансовые средства, а главно—средства производства. Раньше было нелепо думать, что артели могут подвинуть нас к социализму: они, развиваясь, неизменно превращались в капиталистические товарищества. Теперь, когда мы имеем возможность втягивать их в рабочую общегосударственную организацию, все эти объединения могут помочь в деле строительства социализма. Не потому, чтобы сами кустари горели желанием иметь коммунизм (у них много, как у всех мелких хозяйчиков, предрассудков против коммунизма), а потому, что теперь новые условия такие, что прежние пути заказаны: их нет.

Поощряя объединения кустарей, мы будем тем самым способствовать их безболезненному превращению в работников крупного объединенного, организованного, „машинизированного“ общественного производства.

В этом отношении кое-что уже сделано. К зимнему сезону 1919—1920 года, напр., был дан ряд государственных заказов: на 2 миллиона пар валяных сапог, на 2.200.000 пар варежек, на ряд трикотажных изделий, на

лапти, полушубки и т. п. Замечается улучшение в деловой постановке вопроса. В сезон 1918 — 1919 г.г. было получено лишь 300.000 валяных сапог к 1 марта (!); в сезон 1919—1920 г.г. уже к октябрю — ноябрю было получено полмиллиона валяных сапог.

Планомерно были розданы авансы; роздано сырье, керосин, горелки (освещение), топливо. Организация в 1918—1919 г.г. представлялась в таком виде: созываются совещания из представителей кооперативных организаций, а также союзов кустарей (Центросоюз, Центросекция, Моска, Кустарьсбыт и т. д.) с представителями кустарного отдела Высовнархоза и устанавливают общий план. Кустарьсбыт (Центральный Союз кооперативов по производству и сбыту кустарных и артельных товаров) является при этом самой крупной организацией кустарей, втянутой в обще-организационную работу. Он обнимает 29 союзов с 1.306 кооперативами, в которых организовано 631.860 хозяйств кустарей. Снабжение идет через органы главков или через местные совнархозы.

Нужно заметить, что за время существования Советской власти число объединений быстро возрастает.

Конечно, то, как именно организуются связи между различными частями экономического советского аппарата,—это еще не установилось окончательно; многое меняется здесь довольно быстро. Но нам нужно постоянно иметь в виду одно: упорядочение аппарата, стройность организации, планомерность всех действий.

§ 98. Организация промышленности и профессиональные союзы.

Аппаратом, который в наибольшей степени был бы приспособлен к новым задачам по организации и управлению промышленностью, оказались в России профессиональные рабочие союзы. В капиталистическом строе профессиональные союзы, объединявшие рабочих сперва по профессиям (иногда даже по цехам), а потом по отдельным отраслям производства, были средством борьбы с капиталистами, в первую очередь, средством экономической борьбы. В бурное время они, вместе с партией рабочего класса, большевиками, руководили общим наступлением на капитал. Партия, союзы, советы действовали дружно против капиталистического строя. После завоевания политической власти, естественно, должна была измениться и роль профессиональных союзов. Раньше они, например, проводили стачки против капиталистов. Теперь капиталистов не стало, как господствующего класса, как хозяев, как предпринимателей. Раньше у профессиональных союзов была одна главная роль: разрушить тот строй, который господствовал на фабрике. После октября 1917 года, естественно, наступило время наладить новый порядок.

Организация производства—вот основная задача профессиональных союзов в эпоху пролетарской диктатуры. Союзы за время своего существования успели сплотить громадные массы пролетариата. Они были самыми крупными и в то же время непосредственно связанными с производством пролетарскими организациями. В России они, кроме того, к моменту революции стояли целиком на точке зрения пролетарской диктатуры. Немудрено, что как раз к этим организациям и должно было перейти в действительности дело управления промышленностью, в том числе и важнейшей производительной силой—рабочей силой.

В каком отношении должны были оказаться профессиональные союзы по отношению к государственной власти пролетариата?

Вспомните, что делала буржуазия, чтобы достигнуть самого большого успеха. Она строила государственный капитализм, подтягивая к государственной власти все остальные свои организации и в первую голову экономические (синдикаты, тресты, „союзы работодателей“). Пролетариат, который должен довести свою войну **против капитала** до успешного конца, должен точно так же **централизовать свои организации**. У него есть советы рабочих депутатов—органы государственной власти; у него есть профессиональные союзы; у него есть кооперативы. Ясно, что они должны быть связаны и притянуты друг к другу так, чтобы работа их была слажена. Возникает вопрос: **к какой** же организации должны быть подтянуты остальные? Ответ нетруден. Нужно выбрать самую крупную, самую могущественную. А такой организацией является государственная организация рабочего класса, т.-е. **Советская власть**. Значит, и профессиональные союзы, и кооперативы должны развиваться **по пути к превращению их в экономические отделы и органы государственной власти**, т.-е. по пути своего „огосударствления“.

Соглашательские партии, все время забывавшие о классовой борьбе, по отношению к профессиональным союзам в эпоху пролетарской диктатуры занимают точку зрения так-называемой „независимости“ профессионального движения. Союзы,—говорят эти господа,—суть **классовые** организации и поэтому они должны быть независимы от государственной власти.

Нетрудно разглядеть тот **обман**, который скрывается, на этот раз, под маской якобы „классовой“ точки зрения. Нельзя **противопоставлять** „государство“ „классовым организациям“, ибо и государство есть **тоже** классовая организация. Когда меньшевики и проч. протестуют против связи с **рабочим** государством, они тем самым выражают свою неприязнь именно к **рабочему** государству, они стоят на стороне буржуазии. И как раз они же стоят за зависимость от **буржуазного** государства.

Часто они говорят о „казенных“ союзах. Но теперь казна есть **рабо-**

чая казна. Меньшевикам же хотелось бы, чтобы казна была всегда у буржуазии. Независимость от рабочей власти есть фактическая зависимость от буржуазии.

Новые задачи, ставшие перед профессиональными союзами, потребовали особенно быстрого превращения этих союзов в большие производственные союзы. Ведь ясно, что если на плечах профессиональных союзов лежит задача организации производства, то рабочие и должны объединяться по предприятиям и производствам, а не по цехам и ремеслам; другими словами, для новых задач необходима такая организация профессиональных союзов, когда все рабочие и служащие в предприятии объединены в один союз и когда в каждом предприятии только этот союз и существует. Раньше союзы строились так, что рабочие объединялись по мелким профессиям. Если замечалось потом стремление объединиться по производствам, то и то была путаница: напр., союз металлистов принимал членами не только товарищей, занятых в металлообрабатывающей промышленности, но и любого металлиста, хотя бы он и работал в совершенно далекой отрасли производства. Конечно, это совсем не подходит для дела организации производства, когда каждое предприятие и каждая отрасль—есть живая организация; чтобы ее организовывать, нужно к ней прилаживаться и самим организовываться соответствующим образом, т.-е. по отраслям производства, объединяя всех работающих лиц [1]).

Так на место разъединенных и разбросанных по мелким профессиям союзов возникли большие централизованные производственные союзы. Задача нашей партии в этой области заключается в том, чтобы ускорять это объедине-

---

[1]) В качестве примера слияний прежних узких професс. союзов в большие производственные союзы можно привести пример с петербургскими металлистами.

До слияния (конец 1917, начало 1918 г.).	После слияния,
1) Союз металлистов	1. Союз металлистов с секциями (составляет Отдел Всеросс. Союза Рабочих Металлистов), объединяет только рабочих, занятых в металлообрабатывающей промышленности.
2) „ кочегаров	
3) „ литейщиков	
4) „ сварщиков и огнерезов	
5) „ модельщиков	
6) „ золотосеребренников	
7) „ часовщиков	
8) „ электриков	
9) „ машинистов	
10) „ браковщиков	

ние и способствовать созданию производственных союзов, которые бы охватывали **поголовно всех трудящихся в соответствующей отрасли производства.**

По предварительным данным Статист. Отдела Всер. Центр. Совета Проф. Союзов, количество членов их представляется в таком виде:

Число членов проф. союзов в I половину 1917 г. равнялось	335.938
" " " " " II " " "	943.547
" " " " " I " 1918 "	1.649.278
" " " " " II " " "	2.250.278
" " " " " I " 1919 "	2.825.018

В I половину 1919 года 31 всеросс. союз объединял, без Цекпрофсожа (железнодор.) и Цеквода (водн. транспорт), 2.801.000 членов (остальные были объединены местными союзами). Если к ним прибавить 722.000 железнодор. и около 200.000 членов союза водн. транспорта, то общее число членов союзов будет равняться 3.700.000; они же объединены 33 центральными комитетами; кроме того, есть еще много нецентрализованных союзов. Статист. Отдел считает общую цифру организованных (включая оккупированные губернии), в 4 миллиона человек. (Нужно иметь в виду, что рабочие остановившихся фабрик продолжают числиться за этими фабриками и состоять членами профсоюзов).

По законам Советской Республики и по установившейся практике профессиональные (производственные) союзы являются участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью. Это значит, что и в комиссариатах, и в советах народного хозяйства, и в Высшем Совете Народного Хозяйства, и в главках и центрах, и в рабочих заводоуправлениях,—словом, повсюду профессиональные союзы играют значительную, даже решающую роль.

Однако это овладевание производством со стороны профессиональных союзов далеко еще не закончено. Есть много отраслей народного хозяйства, где рабочие еще не стали, как следует, у руля. В особенности это нужно сказать о „главках" и „центрах", где часто сияют бесконтрольно действующие буржуазные специалисты, которые не прочь построить по своим планам организации хозяйства, надеясь на приход „старого, дорогого времени", когда они смогут быстро превратить главки в капиталистические тресты. Чтобы воспрепятствовать этому, необходима все бо́льшая и бо́льшая доля участия профессиональных союзов в деле управления промышленностью, вплоть до того, **пока все народное хозяйство, как единое целое, не очутится фактически в руках производственных союзов снизу доверху.**

Из низших органов управления промышленности следует отметить особенно деятельность **фабрично-заводских комитетов.** Они фактически являются ячейками профессионанальных союзов, подчиненных пра-

влению соответствующего союза. Избираемые рабочими данной фабрики или завода, эти ф.-з. комитеты заведуют распорядком внутри предприятия, поскольку он касается рабочей силы. Фабр.-зав. комитеты, следовательно, заведуют „наймом“ и увольнением, следят за обеспечением семей и за выплатой жалованья, за нормой выработки, дисциплиной и пр. Они являются, кроме того, прекрасной первоначальной школой управления для широкой рабочей массы.

Таким образом, профессиональные (производственные) союзы должны обеспечивать теснейшую связь между центральными органами государственного управления, народным хозяйством и широкими массами трудящихся.

Вводить эти массы во все большем размере в работу по управлению хозяйственной жизнью— это первейшая и неотложнейшая задача производственных союзов. Опираясь на фабрично-заводские комитеты, объединяя почти всех трудящихся, производственные союзы должны поставлять все новых и новых работников по организации производства. Этому служит и обучение делу управления на непосредственной практике (в ф.-з. комитетах, в правлениях заводов, в совнархозах, главках и т. д.), и специальная просветительная работа, развиваемая союзами (инструкторские курсы и проч.).

Вовлечение широкой массы в дело строительства является также и лучшим средством борьбы с бюрократизмом в хозяйственном аппарате Советской власти. Этот бюрократизм иногда достигает громаднейших размеров, в особенности там, где мало рабочих, но много „советских служащих“. Лишняя бумажная волокита, канцелярщина, грубость, неряшливость, саботаж—этого очень много в хозяйственных организациях. Изгнать это можно, только поднимая низы рабочих. И только таким образом можно поставить действительно народный контроль над работой во всех наших хозяйственных учреждениях.

§ 99. Использование рабочей силы.

Чрезвычайное важное значение для всего нашего будущего имеет правильное использование имеющейся у нас в наличности рабочей силы. Когда средства производства сношены, а сырья крайне мало, то рабочая сила есть основа всего производства, и от умелого ее применения зависит все. Тут перед нами выступают такие примерно задачи: использовать все силы; другими словами, использовать все трудоспособные элементы, найти для них работу, занять их. Нужно помнить: в наше голодное время каждый едок, не произво-

дящий никакой полезной работы, есть прямой балласт для общества. Таких великое множество. А между тем есть масса работ, которые могут производиться без особо сложных средств производства: таковы, напр., работы по охране чистоты городов, по починке мостовых, шоссе, железных дорог, по расчистке путей, по укреплению отдельных мест, по чистке казарм и разного рода помещений; есть и ряд работ в области добычи сырья или топлива: рубка дров и их перевозка, добыча торфа и т. д. Правда, затруднений тут великое множество: могут быть люди и топоры, но нечем этих людей кормить,—и рубка дров останавливается и т. д. Но тем не менее ясно, что только при использовании живой рабочей силы мы сможем выехать из тяжелой полосы.

В связи с этим стоит и вопрос о проведении поголовных мобилизаций для выполнения тех или других общественных работ. Во время спешных работ по укреплению прекрасно используют рабочие силы масс, которые обычно пропадают. Это дело нужно поставить систематически. Всеобщая трудовая повинность числится в конституции Р. С. Ф. С. Р., а тем не менее в жизни она чрезвычайно далека от своего осуществления. Таков первый вопрос: применение всей суммы рабочих сил республики труда.

Второй вопрос—это вопрос о распределении и перераспределении рабочих сил. Совершенно ясно, что производительность труда будет зависеть от того, насколько целесообразно распределены эти силы между разными районами и между разными отраслями работы.

Это распределение рабочих сил и их переброска требует громадной работы по учету рабочих сил, если ставить ее действительно правильно и планомерно: не подсчитав, сколько у тебя есть средств, нельзя эти средства правильно распределять. Эту задачу Советская власть может решить только при участии и через профессиональные союзы.

§ 100. Товарищеская трудовая дисциплина.

Состояние производительных сил страны определяется не только тем, сколько в ней есть машин, орудий, сырья и т. д., но и рабочими силами страны. Теперь же, когда средств производства чрезвычайно мало, состояние рабочей силы и живой труд приобретают прямо первостепенное значение. Капиталистический способ производства держал рабочий класс в узде, заставляя работать на хозяина и принуждая его к этому палочной дисциплиной.

Революция подорвала и разрушила эту дисциплину капиталистического труда до конца, так же как в армии она разрушила империалистскую дисциплину и уничтожила повиновение солдат царским генералам. Но понятно, что без **новой** дисциплины невозможно и мечтать о коммунистическом строительстве. И тут полное сходство с армией. Старую армию мы разрушили. Некоторое время была „анархия", беспорядок, ничего не было. Но мы построили новую армию, на новых началах, для новых целей,—армию, которая находится **в руках пролетариата** и сражается против тех помещиков и капиталистов, которые распоряжались **старой** армией.

То же происходит и с „великой армией труда", с рабочим классом. Время разложения старой дисциплины прошло. Начинает налаживаться новая, **товарищеская трудовая дисциплина**, проводимая и поддерживаемая не хозяином и не капиталистической плетью, а **самими рабочими организациями**: фабрично-заводскими комитетами и профессиональными союзами.

При **организации производства** нужно иметь в виду и **организацию труда** на фабрике.

Поэтому товарищеская **дисциплина труда** есть одно из самых важных средств организации общего производства и подъема производительных сил.

Товарищеская дисциплина должна сопровождаться **величайшей самодеятельностью** рабочего класса. Это не значит, что рабочие должны ждать приказов сверху и никогда не проявлять инициативы и почина; наоборот, всякое улучшение в производстве, всякое изобретение новых способов организации труда и т. д. должно прокладывать себе дорогу. Часто отсталые слои рабочих не видят **путей**, по которым нужно направить эту работу. А между тем такие пути есть. Рабочие объединены в союзы, и **эти союзы** правят производством; у рабочих на глазах каждый день и фабрично-заводский комитет, и рабочее заводоуправление. Все, что угодно, можно провести снизу вверх через рабочие организации, если только быть немножко более подвижным, не робеть, а чувствовать, что рабочий класс теперь—хозяин жизни.

Трудовая дисциплина должна опираться на чувство и **сознание ответственности** каждого работающего перед своим классом, на сознание того, что небрежность и расхлябанность есть преступление по отношению к общему делу всех рабочих. Капиталистов у нас теперь нет, как правящей касты. Рабочие работают сейчас не на капиталиста, не на ростовщика, не на банкира, а на самих себя. Они делают

свое собственное дело; они строят здание, которое принадлежит трудящимся. Раньше, при господстве капиталистов, не наша задача была думать о том, как лучше набивать их мошну. Сейчас—другое дело. И вот это сознание ответственности перед всем рабочим классом должно жить в душе каждого рабочего.

Трудовая дисциплина должна, наконец, опираться на строжайший взаимный контроль. Зная, что понижение производительности труда—гибель для всего рабочего дела, что без движения вперед мы умрем, все товарищи должны хозяйским глазом смотреть за общим делом высасывания из природы животворящей энергии. Ведь труд—это тоже борьба, борьба с природой. Нам эту природу нужно победить, переработать ее куски в платье, одежду, топливо, хлеб. И как на фронте борьбы с классовыми врагом—капиталистом, помещиком, генералом—мы мерим наши успехи, следим за тем, кто бежит, изменяет, предает, точно так же мы должны взаимно контролировать друг друга. Тот изменяет рабочему делу, кто сейчас не помогает вывезти из трясины нашу рабочую телегу, тот штрейкбрехер рабочего дела.

Разумеется, дело создания новой дисциплины труда требует упорной работы по перевоспитанию масс. Ведь рабская психология, рабские привычки сидят еще в очень многих. Как и в армии: царь гнал—шли; а свое дело защищать—чешут затылки. Однако армию мы создали, потому что передовой слой рабочих прекрасно понимал, в чем дело, и добился своего. Теперь того же нужно добиться в производстве. Дело перевоспитания облегчается тем, что рабочие массы сами видят и на каждодневном опыте убеждаются, что их судьба—в их собственных руках. В особенности учатся они там, где после Советской власти временно появлялась власть контрреволюции: так было на Урале, в Сибири и т. д.

Передовые рабочие-коммунисты дали образец новой, товарищеской дисциплины устройством так-называемых коммунистических субботников, когда они добровольно и бесплатно работали, повышая производительность труда в несколько раз против обычной.

Субботники были товарищем Лениным названы „великим почином". Первыми, кто их организовал, были московские железнодорожники коммунисты, причем в самом же начале обнаружилось резкое повышение производительности. На Александр. ж. д. пять токарей в 4 часа сделали 80 валиков (213% обычной производительности); двадцать чернорабочих собрали в течение того же времени 600 пудов старого материала и 70 вагонных рессор по 3½ пуда каждая (300% производ.) С этого началось. Затем субботники перекинулись на Питер, где сразу были организованы на широкий манер. Вот цифры:

	Число работников.	В переводе на деньги сработано за 5 дней.
I субботник (16 авг.)	5.175	1.167.188 рублей.
II „ (23 авг.)	7.650	
III „ (30 авг.)	7.900	
IV „ (6 сент.)	10.250	
V „ (13 сент.)	10.500	

Затем субботники перекинулись на провинцию и стали захватывать также и беспартийную массу. Почин московских железнодорожников оказался действительно великим, потому что они нащупали правильную тропинку по пути к новой дисциплине.

Создание новой трудовой дисциплины, конечно, немыслимо без участия профессиональных союзов. Более того. Именно профессиональные союзы и должны двигать это дело вперед, пробуя новые формы, ища новых путей: ибо все это дело новое и необычное, и тут со старым далеко не уедешь.

Из мер, которые уже применяются и которые нужно всячески развивать и усовершенствовать, наша партия указывает следующие:

1) установление отчетности; у нас еще чрезвычайно слабо поставлено это дело; а между тем без этой отчетности нельзя ни организовать чего бы то ни было, ни произвести обследования, ни проконтролировать, ни увидеть корень зла;

2) установление норм выработки; это дело, пока что, тоже в самом начале своего развития. Капиталисты в своих предприятиях устанавливали норму выработки, чтобы гнать из рабочих прибавочную ценность; эти нормы устанавливались хозяйскими организациями; у нас нормы выработки устанавливаются и должны быть развиты профессиональными союзами, т.-е. рабочими организациями. Рабочие организации сами вычисляют возможности выработки, считаясь и с холодом, и с голодом, и с отсутствием материалов, и с плохим состоянием машин. Но раз нормы установлены, плох тот, кто их не вырабатывает. Мы должны создать профессиональную трудовую честь, когда каждый рабочий будет смотреть на того, кто без серьезной причины не внес своей лепты в общее дело, как на бесчестного лодыря;

3) установление ответственности перед товарищескими трудовыми судами. Это значит, что за каждым будет не только товарищеский контроль, но каждого можно будет за плохую работу потянуть к ответу. И опять-таки здесь не хозяин тянет к ответу своего наемного раба, а рабочий класс и его организации тянут к ответу отдельных своих членов.

Можно придумать еще целый ряд мер. Но все они клонятся к одному и тому же: построить в боевые ряды армию труда, которая прокладывает путь новому обществу.

§ 101. Использование буржуазных специалистов.

Современное крупное производство немыслимо без инженеров, механиков, ученых специалистов, исследователей и практиков. Из рабочей среды таких почти нет: ни помещичье-царское, ни буржуазное правительство не давали рабочим возможности учиться. А дело вовсе не ждет, и у нас есть только один выход: использовать ту силу, которая не за страх, а за совесть служила буржуазии. Партия отлично знает, что этот слой технической интеллигенции, а также бывших директоров и капиталистических организаторов насквозь пропитан буржуазным духом. Более того. Порядочная часть этого слоя весьма враждебна нам и способна предать нас нашим классовым противникам. И все-таки мы должны брать их к себе на службу. Ибо других нет, и нет выбора.

Этот слой вел против пролетариата бешеную борьбу, прежде всего саботажем. Саботаж этот Советская власть сломила. Мало-по-малу, по частям, кое-какие группы стали переходить на нашу сторону, увидев, что рабочий класс не только ломает, но и строит, что его партия вовсе не собирается предавать России германскому империализму; кое-кто начинает соображать, что, действительно, капитализму как будто бы больше не жить на белом свете. Начался раскол среди этих слоев. Задача пролетариата—этот раскол усиливать и усиливать.

Конечно, от всех „специалистов“ ни верности, ни преданности коммунизму ожидать нечего. Было бы глупо надеяться, что эти люди, тысячью нитей связанные с буржуазией, перевоспитаются в короткий срок. Но здесь пролетариат должен поступать как расчетливый хозяин: они ему *нужны*, и он должен их *заставить работать* для себя.

Здесь приходится действовать так: всякое поощрение тем, кто честно работает, не скупиться на их оплату—это диктует хозяйственный расчет. Но за контр-революцию, за борьбу против пролетариата, за изменническую политику, за саботаж—беспощадная расправа. Пролетариат должен ценить и умеет ценить настоящих честных работников. Но он не может допустить, чтобы ему вредили, в особенности теперь, когда приходится переносить и муки голода и тысячи других лишений.

Понятно, что нужен строгий *контроль*, в особенности за „спецами“ из бывших директоров и крупных капиталистических шишек. Они не раз пытались гнуть исподтишка свою линию. Но тут нужны те же меры, что и в борьбе с изменами бывших офицеров и генералов на фронте.

С другой стороны, партия будет бороться и с теми неправильными, чересчур уж простыми взглядами, которые состоят в том, что мы вообще без всяких спецов обойдемся. Это ерунда. Так говорят только весьма самонадеянные, но невежественные люди, которые серьезно никогда не думали о тех задачах, которые лежат сейчас на плечах пролетариата. Пролетариат должен поставить настоящее современное производство по последнему слову науки. К этому он должен стремиться. Он, конечно, будет создавать, готовить (и уже готовит) своих, красных инженеров и механиков точно так же, как он готовит красных командиров. Но время не ждет, и ему приходится здесь пользоваться тем, что есть, принимая свои меры против могущего произойти вреда, предупреждая этот вред, организуя контроль над работой тех, кто нам чужды.

Тут возникает еще один вопрос, а именно вопрос об оплате. Коммунизм стремится к равенству оплат. Но мы, к сожалению, не можем скакнуть сразу к коммунизму. Мы делаем к нему еще только первые шаги. И здесь нами должен руководить опять-таки простой расчет.

Если бы мы „спецов" перевели на жалование чернорабочих, им все равно было бы, что быть чернорабочими, что инженерами, что курьерами или посыльными. Заставить хорошо работать этих людей, привыкших к иной жизни, на таких условиях было бы неразумно. Им лучше дать больше, лишь бы только добиться результата. Тут пролетариат должен поступить, как хозяин со смекалкой; лучше оплатить, но получать хорошую работу этих людей, без которых сейчас, теперь, в данную минуту не обойтись.

Понятное дело, однако, что наша основная политика заключается в том, чтобы стремиться к равной оплате. И в этом смысле Советской властью сделано довольно много. Прежде плата высших служащих (директоров, главных бухгалтеров, крупных инженеров-организаторов, научных консультантов-советчиков и т. д.) вместе с разными наградными превосходила плату чернорабочих в несколько десятков раз; теперь она превосходит только раза в четыре. Значит, при всем том, что говорилось выше, мы сократили разницу в положении этих слоев на громадную величину.

Уравнение происходит и между различными категориями рабочих. По данным тов. Шмидта, в 1914 г. 4,43% рабочих получало ежедневно плату до 50 копеек, но были и рабочие, в то же время получавшие свыше 10 рублей (0,04%). Здесь, следовательно, разница в жалованьи была такая, что низшие категории получали в двадцать раз меньше высших. Конечно, счастливцев, получавших 10 р. в 1914 г., было крайне мало, но все же

они были. В 1916 г. рабочих мужчин, получавших до 50 к., было 1/2%, а рабочих, зарабатывавших больше 10 р.—1.15%.

Теперь, по осеннему декрету 1919 г., низшие ставки были—1.200 р., высшие ставки—4.800 р., причем последние ставки касаются и „спецов“.

Отрыв некоторых групп технической интеллигенции от буржуазии и переход ее на сторону пролетариата будет происходить тем скорее, чем прочнее будет Советская власть. А так как укрепление Советской власти будет неизбежно происходить, то и прилив интеллигенции тоже неизбежен. Само собой понятно, что было бы нелепо отталкивать их. Наоборот. Мы должны ставить их на нашу работу в обстановку товарищеского сотрудничества, чтобы они пообтерлись в нашей среде, чтобы они на общей совместной работе перерабатывались бы в *наших* людей. У них есть масса предрассудков, предубеждений, нелепостей. Но они могут и будут, при определенных условиях, *срабатываться* с нами. Уже и сейчас они понемногу начинают втягиваться через производственные союзы в нашу работу, привыкать к новому положению и осваиваться с ним, и здесь наша задача—им помочь и пойти навстречу тем элементам, которые сами понемногу приближаются к нам. В производственных союзах, через них, в общей организационной работе могут вновь сблизиться разъединенные капитализмом работники умственного и физического труда.

§ 102. Слияние производства с наукой.

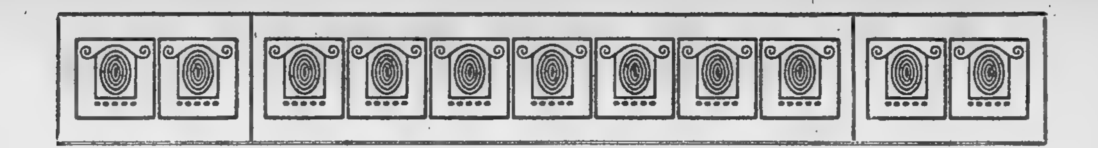
Развитие производительных сил требует слияния производства с наукой. Крупнокапиталистическое производство и то применяло науку к производству в самом крупном размере. Американские и немецкие заводы имели при себе специальные лаборатории: там целыми днями сидели, изобретали новые способы, новые аппараты и т. д. Все это делалось для прибыли частных капиталистов. Теперь мы должны поставить это дело на организованную ногу и для *всего трудового общества*. Прежние изобретатели вырабатывали *секреты*; они шли в карман предпринимателя и набивали ему кошелек; теперь у нас одно предприятие не скрывает от других изобретений, а распространяет их на *все предприятия*.

Советская власть приняла целый ряд мер в этом отношении; создан целый ряд научных учреждений, технических и экономических, организованы разного рода лаборатории, испытательные станции; предпринят ряд ученых экспедиций и обследований (между прочим, были открыты залежи сланцев

и нефти; открыт способ выделки сахара из опилков и т. д.); приведены в известность имеющиеся в Республике научные силы и поставлены на работу.

У нас не хватает многого, самого необходимого для этого дела, начиная от топлива и кончая тонкими научными инструментами. Но нам нужно ясно сознать всю необходимость такой работы и всемерно поддерживать дальнейшее слияние науки с техникой и с организацией производства. Коммунизм есть правильно, разумно, а, следовательно, научно поставленное производство. Мы поэтому будем добиваться всеми путями того, чтобы эту задачу научно поставленного производства решить.

Литература к XII главе. Н. Осинский: „Строительство социализма". В. П. Милютин: „Экономич. развитие и диктатура пролетариата". Он же—статьи в „Народном Хозяйстве" за 1919 г. Протоколы 8-го съезда партии (прения по программе). Разложение капитализма и строительство коммунизма. И. Степанов: „От рабочего контроля к рабочему управлению". Труды I и II Всеросс. съезда совнархозов. Г. Цыперович: „Синдикаты и тресты". Т. Томский: „Очерки професс. движения в России"; в журнале „Коммунист. Интернационал": Труды съездов проф. союзов; статьи в „Вестнике Металлиста". А. Гольцман: „Нормирование труда". Н. Ленин: „Великий почин".



ГЛАВА XIII.

Организация сельского хозяйства.

§ 103. Земельные отношения в России до революции. § 104. Земельные отношения после революции. § 105. Почему будущее принадлежит крупному социалистическому хозяйству. § 106. Советское хозяйство. § 107. Городское земельное хозяйство. § 108. Коммуна и артели. § 109. Общественная обработка земли. § 110. Сельскохозяйственная кооперация. § 111. Государственный засев пустующих земель, мобилизация агрономических сил, прокатные пункты, мелиорация, переселение. § 112. Помощь крестьянскому хозяйству. § 113. Соединение промышленности с земледелием. § 114. Тактика коммунистической партии по отношению к крестьянству.

§ 103. Земельные отношения в России до революции.

Еще до революции наше сельское хозяйство было преимущественно крестьянским хозяйством. После октябрьского переворота, после ликвидации помещичьего землевладения наше сельское хозяйство сделалось почти исключительно крестьянским и почти исключительно мелким хозяйством. При таких условиях коммунистической партии приходится преодолевать совершенно невероятные трудности в деле борьбы за крупное коллективное хозяйство. Но борьба эта началась и даже в самый трудный период, в самом своем начале, дает уже некоторые результаты.

Чтобы эта обстановка и те условия, в которых коммунистам приходится осуществлять свою программу в русской деревне, были ясны, необходимо привести несколько данных о нашем сельском хозяйстве до революции и о тех изменениях, которые внесла революция.

До революции земельные владения Европейской России распределялись так:

Казенных земель	138.086.168	дес.
Надельных крестьянских	138.767.587	„
Частных лиц и учреждений	118.338.688	„

Почти все казенные земли или под лесом, или вообще непригодны для земледелия в их теперешнем состоянии. Что же касается земель частных лиц и учреждений, то они распадались таким образом:

Частновладельческих, главным образом, помещечьих земель	101.735.343	дес.
удельных „	7.843.115	„
церковных „	1.871.858	„
монастырских „	733.777	„
городских „	2.042.570	„
войсковых казачьих „	3.459.240	„
прочих „	646.885	„

Что касается надельной земли, то она распределялась, согласно статистике 1905 г., между 12.277.355 дворами, т.-е. на каждый двор приходилось 11,37 десят. Однако эта средняя цифра скрадывает малоземелье большинства крестьян центральных губерний за счет больших (но неудобных для пахоты) земельных наделов окраин. В действительности бывшие помещичьи крестьяне, составляющие большинство нашего крестьянства, имели средний надел на двор 6,7 десятин. В некоторых губерниях и уездах эта цифра спускалась ниже еще вдвое. К 1916 году число крестьянских дворов превысило 15 миллионов (15.492.202), размеры же крестьянского землепользования возросли очень мало. Малоземелье еще больше увеличилось.

В виду того, что казенные земли лишь в ничтожной части годны для обработки, крестьянство могло увеличить свое землепользование за счет упомянутой выше группы „частных лиц и учреждений“.

Из частных лиц в первую голову должны были лишиться земли помещики, имевшие 53.169.008 дес., купцы и богатые крестьяне, а также общества и товарищества буржуазно-кулацкого типа. Всего у частных владельцев, имевших свыше 20 десятин, находилось в собственности 82.841.413 десятин. У товариществ было 15.778.677 десятин. Сюда-то и должен был в первую голову направиться удар крестьянской революции. Что же касается учреждений, то здесь могли в первую голову отойти крестьянам земли церковные, монастырские и частью удельные.

§ 104. Земельные отношения после революции.

Частное землевладение, преимущественно помещичье, было перед революцией задолжено в огромной сумме. Заложено было свыше 60 миллионов десятин на сумму 3.497.894.600 рублей. Иными словами, настоящими хозяевами помещичьей земли были банки русские и иностранные. Этим надо объяснить то обстоятельство, что различные соглашательские партии, с эс-эрами во главе, так громко кричали о безвозмездной передаче крестьянам всех земель и так трусливо пятились назад и откладывали конфискацию, когда надо было провести ее на деле. Лишь партия коммунистов-большевиков, не имеющая с капиталом никаких других точек соприкосновения, кроме смертельной войны, только она одна в противоположность соглашателям могла поддержать до конца крестьянскую революцию, направленную против помещика. Эта революция получила свое законодательное выражение в декрете о земле, принятом 2-м съездом советов и внесенном партией коммунистов.

По этому декрету и основному земельному закону, принятому на 3-м съезде, частная собственность на землю объявлена уничтоженной; вся земля Республики поступает в распоряжение всех, кто желает обрабатывать ее собственным трудом (пользование землей не ограничивается ни национальностью, ни подданством). Земля распределяется уравнительно по наличным душам в размерах, не превышающих трудовой нормы. В дальнейшем по положению о социалистическом землеустройстве все земли Республики были объявлены собственностью всего рабоче-крестьянского государства, которому принадлежит высшее право распоряжения землей.

В результате земельной революции, закрепленной законодательством, земельные отношения в России пережили полный переворот и до сих пор еще продолжают испытывать ряд изменений.

Прежде всего совершенно уничтоженным оказалось на протяжении всей Великороссии помещичье и все вообще крупное и среднее землевладение. Кулацкое землевладение выравнено со средне-крестьянским.

С другой стороны, землепользование бедноты и самого малоземельного крестьянства, нажившего к тому же скот и инвентарь от кулачества и от разгрома имений, увеличилось до средней нормы душевого надела.

Что же касается выравнивания земельных наделов по во-

лостям, уездам и губерниям, то оно еще далеко не закончено и еще долго не может быть закончено.

В настоящее время невозможно еще подвести итоги революции в земельных отношениях, но в общем и целом дело обстоит так. Почти вся пахотная земля крупного и среднего частного землевладения перешла в пользование крестьян.

Помещичьи земли запаханы. Советской власти удалось сохранить в своих руках лишь около 2 милл. десятин земли советских хозяйств. Крестьяне запахали также часть городских земель. К ним перешли все церковные, монастырские и частью удельные земли. Вообще в распоряжение крестьянства перешло около 40 м. десятин одной частновладельческой земли.

В распоряжение Советского государства, кроме площади советских имений и земель сахарных заводов, остались бывшие казенные земли почти целиком, а также национализированные леса частных землевладельцев.

Таким образом, Российской Коммунистической Партии приходится бороться за социализм в земледелии в самых неблагоприятных условиях. Подавляющая часть земельной площади, находящейся в фактическом распоряжении государства, негодна для обработки. Подавляющая же часть годной для обработки земли в стране находится в распоряжении мелкого самостоятельного крестьянского хозяйства.

Но как бы ни были неблагоприятны условия для социализации сельского хозяйства в России, какое бы упорное сопротивление ни оказывало мелкобуржуазное хозяйство, а в крестьянской России будущее принадлежит лишь крупному социалистическому хозяйству.

§ 105. Почему будущее принадлежит крупноиу социалистическому хозяйству?

Крупное капиталистическое хозяйство побивало мелкое ремесленное и крестьянское хозяйство, причем, правда, в промышленности побивало быстрее и заметнее, чем в земледелии. Коммунистическое хозяйство выгоднее, производительнее капиталистического, тем более выгодней оно мелкого крестьянского. Если фунт тяжелее золотника, а пуд тяжелее фунта, тем более пуд тяжелее золотника.

Необходимо теперь все это доказать самым наглядным образом.

Прежде всего при социалистическом сельском хозяйстве вся земля Республики должна быть разграничена так, чтобы

в каждом районе, округе, поле и т. д., смотря по качеству и свойствам земли, засевались те зерновые хлеба, овощи, травы и технические растения (лен, конопля, свекловица, подсолнухи и т. д.), которые по свойству почвы здесь выгоднее всего сеять. Устанавливать это должна агрономическая наука. При нашем же крестьянском хозяйстве часто делается наоборот: сеют хлеб и получают плохой урожай там, где мог бы прекрасно родиться лен, и сеют рожь, где может родиться пшеница, или же поступают еще чаще наоборот.

Благодаря проведению общего научного плана в распланировке всей земельной площади уже поднимется производительность земли, если бы во всем остальном дело шло постарому.

Лишь при среднем и крупном хозяйстве (и легче при крупном, чем при среднем) можно ввести многопольную систему хозяйства. При плодосменной системе получается огромный выигрыш в земельной площади. Между тем у нашего крестьянина с его трехпольем почти треть земли ежегодно пустует...

Вести же правильную плодосменную систему и многополье крестьянину почти невозможно в том случае, когда он хуторянин (земли мало), и тем более тогда, когда в общине земля делится на полоски.

При крупном хозяйстве не пропадает зря земля ни на отрезках, ни на межах. Наоборот, у нашего крестьянина по всей России сотни тысяч десятин уходят на одни межи... По моему подсчету, на одних межах наш крестьянин теряет ежегодно от 60 до 80 миллионов пудов хлеба.

Главный источник, поддерживающий плодородность почвы,—удобрение. Крупное хозяйство в состоянии держать больше рогатого скота (имея возможность обойтись и меньшим количеством лошадей), следовательно, в состоянии иметь больше навозного удобрения. Крупному хозяйству выгоднее приобретать искусственное удобрение или же самостоятельно вырабатывать некоторые его виды, что мало доступно мелкому.

Труднее всего своевременная, глубокая и по возможности дешевая (т.-е. требующая наименьшей затраты труда) пахота. Здесь мелкий хозяйчик перед крупным социалистическим (и даже перед крупным капиталистическим) хозяйством настоящий карлик. Самая дешевая, быстрая и глубокая пахота получается при работе трактором. По мелким крестьянским полоскам трактором работать нельзя. Да и отдельным трактором работать менее выгодно, чем тракторными отрядами в 8—10 тракторов сразу.

Так же обстоит дело с другими наиболее крупными, сле-

довательно, наиболее сберегающими труд машинами. Паровая молотилка и паровая жнейка применимы лишь в крупном хозяйстве.

Наконец, наиболее полное использование инвентаря возможно также только в крупном хозяйстве.

Например, полностью используются:

Конный плуг—при 27 десятинах пашни;
Рядовые сеялки, жнеи, молотилки—при 63 десят. пашни;
Паровые молотилки—225 дес.;
Паровой плуг—при 900 дес.

А между тем одно только применение парового плуга и трактора повышает урожайность почвы при прочих равных условиях на одну треть.

Если хозяйство вынуждено обходиться конской силой, то и здесь преимущество крупного хозяйства налицо, потому что в крупном хозяйстве каждая отдельная лошадь обслуживает большое количество десятин. Вычислено, что в крупных хозяйствах требуется от двух до трех раз меньше лошадей для обработки той же площади.

Только в крупном хозяйстве применимо электричество. Далее, вместо 100 плохоньких стойл—одни большие стойла и конюшни, вместо 100 плохоньких кухонь—одна большая и т. д.

Наиболее выгодное стойловое скотоводство возможно лишь при крупном хозяйстве.

Но самая важная экономия—это экономия в рабочей силе, это возможность для человечества вдвое и втрое сократить рабочее время земледельца, не только не понижая, а, наоборот, повышая производительность земли в три—четыре раза. Вот пример:

По последней переписи 1916 г. всей посевной площади в России насчитывалось 71.430.800 десятин. Если мы предположим, что вся эта площадь вспахивается один раз в год (на деле это неверно, как знает каждый сельский хозяин), то для вспашки этой площади крестьянству приходится мобилизовать всю свою рабочую силу, т.-е. до 20 миллионов человек и весь рабочий скот. Чтоб обработать эту землю тракторами (трактор пашет 8—10 десятин в день, при непрерывной работе несравненно больше), достаточно миллиона рабочих рук.

Экономия в двадцать раз [1]).

---

[1]) Правда, кроме рабочих на тракторах, надо учесть рабочую силу мастеров в тракторных мастерских, рабочую силу, потраченную на изготовление тракторов, на нефть и т. д., и все это разложить на десятину. Тогда выгода от тракторной работы представится меньше, но все же останется огромной.

Если вместо 100 обедов в каждой отдельной кухне будет один большой общий обед в общественной сельской кухне, 90 стряпок из ста окажутся лишними и могут быть заняты на более полезных работах, облегчая труд другим...

Задача коммунистической партии состоит поэтому в том, чтобы всеми силами бороться за наиболее совершенное, т.-е. за коммунистическое, хозяйство в земледелии, которое в состоянии освободить деревни от варварской растраты сил по карликовым хозяйствам, от варварского истощения почвы, от варварского азиатского скотоводства и, наконец, от варварской домашней кухни.

Какими же путями предполагает идти коммунистическая партия для достижения этой великой цели? Путей несколько. Начнем с самого скорого.

§ 106. Советское хозяйство.

Во время захвата помещичьих земель крестьянами в 1917 г. много культурных имений—в которых велось образцовое хозяйство, был подобран породистый скот и имелись сложные сельскохозяйственные машины—было разгромлено. Но часть имений, охрану которых во-время догадались взять на себя советы, удалось спасти. Эти имения, взятые на учет советами, получили название советских хозяйств. Кроме того, в советские хозяйства вошли земли имений, которые не могли быть разделены целиком между крестьянами, поскольку последние уже имели наделы по норме всех советских хозяйств.

Советские хозяйства, это—единственно возможный источник создания крупного образцового социалистического хозяйства со всеми его преимуществами. Только через советские хозяйства мы в состоянии на деле показать крестьянам все преимущества крупного коллективного земледелия.

На них мы в состоянии ввести правильный севооборот и доказать на опыте все недостатки трехполья.

На них мы в состоянии пустить в ход все сельскохозяйственные машины, вплоть до самых сложных.

Советские хозяйства—единственные пункты, где сохраняется от уничтожения и размножается породистый скот. Только через случные пункты совхозов мы в состоянии улучшать постепенно породу скота окрестного крестьянского населения.

При советских хозяйствах легче всего устроить показательные поля для крестьян, а также улучшать семена путем их сортировки. Уже теперь сортировочные машины отбирают

улучшенные семена не только из зерна самих совхозов, но и сортируют зерно для окрестного населения.

При советских хозяйствах организуются сельскохозяйственные школы, лекции по агрономии, намечаются сельскохозяйственные выставки и т. д.

В совхозах создаются мастерские по ремонту орудий сначала для собственного хозяйства, а затем для обслуживания окружающих деревень.

Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы, где только возможно, увеличить число совхозов и размер их земельной площади (по возможности не задевая интересов крестьянского хозяйства). Постепенно собрать в них весь наиболее ценный племенной скот Республики. Организовать при них на наиболее совершенных началах техническую переработку продуктов земледелия. Уничтожить бюрократизм и бесхозяйственное ведение дела, поскольку некоторые совхозы превратились в монастыри для помещиков и занимаются лишь самоснабжением своих служащих и рабочих, ничего не давая советскому государству. Подобрать штат квалифицированных рабочих, способных создать не только рабочий контроль, но и постепенно перейти к рабочему управлению имениями, заинтересовать окрестное крестьянское население в совхозах, привлекать его к обсуждению хозяйственных планов совхоза и заставить смотреть на совхозы, как на дело всего трудового населения страны. Число советских хозяйств к осени 1919 г. было 3.536, удобной земли (без леса) имелось под ними 2.170 тыс. десятин.

§ 107. Городское земельное хозяйство.

При ужасающем продовольственном кризисе, который является естественным следствием войны и революции, огромное значение для спасения городского пролетариата от вымирания имеет правильно поставленное земельное хозяйство городов. Это хозяйство начинает налаживаться и ему принадлежит огромное будущее. Ближайшей задачей муниципального сельского хозяйства является обеспечение каждого города достаточной площадью земли для хорошо поставленного крупного хозяйства. До революции городам у нас принадлежало более 2 миллионов десятин земли. Большинство этой земли, находящейся под постройками, выгонами, парками, огородами, до сих пор остается в собственности городов. Но часть пахотной площади отошла к крестьянам и теперь потеряна. Необходимо вернуть эту площадь городам,—более

того, необходимо провести экспроприацию всех земель вокруг городов, поскольку это будет необходимо для правильного и широкого хозяйства.

В некоторых городах уже в 1919 году земельные отделы советов успели взять в свои руки огородное дело и получить количество овощей, достаточное для прокормления всего рабочего населения города на год. По этому пути необходимо идти дальше. Необходимо, чтобы каждый город имел под обработкой столько огородной земли, сколько нужно для удовлетворения овощами всего городского населения. Необходимо, чтобы каждый город имел большую ферму, обеспечивающую молоком, по крайней мере, всех больных и детей, а следовательно, и имел необходимую площадь для посева кормовых трав. При хорошо поставленном городском земельном хозяйстве можно, далее, обеспечить рабочих не только картофелем и капустой, но и крупой (гречиха, просо). Можно содержать на свои рессурсы всех городских лошадей, благодаря чему легче провести национализацию извозного промысла. За исключением столиц, вышеприведенная программа (поскольку она не задается утопической целью снабдить и хлебом все городское население) может быть практически осуществлена для всех городов Республики в течение ближайшего же года, как показал опыт.

Но городские совхозы имеют огромное значение еще в двух отношениях. Во-первых, для наиболее полного использования колоссального количества удобрения, доставляемого городом в виде нечистот, отбросов и экскрементов. Это удобрение в значительной части теперь пропадает зря. Во-вторых, для соединения промышленности с земледелием. Определенная часть городского населения в ближайшие годы может принять участие в земледельческих работах, без ущерба для промышленности, лишь на территории крупного городского земельного хозяйства.

Советские хозяйства и городские земельные хозяйства должны сыграть не только роль показательных хозяйств, но и самым решительным образом повлиять на смягчение продовольственного кризиса. Опыт показал, что в наиболее острый момент перед реализацией нового урожая, когда крестьяне еще не начали или только начинают молотить хлеб, советские хозяйства выводили продовольственные органы из критического положения. Первый хлеб нового урожая получался в 1918 и 1919 г.г. из советских хозяйств. Эта роль совхозов в будущем должна еще более увеличиться. При использовании всей площади совхозов Советская Республика в состоянии получить с них около половины всего хлеба,

необходимого для продовольствия городских рабочих и служащих и тем в значительной мере может ослабить свою зависимость от крестьянского хозяйства.

§ 108. Коммуна и артели.

Советские хозяйства могут в дальнейшем расти лишь за счет тех земель, которые сейчас пустуют на окраинах, или за счет тех казенных земель, которые путем мелиораций (т.-е. улучшений, расчисток, осушений и т. д.) могут быть пущены под обработку. Что же касается всего нашего сельского хозяйства, то это хозяйство может превратиться в социалистическое лишь тогда, когда по пути социализации тронется крестьянское земледелие. На советских хозяйствах крестьянство будет учиться выгодам крупного коллективного хозяйства. Осуществить же эти выгоды для себя оно может лишь путем оъбединения в коммуны и артели. В капиталистическом обществе переход от мелкого крестьянского хозяйства к крупному совершался обычно через разорение и пролетаризацию мелкого собственника. В социалистическом обществе крупное общественное хозяйство может возникнуть из мелкого прежде всего путем объединения многих мелких хозяйств.

Среди крестьян слово „артель“ и „коммуна“ часто имеет одно и то же значение. Многие коммуны называются артелями, потому что крестьянин не любит слово „коммуна“ и боится его употреблять даже тогда, когда вынужден коммуну строить на практике. Вообще же различие между коммуной и артелью заключается в том, что артель есть только производственное объединение (товарищество в работе), коммуна же не только производственное, но и потребительское объединение (т.-е. товарищество не только по работе, но и по распределению и потреблению).

Число коммун и артелей быстро растет в Советской России. Вот последние данные на этот счет, относящиеся к осени 1919 года:

	Число.	Площ. удобн. земли.
Коммун	1.901	около 150 т. дес.
Артелей	3.698	„ 480 „ „ (вместе с товариществами)
Товариществ по общ. обраб. земли	668	

Приведенные цифры показывают, что движение в пользу образования коммун и артелей носит массовый характер и что движение это ширится и растет. Но эти цифры показы-

вают нам слабую сторону этого вида объединения. Прежде всего средний размер коммун невелик. Перед нами не переход от мелкого хозяйства к крупному, а переход к среднему хозяйству или даже хозяйству ниже среднего. Вследствие этого коммуна не может доказать и своим участникам, и всему окружающему населению всех выгод именно крупного хозяйства. На пространстве в 80 десятин не все машины могут быть использованы с полной выгодой и не всегда можно организовать плодосменное хозяйство. Однако и то, что достигается даже объединением в среднее хозяйство, имеет огромное значение. Используется выгода от разделения труда, часть женщин освобождается от работ на кухне и помогает быстрей кончать все сельскохозяйственные работы, является возможность обойтись меньшим количеством лошадей, все работы заканчиваются во-время, земля обрабатывается лучше, в результате урожайность выше, чем на крестьянских полосах.

Экономия в рабочих силах, достигаемая в коммуне, сказывается уже на том, что большинство коммун предпринимают ряд работ не земледельческого характера: строят мельницы, открывают кустарные мастерские, ремонтные и иные и т. д.

Следующий шаг коммуны могут сделать по пути к социализму лишь путем дальнейших объединений.

Этого можно достигнуть или слиянием двух соседних коммун, или увеличением данной коммуны путем приема десятков новых членов из прилегающих крестьянских обществ, или слиянием коммуны или коммун с соседним советским хозяйством.

Важнейшая задача коммунистической партии в деревне состоит в настоящий момент в том, чтобы все мелкое крестьянское хозяйство поднять на высшую ступень, на ступень сначала среднего коммунального хозяйства. Есть все основания думать, что именно этим путем пойдет, главным образом, в дальнейшем развитие производительных сил деревни. Пролетарское государство имеет возможность ускорить этот процесс не только путем планомерной агитации словом и агитацией делом (советские хозяйства), но и предоставлением нарождающимся коммунальным хозяйствам всех выгод материального свойства (денежная поддержка, снабжение семенами, скотом, инвентарем, агрономической помощью).

§ 109. Общественная обработка земли.

Коммуна является наиболее тесным объединением крестьян не только для работы, но и для распределения и со-

вместной товарищеской жизни. Артель является постоянным объединением только для работы. Общественная же обработка земли—это объединение еще менее тесное, еще более свободное и, если хотите, случайное, чем артель. Определенное сельское общество, которое не может образовать коммуну вследствие внутренних несогласий, которое не может по тем же причинам сплотиться в артель, может, однако, дойти до общественной запашки, ничем другим не связывая своих участников. В результате все останется по-старому, кроме одного очень важного обстоятельства: общественная земля не будет делиться на полоски, а будет обработана миром. Останется у каждого двора по огороду, вся собственность каждого крестьянина сохранится, но только и машины и лошади будут работать определенное время на все село.

Положением о социалистическом землеустройстве, утвержденным Центральным Исполнительным Комитетом, предусмотрен и этот случай самой первоначальной ступени коллективного хозяйства. Выгоды этой формы объединения заключаются в том, что каждый крестьянин сохраняет полную свободу действий во всем, кроме самого процесса работы, и потому легче может пойти на такое объединение, не рискуя потерять свою самостоятельность. Между тем общественная обработка уже дает массу выгод: уничтожение чересполосицы, возможность многопольной системы хозяйства, полное использование инвентаря, разделение труда при работе, в помощь семьям, лишенным работников, инвентаря, скота и т. д.

Можно ожидать, что общественная обработка земли, как первая ступень к коллективному хозяйству, получит в нашей деревне самое широкое распространение. Уже имеются данные, что в земледельческий сезон 1919 г. такая обработка имела место в целом ряде местностей. Очень большие общества делились на десятки и обрабатывали сообща землю. В некоторых случаях таким образом обрабатывалась часть общественной земли.

§ 110. Сельскохозяйственная кооперация.

Еще до революции среди крестьянства получила широкое распространение кооперация по обработке различных продуктов сельского хозяйства. Сюда относятся сыроваренные и маслодельные артели, очень распространенные, главным образом, в северных губерниях и в непроизводящих губерниях по верхней Волге. Сюда относятся различные артели и това-

рищества по первоначальной обработке льна, по выработке патоки, сушке овощей, прессовке сена и т. д. Советская власть оказывает всем этим объединениям всяческую поддержку. Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы побуждать трудящиеся слои деревни к образованию таких кооперативов, к увеличению их размеров и усовершенствованию способов обработки и в то же время бороться со всеми попытками мелкого капитала окопаться в таких артелях для борьбы с Советской властью и крупным социалистическим хозяйством.

§ 111. Государственный засев пустующих земель, мобилизация агр. сил, прокатные пункты, мелиорация, переселение.

Огромное расстройство сельского хозяйства, вызванное войной, привело к постоянному недосеву на очень значительной площади. Пролетарское государство не может оставить пустующими земли в то самое время, когда в городах и в непроизводящих губерниях царит острый продовольственный кризис. Поэтому советское государство берет на себя засев пустующих земель, кому бы они ни принадлежали. Эта мера имеет особенно важное значение в местностях, служивших ареной гражданской войны, потому что здесь весьма часто все кулацкое население деревень бросает свои земли и уходит вместе с противником. Столь же большое значение имеет и государственная уборка покинутых владельцами посевов или посевов, которые не могут убрать их собственники своими силами.

Поднять совершенно расстроенное земледельческое хозяйство России можно лишь рядом решительных и революционных мер. Одной из таких мер является мобилизация агрономических сил, т.-е. объявление всех агрономов на положении военно-обязанных. Агрономов всегда было мало в России. Но теперь недостаток агрономических сил чувствуется наиболее сильно вследствие огромной работы по переустройству сельского хозяйства и подъему его производительных сил, которую предстоит проделать в нашей деревне. Мобилизация агрономических сил—это есть в сущности социализация агрономических знаний, которыми государство в состоянии распорядиться с наибольшей целесообразностью.

Империалистская война лишила Россию возможности получать из-за границы земледельческие машины. Наше сельскохозяйственное машиностроение никогда не удовлетворяло внутреннего спроса, и много машин, в том числе почти все

наиболее ценные и сложные машины, мы получали из Германии, Швеции и Америки. В то же время вследствие недостатка металла, топлива и ряда других причин сократилось до минимума производство наших машиностроительных заводов. Все это привело к огромному недостатку инвентаря в сельском хозяйстве. При колоссальной потребности в машинах и при крайне малых запасах их, которыми располагает пролетарское государство, огромное значение имеет правильное распределение инвентаря и наиболее полное его использование. Такое использование невозможно при частной собственности на сельскохозяйственное орудие, потому что часть времени машина лежит без употребления у ее владельца, в то время как соседям нечем пахать или убирать урожай.

Чтобы помочь как раз наиболее нуждающимся в инвентаре слоям деревни и чтобы этот инвентарь был использован полностью, необходимо не отдавать его в частную собственность, а снабжать нуждающееся в машинах население через прокатные пункты. Иными словами, предназначенный для крестьянства инвентарь, распределенный между определенными районами (село, волость, округ), не продается отдельным крестьянам, а остается на складах, с которых и предоставляется в распоряжение всех нуждающихся на время и за известную плату для погашения расходов. Такие склады называются прокатными пунктами. Там инвентарь хранится, приводится в порядок после работы, а в хорошо поставленных пунктах и ремонтируется. Прокатные пункты существуют уже и действуют, хотя еще и очень мало. Задача Советской власти должна состоять в том, чтобы по возможности все сельскохозяйственные машины и без исключения все сложные машины, предназначаемые для деревни, поступали только на прокатные пункты. Это обеспечивает полное использование инвентаря в протяжение всего рабочего периода машины, не говоря о том, что помогает бедноте, не имеющей средств купить машину в собственность. На прокатные пункты должен поступать инвентарь, конфискуемый у кулачества. В конце-концов широко поставленная система снабжения инвентарем через прокатные пункты может постепенно, но верно привести к национализации важнейших орудий сельскохозяйственного производства и, следовательно, кроме непосредственной помощи крестьянскому хозяйству, способствовать его обобществлению. В земельной программе пролетарской власти в России мелиорации должно принадлежать одно из важнейших мест. В распоряжении Советской власти находится несколько миллионов десятин, которые теперь негодны для обра-

ботки, но могут быть сделаны годными после не особенно больших работ по чистке, корчеванию, осушению, дренажу (осушение через подземные трубы и каналы), искусственному орошению и т. д. Насколько тесны пределы для расширения площади советских хозяйств на пространствах, уже находящихся или находившихся под обработкой, настолько безграничны площади, которые путем мелиораций может отвоевать себе у природы наше молодое социалистическое земледелие.

Работы по улучшению почвы—это важнейшие из общественных работ, которые предстоит организовать Советской власти и для которых в первую голову должны быть использованы все паразитические слои общества.

Переселенческая политика. В нашей программе нет этого пункта, но на нем следует остановиться, потому что при Советской власти придется рано ли, поздно ли практически работать, какой переселенческой политики ему следует придерживаться.

Несмотря на раздел помещичьих земель, малоземелье очень остро чувствуется в ряде губерний уже сейчас. В то же время на наших окраинах огромные пространства свободных земель еще есть. Переселение из центра на окраины неизбежно в ближайшем же будущем. Задача пролетарского государства будет заключаться тогда в том, чтобы размещать на новых местах переселенцев не на отдельных участках для мелкого хозяйства, а приготовлять им все необходимое для крупного коммунистического хозяйства (общие постройки, общую площадь, распланированную для многопольного хозяйства, сложные машины и т. д.).

§ 112. Помощь крестьянскому хозяйству.

И советские хозяйства, и коммуны с артелями, и все вышеперечисленные мероприятия могут поднять производительность труда в земледелии и урожайность земли путем организации крупного коллективного хозяйства. Этот путь есть единственно верный и скорый путь, прямо приводящий к цели. Но какие бы успехи мы ни имели в области организации совхозов и коммун, мелкое крестьянское хозяйство еще долго будет существовать и значительное время будет господствующей формой земледелия в России как по размерам обрабатываемой площади, так и по количеству добываемых продуктов. Возникает вопрос о том, как помочь этому хозяйству поднять производительность земли, хотя бы

оно продолжало мариноваться в своей мелкобуржуазной шелухе.

Наша программа намечает ряд мероприятий, которые может провести в жизнь Советская власть в целях помощи мелкому крестьянскому хозяйству. Вот эти мероприятия.

Во-первых, помощь в деле размежевания. Главное зло нашей деревни, с которым чем дальше, тем меньше мирятся теперь уже сами крестьяне, — это чересполосица и длинноземелье. Сплошь и рядом земли одного общества подходят к огородам другого и наоборот. Некоторые участки лежат на расстоянии 7—10 верст от поселков и часто остаются необработанными. Для уничтожения чересполосицы и длинноземелья крестьянство стихийно потянулось на поселки, стремясь изменить устаревшую карту расселения, в большинстве не соответствующую новому распределению земли после передела помещичьей земли. Поскольку стремление на поселки есть один из видов борьбы с чересполосицей и длинноземельем и является предпосылкой для более культурного хозяйства, поскольку вообще крестьянство нуждается в помощи при размежевании, Советская власть должна придти ему на помощь своими землемерными и агрономическими силами.

Русский крестьянин в большинстве засевает землю такими же семенами, какие отдает в помол. Между тем при засеве сортированными семенами урожай при прочих равных условиях получается значительно выше. Еще выше урожай при засеве улучшенными семенами. Эти семена могут быть получены крестьянством только через государство, потому что только оно в состоянии закупить их за границей, либо поделиться к крестьянством небольшими запасами усовершенствованных семян, сохранившихся от истребления в советских хозяйствах.

Крестьянский скот сильно измельчал и выродился. Необходимо улучшение породы крестьянского скота. Между тем все, что осталось в России ценного из племенного скота, в настоящий момент собрано в советских имениях и советских фермах, либо числится на учете советских органов животноводства. Путем организации случных пунктов при каждом совхозе, имеющем племенной скот, и путем планомерного распределения производителей по районным случным пунктам государство в состоянии оказать огромную поддержку упавшему крестьянскому животноводству.

Огромное большинство нашего крестьянства незнакомо с целым рядом самых основных и чрезвычайно важных агрономических знаний. Распространение агрономических знаний

при таких условиях уже само по себе должно способствовать улучшению обработки земли. Кроме чтений лекций на агрономические темы, которые обязательны для советских агрономов с участковых агрономических пунктов, это достигается устройством ряда лекций в совхозах, устройством кратковременных курсов, показательных полей, сельскохозяйственных выставок, изданием популярной агрономической литературы и т. д.

Кроме распространения агрономических знаний, Советская власть должна обеспечить крестьянам непосредственную агрономическую помощь. При всей бедности нашей агрономическим персоналом мобилизация агрономов уже достигла цели в том отношении, что агроном, обслуживавший раньше почти исключительно помещичьи хозяйства, работает теперь в пользу крестьянина. Кроме того, Советской власти необходимо готовить в самых широких размерах агрономические силы из самого крестьянства. Кроме увеличения числа сельскохозяйственных курсов и сельскохозяйственных школ, это в ближайшее время легче всего достигнуть путем прохождения специальных курсов со стороны наиболее способных членов коммуны и артелей, которые образуют тогда передовой слой агрономически образованных земледельцев из среды самого крестьянства.

Огромное значение имеет в настоящий момент для крестьянства возможность ремонтировать износившийся инвентарь. Никакие мелкие частные кустарные мастерские при теперешнем железном голоде не в состоянии выполнить весь необходимый ремонт. Лишь государство в состоянии организовать это дело в надлежащем размере как путем расширения ремонтных мастерских совхозов, так и путем создания планомерно раскинутой сети мастерских специально для крестьянского ремонта.

Миллионы десятин крестьянской земли негодны для обработки, в то время как превращение их в годные для пашни вполне возможно. Это не делается, с одной стороны, потому что подобные работы часто не под силу одному обществу, с другой стороны, крестьянство не знает способов их мелиорации. В этой области помощь крестьянам со стороны пролетарского государства может быть особенно ценной, и она уже оказывается, несмотря на гражданскую войну в целом ряде мест.

Каждая десятина давала средний урожай за период с 1901—1910 года.

	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Овес.	Картофель.
Дания	120	183	158	170	
Голландия	111	153	176	145	1079
Англия	—	149	127	118	908
Бельгия	145	157	179	161	1.042
Германия	109	130	127	122	900
Турция	98	98	117	105	
Франция	70	90	84	80	563
Соедин. Штаты	67	64	93	74	421
Россия	50	45	51	50	410

Таким образом, несмотря на то, что земли в России лучше, чем на Западе, мы стоим на самом последнем месте по урожайности нашей земли. Мы получаем с десятины овса в три с половиной раза меньше, чем в Дании, Бельгии; пшеницы получаем в четыре раза меньше, чем в Дании, и в три раза меньше, чем в Германии и Англии; ржи получаем в три раза меньше, чем в Бельгии; даже в Турции десятина земли дает вдвое больше всяких хлебов, чем десятина крестьянской пашни.

Надо еще добавить, что урожайность на крестьянских землях России еще ниже, чем показано в таблицах, потому что средняя урожайность вычислялась между всеми землями, в том числе и помещичьими, где урожайность превышает крестьянскую, начиная с одной пятой и доходя до двух раз с половиной.

Таким образом, не увеличивая количества земли, крестьянство имеет возможность получать урожаи в два-три раза больше, чем теперь, если перейдем от старых дедовских к новым усовершенствованным способам земледелия.

§ 113. Соединение промышленности с земледелием.

Развитие городов, вызванное отделением промышленности от земледелия и увеличением роли промышленности во всем процессе общественного хозяйства, приняло в последнюю эпоху капитализма совершенно уродливый характер. Все лучшие силы деревни систематически бежали из деревни в город. Городское население росло не только быстрей сельского, но и за счет сельского. В ряде капиталистических стран земледельческое население абсолютно уменьшилось. С другой стороны, отдельные города выросли до чудовищных размеров. Все это привело к ряду весьма вредных последствий как для города, так и для деревни. Укажем важнейшие: обезлюдение и одичание деревни, оторванность ее от городской культуры, оторванность городского жителя от природы, здорового земледельческого труда и в итоге быстрое физическое вырождение городского населения, нецелесообразное перенесение в город ряда производств, перерабатывающих продукты сельского хозяйства, огромное истощение почвы, вызванное тем, что город не возвращает деревне в виде удобрения то, что берет у нее в форме продовольствия, и т. д.

Приближение города к деревне, соединение промышленности с земледелием, привлечение к сельскому хозяйству фабричных рабочих—вот ближайшие цели коммунистического строительства в этой области. Начало положено здесь припиской нескольких десятков тысяч десятин советских земель к различным заводам, учреждениям и предприятиям, намечающимся планомерным и организованным переводом городских рабочих в советские хозяйства, созданием огородных хозяйств отдельными заводами и фабриками, коммунистическими субботниками городских рабочих в пригородных деревнях, мобилизацией советских служащих на уборку городских огородов и т. д.

Коммунистическая партия будет добиваться и дальнейших шагов в том же направлении, исходя из убеждения, что будущее принадлежит объединению промышленности с земледелием, которое приведет к рассасыванию на территории деревни исполински разросшихся и чудовищно перенаселенных городов.

§ 114. Тактика коммунистической партии по отношению к крестьянству.

В нашей аграрной программе мы говорим о том, что мы хотим осуществить в земледелии. Скажем теперь о том, как мы думаем осуществить нашу программу, на какие слои предполагаем опираться, какими методами думаем привлечь к себе крестьянское большинство или, по крайней мере, обеспечить его нейтралитет.

В борьбе с помещичьим землевладением городской пролетариат имел за собой все крестьянство поголовно, не исключая и кулачества. Этим объясняется быстрый успех октябрьского переворота, который сбросил буржуазное временное правительство, пытавшееся оттянуть ликвидацию помещичьего землевладения. Но уже проведение в жизнь закона о так-называемой социализации земли с уравнительным разделом земель отбросило кулачество в лагерь контр-революции. Кулачество потеряло часть покупной земли, которую имело до революции, потеряло землю, которой пользовалось, арендуя наделы бедноты. Оно потеряло все, что успело захватить при разгроме помещичьих имений. Наконец, оно лишилось возможности применять наемный труд. Кулачество представляет собой класс, который должен был бы сменить собой помещика, если бы наша революция осталась в пределах буржуазно-демократического переворота. Оно является классом, который по самой своей природе смертельно враждебен всем

попыткам социалистической организации земледелия. Наоборот, этот класс является претендентом на то, чтобы двинуть развитие нашего сельского хозяйства по типу фермерского хозяйства Дании и Америки. Если бы не пролетарская власть и ее социалистическая политика, то на расчищенной от помещика почве в России с чрезвычайной быстротой развилось бы среднее буржуазно-фермерское хозяйство с наемным трудом, улучшенными способами обработки земли и с наличием здесь же рядом огромного слоя полупролетарского крестьянства. Кулак вступил в революцию, окрыленный самыми розовыми надеждами и предчувствиями, а вышел из нее общипанным даже на ту часть своей собственности, которой он располагал до революции. Кулачество до своей полной ликвидации неизбежно должно выступать в качестве непримиримого врага пролетарского государства и его земельной политики и в свою очередь может ожидать от Советской власти лишь самой беспощадной борьбы со своими контр-революционными попытками. Не исключена возможность и того, что Советской власти придется проводить планомерную экспроприацию кулачества, мобилизуя его на общественные работы и прежде всего на работы по мелиорации крестьянских и государственных земель.

Главную массу крестьянства России образует среднее крестьянство. Середняк получил помещичью землю при помощи городского пролетариата, и лишь при помощи его он может эту землю удержать от напора буржуазно-помещичьей контр-революции. Точно так же лишь в союзе с пролетариатом, лишь идя за ним, лишь подчиняясь его руководству, среднее крестьянство может спастись от натиска мирового капитала, от грабежа империалистских разбойников, от уплаты миллиардов денег по долгам царизма и временного правительства. Наконец, лишь союз с социалистическим пролетариатом даст ему возможность без нищеты, разорения и невероятных мук перейти от мелкого хозяйства, *при всяких условиях осужденного на исчезновение*, к наиболее выгодному, наиболее производительному крупному товарищескому хозяйству.

Наоборот, душа мелкого собственника тянет середняка на союз с кулачеством, к этому толкает его в особенности необходимость делиться с городским рабочим излишками хлеба, делиться впереди без надежды немедленно получить в обмен продукты городской промышленности. Коммунистическая партия должна поэтому стремиться оторвать среднее крестьянство от кулака, который в сущности выступает агентом мирового капитала и провокаторски стремится довести крестьянство до потери всех его завоеваний, полученных в ходе революции.

Наша партия должна, далее, с особой ясностью доказать среднему крестьянству, что лишь очень временные и минутные интересы могут соблазнять его идти вместе с кулачеством и буржуазией, и, наоборот, более длительные, более важные, более основные интересы диктуют ему, как трудящемуся классу, союз с городским пролетариатом. Наконец, борясь за социалистическое переустройство сельского хозяйства, мы не должны раздражать середняка неосторожностью и поспешностью своих мероприятий, всячески избегая насильственного притягивания его к коммунам и артелям. В настоящий момент основная задача коммунизма в России заключается в том, чтобы рабочие по своим, а крестьяне по своим мотивам разгромили контр-революцию[1]). Когда это произойдет, то для социалистического переустройства земледелия не будет никаких неодолимых преград. Что касается деревенской бедноты, то из пролетарских и полупролетарских ее слоев, хотя значительная часть этой бедноты как раз благодаря революции перестала существовать, поднявшись хозяйственно до уровня среднего крестьянства, тем не менее именно эта часть деревни продолжает оставаться наиболее последовательной основой в пролетарской диктатуре. Благодаря союзам бедноты, Советской власти удалось нанести ряд наиболее серьезных ударов кулачеству и оторвать от него середняка. Благодаря коммунистически настроенной бедноте, удалось создать аппарат Советской власти в деревне и провести первые, наиболее важные и решающие военные мобилизации крестьянства. Наконец, беднота до последнего времени давала большую часть членов в коммуны и артели и помогала проводить все земельные и не только земельные декреты Советской власти.

Главная задача коммунистической партии по отношению к деревенской бедноте заключается в том, чтобы вывести ее из того распыленного состояния, в котором она очутилась с роспуском комитетов бедноты. Лучше всего можно сплотить бедноту на производственной основе, прочней всего можно закрепить ее влияние в деревне, дав ей возможность окрепнуть на почве более совершенного способа сельского хозяйства. Этого можно достигнуть, если вся беднота перейдет к артельной или коммунальной обработке земли. Кулак си-

---

[1]) При нашей агитации за деятельное участие крестьянства в гражданской войне необходимо подчеркивать именно крестьянские мотивы участия в этой войне. Крестьянству не то интересно, что мы боремся за социализм, как за таковой, а то, что мы лишаем империализм возможности варварски эксплоатировать мелкого собственника и не даем посадить ему снова на шею помещика или купца.

лен в деревне потому, что он—хороший хозяин. Кулацкое хозяйство—это сливки мелкобуржуазного крестьянского хозяйства. Объединяясь в коммуны, беднота делается представительницей более совершенного способа производства, чем обычное крестьянское производство, экономически она делается сильней середняка и даже кулака. И вот на этой экономической основе, на этом-то материальном превосходстве коммунара над мелким хозяйчиком может быть построена диктатура бедноты в деревне. Но это будет уже не диктатура в собственном смысле бедноты, не господство „голи и дармоедов", как жаловался кулак в период комбедов, и не всегда безосновательно. Это будет господство передового слоя трудящейся деревни, обогнавшего большинство на два столетия.

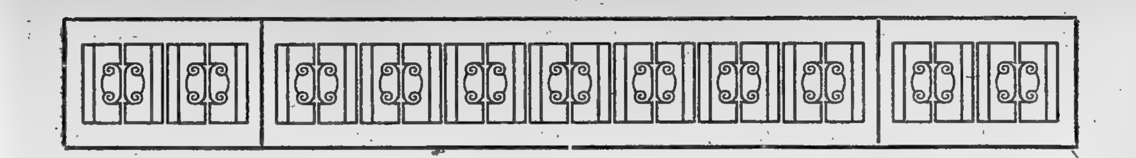
Но сплотить всю бедноту в коммунах чрезвычайно трудно. В последнее время в коммуны и особенно в артели идет в большом количестве уже крестьянин-середняк. Необходимо создать ряд профессиональных объединений бедноты, как таковой, поскольку она еще не порывает с мелким хозяйством. Это объединение бедноты должно продолжать борьбу с кулачеством, незаконченную комбедом, беднота должна объединиться на почве взаимопомощи, она должна войти в экономические отношения с государством, поскольку она может брать от него определенные работы и получать взамен различные продукты на льготных условиях и вообще всякую экономическую поддержку. В России существует огромное количество самых различных объединений бедноты, но все они носят местный характер или же являются очень временными и случайными организациями. Надо сплотить эти организации в более крупные единицы. Огромное будущее принадлежит объединениям бедноты из непроизводящих губерний, занятым неземледельческими работами (гонка дегтя, смолы, рубка и складка дров, различные виды переработки дерева и проч.)

Задача коммунистической партии по отношению к бедноте заключается далее в том, чтобы тесней слить ее с городским пролетариатом, оторвать от мелкобуржуазных привычек и несбыточных надежд на самостоятельные индивидуальное крепкое хозяйство и создать всюду, где есть скопление бедноты, коммунистические ячейки и группы сочувствующих. Каждый бедняк должен стать коммунаром. Каждый коммунар—коммунистом.

Литература. Ф. Энгельс: „Крестьянский вопрос во Франции и Германии". Ленин: „Аграрный вопрос и критика Маркса". Ленин: „Аграрный вопрос в России к концу XIX века".

Из популярных брошюр, изданных после революции: Я. Жегур: „Организация коммунистических хозяйств в земледелии“. Кий: „Сельская коммуна“. Н. Мещеряков: „О сельскохозяйственных коммунах“. Е. Преображенский: „О сельскохозяйственных коммунах“. Ю. Ларин: „Урбанизация земледелия“. Н. Мещеряков: „Национализация земли“. Н. Ленин: „Речь об отношении к среднему крестьянству на VIII-м съезде коммунистической партии“. М. Суматохин: „Давайте жить коммуной“. Н. Ленин: „Борьба за хлеб“.

Многих брошюр, которые уже устарели, мы не указываем. Более подробный указатель имеется в брошюре В. Керженцева: „Библиотека коммуниста“.



ГЛАВА XIV.

Организация распределения.

§ 115. Ликвидация частной торговли. § 116. Потребительские коммуны. § 117. Кооперация прежде. § 118. Кооперация теперь. § 119. Другие органы распределения.

§ 115. Ликвидация частной торговли.

Каждому способу производства соответствует особый способ распределения. С уничтожением капиталистической собственности на орудие производства Советская Республика неизбежно столкнулась с капиталистическим аппаратом распределения, т.-е. с торговлей, и должна была приступить к ее постепенному уничтожению. Прежде всего были конфискованы крупные торговые склады. Это было необходимо еще и по причинам острого продовольственного кризиса и товарного голода. Припрятанные спекулянтами в ожидании повышения цен товары поступили в распределение трудящимся массам, и это несколько ослабило кризис в первые недели после октябрьского переворота.

Но национализация торговых складов была лишь первым шагом. Вслед за этим была проведена национализация крупной торговли. Это было сделано как для борьбы со спекуляцией и в целях учета имеющихся в Республике товаров, так и для распределения товаров прежде всего между трудящимися классами. Советская власть ввела классовый паек не только на продовольствие, но и на мануфактуру и все предметы домашнего обихода.

Но, быть может, Советской власти было бы выгодней поступить так: конфисковать все запасы товаров у всех частных торговцев, распределить их по классовому пайку, но не разрушать самого торгового аппарата, наоборот, воспользоваться им, заставить его себе служить.

В действительности в значительной мере было сделано именно так. Товары были конфискованы, к сожалению, лишь слишком поздно, когда большая часть их уже была превращена в деньги, припрятанные их владельцами. Весь аппарат крупных магазинов целиком перешел к Советской власти и начал работать при содействии профессионального союза торговых служащих. Была устранена лишь хозяйская верхушка, которая теперь была бы в полной мере паразитическим элементом. В самом деле, раньше товар надо было закупать, разыскивать его, совершать сделки. С тех пор, как главным производителем товаров на национализированных заводах является само пролетарское государство, было бы бессмысленно, если бы оно само себе перепродавало товар, содержа на своей шее торговцев. С другой стороны, поскольку проводится хлебная монополия, между крестьянином и государством, с одной стороны, между государством и потребителем—с другой,—совершенно излишни торговые посредники. Крестьян они ничем не могут соблазнить отдавать хлеб государству, покупателей для хлеба искать тоже нечего, их некуда девать.

Таким образом, поскольку пролетарская власть овладела производством ряда важнейших продуктов и значительная часть продовольствия заготовляется ее органами, ей необходимы свои аппараты распределения. Частной торговле здесь нечего делать.

Но как быть с мелкой частной торговлей, которая распределяет продукты мелкого самостоятельного кустарного производства? Этим производством Советская власть еще не овладела. Ей еще не удалось стать монопольным скупщиком его продуктов. Как быть с мелкой торговлей, которая перераспределяет среди населения такие продукты (конечно, по бешеным ценам), какие не могут заготовить по твердым ценам агенты Советской власти?

Вопрос этот несомненно более сложный, чем вопрос о крупной торговле, уничтожение которой было предрешено уже фактом экспроприации капиталов вообще. Советской власти нет никакого смысла просто запрещать мелкую торговлю, раз она сама не в состоянии всецело заменить эту торговлю деятельностью своих органов распределения. Были случаи, когда местные советы и ревкомы, особенно в местностях, очищенных от белогвардейцев, запрещали вольную торговлю, не создав своих продовольственных аппаратов или, что еще важней, не обеспечив хотя сколько-нибудь правильного снабжения населения через эти аппараты. В результате частная торговля делалась нелегальной, и цены повышались во много

раз. Мелкая торговля будет убита лишь постепенно, по мере того, как все большее и большее количество продуктов, поступающих для снабжения населения, будет проходить через руки государства. Если теперь Наркомпрод существует рядом с пышно распустившейся Сухаревкой, то это значит лишь одно: война между капитализмом и социализмом в области распределения продолжается, она идет теперь на позициях мелкой торговли и будет закончена лишь тогда, когда государственная власть превратится в главного скупщика продуктов мелкой промышленности или, что будет позднее, сама превратится в производителя этих продуктов. Сюда не относятся, конечно, те случаи, когда мелкая частная торговля пускает в ход продукты, уже бывшие в руках продорганов, когда дело идет о борьбе с воровством и другими недостатками советского механизма распределения. Во всяком случае мелкая торговля будет существовать до тех пор, пока не восстановится крупное производство в городах и снабжение населения основными продуктами потребления не сделается на деле государственной монополией.

Таким образом, хотя уничтожение всех и всяких частных посредников в распределении составляет цель социализма и со временем эта цель будет достигнута, на ближайшее время полное уничтожение аппарата мелкой торговли невозможно.

§ 116. Потребительские коммуны.

Поскольку главная масса продуктов, предназначенных для населения, проходит или будет проходить через продовольственные органы государства, должны существовать соответствующие социалистические органы распределения. Эти органы должны удовлетворять следующим требованиям: они должны быть централизованы. Это обеспечивает наиболее справедливое и равномерное распределение. Это уменьшает издержки на содержание аппарата, который при социализме должен во всяком случае требовать гораздо меньше сил и средств, чем частно-торговый аппарат. Социалистический распределительный аппарат должен работать с наибольшей быстротой. Это чрезвычайно важно. Необходимо, чтобы не только сам аппарат требовал минимума сил и средств от государства, но чтобы он не отнимал ни минуты лишнего времени у потребителя. Иначе это приведет к огр мной непроизводительной растрате сил всего общества. При существовании частной торговли потребитель в нормальной обстановке капиталистического хозяйства мог, имея деньги, приобрести что угодно и когда угодно.

Социалистический аппарат в этом отношении не должен быть хуже частно-торгового. Между тем именно в силу большой централизации этот аппарат может легко превратиться в очень громоздкую бюрократическую и чрезвычайно медленно работающую машину, которая может сгноить много товаров раньше, чем они дойдут до потребителя. Как же создать этот аппарат?

Перед Советскою властью было два выхода: или создать заново весь аппарат распределения, или использовать все те органы распределения, созданные капитализмом, которые можно было заставить служить целям социалистического распределения.

Советская власть стала на второй путь. Создавая свои органы, где это было необходимо, особенно в первый период ломки капиталистических отношений, она обратила свое внимание на кооперацию, поставив себе целью использовать кооперативный аппарат для распределения продуктов.

§ 117. Кооперация прежде.

При капиталистическом строе основная задача кооперации заключается в том, чтобы освободить потребителя от торгового посредника-спекулянта, оставить торговую прибыль в руках объединенного потребителя и гарантировать ему доброкачественность продуктов. Этой цели кооперация достигала более или менее успешно, но достигала только для своих членов, т.-е. только для части общества. Что же касается ребяческих мечтаний кооператоров о мирном обновлении капитализма при помощи кооперации, то в этом отношении в действительности дело обстоит так: при всех своих успехах кооперация более или менее заметно вытесняет лишь мелкую торговлю и почти не задевает крупную, пользуясь сама ее услугами. Что же касается производительных предприятий кооперации, то в общей системе капиталистического производства она занимает совершенно ничтожное место и никакого влияния на ход и развитие капиталистической промышленности не оказывает. В общем гигантская организация капитала никогда не считала кооперацию серьезным конкурентом. Обладая полной возможностью задушить ее экономически как котенка, когда бы это оказалось нужным, она предоставляла идеологам кооперации мирно мечтать о вытеснении капитализма, а кооперативным бухгалтерам восторгаться барышами, отнятыми у мелких лавочников. Кооперация сама вполне приспособилась к капитализму и занимала в его системе распре-

деления известное место. Она даже была выгодна для капитализма, уменьшая издержки на аппарат распределения и тем вытесняя часть излишнего торгового капитала в промышленность. С другой стороны, кооперация, сокращая число мелких торговых посредников и приближая потребителя к крупно-капиталистическому производителю, ускоряла торговый товарооборот, обеспечивала своевременную добросовестную уплату по обязательствам и в конечном счете делала еще более безнадежным положение резервной армии промышленности, из которой обыкновенно значительная часть безработных отливала в мелкую торговлю. Кроме того, рядом исследований установлено, что поскольку мы имеем дело с крестьянской кооперацией, то повсюду эта кооперация приносит наибольшие выгоды крепкому зажиточному крестьянству, почти не помогая бедноте. По своему классовому составу потребительская кооперация делится на рабочую кооперацию, крестьянскую и обще-гражданскую городскую, т.-е. по существу мелкобуржуазную и чиновничью. Рабочая кооперация была всегда самой левой в общей сети кооперативных организаций и самой правой в сети классовых пролетарских организаций. В крестьянской кооперации задает тон крупное крепкое крестьянство. В городской кооперации руководит мелкобуржуазная интеллигенция, которая выступает в роли идеолога всей вообще кооперации и обещает ей великое будущее по части сокрушения капитализма ковригами кооперативного хлеба и картошки.

Истинная природа кооперации была вскрыта октябрьской пролетарской революцией в России. За исключением части рабочей кооперации вся остальная кооперация, особенно в лице своих интеллигентских и кулацких руководителей, заняла резко враждебную позицию по отношению к социалистическому перевороту. И наоборот, сибирская кооперация в лице закупсбыта и других союзов определенно стала на сторону белогвардейской контр-революции и за подавление Советской Республики силами мирового империализма.

На 1 октября 1917 года в России насчитывалось 612 союзных кооперативных объединений. Эта цифра, повидимому, ниже действительности, потому что по некоторым данным к 1 января 1918 г. можно было допустить существование до 1000 союзных объединений. В центросоюз входило на 1 января 1918 г. 281 объединение. Из 269 объединений насчитывалось 38.601 кооперативов с числом членов 13.694.196. Но так как один кооператив нередко входит в два и три союза сразу, то число кооперативов в России, очевидно, меньше указанного, точно так же и число членов. Что касается промышленной деятельности русских кооперативов, то в 1918 г. все кооперативы и союзы кооперативов имели 469 предприятий, в большинстве мелких.

§ 118. Кооперация теперь.

При господстве капитализма кооперация выполняла в общей его системе определенную роль. При Советской власти кооперативному аппарату суждено или постепенно отмирать вместе со всем другим аппаратом капиталистического распределения, или ему суждено войти в систему социалистического распределения, поднявшись до роли государственного распределительного аппарата. Старые хозяева кооперации—меньшевики, эс-эры и всякого рода „социалисты" колчаковского типа—хотели бы оставить кооперацию независимой от пролетарского государства, т.-е. обеспечить ей свободу умирания. Наоборот, Советская власть, считаясь с действительными интересами огромной массы трудящихся и, в частности, с массой кооперативных трудящихся, становится на другой путь. Не считаясь с настроениями верхушки интеллигентских кооперативов и не отбрасывая всего кооперативного аппарата из-за контр-революционных поползновений этой верхушки, Советская власть стремилась постоянно влить кооперативный распределительный аппарат в общую систему своих органов распределения. Она стремилась не сузить, а расширить рамки деятельности кооперации. Практические задачи, которые стоят здесь перед Советской властью и коммунистической партией, сводились в общем к следующему.

Нормальный кооператив буржуазного типа есть добровольческое объединение граждан, вносящих определенный пай в общество. Кооператив обслуживает, как правило, лишь своих членов, и только в случае, когда это не вредно членам, допускает продажу продуктов всему населению. Мы считаем необходимым, чтобы все население было кооперировано, чтоб каждый член общества был приписан к какому-нибудь кооперативу. Только тогда распределение через кооперативы будет означать распределение среди всего населения.

В потребительском обществе дело нормально ведется на основе самоуправления всех членов общества. (Если на практике правит небольшая кучка правленцев,—в этом вина самих членов. Конституция кооператива предоставляет возможность общему собранию членов быть хозяином дела). Когда все граждане Республики приписаны к кооперативам, им предоставляется полная возможность контролировать снизу доверху весь распределительный аппарат пролетарского государства. Если массами будет проявлена достаточная самодеятельность, они могут вести самую решительную и успешную борьбу с

злоупотреблениями и бюрократизмом всякого рода в деле распределения и добьются таким путем необходимой быстроты и аккуратности в работе государственно-кооперативной организации. Благодаря этому, благодаря участию самих потребителей в работе распределения, распределительные органы из висящих сверху над массами превратятся в органы самих этих масс, что несомненно будет способствовать развитию коммунистического сознания и сознательной товарищеской дисциплины среди трудящихся, а также поможет этим массам понять работу всего производственно-распределительного механизма социалистического общества в его целом. Далее необходимо после кооперирования всего населения, чтоб руководящую роль в кооперативах получали пролетарские слои населения. В городах это достигается путем наиболее деятельного участия в кооперативной деятельности городских рабочих, в проведении при выборах в правление коммунистического пролетарского большинства, а главное путем превращения именно рабочих, а не общегражданских кооперативов в потребительские городские коммуны. Необходимо с той же целью стремиться к тесной связи между кооперативами и профессиональными союзами, т.-е. между органами производства и распределения. Этой связи принадлежит огромное будущее. Со временем роль государства сведется к роли центральной счетной конторы, и тогда живая связь производственных организаций с распределительными приобретет особо важное значение. Наконец, необходимо участие коммунистов в качестве сплоченной группы в кооперативном строительстве и завоевание в кооперативах руководящей роли.

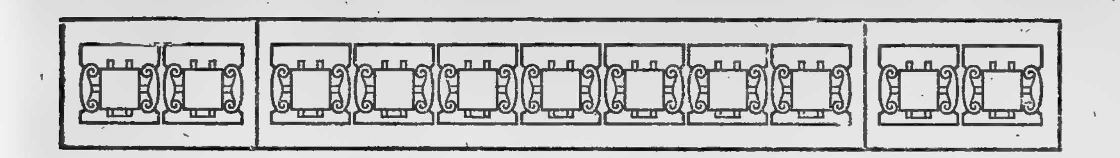
В деревне необходимо вытеснение кулачества из правлений кооперативов, прекращение всяких привилегий при распределении в пользу наиболее имущей части деревни, переход всего аппарата деревенских кооперативов в руки бедноты и сознательного среднего крестьянства.

§ 119. Другие органы распределения.

С момента октябрьского переворота в России возникло много различных распределительных органов, созданных революцией. В центре их—Народный Комиссариат Продовольствия со всеми своими разветвлениями по губерниям и уездам. Продовольственные органы имели и имеют свои органы распределения в виде сети продовольственных лавок и магазинов. Роль распределителей одно время имели в деревнях комитеты бедноты, создавшие противовес кооперативному распределе-

нию: в то время, как кооперативы в большинстве распределяли получаемые продукты по большей части в интересах зажиточного крестьянства, комитеты бедноты старались большую и лучшую часть получаемых от государства продуктов распределить среди бедноты. Большую роль играют в распределении домовые комитеты больших городов и дома-коммуны. Кроме того, распределением занимались профессиональные союзы и особенно фабрично-заводские комитеты.

Задача Советской власти состоит в том, чтоб все эти многочисленные органы распределения заменить единым распределительным органом или включить их в качестве звеньев в общий единый распределительный механизм. В этом отношении, например, домовые комитеты и дома-коммуны играют полезную роль, позволяя потребителям получать продукты, не простаивая в очередях целые часы и дни.



ГЛАВА XV.

Организация банков и денежное обращение.

§ 120. Национализация банков и единый народный банк; банк, как центральная бухгалтерия. § 121. Деньги и отмирание денежной системы.

§ 120. Национализация банков и единый народный банк; банк, как центральная бухгалтерия.

Относительно того, что такое банки и к чему сводится их роль в капиталистическом обществе, большинство рабочих имеет довольно смутное представление. Банк представляется каким-то огромным сундуком, куда богачи сносят свои капиталы. Рабочий, имеющий сбережения и отдававший их в банк, знает также, что за вложенные деньги платят проценты, а иногда вложенные в частный банк деньги вылетают в трубу, и владельцы вкладов разоряются.

Прежде всего банк—это не денежный сундук. В каждый данный момент в банке наличных денег совсем немного. Суть работы банка вовсе не в том, чтобы служить несгораемым ящиком для людей, имеющих сбережения. Правда, через банк проходят сотни миллионов сбережений, но они не лежат без дела. Собранные в банках деньги непрерывно пускаются в оборот. Во-первых, их дают в ссуду предпринимателям, которые открывают фабрики, эксплоатируют рабочих и часть прибыли отдают банку за эту ссуду (а банк часть своей прибыли отдает вкладчику). Во-вторых, сами банки открывают новые предприятия на полученные от вкладчиков суммы или финансируют уже существующие. Наконец, банки дают взаймы деньги государствам [1]) и берут с них проценты, т.-е. через

[1]) Например, нашему царскому правительству и правительству Керенского иностранные банки надавали в долг более 16 миллиардов рублей.

правительства грабят народы этих государств. А так как банки принадлежат небольшим кучкам крупнейших капиталистов, то работа банков сводится в конце концов к выкачиванию прибавочной стоимости посредством своего собственного капитала и капиталов, вложенных вкладчиками.

Но банки—это не только пауки, высасывающие прибавочный труд рабочих и крестьян. Они имеют и другое значение. Ведь если я, допустим, имею деньги и вношу их в банк, значит я имел какие-то товары, которые продал и превратил в деньги. Если через все банки проходят все новые и новые суммы денег, и число всех капиталов во всем обществе растет, то это значит, что в обращение поступают все новые и новые массы ценностей. Деньги—это свидетельство на продукт, это своего рода паспорта продуктов. По движению денег в общем и целом можно приблизительно судить о движении продуктов. Таким образом банки неизбежно превращаются в своего рода учетные конторы капиталистического общества.

Отсюда видно, какую роль могут играть банки в социалистическом обществе и что должен делать с ними пролетариат, захвативши власть.

После социалистического переворота, или, вернее, во время социалистического переворота, рабочему классу необходимо захватить все банки и прежде всего центральный государственный банк. Это необходимо, во-первых, затем, чтобы конфисковать все денежные вклады буржуазии, все ценные бумаги и всякие денежные обязательства капиталистов. Этим захватом наносится удар в самое сердце капиталистической эксплоатации.

Мы так и поступили в октябрьскую революцию и в ноябре 1917 г. и этим нанесли сокрушительный удар капиталистическим классам России.

Что же должна делать пролетарская власть с захваченными банками? Она должна использовать все, что есть ценного в банковской организации капитала. Т.-е. она должна сохранить банки, как аппараты учета производства и как распределители финансовых средств. Прежде всего должна быть произведена полная национализация банковского дела. Это значит, что не только все взятые у буржуазии банки превращаются в государственные учреждения пролетариата, но и все банковские операции на будущее время объявляются монополией государства. Никто другой, кроме государства, банков открывать не может.

Затем все банки должны быть объединены все вместе. Ненужные закрыты и оставлены лишь те, которые нужны, как отделение единого банка Советской Республики.

Вместо самых разнообразных способов счетоводства и самых разнообразных банковских операций, которые проделывались в буржуазных банках, в едином народном банке вводится единообразная и простая система учета. В результате пролетарское государство в состоянии будет иметь полную картину того, куда и сколько отпускается денег государством, откуда и сколько получено.

Но если в едином банке Республики будут подсчитываться все доходы и расходы государства, то чем станет банк, когда само государство будет, чем дальше, тем больше превращаться в правление единого огромного хозяйственного аппарата страны?

Ясно, что тогда банк будет тем же, чем бухгалтерская контора является при каком-либо хозяйственном предприятии. Банк, как таковой, постепенно будет уничтожаться и превращаться, как сказано в нашей программе, „в центральную бухгалтерию коммунистического общества".

§ 121. Деньги и отмирание денежной системы.

Коммунистическое общество не будет знать денег. В нем каждый работник будет приготовлять продукты для общего котла и не будет получать свидетельства в том, что он продукт сдал обществу, т.-е. не будет получать денег. Точно так же он не будет платить никаких денег обществу, когда ему нужно будет получить что-нибудь из общего котла. Другое дело—при социалистическом строе, который должен быть переходным строем от капитализма к коммунизму. Деньги неизбежно возникают и играют свою роль при товарном хозяйстве. Когда я, сапожник, хочу получить пиджак, я превращаю свой товар, т.-е. сапоги, сначала в деньги, т.-е. в товар, посредством которого, в обмен на который могу получить любой другой товар, в данном случае интересующий меня пиджак. Так поступает каждый товаропроизводитель. А в социалистическом обществе товарное хозяйство отчасти еще будет существовать.

Допустим, мы подавили успешно сопротивление буржуазии и превратили в трудящихся бывшие господствующие классы. У нас еще осталось крестьянство, которое не работает на общий котел. Каждый крестьянин будет стараться свой излишек перепродать государству, обменять его на нужный ему продукт промышленности. Крестьянин останется товаропроизводителем. И для расчета со своим соседом и для расчетов с государством деньги для него еще будут необходимы, как

необходимы они будут государству для расчета со всеми членами общества, еще не вошедшими в общую производительную коммуну. Тем более невозможно было сразу уничтожить деньги, что в огромном размере практикуется еще частная торговля, которую Советская власть пока еще не в силах всецело заменить социалистическим распределением. Наконец, деньги уничтожить и не выгодно сразу, поскольку выпуск бумажных денег заменяет налоги и дает возможность пролетарскому государству держаться в невероятно трудных условиях.

Но социализм есть коммунизм в постройке, недостроенный коммунизм. По мере успехов строительства деньги должны выходить из употребления, и государству в один прекрасный момент придется, быть может, придушить умирающее денежное обращение. Это особенно важно для действительного уничтожения остатков буржуазных классов, которые продолжают на припрятанные деньги потреблять ценности, создаваемые трудящимися классами в том самом обществе, где провозглашается заповедь: „нетрудящийся да не ест“.

Постепенно деньги теряют свое значение с самого начала социалистической революции. Все национализированные предприятия, подобно предприятию одного большого хозяина (в данном случае пролетарского государства), имеют общую кассу, и им не приходится продавать или покупать друг у друга за деньги. Постепенно вводится безденежный расчет. Благодаря этому из огромной области народного хозяйства деньги вытесняются. По отношению к крестьянству деньги также все более и более теряют свое значение, и на первый план выдвигается товарообмен. Даже в частной торговле с крестьянами все более и более деньги отходят на задний план, и покупатель может получать хлеб лишь за какие-либо натуральные продукты, как одежда, материя, посуда, мебель и т. д. Постепенному уничтожению денег способствует также и огромный выпуск бумажных денег государством, при огромном сокращении товарообмена, вызванного расстройством промышленности. Все более и более растущее обесценивание денег есть в сущности их стихийное аннулирование.

Но наиболее сильный удар будет нанесен существованию денег введением бюджетных книжек и уплатой за труд работникам продуктами. В рабочую книжку будет записываться, сколько он сработал, т.-е. сколько он имеет за государством. И по этой же книжке он будет получать в потребительской лавке продуктами. При этой системе не работающие ничего не могут получать за деньги. Но это может существовать лишь тогда, когда государство в состоянии будет сосредото-

чить в своих руках такое количество продуктов потребления, которого будет достаточно для снабжения всех работающих членов социалистического общества. Без восстановления разрушенной промышленности и без ее расширения это неосуществимо.

В общем процесс уничтожения денежного обращения вырисовывается в настоящее время в таком виде. Сначала деньги изгоняются из области продуктообмена внутри национализированных предприятий (фабрики, железные дороги, советское хозяйство и т. д.). Затем деньги исчезают из области расчетов между государством и работниками социалистического государства (т.-е. между Советской властью, служащими и рабочими советских придприятий). Далее деньги отпадают, заменяясь товарообменом, в оборотах между государством и мелким производством (крестьянами, кустарями). Затем деньги исчезают в товарообмене внутри мелкого хозяйства, быть может, исчезнут окончательно лишь вместе с самим мелким хозяйством.

Литература к главе XV. Литература по этому вопросу почти отсутствует, можно рекомендовать: Ю. Пятаков: „Пролетариат и банки". Сокольников: „К вопросу о национализации банков". Кроме того, ряд статей в „Экономической жизни" и в „Народном хозяйстве".

ГЛАВА XVI.

Финансы в пролетарском государстве.

§ 122. Государство—паразитический аппарат. § 123. Пролетарское государство—производительный аппарат. § 124. Бюджет пролетарского государства.

§ 122. Государство—паразитический аппарат.

Как уже говорилось выше, государство это есть организация насилия и господства одного класса над другим, или над другими. Если весь буржуазный класс по мере развития капитализма делается все более и более классом тунеядцев, который только потребляет и ничего не помогает производству, то что же сказать про буржуазное государство, охраняющее покой и доходы этих тунеядцев от эксплоатируемых и возмущенных масс? И полиция с жандармерией, и постоянная армия, и судейский аппарат, и все вообще аппараты управления страной—это сборище огромного количества людей, из которых никто не произвел ни пуда хлеба, ни аршина мануфактуры, ни иголки или булавки. Вся эта организация живет за счет прибавочного продукта, изготовляемого рабочими и крестьянами. Этот прибавочный продукт выкачивается государством в виде налогов прямых и косвенных. Например, наше царское правительство выколачивало таким путем из рабочих и крестьян более 3 миллиардов золотом. (Если это перевести на нынешние бумажные деньги и их покупную способность, это будет больше 300 миллиардов, т.-е. в три раза больше того, сколько есть всех денег во всей России). Лишь небольшая часть налогов шла на производство, напр., на постройку железной и шоссейной дорог, пароходов, мостов, государственных заводов и т. д.

Что касается пролетарского государства, то в тот период, пока длится гражданская война, пока сопротивление бур-

жуазии не сломлено, этому государству отчасти также приходится быть органом, стоящим над производством. Труд многих органов пролетарского государства не есть труд, создающий новые ценности. Наоборот, ряд государственных органов живет за счет продуктов, создаваемых рабочими и крестьянами. Таковы, например, весь наш военный аппарат и красная армия, органы управления, органы борьбы с контрреволюцией и т. д. Но для пролетарского государства характерно как раз не это, т.-е. не то, что делает это государство похожим на государства эксплоататоров. Для пролетарского государства характерно именно то, что эта организация постепенно перерождается из непроизводительного организма в организацию управления хозяйством.

§ 123. Пролетарское государство—производительный аппарат.

Уже задолго до окончания гражданской войны пролетарское государство в главной своей части обслуживает производство и распределение продуктов. Это с полной ясностью обнаруживается при одном только перечислении центральных и местных комиссариатов. Самая крупная из советских организаций—это Высший Совет Народного Хозяйства со всеми его разветвлениями. Это—организация исключительно производственная. Затем следуют комиссариаты: земледелия, продовольствия, путей сообщения, труда,—организации также производственные, распределительные или обслуживающие рабочую силу. Далее Народный Комиссариат по Просвещению с проведением программы Единой Трудовой Школы превращается в организацию по подготовке образованной рабочей силы. Здравоохранение в пролетарском государстве—орган охраны здоровья трудящихся, социальное обеспечение—обеспечение преимущественно бывших трудящихся или будущих трудящихся (приюты, колонии и т. д.). Даже Комиссариат управления превратился главным образом в организацию помощи и руководства для местного, главным образом, муниципального хозяйства. В общем и целом пролетарский государственный механизм превращается в огромную организацию, которая руководит народным хозяйством и с разных сторон, в различных областях обслуживает его. Это с полной очевидностью выступает из рассмотрения бюджета Советской Республики. Вот наиболее характерные расходы:

Было ассигновано на 1-е полугодие 1919 г. в миллионах рубл.:

Высший Совет Народного Хозяйства	10.976
Народный Комиссариат продовольствия	8.153
„ „ путей сообщения	5.073
„ „ просвещения	3.888
„ „ здравоохранения	1.228
„ „ социального обеспечения	1.619
„ „ земледелия	533
„ „ по военным делам	12.150
„ „ „ морским „	521
„ „ иностранных дел	11
„ „ национальных дел	17
„ „ юстиции	250
„ „ внутренних дел	857
Чрезвычайная Комиссия	348

Из этих цифр мы видим, что оборона Республики отнимает еще очень много средств. Но отбросьте этот расход, вызванный чрезвычайными обстоятельствами, и станет вполне ясно, что девять десятых расходов пролетарского государства—это расходы на производство, на управление им, на обеспечение его функционирования в будущем, на поддержание рабочей силы и т. п. чисто-хозяйственные расходы.

Этого мало. На коммунистических субботниках и работники производственных организаций, и красноармейцы, и военные комиссары отдают свой долг производительному труду, хотя в начале, конечно, в скромных размерах. До 1919 г. в мире еще не было государства, чиновники которого регулярно чинили бы паровозы и разгружали дрова для этого государства.

§ 124. Бюджет пролетарского государства.

Выше мы видели, что чем дальше, тем больше расходы пролетарского государства делаются производительными расходами. Спрашивается, из каких же источников должны черпаться его доходы.

Финансы Советской Республики России дают об этом некоторое представление.

Советская власть в начале своего существования имела некоторое количество доходов чрезвычайного характера: таковы были конфискованные вклады буржуазии в банках, наличные государственные средства, оставшиеся от старого правительства, суммы, поступившие от контрибуции на буржуазный класс, суммы, вырученные от продажи конфиско-

ванных запасов у частных торговцев и фирм и т. д. Но все эти доходы оказались крайне не велики в сравнении с необходимыми расходами. Правда, контрибуции на капиталистов некоторое время были единственным почти источником для существования местных советов, но для центральной власти эти контрибуции никакой существенной поддержки оказать не могли. Наконец, этот источник оказался слишком недолговечным, т.-е. буржуазия была действительно обобрана или же, что было в большинстве случаев, разбежалась, припрятав свои сбережения. Прогрессивно-подоходный налог также не дал и не дает больших результатов. Поскольку он касается служащих и рабочих, то он не имеет никакого смысла, так как в виде налога государство берет часть того, что платит в виде жалованья. Поскольку он касается городской буржуазии, то в виду того, что эта буржуазия официально почти не существует и легально не занимается своим ремеслом, его до крайности трудно собирать, и фактически эти сборы оказались весьма ничтожными. Более успешно этот налог может собираться среди зажиточной части крестьянства; но для регулярных его поступлений нужна регулярная систематическая работа податных органов, поддержанных местными, главным образом волостными органами власти. Но весь этот аппарат еще недостаточно налажен, чтобы обеспечить успех дела. Что же касается среднего крестьянства, то обложение его, пока длится гражданская война, нежелательно по политическим соображениям, чтобы не оттолкнуть его от пролетариата. Попытка собрать чрезвычайный революционный налог в 10 миллиардов кончилась неудачей, так как было собрано менее 2 миллиардов с величайшими усилиями. Основным источником доходов государства оставалось печатание бумажных денег. Выпуск бумажных денег, поскольку на эти деньги можно еще покупать, является в сущности особой формой налога. Этот выпуск, приведя к обесцениванию денег, косвенно приводит к экспроприации денежного капитала буржуазии, сводя его покупательную способность к ничтожной части того, что можно было буржуазии за эти деньги купить раньше. Разумеется, выпуск бумажных денег не может долго служить источником доходов государства, которое стремится к уничтожению денег вообще. Перед пролетарским государством встает вопрос о том, как построить свои доходы на более прочном основании.

Таким прочным основанием является само производство. Если выпуск денег в качестве доходной статьи удавался, это происходило потому, что этот вид налога взимается незаметно. Точно так же совершенно незаметно возможно получение

косвенных налогов от государственных монополий. Этот вид доходов государства и глубоко правилен по существу. Ведь стоимость производства любого продукта, выпускаемого государством, должна включать в себя также издержки по управлению производством. А такое управление и осуществляет пролетарский государственный аппарат. Практически значит, если перевозка пассажиров обходится миллиард рублей в год, государство может назначить проездную плату в таком размере, чтоб выручить на пассажирском движении миллиард двести миллионов. Если вся изготовляемая мануфактура стоит 5 миллиардов, можно продать ее за шесть милл. и т. д. Излишек должен идти на содержание государства. Эти доходы от монополий можно себе, конечно, представить не только в денежной форме, а и прямо в виде отделения определенного количества продуктов.

Если пролетарское государство превращается в орган управления всем социалистическим хозяйством в целом, то вопрос о его содержании, т.-е. наш старый вопрос о бюджете весьма упрощается. Дело будет идти просто о выделении определенного количества средств на определенный хозяйственный расход.

Но если вопрос о государственном бюджете чрезвычайно упрощается, то не так просто обстоит дело с выяснением того, какая часть продуктов может быть потреблена, т.-е. израсходована во всем хозяйстве. Надо будет с величайшим умением рассчитать, какое количество продуктов может быть потреблено без остатка, какое должно составить запас, какое должно служить для расширенного воспроизводства и т. д.

Так, вопрос о государственном бюджете, с уничтожением государства, как паразитического аппарата, превращается в общий вопрос о распределении всех продуктов социалистического общества, потому что государственный бюджет превращается в частицу общего бюджета социалистического общества в его целом.

Литературы по этому вопросу почти нет.
Можно указать—А. Потяев: „Финансовая политика Советской власти".

ГЛАВА XVII.

Программа коммунистов в жилищном вопросе.

§ 125. Жилищный вопрос в капиталистическом обществе. § 126. Жилищный вопрос в пролетарском государстве.

§ 125. Жилищный вопрос в капиталистическом обществе.

Нигде привилегии буржуазного класса не выступают так ярко, как в области жилищ. Лучшие кварталы городов заселены буржуазией. Все лучшие улицы как по чистоте, по обилию садов и деревьев заселены имущими классами. Наоборот, рабочий класс во всех решительно странах загнан на окраины. Он загнан туда совсем не потому, что большинство заводов обыкновенно располагается на окраинах города. Если завод расположен в центре города, рабочие этого завода, все равно, ютятся где-нибудь в рабочих слободках, на окраинах. А фабриканты предприятий, построенных на концах города, живут, все равно, в центре.

Буржуазные семьи занимают целые особняки или квартиры с числом комнат, превышающим число жильцов, пользуются садом, ваннами и всеми удобствами жизни.

Рабочие семьи сбиваются в подвалах, отдельных комнатах, маленьких квартирках или, что очень часто, живут в общих бараках, как арестанты общих камер тюрьмы. Вдыхая весь трудовой день в свои легкие фабричный дым, опилки, стружки, пыль, рабочий должен дышать всю ночь в комнате, где часто спят 5—6 детей.

Неудивительно, что статистика очень скоро подметила, насколько быстрей мрут люди в рабочих кварталах, у которых рабочий день длинен, но коротка лачуга и коротка жизнь. Вот данные. В Англии на каждые 1000 человек смертность

22 человека в год. В буржуазных кварталах смертность падает до 17, в специально рабочих округах повышается до 36, а в кварталах, населенных беднейшей частью рабочих, смертность возрастает до 40—50 на тысячу. В столице Бельгии Брюсселе в рабочих кварталах умирает один человек из 29, в лучших буржуазных кварталах один из 53, т.-е. смертность в рабочих кварталах почти в два раза больше, чем в буржуазных.

Средняя продолжительность жизни буржуа, живущих в светлых, сухих и теплых квартирах, почти в полтора раза выше, чем продолжительность жизни у обывателей окраины с их подвалами и чердаками.

В Будапеште средняя продолжительность жизни была у лиц, умерших в возрасте свыше 5 лет.

У имевших		1— 2	жителя на комнату	— 47,16 лет.
„		2— 5	„ „ „	— 39,51 „
„		5—10	„ „ „	— 37,10 „
„	более	10	„ „ „	— 32,03 „

Еще более увеличивается смертность среди рабочих детей в сравнении со смертностью буржуазии. В буржуазных квартирах, имеющих не более одного жильца на комнату, смертность детей в возрасте до 1 года вчетверо меньше, чем в квартирах, где на каждую комнату приходится более 3 жильцов. В возрасте от 1 года до 5 л. смертность в буржуазных квартирах вдвое меньше, чем в рабочих.

Но рабочие не только вынуждены умирать раньше буржуа на 15 лет в среднем в своих гнилых и душных квартирах, они вынуждены еще платить за это удовольствие капиталистам-домовладельцам. За каждый угол, за каждый подвал, за каждый чердак, не говоря уже о настоящей комнате или квартире, надо платить подать домовладельцам. Не заплатишь—будешь выгнан на улицу. Плата за квартиру всегда съедала у рабочих значительную часть дохода,—от 15 до 25% всего месячного дохода рабочего. Этот расход не только не уменьшался или не уменьшается, а увеличивается в капиталистических странах. Например, в Гамбурге из каждых ста марок дохода (марка около 50 коп. по довоенному курсу) уходило на квартирную плату:

	1868 г.	1881 г.	1900 г.
У получавших доход в год от 900— 1.200 мар.	19,8%	24,1%	24,7%
„ „ „ 1.200— 1.800 „	19,9 „	18,9 „	23,2 „
„ „ „ 1.800— 2.400 „	20,3 „	19,5 „	21,6 „
„ „ „ 6.000— 9.000 „	16,5 „	15,7 „	15,1 „
„ „ „ 30.000—60.000 „	6,7 „	8,1 „	6,0 „
„ „ „ свыше 60.000 „	3,7 „	3,9 „	3,0 „

Таким образом, чем меньше доход, тем больший процент дохода падает на квартиру и тем быстрей растет эта доля с каждым годом. Наоборот, у буржуазии на квартиру процент расхода почти в шесть раз меньше на каждую сотню рублей дохода, и этот процент не увеличивается, а скорее уменьшается.

§ 126. Жилищный вопрос в пролетарском государстве.

Пролетарская революция произвела полный переворот в жилищных отношениях. Советская власть приступила к национализации буржуазных домов, отменила долги рабочих за квартиру в одних случаях, понизила ее в других. Мало этого. На очереди составлен, а отчасти проведен в жизнь план отмены всякой квартирной платы для рабочих, живущих в национализированных домах. Затем в наиболее крупных городах началось систематическое переселение рабочих из подвальных помещений, полуразрушенных домов и нездоровых кварталов в буржуазные особняки и огромные дома центральных кварталов. Кроме того, началось систематическое снабжение рабочих мебелью и всеми предметами домашнего обихода.

Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы продолжать и далее эту политику, усовершенствовать домовое хозяйство, бороться с запущенностью национализированных домов, не допуская ухудшения постановки в них дела с ремонтом и соблюдения чистоты, поддерживать в сохранности все приспособления вроде проводов, канализации, парового отопления и т. д.

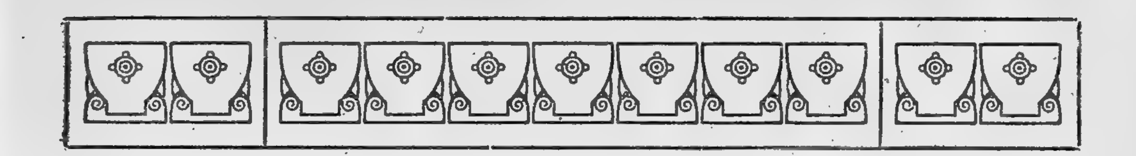
В то же время Советская власть, проводя в широких размерах национализацию крупного капиталистического домовладения, не имеет ни малейшей необходимости затрагивать интересы мелкого домовладения: домовладельцев из рабочих, служащих и просто обывателей. Попытки провести самую широкую национализацию также и небольших домов, имевшие место в провинции, привели только к тому, что за национализированными домами и домиками некому было смотреть, они стали разрушаться, и часто не имелось даже охотников в них жить. Между тем среди мелкого домовладения это возбуждало ропот и возмущение против Советской власти.

Советская власть, поставленная перед лицом тягчайшего квартирного кризиса в городах, вызванного прекращением новых строек, проделала также огромную работу по спра-

ведливому распределению всех граждан во всех домах. Квартирные Отделы Советов берут на учет свободные квартиры городов, вселяя в них квартирантов по определенному плану. В то же время эти Отделы выясняют наличность и вместимость всех домов каждого крупного города и уплотняют квартиры тех семейств и отдельных лиц, которые пользуются количеством комнат сверх нормы.

С ликвидацией гражданской войны и производственной разрухи начнется усиленный рост городского населения. Разбежавшийся по деревням пролетариат начнет возвращаться в город. Туда же потянется избыточное население деревни. Перед Советской властью встанет тогда вопрос о новых постройках,—о таких постройках, которые должны удовлетворять жилищным потребностям коммунистического общества. В настоящий момент трудно еще сказать, какой тип постройки явится наилучшим: огромные ли дома со всеми удобствами, садом, общей столовой и проч. или же благоустроенные небольшие рабочие домики. Ясно лишь одно: программа жилищная не должна будет противоречить программе соединения промышленности с земледелием. Она должна способствовать рассасыванию города по его сельским окрестностям, а не увеличивать скученность на одном месте сотен тысяч и миллионов людей, лишенных возможности дышать свежим воздухом, оторванных от природы и обреченных на преждевременное вымирание.

Литература: Ф. Энгельс: „Жилищный вопрос". Федорович: „Жилые помещения рабочих". Э. А. Дементьев: „Фабрика, что она дает населению и что от него берет". В. Святловский: „Жилищный вопрос на Западе и в России". М. Покровская: „Улучшение рабочих жилищ в Англии".



ГЛАВА XVIII.

Охрана труда и социальное обеспечение [1]).

§ 127. Что такое охрана труда? § 128. Главные области охраны труда. § 129. Что сделано в области охраны труда в России? § 130. Что такое социальное обеспечение? § 131. Главные области социального обеспечения. § 132. Что сделано в области социального обеспечения. § 133. Другие мероприятия по улучшению рабочего класса. § 134. Дальнейшие задачи партии.

§ 127. Что такое охрана труда?

Рабочий класс борется за коммунистический строй потому, что этот строй избавит его от эксплоатации и позволит развить производительные силы настолько, что человеку нечего будет корпеть целыми днями над производством самых необходимых вещей. Поэтому все завоевания, которые рабочий класс делает на своем пути к коммунизму, по сути дела являются прямо или косвенно охраной труда: они, ведь, способствуют улучшению положения рабочей силы. Возьмем, напр., политическую свободу рабочего класса при Советской Республике и положение рабочего класса, как господствующего класса. Ясно, что это политическое положение есть в то же время шаг вперед в смысле охраны труда. То же можно сказать решительно о всех завоеваниях рабочего класса. Однако, от этого широкого понятия „охраны труда“ следует отличать более специальное понятие. Здесь речь идет не о положении рабочего класса вообще, а о положении рабочего класса на фабрике, заводе, руднике, другими словами, о положении его в процессе самого труда. В самом деле, работа на фабриках и заводах, при многих машинах, часто среди ядовитых испарений, это—громадная опасность. Эта опасность еще более усиливается долгим рабочим днем, ко-

---

[1]) Эта глава написана Бухариным.

торый утомляет рабочих, выматывает все силы, ослабляет внимание и тем способствует росту несчастных случаев. Но и сам по себе длинный рабочий день страшно истощает организм.

Этих нескольких примеров достаточно, в сущности, чтобы выяснить, как от обстановки труда и от его условий зависит состояние работающих. Но здесь все же необходимо остановиться на этом несколько более подробно.

1. Прежде всего вопрос о „несчастных случаях". Вот некоторые цифры. На Невском Судостроительном заводе в Петербурге несчастные случаи исчислялись таким образом:

	Число несчастных случаев.	Число рабочих.	На 1000 раб. несчастных случаев.
в 1914 г.	4.386	6.186	709
„ 1915 „	4.689	7.002	669
„ 1916 „	2.830	7.602	371
„ 1917 „	1.269	6.059	210

Падение числа несчастных случаев вызывалось, главным образом, рядом специальных мер. Но и то 210 несчастий на 1000 рабочих, это цифра громадная.

Несчастные случаи по своему числу иногда доходят до 70% всего числа рабочих. По свидетельству одного врача, полевые работы в Екатеринославской губернии приводили к тому, что земские больницы напоминали приемные покои военного времени. Несчастные случаи наблюдались не только в России, но, разумеется, повсюду. В английском парламенте социалист Макдональд приводил однажды расчет, что из 1.200 человек, убитых в рудниках, 1.100 погибло только потому, что капиталисты не приняли самых необходимых мер безопасности.

Этот последний пример показывает нам, что при желании можно чрезвычайно сократить количество несчастных случаев. Но капиталистам было невыгодно тратиться на ряд необходимых приспособлений.

2. Вредная обстановка труда и связанные с ней профессиональные болезни, смертность и т. д.—второй основной вопрос.

Возьмем, напр., фосфорные заводы. По свидетельству Лазарева, на этих заводах в России, где не было никаких усовершенствований, пяти лет работы оказывалось достаточным, чтобы превратить человека в „ходячий труп". На химических, стеклянных заводах, на рудниках и т. д. производство связано с рядом, так-называемых, профессиональных заболеваний. Но и в других производствах можно наблюдать сходные

явления: расширение вен у работающих стоя, поражение челюстей у работающих с фосфором, отравление ртутью и мышьяком, туберкулез (чахотка) во многих отраслях и т. д.

Приведем несколько цифр.

Ежегодно в Англии умирало от чахотки (в 1900—1902) по расчету на 1000 человек:

у духовенства	55	чел.	на	1000
в земледелии и скотоводстве	76	„	„	„
у адвокатов и нотариусов	92	„	„	„
„ чиновников	129	„	„	„
в стеклянном производстве	283	„	„	„
„ гончарном и фарфоровом	285	„	„	„
у наборщиков	300	„	„	„
в щетинном производстве	325	„	„	„
„ производстве ножей и вилок	533	„	„	„
у рудокопов	579—816	„	„	„

По данным доктора Баранова, смертность от чахотки среди пролетариата равнялась:

у папиросниц	63,4%
„ граверов	58,3%
„ наборщиков	53,1%
„ портных	50,9%
„ камнетесов	50,6%
„ слесарей, токарей, сапожников, переплетчиков, жестянщиков	46—47 %
„ коробочников и столяров	45—45,5%

По данным германской статистики смертность от чахотки среди шлифовальщиков металла в Золингене была в 4 раза больше средней смертности от той же болезни.

3. Кроме явных заболеваний в связи с плохими условиями труда стоит и вырождение рабочего класса вообще. Это находит свое отражение в росте числа бракуемых при приемах на военную службу. С каждым годом увеличивается число слабогрудых, низкорослых и т. д., причем среди пролетариев их гораздо больше, чем среди остальных слоев населения. В Швейцарии число забракованных рабочих равняется—$39^1/_2\%$ общего числа явившихся, число же забракованных жителей деревни только 25%. То же наблюдается и в других странах. У женщин общее вырождение часто связывается с полной потерей способности рожать.

Все это, вместе взятое, как видит всякий, связано с условиями производства. Класс капиталистов не был заинтересован в охране труда и вел по отношению к рабочей силе хищническую политику: выжать человека—и выбросить шелуху вон. Такова политика и самого „прогрессивного" капитала американского. Там принимают на фабрику только здоровых, осматривая и ощупывая их мускулы со всех сторон. Слабо-

сильных рабочих не впускают даже в страну, считая, что это—плохой рабочий скот. Но в Америке рабочие редко-редко доживают до 45-летнего возраста. Из них самым „прогрессивным“ образом буквально вытягивает жилы господин Капитал.

Само собой разумеется, что диктатура пролетариата впервые дает возможность поставить дело охраны труда на настоящую ногу. Рабочий класс прямо заинтересован в сбережении рабочей силы. Он должен поставить вопрос о самом тщательном отношении к этой драгоценнейшей и важнейшей производительной силе. Коммунистический строй будет покоиться не на бессмысленной, преступной, вредной растрате человеческих сил, а на высокой технике, цель которой—сберечь эти силы. Вот почему охрана труда получает такое громадное значение в переходный к коммунизму период жизни человечества.

Итак, под охраной труда подразумевается охрана работающих от вредных условий производства.

§ 128. Главные области охраны труда.

Наиболее важным условием сохранения рабочего класса и предупреждения его вырождения, заболеваемости, повышенной смертности и т. д. является нормальный рабочий день. Немудрено поэтому, что рабочий класс постоянно ставил во главу угла своей борьбы как раз борьбу за сокращение рабочего дня. Рабочий день определяет ту трату человеческой энергии, которая превращается в продукты, а в капиталистическом обществе и в прибыль капиталиста, который поэтому так заинтересован в удлинении рабочего дня. При перерасходе своих сил рабочий подрывает возможность дальнейшей работы: он „снашивается“ быстрее, его организм ослабляется, он легче заболевает и скорее умирает. Ненормально длинный рабочий день есть хищническая растрата человеческой энергии, установление нормального рабочего дня—это первая область охраны труда.

Второй областью является охрана наиболее слабых элементов рабочего класса. Рабочий класс состоит не только из взрослых мужчин. Он состоит и из стариков и из детей, и из подростков, и из женщин всех возрастов. Понятно, что сопротивляемость вредным условиям различна у разных частей рабочего класса. Что может без труда и без ущерба для своего здоровья сделать взрослый мужчина, то

крайне вредно может отразиться на женщине (напр., переноска тяжестей) и быть абсолютно гибельным для подростка. Женщины, кроме того, нуждаются в особой охране в некоторые моменты своей жизни (беременность, роды, период кормления грудью и т. д.). Здесь, следовательно, нужны особые меры. Такова охрана труда женщин и детей.

Наконец, в-третьих, очень важна область технического и санитарного оборудования фабрик и заводов. В борьбе с несчастными случаями, с вредным влиянием производства, с плохими условиями работы вообще (пыль, отсутствие света, холод, сквозники, грязь и т. д., и т. д.) можно и должно сделать чрезвычайно много.

Таковы три главные области, где действует „охрана труда“.

§ 129. Что сделано в области охраны труда в России?

Диктатура пролетариата создала такие условия, что можно было полностью провести те требования, которые выставлялись всеми социалистическими партиями. В этом отношении ни одно законодательство в мире не может спорить с законодательством Советской Республики. Наши несчастия, которых у нас хоть отбавляй, зависят здесь не от плохих законов, а от того, что у нас всего мало, что многого не хватает. Но это, как мы видели выше, зависит от той борьбы, которую ведет против нас мировой империализм, и от той империалистской бойни, которую вели враги рабочего класса между собой.

В общем, подводя итоги тому, что сделано в области охраны труда, и что стало законами Советской Республики, мы получаем такую картину.

а) Ограничение рабочего времени.

Здесь Советская власть провела целый ряд мероприятий.

1. Окончательно установлен 8-ми часовой рабочий день, закрепленный законом (чего усиленно избегало соглашательское правительство) и 6-ти часовой—для умственного и конторского труда.

2. Запрещены, как правило, сверхурочные работы, разрешаемые лишь в исключительных случаях и в ограниченном количестве, с оплатой в полуторном размере.

3. Сокращен рабочий день в особо вредных производствах, напр., до 7 часов в табачном, до 6 часов в газовом.

4. Установлен нормальный 42-х часовой отдых в неделю (с этой целью по субботам рабочий день сокращен повсюду до 6 часов). Кто не пользуется воскресным днем, тому предоставляется какой-либо другой день среди недели.

5. Каждому трудящемуся предоставляется раз в году отпуск с полным сохранением содержания (по кодексу труда на один месяц), в настоящее тяжелое время—на две недели.

6. В особо вредных производствах и для подростков, едущих в колонии, предоставляется дополнительный двухнедельный отпуск.

б) Охрана женского и детского труда.

1. Женщинам, как правило, запрещены ночные, сверхурочные и поденные работы.

2. Запрещены приемы на работу малолетних, не достигших 16 лет. Проводится постепенное снятие их с работы (в первую очередь с вредных производств) с одновременным предоставлением им материального обеспечения и размещения их по школам.

3. Сокращен рабочий день несовершеннолетним (для оставляемых на работе малолетних—4 часа, для подростков от 16—18 лет—6 часов).

4. Запрещены сверхурочные, ночные и поденные работы для всех, не достигших 18-летнего возраста.

Специально относительно охраны материнства проведены следующие законы:

1. Установлено пособие всем беременным и роженицам, как самим работницам, так и женам рабочих, в течение всего времени освобождения от работы по беременности и родам, в размере полного заработка.

2. Беременные отпускаются за 8 недель до родов—занимающиеся физическим трудом и за 6 недель—умственным и конторским.

3. Роженицы отпускаются также соответственно на 8 и 6 недель после родов.

4. Матери, кормящие грудью, пользуются освобождением от работы через каждые 3 часа на полчаса.

5. Всем матерям выдается дополнительное пособие на предметы ухода за ребенком в размере 720 р. и на кормление ребенка в размере 24 р. в день в течение 9 месяцев со дня родов.

В этих, проведенных в жизнь, мероприятиях есть кое-какие отступления от „Кодекса Законов о Труде“. Эти отступления состоят в том, что в исключительных случаях допускаются сверхурочные работы, с ограничением их 50 днями в году; в том, что разрешен труд малолетних от 14 до 16 лет с ограничением рабочего дня 4 часами; в том, что месячные отпуска временно заменены двухнедельными; в том, что продолжительность ночных работ пришлось увеличить до 7 часов.

Все эти отступления вытекали из того крайне тяжелого

положения, в которое Республика Советов была поставлена благодаря зверскому натиску всех сил империализма.

в) Техническое и санитарное оборудование фабрик.

Здесь проведены такие меры:

1. Издан ряд обязательных постановлений в области технической безопасности, санитарии и профессиональной гигиены, направленных к значительному улучшению условий труда на фабриках и заводах.

2. Во всех вредных производствах проведена выдача специальной одежды, защищающей от пыли, газов, сырости и т. д.

3. Для всех рабочих выдается производственная одежда, являющаяся собственностью предприятия и предоставляющаяся в пользование рабочего на время работы.

4. Для действительного проведения в жизнь всех начинаний в области Охраны Труда учреждена Инспекция Труда, избираемая широкими рабочими конференциями. Для отдельных профессий, отличающихся особыми условиями труда или распыленностью работающих (транспорт, строительные, земледельческие и т. д.) избирается соответствующими союзами специальная поучастковая инспекция труда.

Насколько подвинулось вперед дело участия самих рабочих в этой области, видно из цифр, которые показывают состав новых инспекторов. Они показывают, что к 1 авг. 1919 года $53^1/_2\%$ всех инспекторов составляли рабочие. Действительная цифра должна быть гораздо выше, потому что относительно многих их „профессия“ не выяснена. Если считать число рабочих (выясненных) по отношению к общему числу выясненных, то этот процент повысится до $62^1/_2$; вместе со служащими он доходит до $88^1/_2$!

Вот более подробные данные (к 1 авг. 1919 г.).

По профессиям инспектора распределялись следующим образом:

Рабочих	112 чел.	или $54^1/_2\%$	всего	числа	($62^1/_2\%$	выяснен.).
Мастеров, техников, чертежн.	21 „	„ 10%	„	„	$11^1/_2\%$	„
Служащих (торг. и конторщ.)	28 „	„ 13%	„	„	$15^1/_2\%$	„
Фельдшеров	4 „	„ 2%	„	„	2%	„
Фармацевтов	1 „	„ $^1/_2\%$	„	„	$^1/_2\%$	„
Учителей	5 „	„ 2%	„	„	$2^1/_2\%$	„
Студентов	4 „	„ 2%	„	„	2%	„
Врачи	5 „	„ $2^1/_2\%$	„	„	$2^1/_2\%$	„
Инженеры	1 „	„ $^1/_2\%$	„	„	$^1/_2\%$	„
Юристы	1 „	„ $^1/_2\%$	„	„	$^1/_2\%$	„
Невыяснено у	28 „	„ 13%				

По сравнению с предыдущим полугодием количество рабочих слегка увеличилось ($53^1/_2\%$ против 47% или $62^1/_2\%$ выясненных против прежних 60%);

процент мастеров и техников остался почти тем же (10% против 11%); значительно увеличилось количество служащих (13% против 8%). Уменьшилось втрое сравнительное количество студентов (2% против 6%), а абсолютное вдвое (4% и 8%), остальные мелкие остались почти без перемены.

Таким образом, у нас действительно появляется настоящая рабочая инспекция, рабочая и по своим целям, и по своему составу.

Однако, как раз в области охраны труда на самих фабриках остается сделать еще очень много. В массе случаев у нас процветают еще ужасные условия работы, в особенности в отсталых предприятиях, где рабочие плохо организованы, малосознательны и малокультурны. В таких дырах все или почти все осталось по-старому. Часто, правда, нельзя сделать необходимых улучшений, требующих новых приспособлений и нового оборудования. Но много можно еще сделать и без этого, если вовлекать все более широкую массу в дело улучшения трудовой обстановки.

§ 130. Что такое социальное обеспечение?

Капиталистический строй, как мы видели, ставил своею целью выжимание из рабочего класса прибыли. Наемный рабочий, пролетарий, был просто-на-просто средством наживы для капиталиста. И как только это живое средство портилось или оказывалось негодным, либо лишним, его беспощадно выбрасывали, как выжатую лимонную корку или яичную скорлупу. Бедствия безработицы, болезнь, старость, увечье—ни с чем не считался капитал: он вышвыривал громадные массы людей за борт, вовсе даже не стараясь им помочь или помогая лишь наиболее преданным элементам—вроде благонадежных чиновников, из которых он уже выжал все жизненные соки.

В Советской Республике трудящиеся и бедняки не являются предметом эксплоатации. Но из этого не следует, чтобы у нас не было громадных бедствий. В нашей стране, истерзанной врагами, блокируемой со всех сторон, отрезанной от угля, нефти и сырья, бедствий великое множество. Не капиталист выбрасывает с фабрики, но эту фабрику приходится иногда закрывать, потому что нет топлива или сырья—вот вам и безработица. Это не безработица прежнего вида; она происходит от совсем других причин, но она есть. Нам остались от империалистской войны инвалиды и увечные; у нас масса жертв контр-революции; старики, больные, дети,—все это требует забот и затрат. Рабочее правительство не смотрит

на помощь всем этим элементам, как на подачку, милостыню или благотворительность. Это есть прямая обязанность рабочего государства поддержать их, в особенности тех, кто вышел из строя трудовой или Красной армии.

Нашей конечной целью является такое состояние общества, когда все люди, потерявшие почему бы то ни было трудоспособность, не могущие работать, были бы полностью обеспечены: чтобы старики имели покойную старость, все удобства жизни; чтобы дети имели все нужное в их возрасте; чтобы больные и увечные жили в лучших и самых подходящих для них условиях; чтобы усталые и истощенные лечились так, как в прежние времена самые богатые буржуа; чтобы не было у людей постоянной, судорожной заботы о „черном дне“.

Конечно, на это ни в малой степени не похоже наше теперешнее положение. Мы сейчас нищая страна по милости всесветных разбойников. У нас нет самых обыкновенных вещей: лекарств, например: их не ввозят империалисты—они нас, ведь, блокируют... Но в одном нельзя отказать Советской власти: она не жалеет средств, чтобы хоть как-нибудь помочь нетрудоспособным и обеспечить их.

§ 131. Главные области социального обеспечения.

Главных областей социального обеспечения две. Это, во-первых, обеспечение лиц, которые потеряли трудоспособность или же лишились работы, будучи занятыми каким-либо трудом (физическим или умственным). Сюда относятся случаи безработицы, случаи потери трудоспособности, либо временной (болезнь, ранение, беременность, роды), либо постоянной (инвалидность, старость, хроническая, постоянная болезнь). Во-вторых, это обеспечение лиц, пострадавших или лишившихся трудоспособности не на работе, не в производстве. Сюда относятся инвалиды старой войны, раненые красноармейцы, семьи красноармейцев, пострадавшие от контр-революции, пострадавшие от каких-либо стихийных бедствий или несчастий (пожары, наводнения, эпидемии и т. д.). Наконец, необходимо иметь в виду и других нетрудоспособных, жертв старого общественного порядка и гнусных общественных отношений. К этой категории принадлежат нищие, беспризорные и бесприютные, дефективные (выродженцы, слабоумные и т. д.).

Кроме того, помощь требуется в случае смерти членов семьи.

Все эти элементы, подлежащие обеспечению, составляют

огромное количество людей. Первая категория их (потерявшие трудоспособность или лишившиеся работы, но связанные с производством так или иначе) состоят в ведении комиссариата труда, который фактически находится в руках профессиональных рабочих союзов; вторая категория—в ведении коммисариата социального обеспечения.

§ 132. Что сделано в области социального обеспечения?

Советская власть провела, в общем и целом, обеспечение трудящихся при всех видах потери трудоспособности, в том числе и при безработице, чего нет нигде в мире.

Вот каковы мероприятия, проведенные для обеспечиваемых, первого вида:

1. Все лица, занятые „наемным трудом", освобождены от расходов на социальное страхование.

2. От дела организации социального обеспечения и охраны труда совершенно устранены предприниматели, а все органы существуют на основе представительства рабочих организаций.

3. Введено обеспечение во всех случаях потери трудоспособности и при безработице.

4. Введено обеспечение членов семейств трудящихся в случае смерти последних.

5. Введена выдача пособия в размере полного заработка трудящегося при болезни, увечьи, карантине и проч. случаях временной нетрудоспособности.

6. Установлена пожизненная пенсия в размерах до 1.800 р. в месяц (по г. Москве) всем инвалидам труда, независимо от причин, вызвавших инвалидность (старость, увечье, професс. болезни и т. п.) и независимо от числа лет работы.

7. Введена выдача пособий на похороны трудящихся в размере 1.440 р., а на членов семейств от 400 р. до 800 р. в зависимости от возраста.

8. При смерти трудящихся семье назначается пожизненная пенсия в размере до 1.200 р. (по гор. Москве) в месяц в зависимости от числа членов семьи.

9. Для более целесообразного разрешения вопроса о назначении пенсий при Отделах Труда созданы особые рабочие комиссии, назначающие пенсию и пособия.

10. Во всех губерниях созданы Бюро Экспертизы под председательством рабочих, которые и определяют степень инвалидности.

11. Во всех уездах созданы контрольные комиссии под

председательством рабочих для наблюдения за лечением и для контроля за больными.

12. Для приближения обеспечения к местам во всех местностях, где живут рабочие, создаются пункты для приема заявлений по делам о пособиях и пенсиях и для выплаты пособий и пенсий, а в крупных предприятиях установлена выдача пособий в самих предприятиях.

13. Отменены ограничительные сроки для пособий. Теперь по болезни платится пособие до выздоровления, а при инвалидности до смерти.

14. Социальное обеспечение распространено на всех без исключения лиц, занятых наемным трудом, и вводится для кустарей, ремесленников и крестьян.

15. На вторую половину 1919 г. на обеспечение рабочих и служащих Республика отпустила аванс в 5 миллиардов руб.

Из второй категории обеспечиваемых особенно важно обеспечение семей красноармейцев и самих красноармейцев.

Красноармеец-инвалид получает при полной потере трудоспособности (свыше 60%) пенсию в размере среднего заработка той местности, где он живет; размеры пенсии понижаются в зависимости от степени потери (при 15—30% получает $^1/_5$ заработка); земля красноармейца должна быть запахана, и его хозяйство снабжено посевным материалом; семьям должен выдаваться паек в размере, который зависит от количества нетрудоспособных членов семьи; члены семей красноармейцев освобождаются от уплаты за квартиру, получают дополнительную продовольственную карточку; в случае смерти касноармейца, нетрудоспособные и необеспеченные члены его семьи получают пенсию в размере 60% среднего в данной местности заработка при одном нетрудоспособном и полного заработка при трех и более нетрудоспособных и т. д. и т. д.

На денежные пособия красноармейским семействам за первую половину 1919 г. был израсходован миллиард двести миллионов, на второе полугодие было ассигновано $3^1/_2$ миллиарда рублей. По данным тов. Винокурова, к осени 1919 г. получают пособия около $4^1/_2$ миллионов красноармейских семейств.

Кроме того, с 4 июля по 1 декабря 1919 г. было

переведено в губернии больше	$2^1/_2$ миллиардов р.
На сельскохоз. помощь разассигновано	200 миллионов р.
„ квартирное довольствие „	150 „ „
„ пенсии красноармейцам. „	100 „ „
„ на помощь инвалидам войны „	168 „ „

Одним из крупнейших недостатков в деле соц. обеспечения является у нас плохо действующий аппарат: плохой учет обеспечиваемых, плохая доставка денежных знаков на места, волокита в учреждениях комиссариата социального обеспечения и т. д. Улучшение организационного аппарата — непременная задача партии.

§ 133. Другие мероприятия по улучшению положения рабочего класса.

Кроме тех мер, о которых говорилось выше, громадное значение для положения рабочего класса имеет и целый ряд других мероприятий, вошедших в Сборник (Кодекс) Законов о Труде. Эти меры непосредственно вытекают из того, что пролетариат является господствующим классом, и потому они идут гораздо дальше тех требований, которые выставлялись в программах социалистических партий. Это, главным образом, три мероприятия:

во-первых, участие рабочих организаций в решении вопроса о найме или увольнении. Этот вопрос зависит от фабрично-заводских комитетов и рабочих правлений;

во-вторых, государственное регулирование заработной платы. Самое интересное здесь то, что расценки (тарифы) вырабатываются профессиональными союзами и проводятся через комиссариат труда, который фактически составляется из представителей профессионального движения;

в-третьих, обязательное приискание работы безработным особыми органами при советах и профессиональных союзах (так-называемые отделы распределения и учета рабочей силы).

Все эти мероприятия тесно связаны с господствующим положением всех рабочих организаций и прежде всего профессиональных союзов.

§ 134. Дальнейшие задачи партии.

Самой важной задачей является возможно более полное и широкое проведение в жизнь декретов и постановлений Советской власти. Очень часто бывает, что действительность расходится с декретом, что на бумаге стоит одно, а в жизни другое. Полное, точное, правильное проведение в жизнь всех мероприятий обеспечивается в первую голову правильно поставленным организационным аппаратом, где центр связан с

местами, а места с центром, где вся машина в ходу. Это, в свою очередь, возможно лишь в той мере, в какой к работе будут привлекаться сами массы. В этих целях необходимо:

1) усилить работы по организации и расширению инспекции труда; туда необходимо вливать все новые и новые добавочные силы из самих рабочих; никто лучше самих рабочих, прекрасно знакомых с условиями труда, не сможет замечать все недостатки и предпринимать практические меры к их устранению;

2) необходимо распространить инспекцию на мелкую и домашнюю промышленность. Эта промышленность постоянно оставалась в загоне. А между тем здесь как раз процветают часто самые ужасные условия труда. Рабочая инспекция помогла бы в этой области сделать очень многое;

3) необходимо также распространить охрану труда на все его виды, в том числе на строительных рабочих, сухопутный и водный транспорт, прислугу и сельскохозяйственных рабочих. Эти отрасли труда, разбросанные, менее поддающиеся организации, должны быть тоже включены в общую систему;

4) далее, необходимо окончательно снять с работы малолетних и провести большее сокращение рабочего дня для подростков.

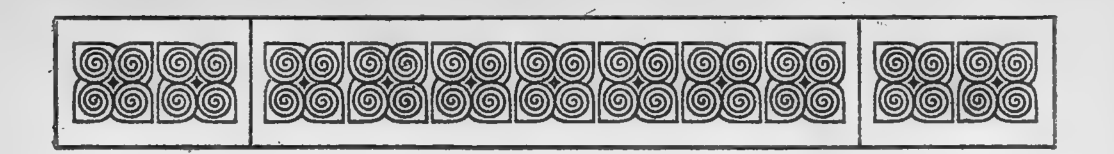
Восьмичасовой рабочий день, который стоит в основе всей охраны труда, вовсе не является, с точки зрения нашей партии, пределом, ниже которого не может опускаться количество рабочих часов. С этой точки зрения такой заранее данной границы нет. Все здесь зависит от состояния производительности труда. Сейчас, при крайней степени падения общего производства и продолжающейся разрухе, рабочий день не может понижаться, как общее правило; иногда он может даже (в связи с военным положением и т. д.) повышаться. Но при малейшей возможности мы должны будем осуществить нормальный шестичасовой рабочий день для всех рабочих, как он существует уже теперь для многочисленного слоя служащих.

С другой стороны, чтобы добиться этого повышения производительности и постоянно улучшать качество рабочей силы, полезно введение поощрительной системы оплаты.

Общие задачи социального обеспечения партия решает отнюдь не в духе благотворительности или поощрения паразитизма и тунеядства; помочь кому нужно, это обязан-

ность пролетарской власти, точно так же, как ее обязанностью является облегчить ряду опустившихся лиц возвращение к трудовой жизни.

Литература к XVIII гл. С. Каплун: „Охрана труда и ее органы". Н. Малютин: „По пути к светлым далям коммунизма". Д-р Гельфер: „Пролетарская революция и социальное обеспечение трудящихся". Проф. Пресс: „Что такое социальная техника?" Статьи в „Вестнике Труда" и в изданиях комиссариата соц. обеспечения. А. Гольцман: „Системы премирования в металлической промышленности".



ГЛАВА XIX.

Охрана народного здоровья.

§ 135. Необходимость специальной охраны народного здоровья. § 136. Национализация медицинских предпринимательских учреждений. § 137. Трудовая повинность медиц. работников. § 138. Ближайшие задачи в области охраны народного здоровья.

§ 135. Необходимость специальной охраны народного здоровья.

Капитализм всегда держал рабочий класс в грязных кварталах, кишевших заразой. Только под угрозой, что она сама падет жертвой эпидемий, предпринимала буржуазия кое-какие меры для того, чтобы хотя немного оздоровить кварталы своих наемных рабов. Еще в 1784 году английский парламент расщедрился и стал заботиться о рабочих; это было потому, что специальная парламентская комиссия выяснила следующий факт: ужасная эпидемия тифа шла с фабрик. Капитализм заботился об охране здоровья населения ровно в той мере, чтобы предупредить свое собственное „заболевание".

Последствия империалистской войны резко ухудшили положение широких рабочих масс. Общие условия, голод, холод и т. д. породили громадные эпидемии, косившие народ направо и налево: холера, сыпной тиф и, наконец, новая болезнь, „испанка", появлялись одна за другой. „Новая" болезнь явно стояла в связи с войной. Истощенные, истрепанные, ослабевшие человеческие организмы не могут сопротивляться болезням. Смертность необычайно повышается во всех странах и приобретает характер настоящего бедствия.

Но война оставила и еще одно наследие: невероятное распространение венерических болезней, в том числе сифилиса. Солдаты болели этими болезнями массами, а потом разносили их по деревням и селам.

Никогда еще не было такого распространения венерических болезней, как теперь.

Все это, вместе взятое, требует особой деятельности по охране народного здоровья. Конечно, многое по борьбе с болезнями делается другими путями: громадное значение имеет, например, правильное решение в жизни жилищного вопроса: с улучшением рабочих жилищ исчезают источники заразы; такое же громадное значение имеет охрана труда; всякому понятно, что от того или другого состояния продовольственного дела, от питания населения зависит почти все и т. д.

Но это нисколько не исключает необходимости предпринимать и ряд особых, в общественном масштабе проводимых, мероприятий.

А теперь, когда обстоит очень плохо с элементарными условиями существования, всякая добавочная помощь в борьбе со злом должна быть оказана. Так возникает настоятельная необходимость в особой отрасли общественной работы: в работе по охранению народного здоровья.

§ 136. Национализация медицинско-предпринимательских учреждений.

Капиталистическое общество имело в своем распоряжении и капиталистически организованную систему медицинской работы. Частные больницы, курорты, санатории, водо-, электро- и свето-лечебные заведения, аптеки, лечебницы и т. д. были организованы на началах, преследовавших цели барыша. Громаднейшее их количество предназначалось исключительно для излечения от жиру, подагры и других аристократических болезней, свойственных господствовавшим классам капиталистического общества. По курортам рабочие ездить не могли; в санаториях никаких рабочих не было.

Аптечное дело служило точно так же целям получения прибыли. Все эти заведения в экономическом отношении ничем не отличались от другого рода предприятий.

Их нужно было перевести со службы капиталистическому карману на службу трудящимся. Первым шагом к этому была *национализация* этих учреждений.

§ 137. Трудовая повинность медицинских работников.

Громадное количество эпидемических заболеваний и потребность их быстрой ликвидации должна была поставить на

очередь вопрос о планомерной, организованной и ведущейся в крупнейшем объеме борьбе с этими эпидемиями. При сравнительно небольшом количестве медицинских работников, само собой разумеется, возникла острая потребность в их учете и в их мобилизации на фронт борьбы с эпидемиями в первую голову.

Благодаря такой мере, когда были использованы чуть ли не все медицинские силы, начиная от крупнейших профессоров и кончая студентами первых курсов и фельдшерами, удавалось останавливать грозные эпидемии: холеру и сыпняк.

Трудовая повинность медицинских работников имеет, однако, не только это „пожарное" значение. Она является, наряду с национализацией медицинских предпринимательских учреждений, одним из зародышей будущей организованной общественной санитарии и социальной гигиены.

§ 138. Ближайшие задачи в области охраны народного здоровья.

При чрезвычайной недостаче в самых необходимых вещах (продовольствии для больниц и госпиталей; в лекарствах, в медицинских принадлежностях и инструментах и т. п.) работа до крайности затруднена. Эта работа сводится, главным образом, к трем основным областям, где развитие ее является целью нашей партии.

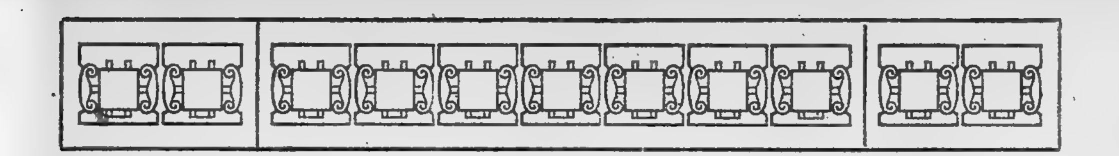
Во-первых, решительное проведение широких санитарных мероприятий. Здесь следует упомянуть оздоровление населенных мест; через загрязненные колодцы, канавы, ямы для стока воды, зловонные „свалки", выгребные ямы, клозеты и т. д. распространяются заразные болезни; охрана почвы, воды и воздуха составляет первейшее условие общественного здоровья. Затем сюда относится постановка общественного питания на научно-гигиенических основах; при скудости наших продовольственных запасов это является пока задачей весьма мало выполнимой; но гигиеническая постановка варки кушаний в общественных столовых, детских столовых, больницах и всех вообще общественных местах — дело выполнимое уже и сейчас. Необходима далее организация мер, предупреждающих развитие заразных болезней; санитарный надзор за учреждениями, частными жилищами, училищами; фильтровка воды, организация доставки кипяченой воды, дезинфекции, обязательные дезинфекции носильного платья и т. д. и т. п.

Во-вторых, необходима планомерная борьба с так

называемыми „социальными болезнями“, т.-е. с теми, которые носят массовый характер и вызваны глубокими общественными причинами. Таковы, прежде всего, три болезни: туберкулез, вызываемый плохими условиями труда, венеризм, распространявшийся, главным образом, вместе с войной, и, наконец, алкоголизм, порождаемый дикостью, забитостью и варварством—с одной стороны и паразитическим вырождением—с другой. Эти болезни не есть только болезни, касающиеся нас. Они окажут свое колоссальное влияние и на наших потомков. Человечеству угрожает серьезнейшая опасность, особенно грозная потому, что сейчас, в силу истощения, эти болезни действуют особенно разрушительно.

Наконец, в-третьих, необходимо обеспечить население общедоступной и бесплатной медицинской и лекарственной помощью. Трудность теперь заключается в абсолютной недостаче лекарств. Эта недостача вызывается не столько разрухой в нашем производстве, сколько блокадой; „гуманные“ союзники хотят нас душить не только тем, что они отрезают от нас сырье и топливо и не только „костлявой рукой голода“, но и эпидемиями. Здесь вопрос упирается в нашу общую борьбу с мировым империализмом.

Литература к гл. XIX. Н. Семашко: „Основы советской медицины“. Проф. Линдеман: „О мерах борьбы с сыпным тифом“. Сборн.: „Год работы нар. комиссариата здравоохранения“.



Программа Российской Коммунистической партии (большевиков).

Принята 8-м съездом партии 18—23 марта 1919 г.

Октябрьская революция (25 окт.—7 ноября 1917 г.) в России осуществила диктатуру пролетариата, начавшего при поддержке беднейшего крестьянства, или полупролетариата, созидать основы коммунистического общества. Ход развития революции в Германии и Австро-Венгрии, рост революционного движения пролетариата во всех передовых странах, распространение советской формы этого движения, т.-е. такой, которая направлена прямо к осуществлению диктатуры пролетариата,—все это показало, что началась эра всемирной пролетарской, коммунистической революции. §§ 1—5.

Эта революция явилась неизбежным результатом развития капитализма, господствующего пока в большинстве цивилизованных стран. Природу капитализма и буржуазного общества наша старая программа правильно, если не считать неточного названия партии социал-демократической, охарактеризовала в следующих положениях:

„Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам, и своим трудом создавать доход высших классов общества. §§ 6—13.

„Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяй- § 14.

ственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролератиев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

§ 15. „Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплоатации.

§ 16. „Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

§ 17. „Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

„Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплоататорами.

§ 18. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капита-

листических производственных отношений коммунистическими, т.-е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной коммунистической партии, как сознательной выразительницы классового движения.

„Заменив частную собственность на средства производства §§ 19–
и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплоатации одной части общества другою.

„Необходимое условие этой социальной революции соста- §§ 23 -
вляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров. Ставя себе задачу § 25.
сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная коммунистическая партия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплоататоров интересам эксплоатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплоатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, коммунистическая партия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплоатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

„Процесс концентрации и централизации капитала, уничто- §§ 26 –
жая свободную конкуренцию, привел в начале XX века к созданию могучих монополистических союзов капиталистов,— синдикатов, картелей, трестов,—получивших решающее значение во всей экономической жизни, к слиянию банкового капитала с промышленным капиталом громадной концентрации и к усиленному вывозу капитала в чужие страны. Тресты, охватывая целые группы капиталистических держав, начали экономический раздел мира, поделенного уже территориально между богатейшими странами. Эта эпоха финансового капитала, неизбежно обостряющая борьбу между капиталистическими государствами, есть эпоха империализма.

29—30. „Отсюда неизбежно вытекают империалистические войны, войны за рынки сбыта, за сферы приложения капитала, за сырье и за рабочую силу, т.-е. за мировое господство и за власть над малыми и слабыми народностями. Именно такова первая великая империалистическая война 1914—1918 г.г.“

§ 31. И чрезвычайно высокая степень развития мирового капитализма вообще; и смена свободной конкуренции государственно-монополистическим капитализмом; и подготовка банками, а равно союзами капиталистов аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов; и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, закрепощение его империалистским государством, гигантское затруднение экономической и политической борьбы пролетариата; и ужасы, бедствия, разорение, порождаемые империалистской войной,—все это сделало неизбежным крах капитализма и переход к высшему типу общественного хозяйства.

§ 32. Империалистская война не могла кончиться не только справедливым миром, но и вообще заключением сколько-нибудь устойчивого мира буржуазными правительствами. Она, на достигнутой ступени развития капитализма, с неизбежностью превращалась и превращается на наших глазах в гражданскую войну эксплоатируемых трудящихся масс, с пролетариатом во главе их, против буржуазии.

33-34. Растущий натиск со стороны пролетариата и особенно его победы в отдельных странах усиливают сопротивление эксплоататоров и вызывают с их стороны созидание новых форм международного объединения капиталистов (Лига наций и т. п.), которые, организуя в мировом масштабе систематическую эксплоатацию всех народов земли, ближайшие свои усилия направляют на непосредственное подавление революционных движений пролетариата всех стран.

Все это с неизбежностью приводит к сочетанию гражданской войны внутри отдельных государств с революционными войнами как обороняющихся пролетарских стран, так и угнетаемых народов против ига империалистских держав.

Вторая половина § 37. При этих условиях лозунги пацифизма, международного разоружения при капитализме, третейских судов и т. п. являются не только реакционной утопией, но и прямым обманом трудящихся, направленным к разоружению пролетариата и отвлечению его от задачи разоружения эксплоататоров.

Только пролетарская, коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были труд-

ности революции и возможные временные неуспехи ее или волны контр-революции, — окончательная победа пролетариата неизбежна.

Эта победа мировой пролетарской революции требует пол- § 35.
нейшего доверия, теснейшего братского союза и возможно большего единства революционных действий рабочего класса в передовых странах.

Эти условия неосуществимы без принципиального решительного разрыва и беспощадной борьбы с тем буржуазным извращением социализма, которое одержало победу в верхах официальных социал-демократических и социалистических партий.

Таким извращением является, с одной стороны, течение §§ 36—38.
оппортунизма и социал-шовинизма, социализма на словах, шовинизма на деле, прикрытие защиты грабительских интересов своей национальной буржуазии лживым лозунгом защиты отечества как вообще, так и в особенности во время империалистской войны 1914—1918 г.г. Это течение создано тем, что передовые капиталистические государства, грабя колониальные и слабые народы, дают возможность буржуазии, за счет добытой этим грабежом сверхприбыли, ставить в привилегированное положение и таким образом подкупать верхушки пролетариата, обеспечивать им в мирное время сносное мещанское существование и брать на службу себе вождей этого слоя. Оппортунисты и социал-шовинисты, будучи слугами буржуазии, являются прямыми классовыми врагами пролетариата, особенно теперь, когда они в союзе с капиталистами вооруженной рукой подавляют революционное движение пролетариата как в своих, так и в чужих странах.

С другой стороны, буржуазным извращением социализма § 39.
является течение „центра“, наблюдаемое равным образом во всех капиталистических странах, которое колеблется между социал-шовинистами и коммунистами, отстаивая единство с первыми и пытаясь возродить обанкротившийся II Интерна-
ционал. Руководителем борьбы пролетариата за его осво- § 40.
бождение является лишь новый, Третий, Коммунистический Интернационал, одним из отрядов которого является Р. К. П. Этот Интернационал фактически создан образованием коммунистических партий из действительно пролетарских элементов прежних социалистических партий в ряде стран, а особенно в Германии, и формально основан в марте 1919 года на его первом съезде в Москве. Коммунистический Интернационал, приобретающий все больше сочувствия в массах пролетариата всех стран, не только в своем названии возвращается к марксизму, но и всем своим идейно-политическим содержанием,

всеми своими действиями осуществляет революционное учение Маркса, очищенное от буржуазно-оппортунистических извращений.

§§ 41—45. Развивая конкретнее задачи пролетарской диктатуры применительно к России, главной особенностью которой является численное преобладание мелкобуржуазных слоев населения, Р. К. П. определяет эти задачи следующим образом:

В области общеполитической.

§§ 46—47. 1. Буржуазная республика, даже самая демократическая, освящаемая лозунгами всенародной, общенациональной или внеклассовой воли, неизбежно оставалась на деле—в силу того, что существовала частная собственность на землю и другие средства производства,—диктатурой буржуазии, машиной для эксплоатации и подавления громадного большинства трудящихся горсткой капиталистов. В противоположность этому, пролетарская, или советская, демократия превратила массовые организации именно угнетенных капитализмом классов, пролетариев и беднейших крестьян—полупролетариев, т.-е. громадного большинства населения, в постоянную и единственную основу всего государственного аппарата, местного и центрального, снизу и доверху. Тем самым Советское государство осуществило, между прочим, в несравненно более широком виде, чем где бы то ни было, местное и областное самоуправление, без каких бы то ни было сверху назначаемых властей. Задачей партии является неутомимая работа над действительным проведением в жизнь полностью этого высшего типа демократизма, требующего для своего правильного функционирования постоянного повышения уровня культурности, организованности и самодеятельности масс.

§ 48. 2. В противоположность буржуазной демократии, скрывавшей классовый характер ее государства, Советская власть открыто признает неизбежность классового характера всякого государства, пока совершенно не исчезло деление общества на классы и вместе с ним всякая государственная власть. Советское государство, по самой своей сущности, направлено к подавлению сопротивления эксплоататоров, и Советская конституция, исходя из того, что всякая свобода является обманом, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, не останавливается перед отнятием у эксплоататоров политических прав. Задача партии пролетариата состоит в том, чтобы, проводя неуклонно подавление сопротивления эксплоататоров и идейно борясь с глубоко вкоренившимися

предрассудками на счет безусловного характера буржуазных прав и свобод, разъяснять вместе с тем, что лишение политических прав и какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер борьбы с попытками эксплоататоров отстоять или восстановить свои привилегии. По мере того, как будет исчезать объективная возможность эксплоатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к полной их отмене.

3. Буржуазная демократия ограничивалась формальным распространением политических прав и свобод, как-то: права собраний, союзов, печати, одинаково на всех граждан. Но в действительности как административная практика, так главным образом экономическое рабство трудящихся всегда ставили последних при буржуазной демократии в невозможность сколько-нибудь широко пользоваться этими правами и свободами. § 49.

Напротив, пролетарская демократия на место формального провозглашения прав и свобод ставит их фактическое предоставление прежде всего и больше всего именно тем классам населения, которые были угнетены капитализмом, т.-е. пролетариату и крестьянству. Для этого Советская власть экспроприирует у буржуазии помещения, типографии, склады бумаги и т. п., предоставляя их в полное распоряжение трудящихся и их организаций.

Задача Р. К. П. состоит в том, чтобы вовлекать все более широкие массы трудящегося населения в пользование демократическими правами и свободами и расширять материальную возможность этого.

4. Буржуазная демократия в течение веков провозглашала равенство людей независимо от пола, религии, расы и национальности, но капитализм не позволил нигде осуществить этого равноправия на деле, а в своей империалистической стадии привел к сильнейшему обострению расового и национального гнета. Только потому, что Советская власть есть власть трудящихся, она смогла до конца и во всех областях жизни впервые в мире провести это равноправие вплоть до полного уничтожения последних следов неравенства женщины в области брачного и вообще семейного права. Задачей партии является в настоящий момент преимущественно идейная и воспитательная работа над тем, чтобы уничтожить до конца все следы прежнего неравенства или предубеждения, особенно среди отсталых слоев пролетариата и крестьянства. § 50.

Не ограничиваясь формальным равноправием женщины, партия стремится освободить их от материальных тягот уста-

релого домашнего хозяйства путем замены его домами-коммунами, общественными столовыми, центральными прачешными, яслями и т. п.

§ 51. 5. Обеспечивая для трудящихся масс несравненно большую возможность, чем при буржуазной демократии и парламентаризме, производить выборы и отзыв депутатов наиболее легким и доступным для рабочих и крестьян способом, Советская власть в то же время уничтожает отрицательные стороны парламентаризма, особенно разделение законодательной и исполнительной властей, оторванность представительных учреждений от масс и проч.

Советское государство сближает государственный аппарат с массами также тем, что избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика).

Задача партии заключается в том, чтобы, ведя всю работу в этом направлении, добиваться дальнейшего сближения органов власти с массами трудящихся на почве все более строгого и все более полного осуществления этим массами демократизма на практике, в особенности же путем проведения ответственности и подотчетности должностных лиц.

§ 52. 6. В то время, как буржуазная демократия, вопреки ее декларациям, превращала войско в орудие имущих классов, отделяя его от трудящихся масс и противопоставляя его им, уничтожая или затрудняя для солдат возможность осуществлять политические права, Советское государство сливает в своих органах, в Советах, рабочих и солдат на почве полного равенства их прав и единства их интересов. Задачей партии является отстаивать и развивать это единство рабочих и солдат в Советах, укрепляя неразрывную связь вооруженной силы с организациями пролетариата и полупролетариата.

§ 53. 7. Руководящая во всей революции роль городского промышленного пролетариата, как наиболее сконцентрированной, объединенной, просвещенной и закаленной в борьбе части трудящихся масс, проявилась как в самом возникновении Советов, так и во всем ходе развития их в органы власти. Наша Советская конституция отразила это, сохраняя некоторое преимущество за промышленным пролетариатом сравнительно с более распыленными мелкобуржуазными массами в деревне.

Р. К. П., разъясняя временный характер этих преимуществ, исторически связанных с трудностями социалистической организации деревни, должна стремиться к неуклонному и систематическому использованию этого положения промышленного пролетариата для того, чтобы в противовес узко-цеховым и

узко-профессиональным интересам, которые выращивал капитализм среди рабочих, соединять теснее с передовыми рабочими наиболее отсталые и распыленные массы деревенских пролетариев и полупролетариев, а также среднего крестьянства.

8. Только благодаря советской организации государства, революция пролетариата могла сразу разбить и разрушить до основания старый, буржуазный, чиновничий и судейский государственный аппарат. Однако, недостаточно высокий культурный уровень широких масс, отсутствие необходимых навыков в деле управления у выдвигаемых массой на ответственные посты работников, необходимость спешного привлечения в тяжелых условиях специалистов старой школы и отвлечение самого развитого слоя городских рабочих на военную работу привели к частичному возрождению бюрократизма внутри советского строя. § 54.

Ведя самую решительную борьбу с бюрократизмом, Р. К. П. отстаивает для полного преодоления этого зла следующие меры:

1) Обязательное привлечение каждого члена Совета к выполнению определенной работы по управлению государством.

2) Последовательную смену этих работ, с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.

3) Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством.

Полное и всестороннее проведение всех этих мер, представляя собой дальнейший шаг по пути, на который вступила Парижская Коммуна, и упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся, ведет к уничтожению государственной власти.

В области национальных отношений.

9. В национальном вопросе Р. К. П. руководствуется следующими положениями: §§ 55—60.

1) Во главу угла ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии.

2) В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное § 58.

равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение.

3) В тех же целях, как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу.

§ 59. 4) В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, Р. К. П. стоит на исторически классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.

Во всяком случае, со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций, угнетенных или неполноправных. Только при такой политике возможно создание условий для действительно прочного добровольного единства национально разнородных элементов международного пролетариата, как то показал опыт объединения ряда национальных Советских Республик вокруг Советской России.

В области военной.

§ 61, 62, 69. 10. В области военной задачи партии определяются следующими основными положениями:

1) В эпоху разложения империализма и разрастающейся гражданской войны невозможно ни сохранение старой армии, ни построение новой на так-называемой внеклассовой или общенациональной основе. Красная армия, как орудие пролетарской диктатуры, должна по необходимости иметь открыто классовый характер, т.-е. формироваться исключительно из пролетариата и близких ему полупролетарских слоев крестьянства. Лишь в связи с уничтожением классов подобная классовая армия превратится во всенародную социалистическую милицию.

§ 63. 2) Необходимо самое широкое обучение всех пролетариев и полупролетариев военному делу и введение преподавания соответственных предметов в школе.

64—65. 3) Работа военного обучения и воспитания Красной армии совершается на основе классового сплочения и социалистического просвещения. Поэтому необходимы политические комиссары из надежных и самоотверженных коммунистов наряду с боевыми начальниками и создание в каждой части

коммунистических ячеек для установления внутренней идейной связи и сознательной дисциплины.

4) В противовес строю старой армии необходимы: воз- § 66.
можно короткий срок чисто казарменной выучки, приближение казарм к типу военных и военно-политических школ, возможно тесная связь военных формирований с фабриками, заводами, профессиональными союзами, организациями деревенской бедноты.

5) Необходимая организационная связь и устойчивость мо- § 67.
гут быть приданы молодой революционной армии только при помощи командного состава, на первых порах хотя бы низшего, из среды сознательных рабочих и крестьян. Подготовка наиболее способных и энергичных и преданных делу социализма солдат к командным должностям является поэтому одной из важнейших задач в деле создания армии.

6) Необходимо самое широкое использование и примене- § 67.
ние оперативного и технического опыта последней мировой войны. В связи с этим необходимо широкое привлечение к делу организации армии и ее оперативного руководства военных специалистов, прошедших школу старой армии. В свою очередь, необходимым условием такого привлечения является сосредоточение политического руководства армией и всестороннего контроля над командным составом в руках рабочего класса.

7) Требование выборности командного состава, имевшее § 68.
огромное принципиальное значение по отношению к армии буржуазной, где командный состав подбирался и воспитывался как аппарат классового подчинения солдат и через посредство солдат, трудовых масс, теряет совершенно свое принципиальное значение по отношению к классовой рабочей и крестьянской армии. Возможная комбинация выборности и назначения диктуется революционной классовой армии исключительно практическими соображениями и зависит от достигнутого уровня формирования, степени сплоченности частей армии, наличия командных кадров и тому подобного.

В области судебной.

11. Взяв всю власть в свои руки и упразднив без остатка §§ 70, 71.
органы буржуазного господства—суды прежнего устройства, пролетарская демократия, вместо формулы буржуазной демократии „выборность судей народом“, выдвинула классовый лозунг: „выборность судей из трудящихся только трудящимися“ и провела его во всей организации суда, уравняв,

вместе с тем, оба пола во всех правах как при выборе судей, так и в отправлении обязанностей судей.

Для привлечения к отправлению правосудия самых широких масс пролетариата и беднейшего крестьянства введено участие в суде постоянно сменяемых временных судей-заседателей, с привлечением к составлению списков массовых рабочих организаций, профессиональных союзов и т. п.

72, 73. Создав единый народный суд взамен бесконечного ряда прежних судов различного устройства, со множеством инстанций, Советская власть упростила устройство суда, сделав его абсолютно доступным для населения и устранив всякую волокиту в ведении дел.

Отменив законы свергнутых правительств, Советская власть поручила выбираемым Советами судьям осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия таковых или неполноты их—руководствоваться социалистическим правосознанием.

§ 74. В области наказания организованные таким образом суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, введя, как меру наказания, общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов.

§ 75. Р. К. П., отстаивая дальнейшее развитие суда по тому же пути, должна стремиться к тому, чтобы все трудящееся население поголовно привлекалось к отправлению судейских обязанностей и чтобы система наказаний была окончательно заменена системой мер воспитательного характера.

В области народного просвещения.

§ 76, 77. 12. В области народного просвещения Р. К. П. ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 года дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества.

В период диктатуры пролетариата, т.-е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и не-пролетарские слои трудящихся масс в

целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм. Ближайшей задачей на этом пути является в настоящее время дальнейшее развитие установленных уже Советской властью следующих основ школьного и просветительного дела:

1) Проведение бесплатного и обязательного, общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет. § 80.

2) Создание сети дошкольных учреждений, яслей, садов, очагов и т. п. в целях улучшения общественного воспитания и раскрепощения женщины. § 79.

3) Полное осуществление принципов единой трудовой школы, с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно светской, т.-е. свободной от какого бы то ни было религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества. § 80.

4) Снабжение всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства.

5) Подготовление новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма. § 85.

6) Привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения (развитие „советов народного образования“, мобилизация грамотных и т. д.). § 84.

7) Всесторонняя государственная помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян (создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов, лекций, кинематографов, студий и т. п.). §§ 84, 83.

8) Широкое развитие профессионального образования для лиц от 17-тилетнего возраста, в связи с общими политехническими знаниями. § 81.

9) Открытие широкого доступа в аудитории высшей школы для всех желающих учиться и в первую очередь для рабочих; привлечение к преподавательской деятельности в высшей школе всех, могущих там учить; устранение всех и всяческих искусственных преград между свежими научными силами и кафедрой; материальное обеспечение учащихся, с целью дать фактическую возможность пролетариям и крестьянам воспользоваться высшей школой. § 82.

10) Равным образом необходимо открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплоатации их труда и находив- § 86.

шиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплоататоров.

§ 87. 11) Развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей и использование для этой цели аппарата и средств государственной власти.

В области религиозных отношений.

§§ 90—92. 13. По отношению к религии Р. К. П. не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви, т.-е. мероприятиями, которые буржуазная демократия выставляет в своих программах, но нигде в мире не довела до конца, благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой.

Р. К. П. руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков. Партия стремится к полному разрушению связи между эксплоататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и анти-религиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма.

В области экономической.

§ 93. 1. Неуклонно продолжать и довести до конца начатую и в главном и основном уже законченную экспроприацию буржуазии, превращение средств производства и обращения в собственность Советской Республики, т.-е. общую собственность всех трудящихся.

§ 94. 2. Как главное и основное, определяющее собой всю хозяйственную политику Советской власти, поставить всемерное повышение производительных сил страны. В виду тяжелейшей разрухи, переживаемой страной, практической цели— немедленно и во что бы ни стало увеличить количество необходимейших для населения продуктов—должно быть подчинено все остальное. Практическими результатами в этом отношении должна измеряться успешность работы каждого советского учреждения, связанного с народным хозяйством.

При этом необходимо в первую очередь обратить внимание на следующее:

3. Разложение империалистского хозяйства оставило в наследство первому периоду советского строительства известную хаотичность в организации производства и управлении им. Тем настоятельнее выдвигается—как одна из коренных задач—максимальное объединение всей хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану; наибольшая централизация производства в смысле объединения его по отдельным отраслям и группам отраслей и сосредоточения его в наилучших производственных единицах и в смысле быстроты выполнения хозяйственных заданий; наибольшая сложность всего производственного аппарата, рациональное и экономное использование всех материальных рессурсов страны. § 95.

При этом необходимо заботиться о расширении экономического сотрудничества и политических связей с другими народами, стремясь одновременно к установлению единого хозяйственного плана с теми из них, которые перешли уже к советскому устройству. § 96.

4. По отношению к мелкой и кустарной промышленности необходимо широкое использование ее путем дачи государственных заказов кустарям; включение кустарной и мелкой промышленности в общий план снабжения сырьем и топливом, а также ее финансовая поддержка, при условии объединения отдельных кустарей, кустарных артелей, производительных кооперативов и мелких предприятий в более крупные производственные и промышленные единицы; поощрение подобных объединений путем предоставления им экономических преимуществ, направленных наряду с другими мерами к тому, чтобы парализовать стремление кустарей превратиться в мелких промышленников и создать безболезненный переход этих отсталых форм производства к более высокой крупной машинизированной индустрии. § 97.

5. Организационный аппарат обобществленной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы. Они должны все больше освобождаться от цеховой узости и превращаться в крупные производственные объединения, охватывающие большинство, а постепенно и всех поголовно трудящихся данной отрасли производства. § 98.

Будучи, уже согласно законов Советской Республики и установившейся практики, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны придти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хо-

зяйством, как единым хозяйственным целым. Обеспечивая, таким образом, неразрывную связь между центральным государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся, профессиональные союзы должны в самых широких размерах вовлекать последние в непосредственную работу по ведению хозяйства. Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является, вместе с тем, и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата Советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства.

§ 99 6. Необходимое в целях планомерного развития народного хозяйства максимальное использование всей имеющейся в государстве рабочей силы, ее правильное распределение и перераспределение как между различными территориальными областями, так и между различными отраслями народного хозяйства должно составить ближайшую задачу хозяйственной политики Советской власти, которая может быть осуществлена ею только в тесном единении с профессиональными союзами. Поголовная мобилизация всего трудоспособного населения Советской властью, при участии профессиональных союзов, для выполнения известных общественных работ, должна быть применяема несравненно шире и систематичнее, чем это делалось до сих пор.

§ 100. 7. В обстановке распада капиталистической организации труда производительные силы страны могут быть восстановлены и развиты, а социалистический способ производства может быть упрочен лишь на основе товарищеской дисциплины трудящихся, их максимальной самодеятельности, сознания ответственности и строжайшего взаимного контроля над продуктивностью труда.

Достижение этой цели требует упорной систематической работы над перевоспитанием масс, которое облегчено теперь именно в силу того, что массы видят на деле устранение капиталиста, помещика и купца и на собственном практическом опыте приходят к тому убеждению, что уровень их благосостояния зависит исключительно от дисциплинированности их собственного труда.

В этой работе создания новой социалистической дисциплины главнейшая роль выпадает на долю профессиональных союзов. Последние, порывая со старым шаблоном, должны для осуществления этой цели применять и испытывать на практике разнообразные мероприятия, как-то: установление отчетности, нормы выработки, введение от-

ветственности перед специальными товарищескими рабочими судами и т. п.

8. Та же задача развития производительных сил требует § 101.
немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники, несмотря на то, что они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными миросозерцанием и навыками. Партия считает, что период резкой борьбы с этим слоем, вызванной организованным им саботажем, закончился, так как этот саботаж в общем сломлен. Партия должна, в тесном союзе с профессиональными объединениями, вести свою прежнюю линию: с одной стороны, не давать ни малейшей политической уступки данному буржуазному слою и беспощадно подавлять всякое контр-революционное его поползновение, а с другой—так же беспощадно бороться с мнимо радикальным, на самом же деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними.

Стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму, Советская власть не может ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент, когда делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму. Поэтому необходимо еще сохранить на известное время более высокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не хуже, а лучше, чем прежде, и для той же цели нельзя отказываться и от системы премий за наиболее успешную и особенно организаторскую работу.

Равным образом необходимо ставить буржуазных специалистов в обстановку товарищеского общего труда, рука-об-руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами, и тем способствовать взаимному пониманию и сближению разъединенных капитализмом работников физического и умственного труда.

9. Советская власть уже приняла целый ряд мер, напра- § 102.
вленных к развитию науки и ее сближению с производством: создание целой сети новых научно-прикладных институтов, лабораторий, испытательных станций, опытных производств по проверке новых технических методов, усовершенствований и изобретений, учет и организация всех научных сил и средств и т. д. Р. К. П., поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны.

В области сельского хозяйства.

§§ 103—109. 10. Советская власть, осуществив полную отмену частной собственности на землю, перешла уже к проведению в жизнь целого ряда мер, направленных к организации крупного социалистического земледелия. Важнейшими из этих мер являются: 1) устройство советских хозяйств, т. е. крупных социалистических экономий; 2) поддержка обществ, а равно товариществ для общественной обработки земли; 3) организация государственного засева всех, чьих бы то ни было, незасеянных земель; 4) государственная мобилизация всех агрономических сил для энергичных мер по повышению сельскохозяйственной культуры; 5) поддержка сельскохозяйственных коммун, как совершенно добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства.

Рассматривая все эти меры, как единственный путь к абсолютно необходимому повышению производительности земледельческого труда, Р. К. П. стремится к возможно более полному проведению в жизнь этих мер, к их распространению на более отсталые области страны и к дальнейшим шагам в том же направлении.

§§ 110—111. В особенности Р. К. П. отстаивает:

1) Всемерную государственную поддержку сельскохозяйственной кооперации, занятой переработкой продуктов сельского хозяйства.

2) Широко проведенную систему мелиораций.

3) Широкое и планомерное снабжение через прокатные пункты инвентарем бедного и среднего крестьянства.

§ 112. Считаясь с тем, что мелкое крестьянское хозяйство еще долго будет существовать, Р. К. П. стремится к проведению ряда мер, направленных к поднятию производительности крестьянского хозяйства. Такими мерами являются: 1) упорядочение крестьянского землепользования (устранение чересполосицы, длинноземелья и пр.); 2) снабжение крестьян улучшенными семенами и искусственными удобрениями; 3) улучшение породы крестьянского скота; 4) распространение агрономических знаний; 5) агрономическая помощь крестьянам; 6) ремонт в советских ремонтных мастерских сельскохозяйственного крестьянского инвентаря; 7) устройство прокатных пунктов, опытных станций, показных полей и т. п.; 8) мелиорация крестьянских земель.

§ 113. 11. В виду того, что противоположность между городом и деревней является одной из самых глубоких основ хозяй-

ственной и культурной отсталости деревни, а в эпоху столь глубокого кризиса как нынешний, ставит как город, так и деревню перед непосредственной опасностью вырождения и гибели, Р. К. П. видит в уничтожении этой противоположности одну из коренных задач коммунистического строительства и наряду с общими мерами считает необходимым широкое и планомерное привлечение промышленных рабочих к коммунистическому строительству в земледелии, развитие деятельности учрежденного уже Советской властью в этих целях общегосударственного „Рабочего Комитета Содействия“ и тому подобное.

12. Во всей своей работе в деревне Р. К. П. попрежнему опирается на пролетарские и полупролетарские слои ее, организует, прежде всего, их в самостоятельную силу, создавая партийные ячейки в деревне, организации бедноты, особого типа профессиональные союзы пролетариев и полупролетариев деревни и т. д., сближая их всемерно с городским пролетариатом и вырывая их из-под влияния деревенской буржуазии и мелкособственнических интересов. § 114.

По отношению к кулачеству, к деревенской буржуазии, политика Р. К. П. состоит в решительной борьбе против их эксплоататорских поползновений, в подавлении их сопротивления советской политике.

По отношению к среднему крестьянству политика Р. К. П. состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей отделять его от кулаков, привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований.

В области распределения.

13. В области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительных коммун, способных с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией и с наименьшей затратой труда распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат. §§ 115—118.

В основу потребительских коммун и их объединений должна быть положена существующая общегражданская и рабочая кооперация, являющаяся самой крупной организацией потребителей и наиболее подготовленным историей капитализма аппаратом массового распределения.

Считая принципиально единственно правильным такого рода дальнейшее коммунистическое развитие кооперативного аппарата, а не его отбрасывание, Р. К. П. систематически должна продолжать свою политику: обязывать всех членов партии работать в кооперативах, направлять их при помощи также профессиональных союзов, в коммунистическом духе, развивать самодеятельность и дисциплину трудящегося населения, объединяемого в кооперативы, добиваться, чтобы все население охватывалось кооперативами и чтобы эти кооперативы сливались в единый, сверху донизу охватывающий всю Советскую Республику, кооператив; наконец, и самое главное, чтобы преобладающее влияние пролетариата на остальные слои трудящихся было постоянно обеспечено и чтобы повсюду испытывались на практике разнообразные меры, облегчающие и осуществляющие переход от мелкобуржуазных кооперативов старого, капиталистического типа к потребительным коммунам, руководимым пролетариями и полупролетариями.

В области денежного и банкового дела.

§§ 119, 120. 14. Избегнув ошибки Парижской Коммуны, Советская власть в России сразу захватила Государственный банк, перешла затем к национализации частных коммерческих банков, приступила к объединению национализированных банков, сберегательных касс и казначейств с Государственным банком, создавая таким образом остов единого Народного банка Советской Республики и превращая банк, из центра экономического господства финансового капитала и орудия политического господства эксплоататоров в орудие рабочей власти и рычаг экономического переворота. Ставя своей целью дальнейшее последовательное доведение начатой Советской властью работы до конца, Р. К. П. выдвигает на первый план следующие принципы:

1) Монополизация всего банкового дела в руках Советского государства;

2) Радикальное изменение и упрощение банковских операций путем превращения банкового аппарата в аппарат единообразного учета и общего счетоводства Советской Республики.

По мере организации планомерного общественного хозяйства это приведет к уничтожению банка и превращению его в центральную бухгалтерию коммунистического общества.

15. В первое время перехода от капитализма к коммунизму, пока еще не организовано полностью коммунистистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным. При таком положении буржуазные элементы населения продолжают использовать остающиеся в частной собственности денежные знаки в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся. Опираясь на национализацию банков, Р. К. П. стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег: обязательное держание денег в Народном банке; введение бюджетных книжек; замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.

В области финансов.

16. В эпоху начавшегося обобществления экспроприированных у капиталистов средств производства, государственная власть перестает быть паразитическим аппаратом, стоящим над производственным процессом: она начинает превращаться в организацию, непосредственно выполняющую функции управления экономикой страны, и постольку же государственный бюджет становится бюджетом всего народного хозяйства в целом. §§ 121—123.

При этих условиях сбалансирование доходов и расходов осуществимо лишь при правильной постановке государственного планомерного производства и распределения продуктов. Что же касается покрытия непосредственных государственных расходов в переходную эпоху, то Р. К. П. будет отстаивать переход от системы контрибуций с капиталистов, которая была исторически необходимой и законной в первое время социалистической революции, к прогрессивному подоходному и поимущественному налогу. А поскольку этот налог переживает самого себя в силу широко проведенной экспроприации имущих классов, покрытие государственных расходов должно покоиться на непосредственном обращении части доходов от различных государственных монополий в доход государства.

В области жилищного вопроса.

17. Стремясь к разрешению жилищного вопроса, особенно обостренного в период войны, Советская власть экспропри- §§ 124—125.

ировала полностью все дома капиталистических домовладельцев и передала их городским советам; произвела массовое вселение рабочих с окраин в буржуазные дома; передала лучшие из них рабочим организациям, приняв содержание этих зданий на счет государства; приступила к обеспечению рабочих семей мебелью и т. п.

Задача Р. К. П. состоит в том, чтобы, идя по вышеуказанному пути и отнюдь не задевая интересов некапиталистического домовладения, всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс: к уничтожению скученности и антисанитарности старых кварталов, к уничтожению негодных жилищ и перестройке старых, постройке новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, к рациональному расселению трудящихся.

В области охраны труда и социального обеспечения.

§§ 126—128. С установлением диктатуры пролетариата впервые создалась возможность осуществить полностью программу-минимум социалистических партий в области охраны труда.

Советская власть в законодательном порядке провела и в „Кодексе законов о труде“ закрепила: 8-ми часовой рабочий день для всех трудящихся, как максимальное рабочее время, причем для лиц, не достигших 18-летнего возраста, в особо вредных отраслях производства, а равно для горнорабочих, занятых под землей, рабочий день не должен превышать 6 часов; 42-часовой еженедельный непрерывный отдых для всех трудящихся; запрещение сверхурочных работ, как общее правило; запрещение пользоваться трудом детей и подростков в возрасте до 16 лет; запрещение ночного труда и труда в особо вредных отраслях, а равно и сверхурочных работ всем лицам женского пола и лицам мужского пола, не достигшим 18-летнего возраста; освобождение женщин от работ в течение 8-ми недель до и 8-ми недель после родов с сохранением полного заработка за все это время при бесплатной врачебной и лекарственной помощи, с предоставлением работницам через каждые три часа не менее получаса на кормление ребенка и выдачей кормящим матерям дополнительного пособия; инспекцию труда и санитарную инспекцию, избираемую советами профессиональных союзов.

§§ 129—131. Советская власть провела в законодательном порядке полное социальное обеспечение всех трудящихся, не эксплоатирующих чужого труда, от всех видов потери трудоспособности и—впервые в мире—от безработицы за счет нанимателей

и государства, при полном самоуправлении обеспечиваемых и при широком участии профессиональных союзов.

Более того, Советская власть в некоторых отношениях пошла далее программы-минимум и установила в том же „Кодексе законов о труде“ участие рабочих организаций в решении вопросов о найме и увольнении; месячный отпуск с сохранением содержания для всех трудящихся, проработавших непрерывно не менее одного года; государственное урегулирование заработной платы на основе тарифов, вырабатываемых проф. союзами: определенные органы, именно отделы распределения и учета рабочей силы при советах и профессиональных союзах, обязанные предоставлять работу безработным. § 132.

Но крайнее разорение, вызванное войной, и натиск мирового империализма принудили Советскую власть сделать нижеследующие отступления: допустить применение в исключительных случаях сверхурочных работ, ограничив их 50 днями в году; разрешить труд подростков от 14 до 16 лет, ограничив их рабочий день 4 часами, временно предоставить взамен месячного отпуска двухнедельный; увеличить продолжительность ночных работ до 7 часов. § 128.

Р. К. П. должна вести широкую пропаганду за активное участие самих трудящихся в энергичном проведении всех мероприятий в области охраны труда, для чего необходимо: § 133.

1) Усилить работу по организации и расширению инспекции труда путем подбора и подготовки для этой цели активных работников из среды самих рабочих и по распространению ее на мелкую и домашнюю промышленность.

2) Распространить охрану труда на все виды труда (строительных рабочих, сухопутно-водный транспорт, прислугу и сельскохозяйственных рабочих).

3) Окончательно снять с работ малолетних и провести дальнейшее сокращение рабочего дня для подростков.

Кроме того, Р. К. П. должна поставить себе задачей установить:

1) В дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный 6-часовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд и при обязательстве трудящихся, сверх того, уделять два часа без особого вознаграждения теории ремесла и производства, практическому обучению технике государственного управления и военному искусству.

2) Введение поощрительной системы вознаграждения за повышение производительности труда.

В области же социального обеспечения Р. К. П. стремится организовать широкую государственную помощь не только

жертвам войны и стихийных бедствий, но и жертвам ненормальности общественных отношений, ведет решительную борьбу со всякого рода паразитизмом и тунеядством и ставит своей задачей вернуть к трудовой жизни каждого, выбитого из трудовой колеи.

В области охраны народного здоровья.

§§ 134—137. В основу своей деятельности в области охраны народного здоровья, Р. К. П. полагает прежде всего проведение широких оздоровительных и санитарных мер, имеющих целью предупреждение развития заболеваний. Диктатура пролетариата уже дала возможность провести в жизнь целый ряд оздоровительных и лечебных мероприятий, неосуществимых в рамках буржуазного общества: национализацию аптечного дела, крупных частно-предпринимательских лечебных учреждений, курортов, трудовую повинность медицинских рабочих сил и т. п.

В соответствии с этим Р. К. П. ставит своей ближайшей задачей:

1) Решительное проведение широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся, как-то:

а) оздоровление населенных мест (охрана почвы, воды и воздуха),

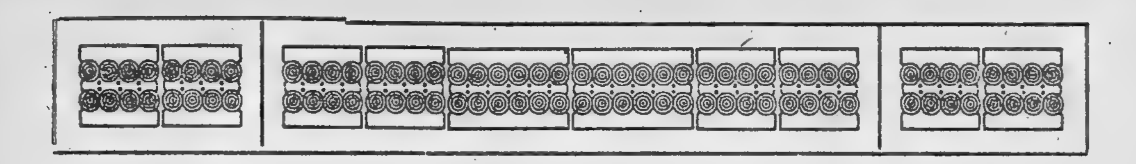
б) постановка общественного питания на научно-гигиенических началах,

в) организация мер, предупреждающих развитие и распространение заразных болезней,

г) создание санитарного законодательства.

2) Борьбу с социальными болезнями (туберкулезом, венеризмом, алкоголизмом и т. д.).

3) Обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи.



Предметный указатель [1].

Акционерные общества. 70, 71.
Анархизм. 58, 61.
Анархия производства. 31, 42—44.
Антисемитизм. 158, 159.
Армия. 28, 62, 144, 145, 160—162, 163, 164.
Армия Красная. 145, 162—171.

Банки. 74, 75, 76, 263, 267.
Банк народный. 265.
Безработица. 39, 40.
Буржуазия. 17, 18, 20, 21, 22, 23, 26, 27, 28, 38, 42, 45, 46, 64, 65, 109, 110, 134, 157, 158, 197, 198.
Буржуазия мелкая. 65, 66, 68.
Бюджет. 270—272.
Бюрократия. 143, 147—149.

Власть буржуазная. 62.
„ политическая. 62.
Война гражданская. 95—103, 127, 174.
Война империалистическая. 79, 81, 84, 85—95, 126, 127.
Воспитание общественное. 183, 184.
Всеобщее обучение. 164.

Государство капиталистическое. 26—31, 62, 75, 76, 89, 90, 268, 269, 273—275.
Государство пролетарское. 61—62, 89, 91, 135, 269, 275, 276.
Государственный капитализм. 88—91.
Государственный социализм. 59.
Гражданская война. См. война гражданская.
Гражданский мир. 118.

Демократия буржуазная. 132, 136, 137, 138, 139.
Демократия пролетарская. 132—149.
Деньги, денежное обращение. 265—267.
Детский труд. 40, 41.
Диктатура пролетариата. 59—61. 99, 100, 130, 131, 132—135.
Дипломатия тайная. 88.
Дисциплина трудовая. 224—227.
Духовенство. 200, 201, 202.

Жандармерия. 29.
Женский труд. 40, 41, 139.
Жилищный вопрос. 273—276.

Заработная плата. 23, 45—46.
Засев государственный, 244.
Защита отечества. 110—113.
Земельные владения. 233.
Земельные отношения в России. 232—235.

Империализм, 76—89, 127, 128.
Инспекция рабочая. 283, 284.
Интернационал I. 107.
„ II. 107, 108.
„ III. 117—120.
Интернационализм рабоч. движения. 106, 107, 108.

Капитал. 24—26.
„ в денежной форме. 25—26.
„ международный. 101—105.
„ промышленный. 25.
„ в товарной форме. 25—26.
„ финансовый. 70—76.
Капитализм государственный. 88—91.
Капиталистическая структура общества. 20.
Капиталистический способ производства. 20, 25, 26.
Капиталистический строй. 15—32.
Капиталистическое хозяйство. 19—20.
Класс капиталистов. 17, 18, 20—24,

[1]) Указатель составлен товарищами А. Е. Поповой и С. Сырцовым.

26, 27, 38, 42, 44, 45, 64, 65, 109, 110, 134, 156—158, 197, 198.
Класс помещиков. 63—64.
Классовая борьба. 32, 46—48, 131, 132.
Классовое строение общества. 32.
Классовые противоречия. 45, 91, 92.
Колониальная политика. 82—83.
Коммунистический манифест. 107.
Коммунистический строй. 51, 52, 104—105.
Коммуны. 241—242, 252—253.
Коммуны потребительские. 257—258.
Конституция Р. С. Ф. С. Р. 134, 135, 137, 138, 140, 142, 143, 146.
Конкуренция. 16, 32, 33, 35, 42, 76—79, 82, 85.
Концентрация капитала. 48, 73, 74.
Кооперация. 243, 258—261.
Крах капитализма. 95—105.
Крестьянство. 66—67, 145, 250—254.
Кризисы. 43—44.
Кулачество. 250—251.

Лига наций. 101—105, 113.

Марксисты. 10.
Мелиорация. 245—246.
Меньшевики. 61, 114, 115, 208.
Милитаризм. 84—88.
Милиция. 171.
Монополизация средств производства. 16—17.
Монополия. 72.

Наемный труд. 17, 19, 22.
Национализация буржуазная. 204.
Национализация пролетарская. 203—206, 209—212, 219—223, 263, 264.
Национальное угнетение. 150, 151, 152.
Национальный вопрос. 150, 159.
Нация. 150.
Норма выработки. 227.

Обеспечение социальное. 284—290.
" " красноармейцев. 287.
Организация крупной промышленности. 208—215.
Организация мелкой промышленности. 215—219 и далее.
Организация сельского хозяйства. 232—254.
Охрана народного здоровья. 291—294.
Охрана труда. 277—290.
" женск. и детского труда. 282.
" материнства. 282.

Парламентаризм. 141, 142.
Партия. 9—10.
Партия коммунистическая... везде, в особенности 63, 67, 68, 69, 135, 138, 139, 144, 146, 149, 154, 155, 160—162, 194, 197—198, 200, 250.
Партия народной свободы. 64, 65.
" народных социалистов (н.-с.). 66.
" социалистов - революционеров (с.-р.). 66, 208.
Пацифизм. 112, 113.
Политика таможенная. 78—79.
Политкомы. 165—166.
Пошлины таможенные. 78—79.
Полиция. 29
Предприятия комбинированные (сложные). 74, 76.
Программа. 9—13.
Программа Р. С.-Д. Р. П. 1903 года. 11.
Программа Р. К. П. 1918 года... везде; 11—13.
Прибавочная ценность. 22—26.
Прибыль. 20, 22—26, 75.
Производительные силы в коммунистическом строе. 56, 57, 206—208.
Производственные отношения капиталистические. 15. 19, 20.
Производственные союзы. 221—223.
Производство. 32, 34, 35.
" капиталистическое. 15—17, 19—25, 27.
Производство крупное. 33, 38, 124, 125, 235, 237.
Производство машинное. 34, 41, 42.
" мелкое. 33—39, 215—219.
" ручное. 34, 42.
" товарное. 16—17.
Пролетариат. 23, 39, 44—48, 58, 67, 104, 105, 108—110, 128, 129, 146, 147, 151.
Промышленность в России. 124—126, 128.
Пропаганда коммунистическая. 192.
Проституция. 41.
Противоречия капиталистического строя. 15.
Профессиональные рабочие союзы. 219—223.
Пункты прокатные. 245.

Рабочая сила. 18, 19, 22, 223, 224.
Рабочие организации. 47, 48.
Рабочий класс. 18, 19, 23, 39, 44—48, 67, 104, 108—110, 128, 129, 146, 147, 151.
Рабочий класс в России. 36.
Разделение труда. 34.

Распределение в коммунистическом строе. 53, 54, 255—262.
Резервная армия. 39—40.
Религиозные предрассудки. 199.
Религия. 194.
Республика буржуазная. 132—133.
„ пролетарская. 133—149.

Самоопределение наций. 154—155
Собственность общественная. 52.
„ частная. 16.
Советская власть. 130—149.
Советы депутатов. 130, 133, 140.
Соглашатели. 208, 220.
Союз русского народа. 61.
Союзы капиталистов (синдикаты и тресты). 72—75.
Социализм аграрно-крестьянский. 58.
Социализм государственный — см. государств. социализм.
Социализм люмпен-пролетарский — см. анархизм.
Социализм мещанский. 58.
„ рабовладельческий. 59.
Социал-шовинисты. 108—117.
Социальная революция. 47, 95—105.
Социальное обеспечение — см. обеспечение социальное.
Специалисты. 228—230.
Средства производства. 17.
Субботники. 226.
Суд. 30, 172, 173.
„ народный. 173—177.

Террор буржуазный. 99, 100.
Товар. 15, 256.
„ (ценность товара). 21, 22.
Товарное производство. 15—17.
„ хозяйство. 15—17.
Торговля частная. 255—257.
Тресты. 71—76.
Трибуналы. 174.
Труд наемный—см. наемный труд.
Трудовая дисциплина. 224—227.
Трудовая повинность. 223.
„ „ медиц. работников. 292.
Трудовая школа. 184—186.

Управление в коммунистическом строе. 55, 56.
Учредительное Собрание. 98.

Федерация. 154—155.
Финансовый капитал. 70—76.

Хозяйство товарное. 15—17.
„ сельское. 232—254.
„ советское. 238—240.

Цена. 21, 22.
Ценность. 21, 22.
„Центр“. 115, 116.
Централизация капитала. 48, 49, 72, 73.
„ „ производ. 49, 88.
Церковь. 30, 195—199, 201—202.

Член партии. 13.

Школа буржуазная. 178—182, 197—199.
Школа партийная. 187.
„ пролетарская (трудовая). 184—193, 198.
Школа советского строительства. 187.

Эксплоатация. 20—26, 53.
Экспроприация буржуазии. 203—206.

Содержание.

Стр.

Предисловие 5

I. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

Развитие капитализма и его гибель.

Введение. Наша программа 9
Глава I. Капиталистический строй. 15
" II. Развитие капиталистического строя. 33
" III. Коммунизм и диктатура пролетариата. . . . 51
" IV. Как развитие капитализма привело к коммунистической революции (империализм, война и крах капитализма). 70
" V. Второй и Третий Интернационал 106

ЧАСТЬ II.

Диктатура пролетариата и строительство коммунизма.

Введение. Условия строительства коммунизма в России. 123
Глава VI. Советская власть 130
" VII. Национальный вопрос и коммунизм. . . . 150
" VIII. Программа коммунистов в военном вопросе. 160
" IX. Пролетарский суд. 172
" X. Школа и коммунизм. 178
" XI. Религия и коммунизм. 194
" XII. Организация промышленности. 203
" XIII. Организация сельского хозяйства 232
" XIV. Организация распределения. 255
" XV. Организация банков и денежное обращение. 263
" XVI. Финансы в пролетарском государстве . . . 268
" XVII. Программа коммунистов в жилищном вопросе. 273
" XVIII. Охрана труда и социальное обеспечение . . 277
" XIX. Охрана народного здоровья. 291

Программа Российской Коммунистической партии (большевиков) 295
Предметный указатель 319